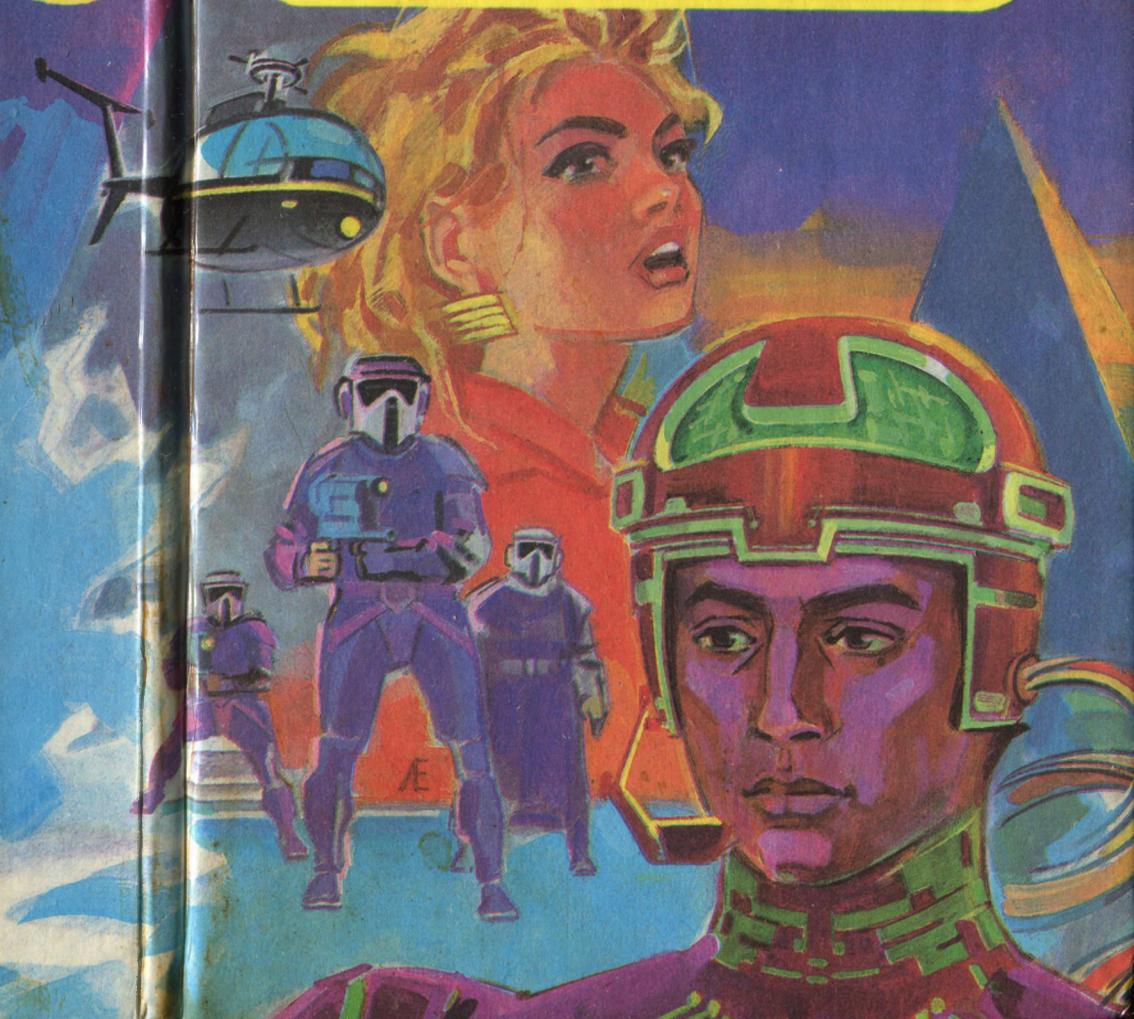

ФРЕДЕРИК ПОЛ

ORION

ФРЕДЕРИК ПОЛ

ПРОКЛЯТИЕ ВОЛКОВ
ВЕК НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ
РАССКАЗЫ

ФРЕДЕРИК ПОЛ

ПРОКЛЯТИЕ ВОЛКОВ ВЕК НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ РАССКАЗЫ

Библиополис
Санкт-Петербург

В сборник произведений знаменитого американского писателя-фантазии Фредерика Поля включены романы «Проклятие волков» (написан совместно с Сирилом М. Корнблатом), «Век нерешительности», а также рассказы «Звездный отец», «Чума Мидаса», «Дедушка-шалун» и «Призрак».

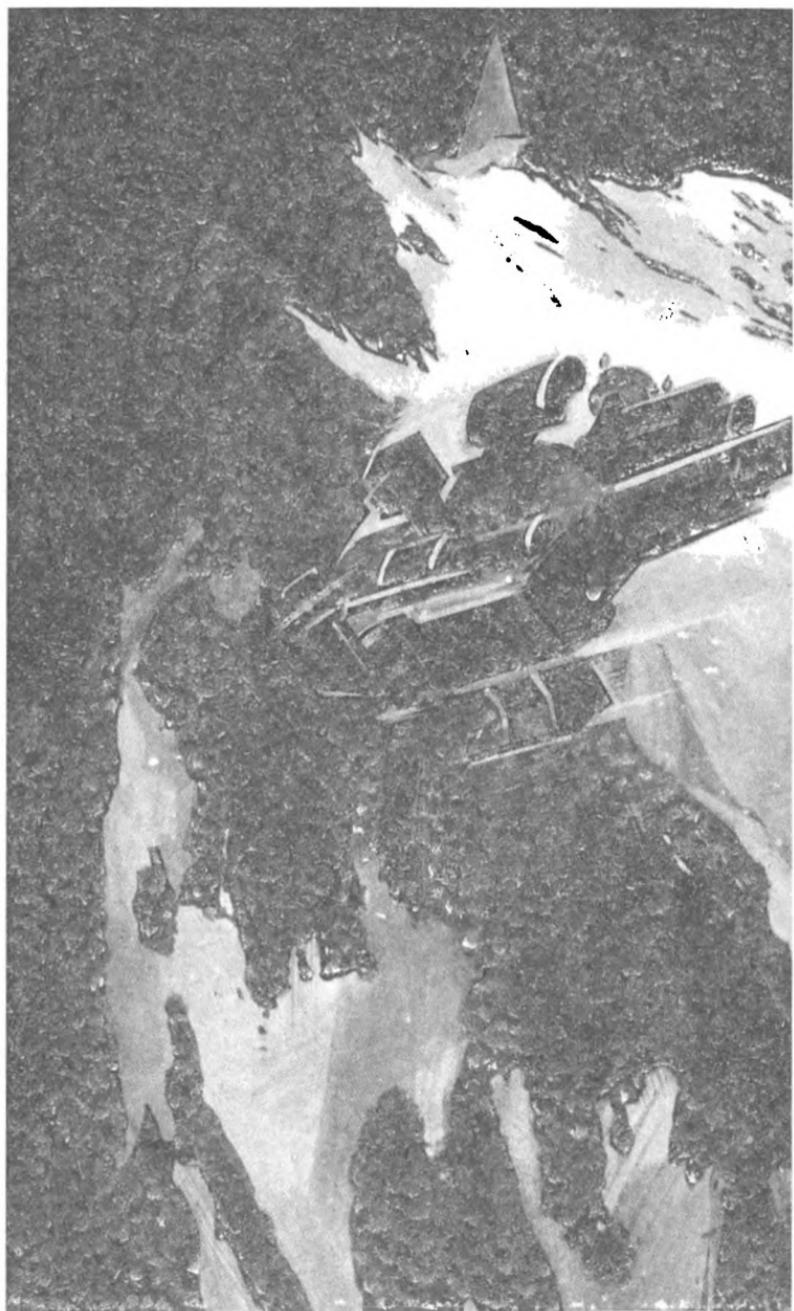
На русском языке издаются впервые.

© 1993, Библиополис: состав
© 1993, Л. Епифанов: оформление

ISBN 5-87671-013-X

**ФРЕДЕРИК ПОЛ
и
СИРИЛЛ М. КОРНБЛАТ**

ПРОКЛЯТИЕ ВОЛКОВ

1

Роджет Джермин, банкир из Вилинга, Западная Виргиния, Гражданин, тихо пробудился от лишенного сновидений сна, которым спали Граждане. Шел третий час времени, отпущенного на подъем, времени, соответствующему тому дню, который в полной мере предстояло оценить.

Гражданин Джермин облачился в одежду, подобающую великим деяниям, таким, как созерцание развалин Эмпайр Стейт на фоне грозовых облаков с борта маленькой лодки или молчаливая прогулка гуськом по оставшемуся ряду кладки моста «Золотые Ворота», или такому событию, как сегодня; а каждый надеялся, что это случится именно сегодня — созерцание того, как загорится Новое Солнце.

Джермин с трудом сохранял спокойствие, подобающее Гражданину. Когда разжигание Солнца запаздывало, возникал соблазн начать Медитацию о неподобающих вещах: будет ли на самом деле вновь зажжено Солнце? А что, если нет? Он вновь вернулся мыслями к своей одежде. Прежде всего он надел старый легендарный браслет; это был опознавательный браслет из тяжелых серебряных звеньев и пластиинки с надписью: *Джо Хартман Корея 1953*.

Его приятели, из тех, кто понимал толк в драгоценностях, позавидовали бы этому браслету, если бы были способны на такое чувство, как зависть. В Вилинге, как известно, не существовало другого опознавательного браслета, которому было 250 лет. Тончайшая рубашка и легкие брюки плотно облегали его тело, а сверху он надел просторную парку, швы которой были тщательно подпороты. Всякий раз, когда Солнце зажигалось вновь, а это происходило каждые пять лет или около того, было принято с грустным видом снимать парку и грациозно рвать ее — так предписывал этикет, — но не настолько, чтобы ее уже невозможно было сшить вновь. Поэтому швы приходилось подпрыгивать. Именно на

сорок первый день (он подсчитал это) Джермин да и все жители Вилинга облачились в одежды, которые надевались по случаю возгорания нового Солнца. На сорок первый день Солнце, уже не белое и не слепящее-желтое, и даже не ярко-красное, поднималось, и цвет его был коричнево-красным, с каждым появлением оно становилось все темнее.

Гражданин Джермин подумал, что за всю свою жизнь он не помнил Солнца таким темным и холодным. Может быть, имело смысл рассмотреть его более внимательно? Ведь никогда больше не представится такая возможность — посмотреть, как умирает старое Солнце.

Думая лишь об одежде, гражданин Джермин печально закончил одеваться. Умение Облачаться не являлось его специальностью, но он всегда следил за тем, чтобы это было сделано подобающе, традиционно-плавными жестами, без спешки, всякий раз слегка рассчитывая на успех. И именно потому, что он, и только он сам, шил свою одежду, все было продумано до мелочей.

Он мягко разбудил жену, положив ладонь ей на лоб. Она лежала, аккуратно свернувшись на женской трети кровати, как это предписывали правила.

Тепло его руки постепенно пробилось сквозь слои сна, ее глаза приоткрылись.

— Гражданка Джермин, — приветствовал он ее, делая левой рукой знак приветствия.

— Гражданин Джермин, — сказала она, наклонив голову в приветствии, что допускалось в тех случаях, когда были закрыты руки.

Он пошел в свой крошечный кабинет и стал ждать.

Время было подходящим для того, чтобы погрузиться в размышления о свойствах Взаимосвязи. Гражданин Джермин имел большой опыт в искусстве Медитации, большой даже для банкира. Этот дар он развивал в себе с самого детства. Ему удалось отстраниться от всех внешних звуков, образов и чувств, которые мешали Медитации.

Он сидел, и его молодое лицо было спокойно. Стойкое тело было идеально прямым, но без всякой натянутости или напряжения. Его мозг был почти чист. Он был занят лишь одной, главной проблемой — проблемой Взаимосвязи.

Позади, где-то над его головой, незаметно для него холодный воздух комнаты, казалось, уплотнился и превратился в шарик — крошечный воздушный шарик.

У этих шариков было название. Их видели и раньше, они появлялись и в Вилинге, и повсюду на Земле. Это было

нечто, связанное с Медитацией по поводу Взаимосвязи. Шарики приходили, парили в воздухе. Затем улетали... и часто улетали не одни.

Если бы в комнате, где был гражданин Джермин, был еще кто-нибудь, он бы увидел, что шарик, подобно стеклу, линзе или глазу, искажает, искривляет то, что просматривается сквозь него. Их, эти пузырьки, и называли Око.

Джермин Медитировал... Шарик увеличивался и медленно перемещался. Поток воздуха, который он создал, подхватил обрывок бумаги, закружила его и опустил на пол. Джермин пошевелился, и шарик отпрянул, потому что Медитация Джермина на какой-то момент прервалась.

Джермин абсолютно непроизвольно заставил себя забыть о том, что мешало его размышлению, и опять вернулся мыслями к проблеме Взаимосвязи. Шарик парил в воздухе...

В соседней комнате его жена, как бы прочищая горло, три раза тихо кашлянула. Она давала ему понять, что уже одета. Джермин поднялся, чтобы идти к ней. Его мысли вновь вернулись к реальности.

На этот раз Медитация была окончена. Око над его головой в течение минуты беспокойно вращалось. Оно нерешительно двигалось назад и вперед, как человек, меряющий шагами платформу вокзала в ожидании попутчика, который запаздывает.

В нескольких милях восточнее Вилинга в своей квартире проснулся Глен Тропайл, мастер на все руки, втайне мучившийся вопросом: «Человек ли он?»

Поежившись, он сел на кушетке. Было холодно. Проклятый холод. За окном проклятое солнце было все еще того же проклятого темного цвета. В квартире было промозгло.

В сне он сбросил с себя одеяла — ну почему ему никак не удается научиться спать спокойно, как все? Так как на нем не было никакой одежды, он обмотался одеялами, встал и подошел к незастекленному окну.

Глену Тропайлу не впервые было просыпаться на кушетке. Это случалось потому, что Гала Тропайл была женщиной с характером и имела обыкновение прогонять его из своей постели, если они ссорились. Он знал, что днем, следовавшим за его ночным изгнанием, он возьмет над ней верх. Поэтому ссора имела для него свои положительные стороны. Чтобы взять верх, можно было заплатить любую цену, победа не была победой, если она доставалась без усилий.

Он услышал, как жена ходит в одной из комнат, и удовлетворенно насторожился. Она не разбудила его. Следовательно, была готова пойти на попятную. Легкий зуд в позвоночнике или мозгу — это не было физическим зудом, поэтому ему трудно было определить, откуда он идет, он просто чувствовал его — мгновенно перестал его беспокоить. Он побеждал в этом соперничестве. Создавать препятствия и преодолевать их было его натурай.

Осторожно неся кофе, приготовленный из ее тайных запасов, в комнату вошла Гала Тропайл, молодая смуглая женщина с задумчивым взглядом.

Глен Тропайл сделал вид, что не заметил ее. Его глаза изучали холодный пейзаж. Моря под тонким слоем льда почти не было видно, так далеко оно отступило, пока Солнце, и без того маленькое, все уменьшалось, а разраставшиеся ледники на полюсах все больше и больше поглощали воду морей.

— Глен.

Отлично! Глен! Неужто позабыто правило, согласно которому муж здороваются первым? А где требующееся по этикету покашливание, прежде чем войти в комнату? Постепенно он отучил ее от того дотошно расписанного ритуала, в соответствии с которым они воспитывались и который досконально знали. Величайшей из многих его побед над Галой было то, что иногда, как вот сейчас, она сама была зчинщиком и сама первая нарушала формы поведения, предписываемые Гражданам. Порок! Извращение! Иногда они касались друг друга во время, не предназначенное для ласк. Гала сидела на коленях у мужа поздним вечером или Тропайл поцелуем будил ее утром. Иногда он настаивал на том, чтобы она разрешала ему наблюдать за тем, как она одевается. Нет, конечно не сейчас, потому что холод угасающего Солнца делал эту шалость непривлекательной, но раньше она это позволяла; и его власть над ней была такой, что он знал, она позволит это вновь, когда создадут новое Солнце.

Если, подумал он, если новое Солнце будет создано.

Он отвернулся от холодного пейзажа за окном и посмотрел на жену.

— Доброе утро, дорогой! — Она раскаивалась.

— Неужели? — раздраженно бросил он. При этом демонстративно потянувшись, зевнув и почесав грудь. Каждое его движение было отталкивающим. Гала Тропайл содрогнулась, но ничего не сказала.

Тропайл плохнулся на лучший из двух стульев, его голая волосатая нога высунулась из-под одеял, которыми он был укутан. Его жена вела себя безукоризненно, исходя из его представлений о поведении. Она не отвела глаза.

— Что там у тебя? — спросил он. — Кофе?

— Да, дорогой. Я подумала...

— Где это ты его достала?

Гала отвела в сторону свой задумчивый взгляд. Опять победа, подумал Глен Тропайл. Он был удовлетворен даже больше, чем всегда: снова в поисках съестного она обшарила какой-то старый склад. Этому научил ее он, и, подобно всем запрещенным вещам, которые она узнала от него, это было удобным средством, когда он решал им воспользоваться. Правилами устанавливалось, что Гражданка не должна обыскивать Старые Места в поисках пищи. Гражданин выполняет свою работу, кем бы он ни был — банкиром, булочником или реставратором мебели. Он получает то, что ему причитается, за эту работу, которую выполнил. Гражданин никогда не берет того, что ему не принадлежит, никогда — даже если вещь брошена и может пропасть.

Это отличало Глена Тропайла от тех людей, среди которых он жил.

Я победил, ликовал он. Именно это было необходимо ему, чтобы закрепить свою победу над ней.

— Ты нужна мне больше, чем кофе, Гала, — произнес он.

Дрожа, она подняла на него глаза.

— Что бы я делал, — спросил он, — если бы в один прекрасный день, когда ты будешь бродить по бакалейным отделам в поисках съестного, на тебя упадет балка? Как можно так рисковать? Разве ты не знаешь, что значишь для меня?

Она зашмыгала носом и проговорила, запинаясь:

— Дорогой, насчет прошлой ночи... Я очень виновата... — И с несчастным видом протянула ему чашку. Он взял ее и задумчиво отпил кофе. Затем поставил чашку. Он взял Галу за руку, взглянул на нее и нежно поцеловал ей руку.

Он почувствовал, как она дрожит. Затем она посмотрела на него безумным, обожающим взглядом и бросилась ему в объятия.

В тот момент, когда он целовал ее, отвечая на ее неистовые поцелуи, его власть над ней вступила в новую фазу.

Глен знал, точно так же, как и Гала, что он взял верх, добился превосходства; указатель; инициатива в ведении огня;

азартный игрок, не умеющий проигрывать! Называйте это как хотите, но для подобных Глену Тропайлу в этом заключалась жизнь. Он знал, так же как и она, что, добившись превосходства, он будет постоянно его утверждать; а она все больше и больше будет поддаваться, и так по спирали. Он поступал так, потому что это была его жизнь — достижение превосходства над всяkim, кто бы ни встретился на его пути. Потому, что он был Сыном Волка.

* * *

На краю света Пирамида угрюмо захватила место на плоской площадке самого высокого пика Гималаев.

Ее не построили там. Ни человек, ни его машины не привезли ее туда. Она появилась там во время, которое она сама себе назначила, и потому что она так захотела.

Проснулась ли она в тот день, та, что стояла на вершине Эвереста? И уж если на то пошло, спала ли она когда-нибудь? Никто не знал. Она стояла, а может быть, сидела там, почти тетраэдр. Ее внешний вид был известен, в основании она составляла 35 квадратных ярдов; из шлака, цвета темной ночи. Люди с неимоверными усилиями поднялись по мрачным склонам Эвереста, но узнали лишь это. Ничего больше не было известно человечеству о Пирамиде.

На Земле была лишь одна такая, хотя люди думали (не имея достаточно точных сведений), что было больше, может быть гораздо больше подобных ей на незнакомой планете, которая была теперь двойником Земли, раскаивающейся вокруг крошечного Солнца, которое висело в общем для них обеих центре тяжести. Но люди знали очень мало о самой этой планете, только то, что она пришла из космоса и сейчас находилась здесь.

Было время, когда люди пытались дать имя этому двойнику, — больше двух столетий назад, когда она впервые появилась. «Сбежавшая Планета», «Захватчик», «Возрадуйтесь Мессии, день близок!» Новые названия подчас ничего не означали, они были лишены смысла; они были иксами в уравнении, обозначавшими только то, что есть нечто, им не известное.

«Планета-беглец» прекратила свой бег, приблизившись к Земле.

«Планета-захватчик» ни на что не посягала; она просто послала один шлаковый цвета темной ночи тетраэдр на Эверест.

А «Планета «Возрадуйтесь Мессии» похитила Землю

у Солнца вместе с ее вечным спутником Луной, которую она превратила в свое маленькое Солнце.

Это случилось в те времена, когда люди были многочисленны и сильны или считали себя такими. Их города были огромны, бесконечное число мощных машин было в их распоряжении. Но это не помогло. Новая планета-двойник не проявила никакого интереса ни к городам, ни к машинам. Ее обитатели не заинтересовались и земным оружием — отнюдь, даже тогда, когда оно, самое страшное и разрушительное, было применено против захватчиков. Они просто не обратили на него внимания и занимались собственным делом. Никому не известным.

Более четырех миллиардов лет Земля с достоинством вращалась вокруг Солнца на испокон веков отведенном ей месте между орбитами Венеры и Марса, сопровождаемая неразлучной с ней Луной. Не было причины менять заведенный порядок.

И тем не менее он изменился. Пришло Нечто с названной планеты и изменило все. Это «нечто», что бы это ни было, схватило Землю, когда та плыла вокруг Солнца, и Земля, покинув свою древнюю орбиту, последовала за этим «Нечто» вместе с Луной. Вначале движение было очень медленным. Затем оно ускорилось.

Через неделю астрономы поняли, что происходит невероятное. Через месяц старое Солнце заметно отдалилось, стало меньше, холоднее. Это вызвало панику, которая усилила ужас, охвативший земной шар.

Затем Луна внезапно вспыхнула. Возникла сложность в терминологии. Как называть Луну, когда она становится Солнцем? А она стала им. И как раз вовремя. Потому что Солнце-отец удалилось еще больше, а через несколько лет оно стало просто одной из многих звезд.

Когда неполноценное маленькое солнце сгорало дотла, они — никому не известные «они», ведь люди видели только одну Пирамиду — обычно вешали в небе новое; это происходило приблизительно каждые пять лет. Это была все та же Луна, которая стала теперь для людей Солнцем. Но оно сгорало, и светило нужно было вновь зажигать. Первые такие солнца светили Земле с населением в десять миллиардов. По мере того, как Солнца разгорались и затухали, на Земле происходили изменения, менялся и климат, громадные изменения имели место в объеме и виде радиации от нового светила.

Изменения были столь велики, что сорок пятое такое

Солнце светило человечеству, которое едва насчитывало сто миллионов.

Когда человек несчастен, он уходит в себя; то же происходит и с человечеством. Те сто миллионов, которые отчаянно цеплялись за жизнь, уже не походили на десять миллиардов смелых жизнерадостных людей.

То, что находилось на Эвересте, в свое время тоже получило много имен: Дьявол, Друг, Зверь, Псевдо-Существо с Полностью Неизвестными Электро-Механическими Свойствами.

Все эти названия тоже были иксами.

Если оно и проснулось в то утро, оно не открывало глаза, потому что у него их не было; лишь воздух слегка заколебался вокруг него, но неизвестно, оно ли вызвало эти колебания. Глаза можно и выколоть, поэтому у него их не было. Так нелогично можно было бы рассуждать, и все же возникал солавн прибегнуть к софизму типа «важна цель, а не функция».

Конечности можно повредить, и у него не было их. У него не было и ушей, потому что имеющего уши можно оглушить; будь у него рот, его можно было бы отравить, потому рта оно тоже не имело. Намерения и поступки можно расстроить, поэтому их, очевидно, у него тоже не было.

Оно просто было. И все.

Оно и ему подобные неизвестно почему похитили Землю. И теперь оно было на Земле. И единственное, чего невозможно было сделать на Земле, это повредить ему, повлиять на него или принудить его к чему-либо как-либо.

Оно было. И оно, или хозяева, которые его послали, владели теперь Землей. По праву вора. И человечество было лишено надежды бросить им вызов или исправить что-либо.

2

Холодным и сумеречным утром, которое должно было стать, как все надеялись, Утром Нового Возгорания Солнца, Гражданин и Гражданка Роджет Джермин прогуливались по Пайн Стрит.

Было принято делать вид, что это утро ничем не отличается от других. Было также не принято часто и с надеждой смотреть на небо или, более того, казаться встревоженным или испуганным, потому что это было, в конце концов, сорок первое такое утро с тех пор как те, чьей специальностью бы-

ло Слежение за Небом, пришли к заключению, что Возрождение Солнца близко.

Гражданин и его Гражданка обменялись приветственными сигналами с несколькими старыми друзьями и остановились поговорить. Этот разговор тоже был условностью, лишенной какой-либо цели. Разговор не имел отношения к чему-либо такому, что кто-либо из участников его мог знать, о чем он мог думать или пожелать спросить. Джермин прочитал друзьям стихотворение из двадцати слов, которое он посвятил предстоящему событию, и послушал их отзывы. Они стали составлять рифмующиеся строчки, уделив этому занятию некоторое время — до тех пор, пока у кого-то между бровями не появились Две Вертикальные Морщинки, что было признаком недовольства и желания переменить занятие. Они искусно закончили игру, обменявшись импровизированными рифмованными строчками.

Гражданин Джермин ненароком взглянул наверх. Небо еще не начало меняться. Старое умирающее Солнце висело прямо над горизонтом на юго-юго-востоке. Мысль была отвратительна, но предположим, подумал Джермин, только предположим, что Солнце не зажгут сегодня вновь... Или завтра, или...

Или никогда.

Гражданин Джермин взял себя в руки и сказал жене:

— Мы пообедаем в закусочной, где подают овсянку.

Гражданка ответила не сразу. Когда Джермин посмотрел на жену с хорошо скрытым удивлением, он увидел, что она внимательно смотрит вдоль туманной улицы на какого-то гражданина, который шагал непривычно широко, почти размахивая руками. Малопривлекательное зрелище.

— Это, должно быть, Волк, а не человек, — с сомнением сказала она.

Джермин знал этого парня. Его звали Тропайл. Один из тех чудаков, которые поселились за пределами Вилинга, хотя и не были фермерами. Джермин сталкивался с ним по банковским делам.

— Легкомысленный человек, — сказал он, — и невоспитанный.

Походкой, подобающей Гражданам, они двинулись к закусочной: руки безвольно опущены, ноги едва отрываются от земли, туловище слегка наклонено вперед; походка была выработана поколениями людей, которые получали полторы

тысячи калорий в день и ни одну из них нельзя было пропустить впустую.

Калорий требовалось, конечно, больше. Много их тратилось на ходьбу, на добывание пищи, на скромные радости Граждан. И много, очень много в эти дни на то, чтобы сохранить тепло. Однако брать их было неоткуда. Диета, на которой был весь мир, могла лишь поддерживать существование. Не было возможности развивать сельское хозяйство, когда половина Земли часть времени затоплялась разливающимся морем, а другую часть времени была покрыта толстым слоем снега. Граждане знали об этом и, зная, не боролись — неприлично было бороться, особенно когда невозможно победить. Боролись лишь чудовища, известные под именем Волки, боролись, хвастаясь калориями, забыв о приличии.

Волки! Ну почему должны существовать Волки?! Почему несколько этих тайных, презренных монстров должны угрожать самой основе цивилизованного поведения?

Ну, конечно, Роджет Джермин и сам когда-то был Волком; Волчонком, по крайней мере. Каждый так начинал. Дети есть дети. Начинаешь выть, когда голоден, и хватаешь все, что попадает. Никто и не ждет от детей понимания правил поведения. Они не готовы к тому, чтобы понять, как важны эти правила для выживания.

Форма подчиняется содержанию. Обычаи мира, в котором жил Джермин, были порождены настоятельной необходимостью. Это крошечное Солнце, некогда бывшее Луной, давало такое количество тепла, которого хватало лишь для того, чтобы выжить. Не было достаточно пищи, чтобы двигаться; всего не хватало. Поэтому каждого, начиная с двухлетнего возраста, педантично учили, как умеренно есть, медленно двигаться, размышлять, а не действовать. Даже то, о чем размышляет человек, было строго определено. Неразумно было мечтать о пище, новой одежде или радостях супружеского ложа. Подобные мысли вели к желаниям, а желания трудно контролировать. Лучше всего было размышлять о заходах Солнца, о грозовых облаках, звездах, тоненькой изящной дорожке, которую оставляет капелька дождя на оконном стекле; но никого не побуждали к тому, чтобы желать эту дождевую каплю. Лучше всего было думать о Взаимосвязи. Когда вы думаете о том, что все связано в мире, что все является частью чего-то большего и составляет это большее, тогда ваш мозг очищается. Когда вы погружались

мыслями в суть взаимосвязей, желания исчезали. Мысли уходили. Вы просто существовали.

Хорошо воспитанный Гражданин мог провести тысячи часов своей жизни, предаваясь такой Медитации, часов, которые иначе были бы потрачены на еду, дела, поступки, желания — на все эти непозволительные вещи.

На все то, чем занимались Волки. Можно пойти и дальше. Случалось иногда, что какой-нибудь Гражданин достигал предела. Бездействие постепенно вело к отсутствию желаний, а затем и к неспособности мыслить. И тогда он достигал конечного блаженства.

Переставал существовать.

Когда существование заканчивалось, человек просто исчезал, а рядом раздавался удар грома.

А оставшиеся сохраняли память — холодно и с достоинством.

Вот так должны были вести себя Граждане. Именно так они себя и вели.

Все, за исключением Волков.

Непристойно было думать о Волках слишком много. Это порождало гнев, а на него тратилось слишком много калорий. Гражданин Джермин обратился мысленно к более приятным вещам.

Первое предвкушение овсянки! В миске она будет теплой, будто обожжет горло и успокоит желудок!

В нынешней погоде было много приятного. Холод пощипывал тело через подпоротые швы, а по склонам холмов гулял ветер. Если уж на то пошло, было нечто приятное, некая прелесть и в самом холоде. Так и нужно было, чтобы было холодно сейчас, перед тем как зажгут новое Солнце, когда старое Солнце было дымчато-красным, а новое еще не разгорелось.

— И все же, по мне, так он похож на Волка, — пробормотала его жена.

— Кейденс, — упрекнул Джермин свою Гражданку, но смягчил упрек Снисходительной Улыбкой.

Человек с ужасными манерами стоял у самой стойки, к которой они направлялись. Во мраке утра он, казалось, состоял из углов и натянутых линий, голова неуклюже повернута — он вглядывался в дальний конец закусочной, где продавец ритмично отмерял зерна в горшок; его руки небрежно лежали на прилавке, а не висели по бокам.

Гражданин Джермин почувствовал, как его жена слегка

содрогнулась. Но он не упрекнул ее снова. И кто б посмел упрекнуть ее? Зрелище было омерзительным.

Она сказала едва слышно:

— Гражданин, может быть, нам сегодня пообедать хлебом?

Он помедлил и вновь взглянул на отвратительного человека у стойки. И сказал снисходительно, зная, что оказывает снисхождение:

— В Утро Зажжения Нового Солнца Гражданину можно пообедать хлебом.

Учитывая сложившуюся ситуацию, это было лишь небольшим одолжением и поэтому очень пристойным.

Хлеб был хороший, очень хороший. Они поделили между собой полкилограмма и ели его в молчании, как это и было положено. Джермин закончил есть первую порцию и в паузу, которую полагалось сделать, прежде чем приступить ко второй порции, решил дать глазам отдых и посмотреть на небо.

Он кивнул жене и отошел в сторону. Старое Солнце посыпало на Землю остатки своего тепла. Оно было больше, чем окружающие его звезды, но многие из них были такими же яркими. В земном небе была одна звезда более яркая, чем затухающий свет прежней Луны, но сейчас она находилась в другой половине неба. Когда она была видна, люди с тоской смотрели на нее. Это была звезда, вокруг которой прежде вращалась Земля.

Джермин слегка поежился от сумеречного утреннего воздуха. Летом, когда ярко сияет Новое Солнце, Вилинг, Западная Виргиния, был превосходным местом. Урожай были обильными, шапки льда на полюсах таяли, и вода в океанах вновь прибывала, затопляя прибрежные равнины. Хуже было в этих горах, когда Старое Солнце умирало. Тогда наступал холод.

Цикл за циклом, по мере того, как старело каждое Солнце, Гражданин и Гражданка Джермин по традиции обсуждали вопрос о том, следует ли им оставаться в Вилинге или присоединиться к более смелым переселенцам в их путешествии к морю, к побережью, где было немножко теплее. Но они были образцовыми Гражданами, и решение всегда откладывалось и таким образом тратилось меньше калорий. Ну и конечно, Новое Солнце всегда загоралось тогда, когда оно было нужнее всего, по крайней мере, так было раньше.

От этой мысли его отвлек высокий мужской голос:

— Доброе утро, Гражданин Джермин.

Джермин был застигнут врасплох, он оторвал взгляд от

неба, слегка повернулся и посмотрел в лицо человеку, который заговорил с ним, поднял руку в приветственном жесте. Все было проделано очень быстро и плавно, может быть слишком быстро, потому что пальцы его сложились в знак приветствия, предназначенный для женщины, а это был мужчина. Гражданин Бойн. Джермин хорошо знал его. В прошлом году на Ниагаре они вместе Созерцали Лед.

Джермин пришел в себя, но некоторое замешательство все же сохранялось.

Он довольно быстро нашелся:

— На небе звезды, но остаются ли они там, если Солнца нет?

Это была неуклюжая попытка скрыть смущение, грустно подумал он, но, несомненно, Бойн воспользуется ею и продолжит мысль; Бойн всегда был очень милым, очень приятным.

Но Бойн не сделал этого.

— Доброе утро,— повторил он тихо. Он взглянул на звезды, как бы стараясь угадать, о чем говорит Джермин. Он укоризненно сказал:

— Нет никакого Солнца, Джермин. Что вы об этом думаете? — голос его был хриплым и резким.

Джермин судорожно глотнул.

— Гражданин, может быть вы...

— Солнца нет, вы слышите?! — Мужчина всхлипывал.— Холодно, Джермин. Пирамиды не собираются давать нам новое Солнце, вы знаете об этом? Они собираются уморить нас голодом, заморозить нас. Они покончили с нами. Мы обречены, все.— Он почти кричал. Люди, прогуливавшиеся по Пайн Стрит, старались не смотреть на него, но не всем это удавалось.

Бойн беспомощно ухватился за Джермина. Джермин с отвращением отпрянул — к нему прикоснулись!

Это, казалось, отрезвило Бойна. Взгляд стал разумным. Он сказал:

— Я,— он запнулся, пристально посмотрел вокруг,— думаю, я поем на завтрак хлеба,— сказал он некстати и нырнул в закусочную.

Резкий голос, крик, прикосновения — абсолютно не умеет вести себя!

После ухода Бойна Гражданин Джермин стоял, потрясенный. Рука полуприподнята для прощального похлопывания по запястью, челюсть отвисла, глаза широко раскрыты. Так, будто Джермин тоже не умеет вести себя.

И все это в День Возгорания Нового Солнца!

«Что бы это могло значить? — раздраженно думал Джермин. — Был ли Бойн на краю?.. Могло ли быть, что он почти?..»

Он отбросил эту мысль. Лишь одно могло бы объяснить поведение Бойна. Но было непозволительно, чтобы один Гражданин думал так о другом.

Все равно, отважился подумать Джермин, все равно, Гражданин Бойн выглядел так, как будто, ну как будто он был готов в ярости наброситься на всякого встречного.

Глен Тропайл в закусочной барабанил по прилавку. Неповоротливый продавец овсянки принес, наконец, чашку с солью и кувшин снятого молока. Из аккуратно разложенных в чашке фунтиков с солью Тропайл взял себе сверху один; он взглянул на продавца; его пальцы застыли на мгновение, затем он быстро разорвал фунтик, высыпал соль в овсянку и налил молока, ровно столько, сколько разрешалось.

Он ел быстро и умело, наблюдая за происходящим на улице.

Они, как всегда, бродили как лунатики. Сегодня их, может быть, было больше чем обычно, потому что Они надеялись, что этот день станет днем нового расцвета Солнца.

Тропайл всегда в мыслях называл служащих, бродящих как лунатики Граждан «Они». Где-то были и «Мы», несомненно, но Тропайл еще не определил где, не обнаружил этого даже в браке. Он не торопился. Когда ему было четырнадцать, Глен Тропайл узнал о себе нечто такое, чего бы он не хотел знать; он не любит, когда над ним берут верх; он должен иметь преимущество во всех своих начинаниях, иначе невыносимое нетерпение поселялось в мозгу, вызывая у него состояние дискомфорта. Он узнавал о себе все новые вещи, вызывавшие в нем страх, и постепенно он понял, что от того «Мы», которое приняло бы его, лучше было держаться подальше.

Он понял, что он Волк.

Несколько лет Тропайл боролся с этим, потому что слово «Волк» считалось неприличным, и детей, с которыми он играл, строго наказывали только за то, что они его произносили. Было неприлично, чтобы один Гражданин наживался за счет другого, а Волки поступали так. Гражданину было положено безропотно принимать то, что он имеет, и не стремиться к большему; находить красоту в мелочах, приспосабливаться — с минимальным напряжением и нелов-

костью — к жизни, какой бы она ни была. Волки были не такими. Волки никогда не погружались в Медитацию, Волки никогда не чувствовали благодарности, Волки никогда не подвергались Перемещению, высшей благодати, даруемой только тем, кто добился успеха в идеальных размышлениях о Взаимосвязи. Это отказ от мира и от плоти путем избавления от обоих — этого Волк никогда не мог достичь.

Соответственно, Глен Тропайл изо всех сил стремился делать все то, чего не умели Волки.

Он почти добился успеха. Его специальность — Наблюдения за Водой — была самой уважаемой. Он добился многих почти успешных Медитаций о Взаимосвязи.

И все же он по-прежнему был Волком. Потому что он все еще ощущал жгучий зуд, желание триумфа и превосходства. По этой причине ему было почти невозможно найти друзей среди Граждан, и постепенно он почти отказался от этой мысли.

Тропайл приехал в Вилинг около года назад и был одним из первых поселенцев. И однако не было на улице ни одного Гражданина, который был бы готов обменяться с ним приветственными жестами.

Он знал их, почти всех. Знал их имена и имена их жен. Он знал, из каких северных штатов они перебрались сюда, когда Солнце стало тусклее, а площадь, занимаемая льдом, увеличилась; он знал с точностью до четверти грамма, сколько сахара, соли и кофе каждый из них отложил — для гостей, конечно, не для себя. Хорошо воспитанный Гражданин делает запасы только на радость другим, а не себе. Он знал все это, потому что знание давало ему преимущество перед ними. Но не было никакой пользы в том, чтобы кто-нибудь знал его.

Немногие знали его. Этот банкир Джермин. Тропайл подходил к нему лишь несколько мгновений назад относительно будущего займа. Но это была случайная нервозная встреча. Идея была блистательно проста для Тропайла: организовать экспедицию в богатые угольные шахты, находившиеся неподалеку; найти уголь, привезти его в Вилинг; отапливать дома. Но для Джермина она была еретической. И Тропайл был счастлив, что ему лишь отказали в займе, а не обозвали во всеуслышание Волком. Продавец овсянки озабоченно сутился вокруг солонки с аккуратно сложенными фунтиками соли.

Тропайл старался избегать его взгляда. Ему не было дела до кривой неодобрительной усмешки, которой бы продавец

одарил его, представься ему такой случай. Тропайл хорошо знал, что беспокоит продавца. Пусть беспокоит. Тропайл имел привычку брать лишние пакетики с солью; вот и сейчас они были у него в карманах. Пусть продавец гадает, почему не хватает пакетиков.

Тропайл облизал ложку и вышел на улицу. Дул очень холодный ветер, но Тропайл был в двойной парке.

Какой-то Гражданин прошел мимо. Он был один. Странно, подумал Тропайл. Гражданин шел быстро. На его лице застыло выражение крайнего отчаяния. Еще более странно. Странно настолько, что стоит того, чтобы приглядеться повнимательнее, потому что такая поспешность, такая рассеянность наводили Тропайла на кое-какие мысли. Торопливость и рассеянность были нетипичны для покорных овечек, которые относились к классу «Они». Все это проявлялось лишь в одном особом случае.

Глен Тропайл перешел улицу и последовал за рассеянным Гражданином, которого, как он знал, звали Бойн. Около булочной этот человек натолкнулся на Гражданина Джермина. Тропайл стоял позади, так чтобы его не было видно; он наблюдал и слушал. Бойн был на грани нервного срыва, и то, что видел и слышал Тропайл, только подтверждало его диагноз.

Казалось, вот-вот случится нечто неизбежное. Еще мгновение — и Гражданин Бойн потеряет контроль над собой. У этого неизбежного было свое название. Его заимствовали из языка народа, который когда-то жил на ныне необитаемом острове в Тихом океане, где простые фермеры, доведенные до отчаяния, становились разбойниками и убивали ножами для рубки тростника.

Это называлось «амок» — сходить с ума, становиться убийцей-маньяком. Тропайл посмотрел на человека с интересом и презрением. Амок! В конце концов, и покорных овечек можно довести до предела. Он видел это и раньше. Признаки были налицо.

Наверняка для Глена Тропайла в этом была некая выгода, выгоду можно найти во всем, если ее искать. Он наблюдал и ждал. Глен Тропайл выбрал себе место так, чтобы видеть Гражданина Бойна в булочной, где тот уныло и неумело резал свои четверть килограмма хлеба от Утренней Буханки.

Он ждал, когда Бойн выбежит из булочной. И Бойн выбежал.

Вопль громкий, пронзительный. Это визжал Гражданин Джермин.

— Маньяк-убийца!

Опять вопль, яростный крик Бойна, и нож булочника, мерцающий в слабом свете в руках Бойна. И Граждане, разбегающиеся кто куда, все Граждане, за исключением одного.

Один Гражданин лежал зарезанным — своим собственным ножом, как оказалось. Это был булочник. Бойн все рубил и рубил. А потом Бойн выбежал, как ревущее пламя, нож со свистом рассекал воздух над его головой. Граждане в панике спасались бегством. Он старался попасть ножом по их убегающим фигурам, и кричал, и бил снова и снова. Амок!

Это был один особый случай, когда они забывали о сдержанности — один из двух, уточнил про себя Тропайл, когда брел к булочной. Он нахмурился, потому что был еще один случай, когда они забывали о приличиях, тот, который непосредственно касался его.

Он наблюдал, как обезумевший Бойн преследовал группу Граждан, которая в дальнем конце улицы свернула за угол.

Тропайл вздохнул и вошел в булочную посмотреть, чем бы там можно было поживиться. Бойн успокоится, бушующая ярость уляжется так же быстро, как и поднялась, и он снова станет овечкой, и другие овцы подойдут и схватят его. Так всегда бывало, когда Гражданин терял рассудок. Это было реакцией на давление, оказываемое на Граждан, и в любой момент могло случиться так, что лишь на грамм оно превышало норму, и кто-то не выдерживал. За последние два месяца здесь в Вилингे это произошло дважды. Глен Тропайл был свидетелем, как точно такое же происходило в Питсбурге, Алтуне, Бронксвилле.

Всякому давлению есть предел.

Тропайл вошел в булочную и без всяких эмоций взглянул на зарезанного булочника. Тропайл уже видел трупы.

Он оценивающе оглядел закусочную. Для начала нагнулся и подобрал ту четверть килограмма хлеба, которую уронил Бойн, стряхнул с нее пыль и положил в карман. Пища всегда пригодится. Будь у Бойна побольше еды, может быть, он бы и не свихнулся. Неужели только голод доводит их до безумия? А может быть, также и то, что находится на Эвересте, да и парящее Око, и боязнь Перемещения? Или просто напряжение от того, что нужно было поддерживать свою так тщательно запрограммированную жизнь? А впрочем, какая разница? «Они» не выдерживали и сходили с ума, а с ним, Тропайлом, этого не случится никогда. И только это

было важно. Он перегнулся через стойку, стараясь взять остатки Утренней Буханки.

И увидел, что на него с ужасом смотрят огромные глаза Гражданки Джермин. Она закричала:

— Волк! Граждане, на помощь! Здесь Волк!

Тропайл замешкался. Он даже не заметил этой проклятой бабы, но она была здесь, она поднималась из-за прилавка, вопя не своим голосом: «Волк! Волк!»

Он резко сказал:

— Гражданка, умоляю вас.

Но это было бесполезно. Улики были против него, а ее крики привлекут остальных. Тропайла охватила паника. Он направился к ней, чтобы успокоить, но это тоже оказалось бесполезным. Он заметался. Она все кричала и кричала, и люди слышали ее. Тропайл пулей вылетел на улицу, они уже лезли из всех дверей, выползали из всех крысиных нор, в которых попрятались от Бойна.

— Пожалуйста,— крикнул он испуганно и зло,— подождите минуту!

Но они не ждали. Они услышали голос женщины, а может быть кто-то из них увидел у него хлеб. Они окружили его — нет, они навалились на него, хватая его, разрывая мягкий, теплый мех его одежды. Они полезли в его карманы и, как еще одно доказательство его преступлений,сыпалась из пакетиков украденная соль. Они оторвали ему рукава, и даже прочные, неподпоротые швы распоролись. Он был пойман.

— Волк! — кричали они.— Волк!

Этот крик перекрывал шум, который доносился оттуда, где наконец настигли Бойна. Он перекрывал все.

Это был второй случай, когда они забывали о достоинстве. Когда они ловили Сына Волка.

3

Техника уже давно перестала развиваться. Развитие техники возможно при одном условии уравнения:

$$\frac{\text{ИКК (Имеющееся Количество Калорий)}}{\text{Н (Население)}} = \text{ХТТ (Художественно-Технический Тип)}$$

Когда отношение Калории/ Население велико, скажем пять тысяч или больше, пять тысяч калорий на каждого человека ежедневно, тогда Художественно-Технический Тип очень силен. Люди прокладывают дорогу в горе Рошмор, они

строят огромные сталелитейные заводы; они создают громоздкий автомобиль, чтобы домохозяйка, проехав на нем полмили, купила себе тюбик губной помады.

Там, где отношение К/Н велико, жизнь вульгарна, но роскошна. И наоборот, там, где отношение К/Н слишком мало, жизнь не существует совсем. Ее погубил голод.

И наконец, когда калории находятся в пределах 1.000—1.500, Художественно-Технический Тип самоутверждается в непреходящей, вечной форме. Отношение К/Н в этих пределах создает малые формы искусств, способность ими наслаждаться, безболезненное перерастание необходимого в некие утонченные отношения, при которых почитаются традиционные добродетели. Япония, изолированная от мира шогунами, добывала скучную пищу на горных склонах и находила красоту в аранжировках из лишайника и бумаги. Мелкие, не требующие больших затрат субискусства, характерны для нормы 1000—1500 калорий.

И именно такая норма была на Земле, где жило сто миллионов человек после похищения планеты. Лишь несколько человек, довольствуясь незначительными затратами, продолжали заниматься наукой. В их распоряжении были лишь карандаш и восстанавливающаяся бумага. Последний ускоритель, используемый в научных целях, был давно остановлен; ток, которым он питался, нужен был для того, чтобы хотя бы слабо освещать миллионы домов и готовить пищу для двух миллионов новорожденных. В те дни один преданный науке византиец написал полную техническую энциклопедию (хотя и не был инженером). Четыреста двадцать крошечных томов рассказывали о пирамиде в Гизе и ее неизвестном строителе, о стене Ши Хванг Ти; готических постройках; о Брунеле, который изменил лицо Англии, Рюблингах из Бруклина; штолнях Пентагона; Противоракетной Системе Дагган (до того как К/Н упало до точки, когда война стала практически бессмысленной). Но этот энциклопедист не умел пользоваться логарифмической линейкой и постоянно спотыкался, записывая десятичные дроби.

А затем величины стали еще меньше.

Под действием сильных тектонических и климатических процессов, вызванных похищением Земли у Солнца, под влиянием синусоидальных процессов наступления и отступления от экватора ледяного покрова, по мере того, как маленькие Солнца разгорались, затухали, умирали и заменялись новыми, отношение К/Н оставалось постоянным. Чис-

ло К значительно уменьшилось, но и число Н уменьшилось тоже. По мере того как уменьшалось количество калорий для поддержания жизни, становилось меньше и количество ртов.

Когда загорелось сорок первое маленькое Солнце, на Земле не было ни одного инженера.

Их не было и на планете-близнеце. Пирамиды, и те, что обитали на близнецe, и та, что была на Эвересте, не были инженерами. Они исходили из грубой метафизики, в основе которой лежал принцип «дели на части и толкай».

У них не было элегантных теорий поля. Они знали лишь то, что все можно разделить на составляющие и что если что-нибудь подтолкнуть, это что-то начнет двигаться. Если вы изо всех сил толкнули что-нибудь и оно не двигается, вы разбираете это «что-то» на части и толкаете отдельные части. И движение начнется. Иногда, для ядерных эффектов, им приходилось делить предметы на 3×10^9 частей и очень осторожно передвигать каждую.

Разбирая на части и перемещая, они сажали свой единственный космический корабль на сгоревшем крошечном Солнце, которое когда-то было знакомой Земле Луной. Нельзя было сказать, что Пирамиды запаздывали с Созданием Нового Солнца. Они никогда не запаздывали. Для них это было невозможно, потому что они были абсолютно лишены чувства времени. Они знали о том, «когда» следует что-либо делать, потому что у них была сеть разного рода приборов, исполнительных механизмов и вспомогательных устройств, которая охватывала всю планету. Когда средняя температура на Земле падала ниже определенной установленной величины, датчик сообщал о необходимости сноса разжечь Луну. И они это делали. Пирамиды не обращали внимания на такие пустячные детали, как, например, движение воздушных масс на Земле. Получилось так, что Австралия и Африка были напоены теплом в этом году, и средняя температура на Земле падала медленно. Поэтому расчеты Наблюдателей за Небом были неправильны.

Но сейчас «время» пришло, и космический корабль был послан.

Внутри него находились одиннадцать мужчин и женщин и несколько совершенно иных живых существ.

Они не были пассажирами в точном значении этого слова. Слово «начинка» было более подходящим. Так как они давно потеряли представление о языке и даже о собственном «Я», слова их не трогали.

Много веков назад другие человеческие существа шагали по Луне в неповоротливых скафандрах, посылали на Землю по радио поздравительные сообщения, как счастливые туристы. За двести лет, прошедшие с тех пор как люди смогли в последний раз попасть в космос по своей воле, много сотен человеческих (и других) существ посетило спутник. Никто из них, однако, не был туристом. Они выполняли только то, что выполняла нынешняя группа.

Они разжигали ядерные огни, которые превращали Луну в почти звезду. Сделать это было довольно трудно даже с теми машинами и приборами, которые им давали на планете-двойнике. Среди всего прочего им предстояло погибнуть.

Даже с приборами Пирамид было нелегко разжечь ядерный огонь на поверхности Луны. Там нечemu было гореть. Луна состояла из камней и пыли — а сейчас также и из шлака. Элементы, из которых она состояла, нелегко поддавались синтезу или расщеплению. Но когда приборы Пирамид расщепили их на достаточно мелкие части, достаточно сильно подтолкнули эти частицы, нейтроны вытолкнули протоны из ядра, ядра распались, энергия высвободилась. Достаточно энергии, чтобы новое Солнце горело пять лет или около того, прежде чем его вновь нужно будет зажигать.

Итак, космический корабль очень быстро коснулся холмика на Луне, которая уже не горела, но была невыносимо горячей.

Космический корабль оставил съемную капсулу, в которой было одиннадцать человеческих (и других) существ и технику, необходимую для деления элементов и придания им ускорения. И космический корабль быстро улетел, чтобы избежать того, что последует.

Там, где капсула коснулась горячего шлака, она стала горячей. Люди не замечали этого. Они сознавали только то, что сейчас их задания должны быть выполнены очень быстро.

Они быстро работали, не считаясь с возрастающим жаром, который вскоре испепелит их. И новое Солнце было зажжено.

Огонек пламени появился на поверхности. Одиннадцать человеческих существ успели лишь вскрикнуть, прежде чем погибли. Затем огонек из вишневого стал оранжевым, превратился в бело-голубой и стал расти.

В момент зажжения Нового Солнца на Земле царило ликование. Где бы люди ни жили, в тенистых развалинах городов, которые назывались Хартум или Чикаго, или Бей-

жинг. Граждане, контролируя свою радость, с улыбкой смотрели на небо.

Однако не везде. В Доме Пяти Правил в Вилинге Глен Тропайл с беспокойством ожидал смерти. Гражданин Бойн, который сошел с ума и убил булочника, делил с Гленом комнату и судьбу, но не разделял его ярости. Со сдержаным удовольствием Бойн сочинял свое предсмертное стихотворение.

— Скажи мне,— огрызнулся Тропайл,— почему мы здесь? Что ты сделал и почему? Что сделал я? Почему я не хватаю скамейку и не убиваю тебя? Ты бы убил меня два часа назад, если бы я попался тебе на глаза.

Гражданин Бойн не чувствовал удовлетворения. Его страсти угасли. Он вежливо ответил Тропайлу известным афоризмом:

— Гражданин! Искусство жить состоит в том, чтобы заменять несущественные, имеющие ответы вопросы, на важные, не имеющие ответов. Подойди, давай полюбемся вновь рожденным Солнцем.

Он повернулся к окну, за которым искорка бело-голубого света на месте бывшего кратера тихо начала распространяться по всей поверхности Луны.

Тропайл, будучи порождением той культуры, в которой он вырос, тоже непроизвольно повернулся. Он молчал. Это бесконечно малое бело-голубое сияние там наверху, которое медленно разгоралось... единство, тихий восторг существования во Вселенной, с которой сливавшись плавно и незаметно; сливаться с великим бело-голубым драгоценным цветком, распускающимся на небе, который не отличается от тебя самого...

Успокоенный, он закрыл глаза и стал размышлять о Взаимосвязи.

Он почувствовал себя более значительным. К этому времени, когда реакция синтеза охватила весь небольшой диск, через четверть часа, не более, его Медитация стала заканчиваться, как это обычно происходило у Глена Тропайла.

Хорошо, подумал он, потому что это, вероятно, освобождало его от причиняющей беспокойство возможности Перемещения. У него вовсе не было желания однажды просто исчезнуть.

И все же временами он ощущал некоторое сожаление.

Тропайл сбросил с себя порванную парку, даже не удосужившись разорвать ее. В комнате уже становилось

тепло. Гражданин Бойн, конечно, осторожно разрывал каждый шов грациозными движениями.

Но Медитация закончилась, и, наблюдая за своим сокамерником, Тропайл мучился безмолвным «Почему?» С юношеством этот вопрос часто вставал перед ним. Его можно было заглушить Восхищением или Медитацией. Тропайл был настолько хорошим специалистом в своей области — Наблюдении за Водой, что некоторые новички обращались к нему за советом в этом тонком искусстве, несмотря на общепринятые странности в его поведении и жизни. Он получал огромное удовольствие от Наблюдений за Водой. Ему было почти жаль всякого, кто был настолько ограничен, что посвятил себя, скажем, Облакам или Запахам, даже не попытавшись испытать себя в Наблюдении за Водой. Хотя и Облака и Запахи были очень важны. А после сеанса Наблюдений, если повезет и увидишь Девять Стадий кипения в их классическом совершенстве, можно погрузиться в Медитацию и ощутить себя гармоничным и значительным.

Но что делать тому, кому Медитация не давалась, как ему? Что было делать, если мысли разбегались, становились все менее напряженными? Что было делать, если Медитацию можно было вызвать лишь очень важным событием, таким, как обновление Солнца?

Он всегда думал, что тогда сходят с ума. Но не он сошел с ума, а Бойн. Его же объявили Сыном Волка, обвинив в том, чего он не мог понять. И в этом случае он не потерял рассудок.

И все же наказания одинаковы, подумал он, с беспокойством ощущая незнакомый зуд, не внутренний непереносимый зуд, когда хочешь взять верх, а реальное ощущение зуда в основании позвоночника. Наказание за все страшные преступления — принадлежность к Волкам или сумасшествие — было одинаково простым: Они делают Поясничную Пункцию. Он принесет Жидкость в Дар.

Сторож Дома Пяти Правил, старик Хармейн, взглянул на своих подопечных — одобрительно на Бойна и с неодобрением на Тропайла. Считалось, что даже Волки имеют право на приличное человеческое отношение в короткий период между разоблачением и принесением Жидкости в Дар.

Сторож и в мыслях не имел сердиться на пойманного Волка и мешать этому существу, если оно вдруг захочет предаться жалкому подобию предсмертной Медитации. Однако он не смог заставить себя послать ему приветственный знак.

Тропайл не мучился такими угрозами. Он так сердито и свирепо глянул на Сторожа Хармейна, что старик чуть не убежал. Тропайл почти так же сердито глянул на Гражданина Бойна. Как смеет этот убийца быть-таким спокойным!

Тропайл сказал грубо:

— Они убьют нас! Тебе это известно? Они вонзят нам в позвоночник иглу и выкачают оттуда весь мозг. Это больно! Ты понимаешь, о чем я говорю? Они собираются выкачать из нас всю спинномозговую жидкость, а потом выпьют ее, а это будет очень больно.

Его деликатно поправили:

— Мы принесем Жидкость в Жертву, что и подобает сделать тем Гражданам, поведение которых было преступным. Вот и все,— спокойно промолвил Гражданин Бойн.— Разве Сын Волка не чувствует этой разницы?

Подлинная воспитанность требовала, чтобы это замечание было воспринято как дружеская шутка, имеющая долю истины, а как же еще можно высказать горькую правду? Иначе может произойти такое, чего и представить нельзя. Они могут поссориться! Они даже до драки могут дойти! А в драке человеку можно сделать больно!

Подобающая случаю мягкая улыбка появилась на губах Тропайла, но он резко стер ее. Они собирались вткнуть ему в позвоночник огромный катетер и убить его. Он не будет им улыбаться! Это ему стоило большого усилия.

— Я не Сын Волка! — прорычал он, охваченный отчаянием, понимая, что оправдывается перед человеком, которого это меньше всего волнует и который, даже если бы это и волновало его, ничего не мог сделать.— Что за идиотский разговор о Волках? Я не знаю, что такое Сын Волка, и думаю, что этого не знаешь ни ты, ни кто-нибудь другой. Мне известно только то, что я действовал разумно. А все подняли вой. Считается, что можно узнать Сына Волка по отсутствию культуры, по невежеству, по его дикой ярости. Но ты зарубил троих, а я лишь подобрал кусок хлеба. И считается, что именно я представляю опасность!

— Волки никогда не знают о том, что они Волки,— вздохнул Гражданин Бойн.— Рыбы, наверное, думают, что они птицы, а ты, очевидно, думаешь, что ты Гражданин. Стал бы Гражданин говорить такие вещи, которые ты сейчас произносишь?

— Но они собираются убить нас!

— Тогда почему ты не сочиняешь предсмертное стихотворение?

Глен Тропайл глубоко вздохнул. Что-то терзало его.

Ничего хорошего, что он скоро умрет, ничего хорошего, что он умрет ни за что. Но то, что грызло его, не имело ничего общего со смертью.

Отношения складывались не так, как нужно. Этот бледный гражданин брал над ним верх. налитая кровью железа в надпочечниках Тропайла — у Гражданина Бойна она была не больше булавочной головки — посыпала крошечные гормоны к нему в кровь. Он мог умереть, да — это рано или поздно должно было произойти с каждым. Но пока он жив, он не мог вынести, если над ним берут верх в стычке, споре, отношениях. Глену Тропайлу было несвойственно дать себя победить без борьбы. Волк? Называйте его Волком, Авантурристом, Спекулянтом, называйте его Крутым Парнем, называйте его Игро ком.

Если можно извлечь выгоду, он извлечет ее. Таким уж он создан.

Помедлив некоторое время, чтобы наметить план, он сказал:

— Ты прав. Очень глупо, но я, должно быть, потерял голову.

Он думал. Некоторые решают проблемы, разбивая их на составляющие, некоторые — сопоставляя факты. Метод Тропайла не походил ни на тот, ни на другой, он скорее напоминал дзю-до. Он допускал в своем сопернике такие качества, как Сила, Находчивость, Подготовка. Ему самому все это было не нужно; в каждом споре этих качеств соперника хватало на них обоих. Тропайл привык (и определенно это была привычка Волка, как он вынужден был признать) использовать сильную сторону противника против самого противника, разбивать противника о его же стальную броню.

Он думал.

Во-первых, думал он, надо принять решение. Волк? Пусть так, он не станет дожидаться пункций, он уйдет отсюда. Но как?

Во-вторых, нужно составить план. Существовали препятствия. Гражданин Бойн был одним из препятствий. Другим препятствием был Хармейн, Охранник Дома Пяти Правил. Где же тот шест, который даст ему возможность преодолеть эти барьеры? Есть Гала, его жена, подумал он. Она принад-

лежит ему; она сделает то, что он пожелает, если только он заставит ее захотеть сделать это.

Да, Гала. Он подошел к двери и позвал Гражданина Хармейна:

— Охранник! Охранник! Я должен повидаться с женой. Приведите ее ко мне!

Охранник не мог отказать. Он ответил мягко:

— Я приглашу Гражданку,— и заковылял прочь. В-третьих, время.

Тропайл повернулся к Гражданину Бойну.

— Гражданин,— сказал он настойчиво,— так как твое предсмертное стихотворение готово, а мое — нет, не будешь ли так добр пойти первым, когда они... когда они придут?

Гражданин Бойн сдержанно посмотрел на сокамерника и улыбнулся Снисходительной Улыбкой.

— Ну, видишь? — сказал он.— Волк.

Это было верно. Но верно было и то, что отказать он не мог.

4

На полпути к краю света темно-синяя Пирамида восседала на выровненной вершине пика, точно так же, как она сидела с тех пор, когда у Земли еще было ее собственное настоящее Солнце.

Для Пирамиды не имело значения, что Глену Тропайлу вот-вот вонзят тонкий катетер в позвоночник, чтобы выкачать из него жизненные силы; Пирамиду не интересовало то, что затем спинной мозг будет выпит его сородичами, или то, что поводом для казни был поступок, который в человеческой истории не рассматривался обычно как уголовное преступление. Пирамиде безразлично ритуальное жертвоприношение в любом его виде. Пирамида видела, как они приходят и уходят, если о Пирамиде можно сказать «видела». Одним человеком больше, одним меньше, какая разница. Кому придет на ум проводить перепись клеток в заусенце?

И все-таки Пирамида испытывала своего рода интерес к Глену Тропайлу и к человечеству, частью которого он был.

Никто не знал о Пирамидах много, но все знали: они чего-то хотят, иначе зачем им было красть Землю?

А это сделали определенно они.

Был 2027 год н. э., год, с которого началась жизнь в бесчестье; были и другие годы, которые помнили люди,—

1941, 1066, 1492. Но ни один из них не имел таких громадных последствий, как 2027-й, по последствиям его можно было бы сравнить лишь с теми давними и забытыми датами, когда амфибии вышли из моря или когда первое покрытое шерстью двуногое взяло в руки палку. 2027-й превзошел их все.

Планета-беглец пробралась в Солнечную систему для грабежа и с тех пор убегает со своей добычей.

Отважные люди отправлялись в космос, чтобы изучить эту планету. Три их космических корабля приземлились на Планете Пирамид. Тогда они еще не знали, что это была именно она. Фактически, они даже не послали сообщений. Первое сообщение, сразу после посадки, было: «Она кажется э... э... очень пустынной». Второго сообщения не пришло.

Возможно, те полеты были ошибкой. Так думали некоторые. Кое-кто считал, что если бы человечество тихонько притаилось под своей атмосферой, как под одеялом, Пирамиды, возможно, улетели бы по эклиптике прочь.

Тем не менее, главная «ошибка» была сделана, и, может быть, именно тогда человек увидел Пирамиды собственными глазами.

Вскоре после этого, но после того, как отправили радио-сообщение, их глаза навек закрылись. Случилось то, что должно было случиться. Внимание Пирамид было привлечено. То, что произошло потом, заставило работать радиосвязь между Паломаром и Пернамбуко, Гринвичем и Мысом Доброй Надежды; радиосвязь ужасную и тревожащую: астрономы всей Земли сообщили, а потом несколько раз подтвердили потрясающий факт: наша планета отдаляется от Солнца. «Возрадуйтесь Мессии» появилась, чтобы увести Землю.

Земля, населенная десятью миллиардами людей, многие из них гениальны, многие отважны, построила и атаковала захватчика гигантскими боевыми ракетами. Безрезультатно.

Два корабля Межпланетных Экспедиционных войск были посланы в космос, и люди высадились на новой планете для нанесения ответного удара. Безрезультатно.

Земля по спирали уходила со своей орбиты.

Если невозможно победить, тогда, может быть, переселение? Срочно были построены новые корабли. Но они ржавели без пользы, по мере того как Солнце становилось все меньше, а ледяной покров все толще. Да и куда было переселяться? Не на Марс же и не на Луну, которая уносилась вместе с Землей, не на Венеру, с ее непригодной для дыха-

ния атмосферой, или давящий своим притяжением Юпитер. Переселение было так же бессмысленно, как и война, поскольку не существовало места, куда можно было бы эмигрировать.

Одна, только одна Пирамида прибыла на Землю. Она сделала площадку на вершине самой высокой горы и самовольно поселилась на ней. Наблюдатель? Страж? Но не имело значения, кем она была. Она была.

Солнце стало слишком далеко и не давало тепла и света, и тогда из бывшей Луны чужестранцы-Пирамиды создали в небе новое маленькое Солнце — Солнце, которое светило пять лет, которое сгорало и снова зажигалось, и снова, и снова, и так бесконечно.

Десять миллиардов вели неистовую и неравную борьбу, и, когда ее безнадежность стала, наконец, очевидной, многие умерли от холода и голода, а в оставшихся в живых, почти во всех, что-то внутри вымерзло, умерло. И те, кто существовал на Земле спустя два с небольшим столетия, более или менее напоминали Гражданина Бойна, и лишь немногие, очень немногие — Глена Тропайла.

Гала Тропайл внимательно смотрела на мужа полными муки глазами.

— Я хочу выбраться отсюда, — говорил он настойчиво. — Они хотят убить меня. Послушай, позволив им убить меня, ты сделаешь себя несчастной, будешь страдать, ты не можешь этого допустить, Гала.

Она рыдала:

— Я не могу ничего сделать!

Тропайл взглянул через плечо. Гражданин Бойн водил пальцем по узору на корпусе золотых часов, которые когда-то принадлежали его отцу, а вскоре перейдут его сыну. Глаза Бойна были закрыты, он не слушал.

Тропайл немного наклонился, он умышленно положил свою руку на руку жены. Она вздрогнула и покраснела. Он чувствовал, как она дрожит.

— Можешь, — ответил он. — И более того — сделаешь. Ты можешь помочь мне выйти отсюда. Я настаиваю на этом, Гала, потому что я должен уберечь тебя от этих страданий. — Он убрал руку и строго сказал: — Дорогая, думаешь, я не знаю, как много мы всегда значили друг для друга?

Гала с отчаянием посмотрела на него. В раздражении она теребила рукав своей тонкой летней блузки, швы не были ослаблены, на это не было времени. Она как раз переодевалась в костюм, который подобает носить под паркой в

День Возрождения Солнца, когда пришли с новостью о ее муже.

Она старалась отвести взгляд:

— Если ты действительно Волк...

Надпочечники Тропайла заработали и наполнили его уверенностью.

— Ты лучше знаешь, кто я. Лучше, чем кто-либо.

Это был тонкий намек на их тайные отношения и, так же, как и прикосновение его руки, он подействовал.

— В конце концов, почему мы ссоримся, как прошлой ночью, например? — Он поторопился. Нужно не бередить раны, а заставить ее действовать. — Потому что мы нужны друг другу, важно, чтобы мы были вместе. Я знаю, что если бы ты попала в беду, ты бы рассчитывала на меня... И я знаю, Гала, что ты была бы обижена, очень обижена, если бы я не рассчитывал на тебя.

Шмыгая носом, она завязала яркий шнурок босоножки. Потом она посмотрела ему в глаза. Несомненно, последствия ссоры начинали сказываться. Глен Тропайл знал, что он полностью может рассчитывать на тот положительный эффект, который приносят размолвки. Она начала сдаваться.

Украдкой взглянув на Гражданина Бойна, она понизила голос:

— Что я должна сделать? — спросила она шепотом.

Через пять минут Гала ушла, оставалось более чем достаточно времени; в запасе у Тропайла было по крайней мере тридцать минут. Сначала они возьмут Бойна, он об этом позаботится. А когда с Бойном покончат...

Тропайл вырвал одну из трех ножек табурета и сел, с трудом балансируя на двух оставшихся. Он с грохотом бросил сломанную ножку в угол.

Шаркая ногами, прибежал Охранник Дома Пяти Правил и заглянул в камеру.

— Волк, что с твоим табуретом?

Тропайл сделал левой рукой жест, означающий «ничего особенного».

— Ничего страшного. Плохо только то, что трудно погружаться в размышления, когда пытаешься удержать равновесие и напрягаешь все мускулы.

Охранник сделал протестующий жест «разреши-помочь-тебе».

— Идут последние полчаса твоей жизни, Волк, — напомнил он Тропайлу. — Я починю тебе табурет.

Он вошел в камеру, приколотил ножку и вышел, сберегая на лице выражение вежливого участия. Даже Сын Волка имел право на то, чтобы в последние полчаса перед Жертвоприношением насладиться Медитацией.

Через пять минут он вернулся, лицо было торжественно и в то же время радостно, как у того, кто принес серьезное, но долгожданное известие.

— Пришло время первого Жертвоприношения, — объявил он. — Кто из вас...

— Он, — быстро ответил Тропайл, указывая на Бойна.

Бойн спокойно открыл глаза и наклонил голову. Он встал, кивнул Тропайлу на прощанье и пошел за Охранником на Жертвоприношение, на смерть. Когда они вышли, Тропайл кашлянул, что означает просьбу о небольшом одолжении. Охранник остановился.

— В чем дело, Волк?

Тропайл показал ему пустой кувшин для воды — абсолютно пустой; он сам вылил воду из него за окно.

— Приношу свои извинения, — покраснел Охранник и быстро вывел Бойна. Он почти сразу же вернулся и налил воды в кувшин. Он даже не подождал, чтобы посмотреть церемонию Жертвоприношения.

Тропайл наблюдал за ним. Адреналин бурлил в его надпочечниках, как бурлит Хорошо Вызревшая Вода.

Охранник оплошал. Он небрежно отнесся к своим обязанностям: сломанный стул; пустой кувшин. А Гражданин, с детства приученный быть внимательным и тактичным, неизбежно в таких случаях чувствует себя униженным и старается исправиться.

Тропайл продолжал закреплять свое превосходство.

— Подожди, — любезно попросил он Охранника. — Мне бы хотелось поговорить с тобой.

Раздираемый сомнениями, Охранник колебался. «Жертвоприношение...»

— К черту Жертвоприношение, — спокойно промолвил Тропайл. — В конце концов, они просто вонзают трубку в позвоночник человека и выкачивают из него все жизненные соки, не так ли? Это убийство, и все.

Удар! Удар! Еще удар!!! Охранник буквально побледнел: Тропайл богохульствовал и не останавливался.

— Я хочу рассказать тебе о своей жене, — продолжал Тропайл доверительно. — Знаешь, это настоящая женщина. Не из этих замороженных Гражданок, ты понимаешь меня? Ну, она и я, мы обычно... — Он помедлил. — Ты ведь человек,

умудренный опытом, правда? Я хочу сказать, ты повидал жизнь.

— Я... думаю, да, — с усилием ответил Охранник.

— Тогда, я знаю, ты не будешь шокирован.— Тропайл лгал.— Должен сказать, есть много женщин, о которых и не подозревают эти надутые Граждане. Видел ты когда-нибудь женские колени? — Он хихикнул.— Целовался когда-нибудь при свете? — Он подмигнул Охраннику.— Целовался когда-нибудь в большом кресле, и, скажем, женщина у тебя на коленях, вся такая мягкая, тяжелая, теплая, прижата к твоей груди, и...— Он остановился и сглотнул. От собственных слов его тошнило, трудно было говорить такое. Но он заставил себя продолжать: — Видишь ли, она и я, мы занимались этим. Часто. Все время. Вот что я называю настоящей женщиной.

Он остановился. Его насторожило внезапно изменившееся выражение лица Охранника, его остекленевшие глаза, тяжелое дыхание. Он зашел слишком далеко. Он хотел лишь парализовать старика, вызвать у него отвращение, вывести из строя, но он перестарался; он подскочил к Охраннику и подхватил его как раз в тот момент, когда старик стал падать, теряя сознание.

Тропайл полил на него водой. Охранник чихнул и неуверенно сел. Он остановил свой взгляд на Тропайле и вдруг покраснел.

— Я хочу выйти на улицу и посмотреть на Новое Солнце,— сурохо произнес Тропайл.

Просьба была невероятной! Охранник, по-видимому, не имел права давать своим подопечным такую свободу, это противоречило Долгу, ведь Охранник должен Охранять. Но грязные рассказы Тропайла выбили Гражданина Хармейна из колеи.

Ему было трудно двигаться, он задыхался от тех непристойностей, которых наслушался. Он разрывался между двумя возможными вариантами развития событий, оба строго обязательны, оба абсолютно невозможны. Тропайл находился под арестом в соответствии с Пятым Правилом. И с этим все было ясно, но лишь с одной стороны. Таких, как Тропайл, нельзя было выпускать из помещения, где они содержались; Охранник знал об этом; все это знали, и Тропайл тоже это знал.

Тропайл просил о невозможном. Это было большей непристойностью, чем даже страшные похотливые истории. Никто и никогда не просил о том, чего нельзя было позво-

лить, потому что никто никогда ни в чем не мог отказать; это было абсолютно немыслимо, неприлично.

Можно было лишь попытаться пойти на компромисс. Заикаясь, Охранник произнес:

— Может быть... Может быть, позволить тебе посмотреть на Солнце из коридора? — Даже это полностью противоречило правилу; но он обязан был что-то предложить. Что-то всегда предлагалось. С детства Охранник никогда и никому не отвечал резким отказом. Ни один Гражданин так не поступал. Резкое «нет» вело к неприятным ощущениям, резким словам и, может быть, даже к драке. Единственно мыслимое резкое «нет» было ужасным последним «нет» сумасшедшего. А кроме этого...

Гражданин предлагал. Гражданин шел на компромисс. Гражданин неизменно испытывал тихую радость, когда его предложение неизменно принималось, компромисс достигался, обе стороны были удовлетворены.

— Для начала пойдет, — проворчал Тропайл. — Открывай, стариk, открывай! Не заставляй меня ждать!

Охранник, пошатываясь, открыл дверь в коридор.

— А теперь на улицу!

— Я не имею права! Не могу! — вырвался крик боли из груди Охранника. Он закрыл лицо ладонями и зарыдал, безнадежно выведенный из строя.

— На улицу, — безжалостно настаивал Тропайл. Он чувствовал себя смертельно больным. Он шел против всего того, что было и его жизнью, не только жизнью Охранника.

Но он был Волком.

— Я буду Волком, — прорычал он и подошел к Охраннику. — Моя жена, — произнес он. — Я ведь еще не закончил рассказывать. Иногда она обнимала меня и прижималась ко мне, и однажды, я помню это, она поцеловала меня в ухо. Днем. Было забавно и приятно. Просто невозможно описать.

Плача, Охранник бросил Тропайлу ключи и, раздавленный, заковылял прочь. Он уже был неспособен что-либо сделать. Да и сам Тропайл чувствовал себя почти так же скверно, разница была лишь в том, что он продолжал действовать. То, что он произносил, как кислотой, жгло ему горло.

— Они называют меня Волком, — вслух произнес он, держась за стену. — Я буду им.

Он открыл дверь на улицу. Жена уже ждала его. С собой у нее было все то, что он просил ее принести.

Тропайл произнес слова, которые показались ей странными.

— Я — сталь и пламя. Я — Волк!

Она всхлипывала:

— Глен, ты уверен, что я поступаю правильно?

Он неуверенно засмеялся и повел ее за руку по пустынным улицам.

5

Гражданин Джермин помогал готовить Гражданина Бойна к Жертвоприношению, так как не только имел на это право по статусу и положению, но и был знатоком процедуры. Сделать, фактически, нужно было немного. Но приходилось проводить сложную и долгую процедуру в соответствии с этическими нормами Граждан, ее приходилось затягивать, каждый шаг сопровождался тщательно разработанным ритуалом.

Жертвоприношение проводилось днем, при свете Нового Солнца. И те из трехсот Граждан Вилинга, которые смогли прийти посмотреть его, расположились во дворе старого Федерального Здания.

Суть церемонии заключалась в следующем: человек, оказавшийся Волком, или тот, кто в конце концов не выдерживал тягот жизни и сходил с ума, не имел права жить. Его ставили перед толпой сограждан и давали возможность добровольно (или насилием, если это было необходимо) совершить Жертвоприношение Спинномозговой Жидкости. Казнь была убийством, а убийство непозволительно, как гласил благородный кодекс Граждан. Поэтому казни не было. Выкачивание спинного мозга не убивало человека. Процедура вела лишь к тому, что с течением времени организм сдавался и человек умирал — в мучениях.

После Жертвоприношения проблема, конечно, коренным образом менялась. Страдание само по себе считалось недопустимым. Поэтому, чтобы избавить Приносимого в Жертву от предстоящих мучений, существовал обычай, чтобы самый старый и добрый Гражданин с остро отточенным ножом стоял рядом. Когда Жертвоприношение заканчивалось, голова Приносимого в Жертву отрубалась. Делали это только для того, чтобы предотвратить страдания. Следовательно, казни как таковой не было, просто ускорялся неизбежный конец. Затем около десяти Граждан, чей ранг давал им право помогать в проведении церемонии, торжест-

венно разбавляли спинномозговую жидкость водой, и каждый выпивал свою порцию. В этот момент подобало сложить небольшое стихотворение. В общем для всех присутствовавших это была совершенно уникальная возможность для второй самой чистой и возвышенной Медитации (помимо размышлений о Взаимосвязи).

Гражданин Джермин — его роль называлась Носитель Катетера — занял свое место рядом с Носителем Иглы, Вещателями и Спрашивающим о Предназначении. Когда он проходил мимо Гражданина Бойна, он помог ему принять традиционную позу; Бойн взглянул на него с благодарностью, и Джермин посчитал, что в этот момент уместна Ободряющая Полуулыбка. Спрашивающий о Предназначении торжественно обратился к Бойну:

— Тебе выпала честь принести здесь сегодня Жертву. Хочешь ли ты этого?

— Да, — с восторгом ответил Бойн. Беспокойство прошло; он был полностью уверен, что принесет хорошую Жертву; Джермин всем сердцем одобрял его.

Вещатели строфами, чередуясь друг с другом, объявили толпе о традиционной паузе для Медитации, и все погрузились в молчание. Гражданин Джермин начал процесс очищения своего мозга, готовясь к великой возможности Принять с благодарностью то, что ждет его впереди. Какой-то звук отвлек его. В раздражении он поднял глаза. Кажется, звук доносился из Дома Пяти Правил, и это был мужской голос. Но его, казалось, никто больше не слышал. Все, кто пришел посмотреть, все те, кто сидел на каменных ступенях, были погружены в Мрачную Медитацию.

Джермин постарался вернуть свои мысли в нужное русло... Но что-то тревожило его. Он мельком взглянул на Приносящего Жертву — там что-то было...

Он еще раз сердито взглянул на Гражданина Бойна, чтобы рассмотреть, что привлекло его внимание.

Да, там что-то было. За фигурой Гражданина Бойна. Тихое, едва видимое мерцание жизни и движение. Ничего осязаемого; казалось, воздух пришел в движение.

Это было — сердце Джермина разрывалось — это было Око!

Настоящее чудо Перемещения! Оно вот-вот должно было произойти здесь, сейчас! Перемещение Гражданина Бойна! И никто, кроме него, Джермина, не знал об этом!

Последнее предположение Гражданина Джермина было ошибочно.

Действительно, ни один человек не видел того, похожего на стеклянный шар предмета, который искривлял пространство над простертым телом Бойна. Но был в некотором смысле другой свидетель — за несколько тысяч миль отсюда.

Пирамида на горе Эверест «пошевелилась». Она не двигалась, но что-то в ней подвинулось, изменилось, появилось какое-то излучение. Пирамида осматривала свою... капустную грядку? Часовой завод? Точно столько же смысла было бы, вероятно, в словах «часовая грядка» или «капустный завод»; в любом случае, она наблюдала за тем местом, где для нее росли, созревали и собирались тогда, когда нужно, сложные механизмы, после чего они быстро замораживались и монтировались в цепи.

При помощи сигналов, которые она принимала, Пирамида поняла, что один из механизмов готов.

Кровью Пирамиды была диэлектрическая жидкость, ее органами — электростатические заряды. Ее философией — «развинти и толкай». Ее мотив — выжить.

Выживание сегодня означало для Пирамиды нечто иное, чем когда-то. Когда-то выживание означало лишь скольжение на подушке отталкивающихся зарядов, движение создавалось за счет потока электронов; достаточно часто она посыпала высокочастотные импульсы, которые давали четкую картину; сталкиваясь с препятствием и отталкиваясь от него, они несли в себе изображение этого препятствия.

Если изображение показывало нечто такое, что могло участвовать в обмене веществ, Пирамида усваивала это. Она делила это «нечто» на молекулы, разбивала его протонами, оставшимися от рассеиваемых электронов, молекулы она усваивала. Иногда усваемый объект был Неподвижным, иногда Подвижным; расплывчатая, вольная классификация, основанная на философии, главным принципом которой являлось то, что все разбирается на составляющие.

Если объект был Подвижным, его иногда приходилось преследовать. Вот и вся разница.

Основным было выживание, а не пустые различия.

Однако довольно давно Пирамида узнала, что делать некоторые различия очень полезно. Например, существовало различие между предметами, которые просто участвовали в обмене, и предметами, которые легко, без проблем, усваивались. Много усилий можно было бы сэкономить, если бы предметы можно было просто «вмонтировать» в те участки, где они необходимы, не изменяя их.

Или почти не меняя.

На этой планете было много предметов, которые легко усваивались. Эти предметы, как оказалось, хорошо подходят для того, чтобы непосредственно использовать их в сложных устройствах Пирамид; причем почти не требовалось никакой обработки, кроме подавления ненужных «потребностей» и «желаний».

Именно по этой причине Пирамиды позаботились в первую очередь о том, чтобы украсть планету.

Итак, Пирамида на Эвересте сидела и ждала.

Ей не было скучно в изоляции. Ни одна из Пирамид не знала, что значит «скучно». И если на то пошло, она, фактически, не была одинока, так как указания ей шли с планеты-двойника, с которой Пирамида с Эвереста находилась в постоянном контакте, так же, как и другие Пирамиды и Автономные приборы и все прочее. Она посыпала высокочастотные отражающиеся и рассеивающиеся импульсы. Она рассеивала их дополнительно после того, как они возвращались. Глубоко внутри собиралось крайне искаженное изображение. Еще глубже оно анализировалось и оценивалось на предмет его значимости для выживания Пирамиды, в том значении, в котором понимала выживание Пирамида. Выживание включало потребность в сложных Компонентах — человек, вероятно, мог бы назвать их «сервомеханизмами», — которые можно было ассимилировать и которые в диком виде росли здесь.

Планета действительно была очень богата этими Компонентами, которые имели чрезвычайно полезную привычку «созревать», то есть становиться идеальными для использования Пирамидой. Однако созревание происходило нерегулярно. Поэтому Пирамиде на Эвересте приходилось вести наблюдение за всей планетой, ожидая идеального момента для сбора.

(Разумеется, Компоненты, предназначенные для сбора, не знали о том, что они зреют для кого-то. Часы на полке ювелирного магазина тоже не знают о том, что придет покупатель и унесет их. Покупателя также не интересует, чем были часы, до того как их собрали. Так же было с Пирамидами и полезными устройствами, которые они собирали на Земле.)

Итак, когда наблюдение показывало, что Компонент созрел, Пирамида забирала его. Она использовала электростатические заряды. Когда вокруг Компонента, готового

для сбора, собирались заряды, они искали показатель преломления воздуха. Люди называли это «Оком».

Итак, Пирамида решила, что Компонент готов и его можно забирать.

За много-много миль от Эвереста, в Вилинге, Западная Виргиния, Гражданин Бойн достиг состояния экстаза, его мозг был абсолютно пуст. Электростатические заряды над его головой образовали Око.

Раздался звук, напоминающий хлопок или тихий удар грома.

Гражданам Вилинга был хорошо знаком этот звук. Это был миниатюрный грозовой разряд, который раздался, когда воздух заполнил то пространство, которое было занято коленопреклоненным, погруженным в Медитацию Гражданином Бойном, поглощенным ожиданием Жертвоприношения.

Звук вывел из состояния Медитации триста жителей Вилинга. Они задохнулись от зависти и восторга (и вероятно, немножко от страха), когда увидели, что Гражданин Бойн Переместился.

Или, говоря иначе, Гражданин Бойн созрел, и его сорвали.

6

Глен Тропайл и его жена устроились на ночь в жнивье на хлебном поле. Гала Тропайл в конце концов уснула, продолжая тихо всхлипывать во сне. Ее муж засыпал с трудом.

Коченея от ледяного холода, который шел от земли — пройдут недели, прежде чем новое Солнце достаточно нагреет землю и она начнет отдавать тепло, — Тропайл беспокойно метался. Он закрыл глаза и попробовал погрузиться в Медитацию; это ему не удалось... непрошенные образы проплывали в мозгу. Он попытался погрузиться в Медитацию с открытыми глазами. Иногда благословенная пустота наступает быстрее, когда вы просто не обращаете внимания на окружающий мир.

Но и это не получилось; когда Тропайл открыл глаза, он увидел прямо над горизонтом яркую звезду. В последнее время ее не было на небе, но Тропайл сразу узнал ее.

Это была планета-двойник. Обиталище Пирамид.

Тропайл поежился, но не только от холода. Никому не доставляло удовольствия видеть эту планету на небе. Смотреть на нее значило вспоминать обо всем том зле, которое

она породила. Говорить о ней было непростительно. До того, как самые маленькие дети узнавали, что нельзя просить добавки или показывать на половые органы другого ребенка, они узнавали, что никогда нельзя упоминать планету-близнеца, какой бы яркой она ни казалась в небе.

Она не светилась своим собственным светом, и этот факт на микроскопическую долю уменьшал то зло, которое шло от нее. Как любая другая планета, как Марс или Юпитер, как все планеты, потерянные для Земли, она сияла отраженным светом ближайшего светящегося тела, маленького Земного Солнца. И когда старое и умирающее Солнце было слабым, а люди пребывали в страхе и напряжении, ее с трудом можно было заметить.

Это, конечно, было очень маленькое утешение, но жизнь человека была такова, что больше утешиться ему было нечем.

Тропайл закрыл глаза, чтобы избавиться от неприятного зрелища и вновь попытался уснуть. Даже когда сон пришел, он был беспокойным. Он видел сны, но они не принесли ему радость, потому что в них он был Волком.

Едва проснувшись, он осознал, что ЭТО правда. Хорошо, пусть так, повторял он снова и снова. Я буду Волком. Я отомщу Гражданам. Я сделаю...

Мысль все время уходила в сторону. Что он мог сделать?

Переселиться, был ответ, уехать в другой город. С Галой, полагал он. Начать новую жизнь там, где не знают, что он Волк.

А что потом? Попытаться вести жизнь овцы, как он уже пытался все эти годы? И кроме того, вставал вопрос, удастся ли ему найти город, где его не знают. Человечество постоянно мигрировало, так как все эти годы ему приходилось подчиняться абсолютно непонятному правилу Пирамид. Это был вопрос инсоляции — зависимости от Солнца. Когда новое Солнце было молодым, было жарко, было много тепла, можно было продвигаться на север и на юг, прочь от линии вечной мерзлоты, которая в Северной Америке проходила чуть выше прежней линии Мэйсон—Диксон. А когда Солнце затухало, холод вновь распространялся. И род человеческий подчинялся сменам времен года. Вскоре весь Вилинг вновь двинется на север, и можно ли быть уверенным, что никто из Граждан Вилинга не окажется там, куда он может приехать?

В этом нельзя быть уверенным. Таков ответ.

Хорошо, откажемся от переселения. Что оставалось?

Он мог с Галой, как он полагал, жить уединенно, где-нибудь на границе обрабатываемой земли. У них обоих есть некоторый навык обыскивать старые склады древних людей.

А это требовало навыка. Грабеж в старых супермаркетах не только говорил о плохом воспитании, крайне плохом — он был также и опасен. Можно было умереть от отравления, если вы не знали, что вы делаете. В течение столетий почти все самые привлекательные консервы превратились в смертельную и отвратительную мешанину. Однако это не значило, что там уже ничего не было. По причинам, известным только им самим, древние считали удобным брать некоторые виды продуктов, которые довольно хорошо сохранялись и сами по себе, и запечатывать их в вакуумные коробки. Крекеры. Макароны. Пресный хлеб, да там все еще было много всего.

Итак, это было возможно.

Но даже Волк по природе своей существа стадное. И были этой ночью унылые часы, когда Тропайл чувствовал, что он почти рыдает вместе со своей женой.

Как только забрезжил рассвет, он встал. Гала спала неглубоким беспокойным сном. Он разбудил ее:

— Мы должны идти, — сухово сказал он. — Может быть, у них хватит смелости преследовать нас. Я не хочу, чтобы они нас нашли.

Не говоря ни слова, она встала. Они свернули и связали одеяла, которые принесла Гала; быстро съели пищу, которую она принесла; сделали узлы и, взвалив их на плечи, двинулись в путь. Одно было в их пользу: они шли быстро, быстрее, чем, вероятно, любой Гражданин, который будет их преследовать. И тем не менее, Тропайл постоянно нервно оглядывался.

Они торопились на северо-восток и сделали ошибку, потому что к полудню оказалось, что они со всех сторон окружены водой. Ее невозможно было перейти вброд. Им придется идти по краю воды на запад, пока они не найдут мост или лодку.

— Мы можем остановиться и поесть, — сказал Тропайл нехотя, стараясь не поддаваться отчаянию.

Они тяжело опустились на землю. Сейчас она была теплее. Тропайл почувствовал, что его клонит ко сну все больше и больше. Он резко выпрямился и воинственно огляделся вокруг. Рядом с ним неподвижно лежала его жена, ее глаза были открыты, она смотрела в небо. Тропайл вздохнул и потянулся. Минута отдыха, пообещал он себе. А потом

быстро перекусить и вперед. Он крепко спал, когда они пришли за ним.

Сверху раздался шум крыльев железной птицы.

Тропайл мгновенно проснулся и вскочил на ноги, почти в панике. В это невозможно было поверить, но это было так. В небе над ним, выгравированный на фоне облака, вертолет. И люди, выглядывающие из него, смотрящие вниз на него, Тропайла.

Вертолет!

Но вертолетов не существовало, таких, которые бы летали,— если бы было горючее для них — если бы был кто-нибудь, кто бы умел управлять ими. Это невозможно! И тем не менее он был здесь, и люди смотрели на Тропайла. И невозможная огромная кружящаяся штуковина подлетала все ниже, все ближе.

Он принял бежать в водовороте воздуха, идущего от лопастей. Но это было бесполезно. Людей было трое, они были отдохнувшими, а он — нет. Он остановился, принял бойцовскую стойку, которая заложена в человеке, как инстинкт; он был готов сражаться. Они не хотели драться. Они смеялись, один из них сказал дружелюбно:

— Все плохое позади, малыш. Залезай. Мы отвезем тебя домой.

Тропайл стоял, озадаченный, кулаки все еще сжаты.

— Отвезете...

— Отвезем домой. Да.— Человек кивнул.— Туда, где ты должен быть, Тропайл, понимаешь? Не в Вилинг, если тебя это беспокоит.

— Где я должен...

— Где твое место.

Тогда он понял.

Изумленный, он влез в вертолет. Домой. Стало быть, был дом у таких, как он. Он не был одинок, ему не нужно жить отшельником вдали от всех, он мог быть вместе с такими, как он сам.

— Как...— начал он, в голове его роились тысячи вопросов, которые ему необходимо было задать, и он спросил: — Откуда вам известно мое имя?

Человек засмеялся.

— Неужели ты считал, что ты единственный Волк в Вилинге? Мы всегда начеку. Мы должны быть начеку, ведь мы Волки.— И продолжал, не дожидаясь, пока Тропайл задаст следующий вопрос: — Если ты хочешь спросить о жене, она, должно быть, услышала, как мы подлетаем,

раньше тебя. Кажется, мы видели ее за полмили отсюда, на той тропе, по которой вы пришли. Со всех ног мчалась в Вилинг.

Тропайл кивнул. В конце концов, так было лучше. Гала не стала Волком, хотя он и приложил все силы к этому.

Один из людей закрыл дверь, другой делал что-то с рычагами и колесами, лопасти вертолета закружились, он подпрыгнул на шасси, покачнулся и взлетел. Впервые в жизни Тропайл взглянул на землю сверху.

Они летели невысоко, но Глен Тропайл вообще никогда не летал и даже двести или триста футов высоты вызвали у него слабость и тошноту. Они маневрировали между холмами Западной Виргинии, пролетали над ледяными реками и ручьями, проплывали над старыми опустевшими городками, названия которых уже стерлись из памяти. Людей не было видно.

До того места, куда они летели, как ему сказали, было немногим более четырехсот миль. Они легко преодолели это расстояние до наступления темноты.

Тропайл шел по городу вечером. Электричество в домах, мимо которых он шел, слепило белыми и фиолетовыми огнями. Уму непостижимо! Электричество — это калории, а калории нужно было экономить.

На улице были другие прохожие. Эти люди не шаркали ногами, руки их не были безвольно опущены, они не экономили калории. Они буквально сжигали энергию. Они шагали широко, размахивая руками. В его мозгу с детства отпечаталось, что так ходить неправильно, предосудительно, глупо. Такая походка ослабляет, на нее уходит много калорий. Однако эти люди не выглядели ослабленными. Казалось, они не задумываясь тратили калории.

Городок был самым типичным, очевидно, назывался Принстон. Но он не выглядел времененным пристанищем — таким, как Вилинг, или Алтуна, или Гэри; он выглядел, как... в общем, он выглядел так, как будто люди поселились в нем навсегда. Тропайл слышал о Принстоне, но так получалось, что он никогда не проходил его, направляясь на север или на юг. Не было причины, по которой он или еще кто-либо заглянули бы сюда. И однако все, видимо, было подстроено так, чтобы сюда не попали посторонние. Специально подстроено.

Как любой другой город, он не был полностью заселен, но все же его население было большим, чем в других городах. Занято было каждое пятое жилье. Высокий процент.

Человека, который шел рядом, звали Хендл, — один из

тех, кто был в вертолете. Они немного говорили во время полета и сейчас тоже разговаривали мало.

— Поешь сначала, — сказал Хендл и привёл Тропайла к ярко освещенному, заполненному народом продуктовому киоску. Только это был не киоск. Это был ресторан.

Этот Хендл. Что с него взять? Он, должно быть, выглядел отвратительно, непристойно, мерзко. Никакого понятия о воспитании. Он не знал Семнадцати Условных Жестов или, по крайней мере, не пользовался ими. Он не позволил Тропайлу идти позади него слева, хотя и был по меньшей мере на пять лет старше Тропайла. Когда он ел, он просто ел. Для него не существовало правил Наслаждения Первым Глотком, Паузы Первого Насыщения, Троекратного Предложения Пищи. Он засмеялся, когда Тропайл хотел дать ему Порцию Старшего.

Весело, покровительственно этот человек сказал:

— Если тебе нечем занять время, занимайся этой ерундой. Твоим дуракам-согражданам делать было нечего. Вы бы умерли от скуки без этих идиотских штучек, да у вас и нет возможностей заниматься чем-нибудь более важным. Мне известны Жесты. Семнадцать деликатных способов передачи чувств, которые невозможно выразить словами или слишком опасно. Пусть вся эта ерунда катится к черту. У меня есть язык, и я не боюсь им пользоваться. Экономит время. Ты научишься, мы все научились.

— Но, — сказал Тропайл, изо всех сил стараясь привести в соответствие свои представления о поведении. — Как же затраты энергии? А что с необходимостью экономить еду? Где вы ее берете?

— Мы воруем у Овец, — жестко ответил Хендл. — Тебе тоже это предстоит. А сейчас замолчи и ешь.

Тропайл ел молча и думал.

Подошел какой-то человек, уселся, с любопытством посмотрел на Тропайла и сказал:

— Хендл, Соммервильская Дорога. Ручей поддерживал, когда замерзал. Все затопило; плохо, все разрушено.

Тропайл рискнул:

— Паводок разрушил дорогу?

— Дорогу? Нет. А ты, должно быть, тот парень, за которым летал Хендл? Тропайл, так кажется? — Он перегнулся через столик и пожал Тропайлу руку. — Мы отлично перегородили дорогу, — объяснил он, — но паводок все смыл. Сейчас нужно снова перегораживать.

Хендл ответил:

— Если нужно, возьми трактор.

Человек кивнул и ушел.

— Доедай, — сказал Хендл. — Мы тратим время. Насчет этой дороги. Видишь ли, мы отгородились от них. Зачем впускать и выпускать Овец?

— Овец?

— Антиподы Волков, — сказал Хендл.

Он объяснил:

— Возьмем десять миллиардов людей. Предположим, что на миллион один, только один, не похож на остальных. Он наделен талантом выживания; назовем его Волком. На десять миллиардов их десять тысяч. Выжимай их, дави, морозь, уменьшай их число. Пусть «Возрадуйтесь Мессии» маячит в жутком небе, пусть она похитила Землю вместе с людьми, пусть они вымирают, пусть их становится меньше, пока не останется лишь горстка замерзших, ошеломленных, но выживших. В мире нет десяти миллиардов людей. Их даже не в тысячу раз меньше. Их, может быть, лишь десять миллионов или около того, перемещающихся в огромном пространстве, созданном предыдущими поколениями. И сколько же среди этих десяти миллионов Волков?

— Десять тысяч.

— Ты понял, Тропайл. Мы выживаем. Мне все равно, как ты нас называешь. Овцы называют нас Волками. Мне больше нравится называть нас супермены. Но мы выживаем.

Тропайл кивнул, начиная понимать.

— Так, как выжил я в Доме Пяти Правил.

Хендл с жалостью посмотрел на него.

— Так, как ты выжил, проведя тридцать лет среди Овец до этого. Пошли.

Это была своего рода ознакомительная экскурсия. Они вошли в дом, большой, похожий на любой другой большой и заброшенный дом древних; серые каменные стены; окна с осколками стекла. Но внутри он совсем не был похож на другие дома. Спустившись на два этажа вниз, Тропайл вздрогнул и отвернулся от потока фиолетового света, идущего от кварцевой лампы на вершине короткого стального конуса.

— Не беспокойся, Тропайл, это абсолютно неопасно, — прокричал Хендл. — Знаешь, что это? Атомный реактор. Тепло. Энергия. Энергия, которая нам необходима. Понимаешь, что это значит? — Он внимательно смотрел на свер-

кающий фиолетовый свет через смотровое отверстие.—
Пошли,— резко бросил он.

Еще одно здание, тоже большое, тоже из серого камня. На потрескавшейся табличке над входом было написано: « ...ционный зал. Гуманитарные науки». На сей раз его по-разил не свет, а звуки. Стук молотков, скрип, грохот. Люди что-то делали при помощи машин из металла, производя сильный шум.

— Ремонтная мастерская,— крикнул Хендл.— Видишь машины? Это машины одного из нас, Иннисона. Мы приносили их с разрушившихся заводов, где только находили. Дай Иннисону железку — любой формы, из любого сплава — и одна из этих машин придаст ей какую хочешь форму и превратит практически в любой другой сплав. Просверли, разрежь, выпрями, расплавь, скрепи — скажи ему, что нужно сделать, и он сделает. У нас сделаны детали для шести тракторов и сорока одной машины в этой мастерской. У нас также есть и другие мастерские: авиационные в Фармингдейле и Ваките, оружейные — в Виллингтоне. Не то чтобы нам было не под силу делать кое-какое оружие здесь. Иннисон мог бы сделать и танк с полуторамиллиметровой пушкой, если бы потребовалось.

— Что такое танк? — спросил Тропайл.

Хендл лишь посмотрел на него и сказал:

— Пошли.

У Тропайла кружилась голова. Все, что он увидел, перемешалось, в это невозможно было поверить.

Атомный реактор, мастерская, гараж, авиационный ангар. Под трибунами стадиона был склад. И у Тропайла снова закружилась голова, когда он попытался пересчитать ящики с кофе и консервированными супами, виски и бобами. Был еще один склад, который назывался Арсенал. Он был наполнен... огнестрельным оружием. Оружием, которое можно было заряжать патронами, которых тоже было много; оружием, которое, если его зарядить и спустить курок, выстрелят.

Тропайл сказал, припоминая:

— Я видел ружье однажды. Но оно было совершенно ржавое.

— Эти стреляют, Тропайл. Из них можно убить человека. Некоторые из нас убивали.

— Убить...

— Не смотри на меня как Овца, Тропайл! Какая разница, как казнить преступника? И потом, преступник — это

тот, кто представляет опасность для мира, в котором ты живешь. Мы предпочитаем ружье, а не Жертвоприношение, потому что так быстрее, проще; и потому, что мы не любим пить спинной мозг, не важно, лечебное или символическое значение он имеет. Ты научишься.— Он не добавил «пошли», потому что они уже пришли туда, куда нужно.

Это была небольшая комната в здании арсенала, и в ней, среди прочего, была ружейная стойка.

— Садись,— сказал Хендл и взял из стойки ружье. Он задумчиво поглаживал его, точно так же, как обреченный Бойн поглаживал корпус часов. Это была одна из последних моделей, выпущенных до нашествия Пирамид, с коротким радиусом действия.

— Итак,— сказал Хендл, поглаживая ложе ружья,— ты все видел, Тропайл. Ты прожил тридцать лет среди Овец, ты видел, что есть у них и что есть у нас. Мне не нужно просить тебя сделать выбор. Я знаю, что ты выбираешь. Осталось лишь сказать, что мы хотим от тебя.

У Глена Тропайла что-то едва заметно задрожало внутри.

— Я знал, что вы к этому подведете.

— А почему нет? Мы не Овцы. Мы не поступаем так, как они. Помни это, экономь время. Ты увидел quid, теперь перейдем к quo. — Он наклонился. — Тропайл, что ты знаешь о Пирамидах?

— Ничего,— ответил Тропайл сразу же.

Хендл кивнул.

— Верно. Они окружают нас повсюду, они довели нас до нищеты. А мы даже не знаем причины. Мы не знаем, что они такое. Ты знаешь, что один из Овец был Перемещен в Вилинге, когда ты бежал?

— Переместился? — Тропайл слушал с открытым ртом, пока Хендл рассказывал ему о том, что произошло с Гражданином Бойном.— Значит, он все-таки не совершил Жертвоприношения,— сказал он.

— Может быть, было бы лучше, если бы он его совершил,— ответил Хендл.— Мы не знаем. Однако это дало тебе возможность убежать. Мы узнали — не важно как, главное, узнали, что в Вилинге поймали Волка. Мы полетели за тобой. Но ты уже убежал.

— Вы, черт возьми, чуть не опоздали, — несколько раздраженно заметил Тропайл.

— О, нет, Тропайл. Мы никогда не опаздываем. Если бы тебе не хватило сметки убежать, ты бы не был Волком, вот

так-то. Ну так вот, о Перемещении. Мы знаем, что оно иногда случается, но мы даже не знаем, что это такое. Мы знаем лишь то, что люди исчезают. В небе каждые пять лет появляется новое Солнце. Кто его создает? Пирамиды. Как? Этого мы не знаем. Иногда что-то плавает в воздухе, и мы называем это «Око». Оно как-то связано с Перемещением, с Пирамидами. Как? Мы не знаем.

— Мы не знаем многоного,— прервал его Тропайл, стараясь ускорить рассказ.

— Да, многоого.— Хендл мотнул головой.— Едва ли кто-либо видел Пирамиду, если уж на то пошло.

— Едва ли... Вы хотите сказать, что вы видели?

— О, да. Ты ведь знаешь, на Эвересте есть Пирамида. Это не сказки, это правда. Она находится там, по крайней мере, была там пять лет назад, сразу после последнего Зажжения Солнца. Я думаю, она не сдвинулась с места. Она так и сидит там.

Тропайл восхищенно слушал. Увидеть настоящую Пирамиду! Он считал их легендой, придуманной для того, чтобы объяснить такие известные физические явления, как Око и Перемещения, как дети объясняют то, что подарки на Эксперимент приносит Крингл-Сэн. Но этот удивительный человек видел ее!

— Кто-то сбросил водородную бомбу на Пирамиду. Давно,— продолжал Хендл,— и единственный результат — это то, что там, на Норд-Кол, сейчас кратер. Ее нельзя сдвинуть. Ей невозможно нанести вред. Но она живая. Она находится там, живая, в течение двухсот лет; и это все, что нам известно о Пирамидах. Так?

— Так.

Хендл встал.

— Тропайл, вот для чего все это.— Он рукой обвел вокруг.— Ружья, танки, самолеты. Мы хотим знать больше. Мы узнаем больше, а тогда уж будем бороться.

Прозвучала какая-то фальшивая нота, и Тропайл шестым чувством уловил ее. В чем-то, подсказывали Тропайлу его надпочечники, этот очень уверенный, волевой человек был чуть-чуть не уверен в себе. Но Хендл бешено развивал свою мысль, и Тропайл на минуту утратил бдительность.

— Пять лет назад мы послали отряд на вершину Эвереста,— говорил Хендл.— Мы ничего не узнали. И за пять лет до этого, и еще за пять лет... всякий раз, когда появляется новое Солнце, когда достаточно тепло для того, чтобы отряд имел возможность подняться по склону. Мы посылаем

отряд наверх. Это — трудная и рискованная работа. Мы получаем ее новичкам, Тропайл. Таким, как ты.

Вот оно. Ему предлагали атаковать Пирамиду.

Тропайл колебался, осторожно взвешивая, стараясь уловить скрытую суть этих переговоров. Волк против Волка. Было трудно. Где-то должна быть выгода.

— Выгода есть, — громко произнес Хендл.

Тропайл подскочил, но потом вспомнил: Волк против Волка. Хендл продолжал:

— То, чего мы добиваемся в первую очередь, — это жизнь. Ты понимаешь, что добиться этого сейчас невозможно. Мы не хотим, чтобы Овцы совались в наши дела. И во-вторых, есть большая надежда поживиться. — Он смотрел на Тропайла глазами мечтателя. — Знаешь, мы ведь не посылаем отряды просто так. Мы хотим кое-что получить взамен. Это кое-что — Земля.

— Земля? — Это попахивало безумием, но Хендл не был безумцем.

— Настанет день, Тропайл, когда мы поднимемся против них; Овцы не в счет. Волки против Пирамид, и Пирамиды потерпят поражение. И тогда...

От этого стыла кровь. Этот человек предлагал бороться, и с кем?! С неуязвимыми, подобными богам Пирамидами!

Он горел, и этот жар был заразителен. Тропайл почувствовал, как его кровь начинает пульсировать. Хендл не закончил фразы, но этого и не требовалось. Было ясно, что... «и тогда мир вернется к тому состоянию, в котором он был, когда впервые появилась блуждающая планета. А потом мы узнаем, как доставить эту старую планету назад, в ее Солнечную систему. И будет покончено с пятилетними периодами холода и голода. А потом... потом мир будет стоить того, чтобы жить в нем. И Волки будут им управлять».

— О, Боже, Хендл! — закричал Глен Тропайл. — Я верю, что так будет!

Хендл просто улыбнулся и кивнул.

— Я пойду на это! — торопливо продолжал Тропайл. — Давай посмотрим. Каждая новая экспедиция на Эверест пробует против Пирамиды какое-нибудь новое оружие, так? О'кей. Мы знаем, что водородная бомба не окажет действия. Думаю, что, если это верно, тогда и никакой химический взрыв не повредит ей. А как кислоты? Сверхнизкие звуковые колебания? А, ну я не знаю, какое-нибудь бактериологическое оружие? Мне, я думаю, захочется поговорить с теми, кто был в предыдущей экспедиции, прямо сейчас...

Он остановился на полуслове. Улыбка, застывшая на лице Хендла, не нравилась Тропайлу, да и голос звучал уж слишком тепло.

— Я достану тебе все копии их радиодонесений, Тропайл.

Тропайл изучающе рассматривал его минуту. Когда он заговорил, его голос был вполне спокоен.

— Что означает, как я понимаю, — сказал он, — что никто из этих людей не вернулся живым, так? Но вы сказали, что сами видели Пирамиду.

— Да, видел! — ответил Хендл и добавил, запинаясь: — Через телескоп из лагеря, разбитого в пяти тысячах футов.

— Понятно, — мягко промолвил Тропайл. Затем он засмеялся.

Какая, в самом деле, разница? Если вся эта затея была действительно глупостью, она, по крайней мере, что-то новое, над чем стоит подумать. Вполне возможно, ее перспективы несбыточны. Но они могут оказаться и реальными. Или, может быть, можно отыскать нечто реальное среди всех призрачных надежд и самообманов. Глен Тропайл был Волком. Он сделает все возможное и найдет способ получить выгоду в любых обстоятельствах. Если не удастся одно, он попробует другое. Это новое стоило испытать.

Кроме того, это было единственное дело в городе.

Тропайл улыбнулся Хендлу.

— Можешь убрать ружье, дружище. Ты уговорил меня.

7

Вновь начался год, год, который по календарю длится тысячу восемьсот двадцать пять дней, сорок три тысячи восемьсот часов. Сначала наступили примерно семьдесят дней весны, в течение которых обновленное Солнце заливало теплом льды, и океаны, и камни, а они с жадностью поглощали его. Льды плавились, океаны нагревались, а камни, наконец, становились приятно теплыми на ощупь, а не ледяными.

Весна привела в волнение десять миллионов граждан — они снова выжили.. Фермеры снова копались в земле, угольщики торжественно запечатали свои печи и временно занялись плотничным делом или ремонтом дорог, а полторы тысячи приверженцев Культа Льда из всей Северной Америки начали паломничество на Ниагару, посмотреть, как вскрывается река.

Затем наступало лето, долгое и знойное. Растения быст-

ро созревали, и фермеры быстро готовили землю для новых посадок и вновь собирали урожай, а потом, уже в последний раз, сажали снова. Прибрежные города, как обычно, затоплялись разливающимися потоками воды с полярных шапок, доставляя утонченное удовольствие тем, кто любил Погружения в Воду. Отличный год, говорили они друг другу, виноградный год — плоская вершина Здания-Стрелы исчезла в пламени заката.

И всю весну и лето Глен Тропайл учился быть Волком.

Путь лежал, как он, к своему неудовольствию, обнаружил, через детский сад городка-колонии. Это было не то, чего он ожидал, но имело то преимущество, что пока его подопечные учились, он учился тоже.

Идя на шаг впереди трехлеток, он узнал, что «волки» отнюдь не грабители «овец», между ними существовали гораздо более сложные экологические отношения. Повсюду среди Овец жили Волки, они были закваской, ферментом этого общества.

Примитивно просто воспитатель объяснял:

— Сыновья Волка хорошо соображают, когда дело касается чисел и денег. Как и вы, ваши друзья играют на деньги, как только начинают говорить, и вы умеете подсчитывать проценты и сложные проценты, когда захотите. Многие этого не могут.

Верно, подумал про себя Тропайл, читая вслух малышам. Именно так с ним и было.

— Овцы боятся Сыновей Волка. Те из нас, кто живет среди них, подвергаются постоянной опасности; его могут обнаружить и убить. Хотя обычно Волк может защититься от любого количества Овец.

Снова верно.

— Одно из самых опасных поручений, которое может получить Волк, — это жить среди Овец. Но это очень важно. Без нас они бы погибли — от застоя, разложения, в конце концов от голода.

Дальнейших разъяснений не требовалось. Овцы не могли починить даже свои заборы.

Проза была до жути проста. А дети были до жути — он споткнулся, подыскивая слово, но ему все-таки удалось придумать его — конкурентоспособны. Он обнаружил, что весенние табу продолжали довлесть даже после того, как он преодолел табу в поведении.

Это несколько угнетало: в том возрасте, когда будущие Граждане учили бы Правила Поведения для Малышей, эти

дети учились драться. Вечный спор о том, кто будет Биг Билл Зекендорф в странной игре, которая называлась «Зекендорф и Хилтон», иногда заканчивался, разбитыми носами.

И никто — совсем никто — не размышлял о Взаимосвязи.

Тропайла предупредили, чтобы и он этого не делал. Хендл мрачно сказал:

— Мы не понимаем этого. А то, чего мы не понимаем, нам не нравится. Мы подозрительные животные, Тропайл. Когда дети немного подрастают, мы достаточно тренируем их для того, чтобы они могли один раз погрузиться в Медитацию и прочувствовать, что это такое, — или, по меньшей мере, притвориться. Если им придется жить среди Граждан, этого им хватит. Но большего мы не разрешаем.

«Не разрешаем?» Почему-то это слово раздражало; почему-то его надпочечники начали сокращаться.

— Не разрешаем! У нас есть некоторые подозрения, а наверняка мы знаем, что иногда во время Медитации люди исчезают. В разговорах Овец о Перемещении достаточно правды. Мы не хотим исчезать. Не погружайся в Медитацию, Тропайл. Слышишь?

Но позднее он вынужден был поспорить по этому вопросу. Он выбрал минуту, когда Хендл был не занят, вернее, не занят настолько, насколько было возможно для этого человека. Все взрослое население колонии было на площадке, которую они использовали как учебный плац; когда-то это было «футбольное поле», как сказал Хендл. Они занимались строевой подготовкой, которая проводилась регулярно два раза в неделю; лишь небольшая плата за то, что живешь среди свободных и прогрессивных Волков, а не скучных, теплокровных Овец. Тропайл очень запыхался, но бросился на землю рядом с Хендлом, затаил дыхание и проговорил:

— Хендл, насчет Медитации.

— Что такое?

— Ну, может быть, ты не совсем понимаешь. — Он подыскивал слова. Он знал, о чем он хочет сказать. Как может быть плохо то потрясающее ощущение, которое возникает, когда чувствуешь Единство? И в конце концов, Перемещения настолько редки, что вряд ли стоит принимать их во внимание. Но он не был уверен, что сможет разъяснить это Хендлу таким образом. Но попытался:

— Хендл, когда Медитация удачна, ты — одно целое со Вселенной. Понимаешь, что я хочу сказать? Это чувство

ни с чем не сравнимо. Этот покой, красоту, гармонию, спокойствие невозможно описать.

— Это самый дешевый в мире наркотик,— фыркнул Хендл.

— Послушай, на самом деле...

— И самая дешевая в мире религия. Разорившимся идиотам не по карману золоченые идолы, поэтому они созерцают свои собственные пупки. И только. Им не по карману спиртное. Они даже не могут позволить себе напрячь мускулы, чтобы глубоко вздохнуть и основательно провенти- лировать легкие, чтобы дойти до состояния кислородного опьянения. И что же остается? Самогипноз. Ничего больше. Это все, на что они способны, этому они и учатся, это они считают приятным и полезным, и все довольны.

Тропайл вздохнул. Хендл так упрям. Неожиданно ему в голову пришла мысль. Он приподнялся на локтях.

— А не забываешь ли ты кое о чем? А как же Перемещение?

Хендл сердито посмотрел на него.

— Это как раз то, чего мы не понимаем.

— Но, наверняка, самогипноз не объясняет...

— Наверняка объясняет,— зло передразнил Хендл.— Хорошо. Мы не понимаем всего этого и боимся. Но, умоляю, не говори мне, что Перемещение — это высший Самопроиз- вольный Акт, Полное Отрицание Двойственности, Соедине- ние с Брахм-Землей и прочую чушь. Ты не знаешь, что это такое. Мы тоже.— Он начал вставать.— Мы знаем лишь то, что люди исчезают, а мы этого совсем не хотим. Поэтому мы не медитируем. Ни один из нас, включая тебя.

* * *

Глупость вся эта муштровка сомкнутого строя. Разве можно победить недосягаемую Пирамиду в Гималаях об- ходным маневром с флангов?

Но не совсем глупость. Муштровка и рацион в три тысячи пятьсот калорий в день способствовали тому, что тело Тропайла обрастило мускулами, мясом, а мозг при этом со- хранял живость. Он не утратил дар быстро воспринимать все вокруг, своей энергии, всего того, что отличало Волков от Овец. Но в нем появилось и новое чувство. Счастье? Ну, если счастье — это сознание цели и надежды на то, что эту цель можно достичь, тогда счастье. Никогда раньше в своей жизни он не испытывал этого чувства. Всегда лишь секреция надпочечников была причиной того, что он доби-

вался превосходства, это прошло или почти прошло, потому что было позволено в том обществе, в котором он жил сейчас.

Глен Тропайл пел, когда работал на тракторе, вспахивая оттаивающие поля Джерси. И все же слабое сомнение оставалось. Отряды против Пирамид?

Тропайл остановил трактор, убавил обороты двигателя и вылез. Было жарко, стояла середина лета пятигодичного цикла, навязанного Пирамидами. Настало время немного отдохнуть, а может быть, и перекусить.

Он присел в тени дерева, как это делают фермеры, и развернул сэндвичи. Он был лишь в миle от Принстона, но можно было подумать, что он в преддверии ада. Кроме него, не было ни души. Овцы не подходили близко к Принстону — так уж «получалось», специально. Он уловил какое-то движение, но когда встал, чтобы разглядеть получше, что там, в лесу, на другом краю поля, все исчезло. Волк? Настоящий волк? Но это мог быть и медведь. Ходили слухи о волках и медведях в окрестностях Принстона. И хотя Тропайл знал, что большая часть слухов прилежно распространяется людьми, подобными Хендлу, он знал также, что частично они верны.

Поскольку он уже стоял, он набрал соломы из «прошлогодней» в рост человека травы, набрал под деревьями палок, соорудил небольшой костер и поставил кипятить воду для кофе. Затем он сел и в задумчивости стал есть сэндвичи.

Возможно, это и было повышением — переход из детского садика на работу в полях. Хендл обещал место в экспедиции, которая откроет, быть может, что-нибудь новое, великое и полезное о Пирамидах, но это еще могло и сорваться, потому что экспедиция отнюдь не была готова.

Тропайл задумчиво жевал сэндвичи. Почему же работа по подготовке экспедиции так далека от завершения? Было абсолютно необходимо попасть туда в самую теплую погоду — в любое другое время года Эверест был неприступен; поколения альпинистов доказали это. А это самое теплое время быстро уходило.

Охваченный неприятным чувством, он подбросил еще несколько веток в костер и задумчиво уставился в котелок с водой. Пламя достаточно жаркое, рассеянно заметил он. Вода почти кипит.

На полпути к краю света, Пирамида в Гималаях почувствовала, услышала или определила на вкус разницу.

Вероятно, высокочастотные импульсы, которые издава-

ли непрерывное би-би-би, сейчас стали издавать би-бип, би-бип. Может быть, электромагнитный «вкус» инфракрасного был сейчас чуть-чуть приправлен ультрафиолетовым. Словом, каким бы ни был сигнал, Пирамида его узнала.

Часть урожая, за которым она ухаживала, был готов для сбора.

Распускающийся бутон имел имя, но Пирамидам нет дела до имен. Человеку по имени Тропайл тоже не было ведомо, что он созревает. Тропайл знал лишь то, что впервые почти за год ему удалось уловить каждую стадию из девяти совершенных состояний закипающей воды в их самой идеальной форме.

Это было как... как... это было ни с чем несравнимо, и никто, кроме Наблюдателя за Водой, не мог понять этого. Он наблюдал, он оценивал. Он уловил и поглотил мириады тончайших оттенков времени, меняющейся прозрачности, изменения звука, распределения кипения, слабого, слабого запаха пара.

Когда все закончилось, Глен Тропайл расслабил конечности, и голова его упала на грудь. Это была, подумал он, воспринимая все безмятежно, с кристальной ясностью, редкая и идеальная возможность для Медитации. Он думал о Взаимосвязи. (Над его головой в чистом спокойном воздухе появилось колеблющееся стекловидное уплотнение). В том стертом палимпсесте, который когда-то был мозгом Глена Тропайла, не появилось и мысли об Оке. Не было никаких мыслей ни о Пирамидах, ни о Волках. Вспаханного поля перед ним тоже не существовало. Даже вода, с веселым бульканьем выкипающая из кружки, перестала им восприниматься; он погружался в Медитацию.

Время шло, а может быть, остановилось; для Тропайла это было безразлично; времени не существовало. Он очутился на пороге Постижения. (Око над ним бешено крутилось.)

Вдруг что-то дало осечку. То ли помешало жужжание мухи, то ли дернулся мускул. Частично Тропайл вернулся к реальности, он почти глянул наверх, он почти увидел Око...

Но это не имело значения. То, что действительно было важно, единственное, что было в мире, заключалось в его мозгу. И он знал, что скоро отыщет это. Еще одна попытка!

В его мозгу появился вопрос, который не имел ответа, но который вытеснил из головы все другие мысли, очищая мозг:

Если звук ладошек друг о друга — хлопок, то какой звук производит одна ладошка?

Осторожно, не торопясь, он рассматривал этот вопрос, символ тщетности ума, а следовательно, путь к Медитации. Непознаваемость собственной личности наполняла его.

Он был Гленом Тропайлом. Но он был больше, чем Глен Тропайл. Он был кипением воды... а кипящая вода — это был он; он был нежным, теплым огнем, который сам был, да, был небесным сводом. Потому что одна вещь была другой вещью; вода была огнем, а огонь — воздухом. Тропайл был первым пузырьком в закипающей воде, а кипение горячей, хорошо нагретой воды было собственно Личностью, было...

Ответ на безответный вопрос становился все яснее, мягче. А затем, сразу, но не внезапно, ведь времени не существовало, он вдруг возник. Ответ был в нем, но был им самим, небовод был ответом, и ответ принадлежал небу, теплу, всему теплу, которое наполняло мир, и всей воде, и ответ был... был...

Тропайл исчез. От мягкого удара грома, последовавшего за этим, заплясали язычки пламени и заколебалась струйка пара, потом огонь успокоился, пар — тоже. А Тропайл исчез.

8

Хендл пробирался сквозь высокую траву, ориентируясь на негромкое тарахтение дизеля. Он был зол.

Вероятно, было ошибкой взять этого Глена Тропайла в колонию. Он больше Гражданин, нежели Волк. Нет, брось это, подумал Хендл. Он больше Волк, чем Гражданин. Но кровь Волка в нем подпорчена Овечьей кровью. Среди Граждан он вел себя как Волк, но несмотря ни на что, он не отказался от некоторых овечьих привычек. Медитация. Его предупреждали насчет этого. Но разве он перестал?

Нет.

Если бы дело было за Хендлом, Тропайл вновь оказался бы среди Овец или умер бы. К счастью для Тропайла, не все зависело от Хендла. Общество, в котором жили Волки, ни в коей мере не было демократичным. Но у руководителя имелось определенное обязательство перед избирателями: он не мог позволить себе ошибиться. Подобно Вожаку Волчьей Стai, который защищал Маугли, он должен был защищать свои действия от нападок; если бы ему это не удалось, стая свергла бы его.

А Иннисон считал, что Тропайл им нужен, несмотря на то, что в нем была примесь крови Граждан, и даже именно поэтому.

Хендл кричал:

— Тропайл, Тропайл, где ты? — Ответом был только шум ветра и стук дизеля. Это безумно злило. Хендлу было чем заняться, кроме как искать Тропайла. Где же он? Вот дизель, работающий впустую, вот борозды, распаханные Тропайлом. Вот небольшой костер...

А вот и Тропайл.

Хендл застыл, открыв рот, чтобы позвать Тропайла.

Да, это был Тропайл. Он смотрел сосредоточенным, застывшим взглядом на костер и маленький котелок, который на нем стоял. Взгляд неподвижен. Он был погружен в Медитацию. А над его головой, подобно неровному стеклу в раме, было то, чего Хендл боялся больше всего на Земле. Око.

Тропайла лишь секунды отделяли от Перемещения... чем бы это Перемещение ни было.

Может быть, наконец настало время узнать, что же это такое! Хендл отступил назад и спрятался в высокой траве, встал на колени и достал радиопередатчик из кармана. Он с волнением вызывал: «Иннисон! Иннисон! Да ради Бога, позовите же кто-нибудь Иннисона!» Секунды шли, кто-то отвечал ему, наконец появился Иннисон.

— Слушай, Иннисон! Ты хотел застать Тропайла в момент Медитации? Сейчас как раз подходящий случай. Старое пшеничное поле, южный конец, под вязами вокруг ручья. Понял? Будь как можно быстрее, Иннисон,— над ним образуется Око.

Удача! Какая удача, что они были готовы к этому, просто повезло, потому что вертолет, который Иннисон терпеливо собирал для штурма Эвереста, был уже готов и загружен приборами, предназначенными для взвешивания и измерения ауры свечения эманаций вокруг Пирамиды. Сейчас, когда понадобилось, они были под рукой. Это была удача, но нужно было спешить. И прошло лишь несколько минут, прежде чем Хендл услышал дрожащий гул вертолета, увидел крутящиеся низко над изгородью лопасти, увидел, как клонится до земли изгородь за вязами. Хендл осторожно поднялся и выглянул. Так, Тропайл все еще здесь, и Око все еще над ним. Но шум вертолета нарушил таинство. Тропайл пошевелился. Поверхность Ока пошла волнами, оно задрожало...

Но не исчезло.

Благодаря того, кто у него считался Богом, Хендл окольным путем обежал вязы и присоединился в вертолете к Иннисону, который яростно замыкал переключатели и настраивал линзы.

Они видели, что Тропайл сидит, а Око над его головой становится все больше и подплывает все ближе. У них было время, много времени; о, почти минута. Они направили на молчаливого, ничего не ведающего Тропайла все приборы, какие были на борту вертолета. Они ждали, когда Тропайл исчезнет.

И он исчез.

Они присели при ударе грома, когда воздух заполнил место, где был Тропайл.

— Мы получили то, что ты хотел, — суворо промолвил Хендл. — Давай посмотрим показания приборов.

В течение всего Перемещения высокопрочная магнитная пленка на вращающейся катушке со свистом пролетала по двадцати четырем записывающим головкам со скоростью сто футов в секунду. Все измерительные приборы, которые они смогли придумать и смастерить, имели выход на записывающие головки. Погруженные на вертолет, эти приборы были предназначены для использования на Эвересте, а сейчас все они были направлены на Глена Тропайла. На момент Перемещения у них были показания изменений в электрическом, магнитном, гравитационном, радиационном и молекулярном состояниях, которые происходили вблизи Тропайла каждую микросекунду.

Менее чем за минуту они добрались до лаборатории, которая находилась в мастерской Иннисона. Но потребовались часы, чтобы, направляя магнитные импульсы в машину, которая превращала их в кривые на миллиметровке, получить нечто, напоминающее ответ.

Он сказал:

— Ничего таинственного. Я хочу сказать, ничего таинственного, за исключением скорости. Хочешь знать, что произошло с Тропайлом?

— Да, — ответил Хендл.

— Пучок электростатических лучей, поддерживаемый пинг-эффектом, выпустили приблизительно от азимута Эвереста (Бог знает, как они осуществляют подъем) и зарядили положительно и его, и пространство вокруг. Заряд большой; приборы зашкаливает. Они оттолкнулись. Его подбросило вверх, на метр от земли, затем был применен корректирующий вектор; когда его было видно в последний

раз, он мчался в направлении планеты Пирамид. Мчался так, что я сомневаюсь, доберется ли он туда живым. Требуется какое-то время, какая-то, довольно большая, часть секунды, и его протеин свернется, он почувствует себя плохо и погибнет. Но если снимут с него заряд сразу по прибытии, а мне думается, что они поступят именно так, он будет жить.

— Трение...

— К черту трение,— ответил Иннисон спокойно,— он находится в воздушной капсуле, и трения нет. Как? Я не знаю. Как они сохранят ему жизнь в космосе без заряда, который задерживает воздух? Я не знаю. Если они не сохранят заряд, смогут ли они превысить скорость света? Я не знаю. Я рассказываю тебе о том, что произошло, но не могу сказать как.

В задумчивости Хендл встал.

— Это кое-что,— проговорил он с завистью.

— Это больше того, что мы когда-либо знали. Полная запись в момент Перемещения.

— У нас будет больше,— пообещал Хендл.— Иннисон, сейчас ты знаешь, что нужно искать. Следи за этим. Пусть все детекторы работают двадцать четыре часа в сутки. Включи все, что у тебя есть, что может обнаружить признак наложенной модуляции. При малейшем признаке — или даже при намеке, что, может быть, есть признак — обязательно позови меня. Даже если я ем, сплю или предаюсь любовным утехам. Зови меня, слышишь? Может быть, ты был прав насчет Тропайла; может, он действительно принес пользу. Может быть, он доставит хлопот Пирамидам.

Иннисон, переключив катушки на перемотку, задумчиво произнес:

— Очень плохо, что они унесли его. Мы могли бы использовать больше данных.

— Очень плохо?

Хендл резко рассмеялся.

— Может быть и нет. На этот раз им попался Волк.

Пирамиды действительно получили Волка — факт, который не имел для них ни малейшего значения.

Нельзя узнат, что «имело значение» для Пирамид, можно лишь строить догадки, но можно знать точно, что у них не было способа отличать Волка от Гражданина.

Планета, которая была им домом,— двойник Земли —

была маленькой, темной, лишенной атмосферы и воды. Она была похожа на соты и начинена мириадами приборов.

Давно, когда техника являлась логическим следствием войны, роскоши, деятельности правительства, досуга, их Солнце истощило свою мощь, и примерно в то же самое время у Пирамид закончились Компоненты, которые они ввозили с соседней планеты. Они использовали свои последние Компоненты, чтобы воплотить свою тупую метафизику деления на части и толкания. Они подтолкнули свою планету.

Они знали, куда ее толкать. Каждая пирамида была радиоастрономической обсерваторией, мощность и точность которой не могли представить радиоастрономы Земли даже в самых смелых мечтах. Для начала они построили приборы, которые помогали их обнаженным органам чувств. Они погрузились в своего рода спячку, сведя свою деятельность почти на нет, оставив лишь небольшую «команду», и направились к Солнцу. У них были все основания считать, что они найдут там больше Компонентов. Так оно и получилось.

Тропайл был одним из самых новых, и единственное, что отличало его от других, это то, что он был самым свежим из предназначенных в запас.

Религия, или философия, которую он исповедовал, делала его весьма пригодным на роль Компонента. Медитация, заимствованная из дзен-буддизма, была для Пирамид неожиданным подарком, хотя, конечно, они не имели ни малейшего представления о том, что за этим стоит, и, уж конечно же, их это не «интересовало». Они знали только то, что в определенное время определенные потенциальные Компоненты становятся Компонентами, которые больше не являются потенциальными, а фактически созрели для сбора. Им было выгодно, чтобы умы, которые они собирают, были абсолютно чисты — это делало ненужным этап их очистки.

Тропайла «собрали» в тот момент, когда его заторможенное сознание было чисто, потому что он не интересовал Пирамиды как сущность, наделенная волей и пониманием. Они использовали мозг человека и его органы чувств лишь как сырье. Они использовали число Рашевского — гигантское, гораздо больше астрономического, выражение, которое определяло количество коммутативных операций, выполняемых человеческим мозгом. Они использовали «субцепцию», явление, посредством которого человеческий мозг, лишенный сознания, реагирует непосредственно на стимулы; отключение мозгового цензора; отсутствие решения

типа «должен-ли-я или не должен-ли-я», которое предшествует каждому сознательному поступку.

Они были Компонентами. Совсем не желательно, чтобы выключатель у вас в спальне имел свой собственный ум; если вы включаете свет, то вы лишь хотите, чтобы он включился. Так же и Пирамиды.

Компонент нужен в промышленном комплексе, который преобразует продукты катаболизма в продукты анаболизма.

Имея большой опыт, который они накопили с момента высадки на планету, Пирамиды получили *tabula rasa*, которую звали Глен Тропайл. Он прибыл целым, завернутым в воздушное одеяло. Окоченевшего умственно и психически в момент вялой пустоты, которую ему давала Медитация — кома психического пьяницы,— его перенесли на подушке отталкивающихся зарядов, и, когда он мертвым грузом опустился на планету, мгновенно убрали лишние электростатические заряды.

В этот момент он все еще был человеком, только спящим. Кольцеобразные поля, которые они использовали для того, чтобы поднимать и опускать, схватили его и поместили в плотную цистерну с питательным раствором. Таких цистерн было много, готовых, ждущих своей очереди.

Цистерны можно было двигать, и та, в которой был Глен Тропайл, действительно двигалась к комплексу обмена веществ, где уже было много других цистерн, все они были заняты. Это была теплая комната — Пирамиды не тратили энергию на такие пустые вещи, как комфорт в приемном центре. В этой комнате Глен Тропайл постепенно возвращался к жизни. Его сердце вновь начало биться, в груди появилось едва заметное движение, когда его оцепеневшие легкие сделали попытку дышать. Но постепенно движения замедлились и прекратились. В этих пустяках тоже не было нужды. Питательный раствор снабжал всем.

Тропайла «вмонтировали в цепь».

Единственным настоящим проводником поначалу был временный проводник — тонкий электрод, стерильно введенный в большой нерв, который ведет к райненцефалону — «обонятельному мозгу», к той области мозга, в которой находятся центры удовольствия, определяющие поведение человека. (Более тысячи земных Компонентов было испорчено и выброшено, прежде чем Пирамиды так точно определили местоположение центров удовольствия.) Пока Компонент Тропайл «программировался», проводник поощрял

его крошечными импульсами, когда он функционировал правильно, и эти импульсы заставляли его тело гореть от животного удовлетворения. Вот так просто. Через какое-то время проводник убрали, но к тому времени Тропайл полностью «усвоил» задачу. Условные рефлексы были выработаны. На них можно было рассчитывать в течение всей долгой и полезной жизни Компонента.

А эта жизнь действительно могла быть очень долгой. Так получилось, что в цистерне с питательной жидкостью, которая стояла рядом с цистерной Тропайла, лежал Компонент с восемью ногами и хитиновыми ободками вокруг глаза. Он пролежал в такой цистерне более 125 000 земных лет.

* * *

Затем Компонент включили в работу. Он открыл глаза и увидел, сенсорные нервы его конечностей осязали, мускулы его рук и пальцы ног работали.

Где же находился Глен Тропайл?

Он был там, невредимый, но Тропайл-зомби, лишенный воли и памяти. Он был машиной, но одновременно и частью еще более огромной машины. Он в такой же степени имел пол, как и фотоэлектрический элемент, его политические взгляды напоминали политические взгляды транзистора, его амбиции были амбициями ртутного переключателя. Он ничего не знал о сексе, страхе или надежде. Он знал только две вещи. Ввод и Вывод.

Вводом ему служил экран с маленькими огоньками на доске перед его открытым лицом. А также изменения проходящего через воду шума от громкоговорителя, некоторые запахи, давление, жара или боль.

Выводом ему служили танцующие манипуляции кнопок и клавиш, подсказываемые изменениями на Вводе и ничем больше. Между Вводом и Выводом лежал он, Глен Тропайл, живой Черный Ящик, который мог выполнять огромное количество переключений, равное числу Рашевского, и ничего больше.

Его запрограммировали на выполнение особой задачи — прогонять химическое вещество, которое называется 3, 7, 12-тригидроксихоланная кислота и которая присутствует в катаболическом продукте Пирамид, через более чем пятьсот отдельных операций до тех пор, пока она не станет химическим веществом, которое называется протопорфин IX, которое может участвовать в обмене веществ Пирамид.

Он был не единственным Компонентом, выполняющим

этую задачу; их было несколько, и у каждого своя программа. Кислота накапливалась в больших цистернах в миle от него. Он знал ее концентрацию, температуру и давление; знал о всех примесях, которые могут повлиять на последующие реакции. Легкими постукиваниями пальцев он подавал сигналы в двоичном коде для того, чтобы ворота шлюза на какое-то время открылись, а затем закрылись; чтобы поступило определенное количество растворителя при определенной температуре, чтобы кислота перемешивалась ровно столько времени, сколько нужно, и с определенной скоростью. А если поступал сигнал тревоги о нарушениях в одной из пятисот семнадцати основных и второстепенных операций, он — или уже «оно» — был настроен на альтернативы:

- забраковать и выбросить всю порцию, учитывая состояние жидкости на линии;
- изолировать и отвести всю порцию через резервную магистраль;
- принять немедленные меры для устранения неполадок.

Сложный дисплей и сложные модуляции сигналов на входе можно было принимать мгновенно, оценивать, и они помогали выработать нужное решение без всяких помех со стороны интеллекта, его человеческие качества тоже не были помехой.

Да и был ли он-оно все еще живым?

Вопрос был лишен смысла: он работал. Он, фактически, был отличной машиной. И Пирамиды неплохо о нем заботились. Помимо рефлекторных ответов, которые были его программой, его посещал лишь один вопрос: звук, издаваемый одной ладошкой, — ноль, отсутствие сознания, Самадхи, ступор?

Какое-то время он функционировал — до того момента, когда требующийся запас протопорфина IX превышался на достаточный коэффициент безопасности, что делало дальнейшее производство ненужным — на несколько минут или месяцев. В эти периоды он был счастлив (Он был запрограммирован так, чтобы ощущать себя счастливым, когда в процессе не возникало неисправимых неполадок.) В конце этого периода он отключался, посыпал сигнал, что задача выполнена, и его клали в сторону в состоянии, аналогичном состоянию глубокого замораживания, для того, чтобы пере-программировать его, когда понадобится другой Компонент.

Да, Пирамидам было абсолютно неважно, является ли данный конкретный Компонент Гражданином или Волком.

Роджет Джермин из Вилинга, Гражданин, поймал себя на том, что думает о Глене Тропайле гораздо больше, чем ему бы хотелось.

Было неприличным, что мысли Гражданина все время возвращались к пойманному Волку. Это было даже непонятно. Именно в это время он должен был посвящать подобающую часть мыслей — фактически почти все свои мысли — работе, потому что именно сейчас его профессия банкира требовала большой ответственности, но и приносила много радости.

Так бывало всегда в первые недели после рождения Нового Солнца. В это время даже самый здравый Гражданин мог позволить себе вволю помечтать. Следующие шесть месяцев, когда первый большой урожай уже был в закромах, а вторые самые ранние плоды уже созревали, были временем, когда банкиру следовало быть чрезвычайно умеренным. Экономия была тогда требованием дня. Поэтому Джермин обычно деликатно напоминал своим клиентам, почтительно советовал им экономить, а не тратить, брать в долг только тогда, когда возникла крайняя необходимость. Экономить, откладывать на то трудное время, которое наверняка ждет их.

Затем постепенно приближались трудные времена. Урожаи уменьшались. Тогда Джермин вынужден был пытаться более чем когда-либо найти слова, подобающие обтекаемые и вежливые, чтобы отговорить вкладчиков брать свои сбережения до того момента, когда возникнет необходимость.

Затем Старое Солнце начинало умирать, и урожаи становились совсем ничтожными. Это было долгое время, когда сбережения медленно таяли. Если можете, растяните их, обычно говорил он так убедительно, как мог настоящий Гражданин. Сделайте так, чтобы их хватило надолго. Всегда имейте что-нибудь про запас на вашем счете. Ибо, если вы будете тратить слишком много и слишком быстро, вы не только рискуете все израсходовать до Зажжения Нового Солнца, но, может быть, взвинтить цены, и тогда пострадают все.

А потом обычно рождалось Новое Солнце, и мир расцветал вновь. Вот как сейчас. И если Джермин хорошо делал свою работу, его банк обычно еще имел деньги для ссуд — финансировать новые предприятия — распахивать новые угодья — надеяться.

Для банкиров это было лучшее время, так же как и для всех остальных. Это было единственное время, когда каждый вообще отваживался надеяться.

Итак, когда однажды вечером Джермини пришел домой, он был чрезвычайно доволен своей работой и миром, в котором он жил. Он обдумывал слова тихого ликования, которые он скажет жене, чтобы поделиться своей радостью. Он открыл дверь.

Ликование было непродолжительным. Он украдкой рассматривал жену, не желая верить тому, что подсказывали ему разум и факты.

Возможно, события последних нескольких дней повредили ее рассудок, но он был почти уверен, что она тайно съела порцию вечерней еды в служебной комнате, прежде чем позвала его к столу.

У него была уверенность, что это лишь временное отклонение. В конце концов, она — Гражданка, со всем, что из этого следует. Такое существо, как эта Гала Тропайл, например, или кто-нибудь вроде нее, мог бы хитро и коварно украсть дополнительную порцию. Долгие годы жизни с Волком не могут не наложить свой отпечаток. Но Гражданка Джермини не такая.

В дверь тихо постучали три раза.

Помяни черта, очень к месту подумал Джермини, потому что это была та самая Гала Тропайл. Она вошла, низко опустив голову, почерневшая, изможденная и... и хорошенькая.

Он начал официально:

— Я приветствую тебя, Граж...
— Они здесь, — прервала она торопливо, голос ее выражал отчаяние.

Джермин заморгал.

— Пожалуйста, — молила она. — Сделайте что-нибудь! Это Волки!

Гражданка Джермини испустила сдавленный крик.

— Ты можешь уйти, Гражданка, — коротко сказал ей Джермин, уже подбирая в памяти слова Мягкого Порицания, которое он выскажет позже. — Итак, что ты говоришь насчет Волков? — Он с горечью осознал, что его слова почти так же отвратительно прямолинейны, как и ее. Его жена и жена Тропайла полностью разрушили приятное ощущение от дня, проведенного в банке.

Гала Тропайл, как безумная, села в кресло, которое освободила хозяйка. (Села без приглашения! Даже не на стул для гостей! Как далеко зашла эта женщина!)

— Глен и я убежали от вас,— мрачно начала она,— после того, ну, знаете, после того, как он решил, что не хочет приносить Жертву. После того, как он сбежал из Дома Пяти Правил. Одним словом, мы убежали как можно дальше, потому что Глен сказал, что нет причины, почему он должен тихо сидеть и позволить всем вам убить его лишь потому, что он взял себе кое-что.— Джермин содрогался, слушая этот кошмар, но то, что она сказала потом, заставило его выпрямиться от шока.— А потом — вы не поверите, Гражданин Джермин,— а потом, когда после дня пути мы остановились отдохнуть, прилетел самолет!

Гражданин Джермин не поверил.

— Самолет! — Он позволил себе нахмуриться.— Гражданка, нехорошо говорить то, чего нет!

— Я видела его, Гражданин! В нем были люди. И один из них спо-ва зде-ся. Он разыскивает меня с другим мужчи-ной, и я еле-еле убежала. Я боюсь!

— Нет причины бояться, нужно все обдумать,— автоматически сказал Гражданин Джермин. Так обычно успокаивают детей. Но самому ему было трудно сохранить спокойствие. Это слово, Волк, оно взрывало покой, оно подстрекало к панике и ненависти. Он хорошо помнил Тропайлла, конечно же, это был Волк. Даже тот факт, что сначала Гражданин Джермин сомневался в его принадлежности к Волкам, сейчас служил веской причиной, чтобы вдвойне этому поверить; он отложил день расплаты с врагом всего живого, и сейчас в его воспоминаниях было чувство тайной вины, которое заставляло его сердце сильно биться.

— Расскажите мне подробно, что произошло,— сказал Гражданин Джермин, употребляя слова, в которых почти не было изящества; сказывался эмоциональный стресс.

Гала Тропайл послушно сказала:

— Я возвращалась домой после вечерней еды, и Гражданка Паффин — она взяла меня к себе, после того как Гражданин Тропайл... после того как мой муж...

— Я понимаю. Вы жили у нее.

— Да. Она сказала, что двое мужчин хотят повидать меня. Они грубо разговаривают, сказала она, и я насторожилась. Я заглянула в окно моего собственного дома, они были там. Один из них был в том самолете, который я видела. И они улетели с моим мужем.

— Это серьезное дело,— с сомнением признал Джермин.— Итак, потом вы пришли ко мне?

— Да, но они видели меня, Гражданин! И думаю, они

пошли за мной. Вы должны меня защитить, у меня больше никого нет!

— Если только они Волки, — сказал Джермин спокойно, — мы поднимем против них народ. Итак, останется ли Гражданка здесь? Я пойду посмотрю на этих людей.

Раздался беспардонный стук в дверь.

— Слишком поздно! — закричала Гала Тропайл в панике. — Они здесь.

Гражданин Джермин выполнил ритуал приветствия, посетовав на убожество и бедность дома; предложил все, что у него есть, гостям; так приветствовали незнакомца.

У обоих мужчин не было ни вежливости, ни сообразительности, но все-таки они сделали попытку подчиниться минимальным официальным правилам знакомства. За это он вынужден был отдать им должное. И все же это тревожило больше, чем если бы они бушевали и вопили.

Он знал одного из мужчин.

Он вытащил имя из глубин памяти. Хендл. Этот человек появился в Вилинге в тот день, когда Глену Тропайлу предстояло совершить Жертвоприношение Спинномозговой Жидкости, в день, когда он освободился и убежал. Хендл расспрашивал о Тропайле очень многих, включая и Гражданина Джермина. И даже в то время, несмотря на волнения, связанные с маньяком-убийцей, с поисками Волка и Перемещением, Хендл поразил Джермина отсутствием воспитания и манер.

Сейчас уже это его не поражало.

Но этот человек не совершал таких явных преступлений, как Тропайл, который похитил хлеб, и поэтому Гражданин Джермин отложил свое намерение созвать людей для поимки Волков. Такие вещи так просто не делаются.

— Гала Тропайл находится в этом доме, — в лоб сказал человек, пришедший с Хендлом.

Гражданин Джермин изобразил Снисходительную Улыбку.

— Мы хотим ее видеть, Джерми. Чтобы расспросить насчет ее мужа. Он э... э... он был у нас некоторое время, и кое-что произошло.

— О, да, Волк...

Человек вздрогнул и посмотрел на Хендла. Хендл сказал громко:

— Волк, конечно он Волк. Но его нет сейчас, и вам не нужно беспокоиться об этом.

— Нет?

Хендл сказал сердито:

— Не только его нет, но еще четырех или пяти из нас. Пропал и человек по имени Иннисон. Нам нужна помощь, Джермин. Кое-что про Тропайла: Бог знает как, но он что-то затеял. Мы хотим поговорить с его женой и узнать, что можно, о нем. Пожалуйста, позовите ее из комнаты, где она прячется.

Гражданина Джермина тряслось. Чтобы скрыть свои мысли, он вертел в руке опознавательный браслет, который когда-то принадлежал Джо Хартману. Наконец он сказал:

— Возможно, вы правы. Возможно, Гражданка... с моей женой. Но если бы это и было так, допустимо ли предположение, что она боится тех, кто когда-то был с ее мужем?

Хендл горько засмеялся:

— Она напугана не больше, чем мы. Позвольте мне сказать вам кое-что, Джермин. Я уже говорил вам о человске, который исчез, Иннисоне. Он был Сыном Волка, вы понимаете? И если уж на то пошло... — Он посмотрел на своего товарища, облизал губы и передумал говорить то, что собирался сказать дальше. — Он был Волком. Можете вы припомнить, чтобы кто-нибудь рассказывал о том, что Волк Переместился?

— Переместился? — Джермин уронил опознавательный браслет. — Но это невозможно! — крикнул он, вконец забыв о манерах. — Нет! Перемещение происходит с теми, кто достигает высшей отрешенности, поверьте мне. Я знаю. Я видел это собственными глазами. Ни один Волк не мог...

— По крайней мере пять Волков переместились, — мрачно сказал Хендл. — Итак, вы понимаете, в чём проблема? Тропайл переместился — я видел это собственными глазами. На следующий день — Иннисон. В течение недели — двое-трое других. Мы пришли сюда, Джермин, не потому, что вы нам нравитесь, и не потому, что нам так уж этого хочется. Лишь потому, что мы боимся. Мы хотим поговорить с женой Тропайла, вы тоже, я думаю. Мы хотим поговорить со всеми, кто знал его. Мы хотим узнать о Тропайле все, что можно, и посмотреть, сможем ли мы что-то извлечь из этих разговоров. Может быть, Перемещение и является высшей целью вашей жизни, но для нас это лишь еще один способ умирать.

Гражданин Джермин нагнулся, поднял опознавательный браслет и рассеянно бросил его на стол. Он находился в глубокой задумчивости.

Наконец, он сказал:

— Странно. Позвольте, я расскажу вам еще об одной странной вещи.

Хендл, злой и сбитый с толку, кивнул.

Джермин сказал:

— Здесь не было ни одного Перемещения с того дня, когда Волк, Тропайл, сбежал. Но часто появлялось Око. Я сам видел! — Он помедлил и пожал плечами. — Это создает неприятное ощущение. Некоторые наши самые лучшие Граждане перестали заниматься Медитацией. Они беспокоятся. Так часто появляется Око, но никто не Переместился! Такого никогда не бывало, и наши обычай страдают. Мы становимся все менее вежливы. Даже в своем собственном доме я... — Он покашлял и продолжал: — Но неважно. Но это Око появлялось в каждом доме. Оно вглядывается в окружающих, оглядывается, но никто не Перемещается. Почему? Связано ли это как-то с Перемещением Волков? — Он без всякой надежды посмотрел на гостей. — Я знаю лишь то, что это очень странно, — сказал он, — и поэтому я обеспокоен.

Хендл взорвался:

— Тогда ведите нас к Гале Тропайл. Посмотрим, что нам удастся узнать.

Гражданин Джермин поклонился. Он прокашлялся и повысил голос ровно настолько, чтобы его было слышно в другой комнате.

— Гражданка! — позвал он.

Никто не ответил. Потом в дверях появилась его жена. Она была озабочена.

— Не попросишь ли ты Гражданку Тропайл о любезности? Пусть она разделит наше общество.

Жена кивнула.

— Она отдыхает. Я скажу ей, что было бы мило поболтать всем вместе...

Но Гражданке Джермин этого сделать не удалось. Когда она повернулась, из соседней комнаты послышался звук хлопка двух ладошек.

Все четверо подпрыгнули и уставились друг на друга. Затем почти сознавшийся Волк, Хендл, побежал к двери, остальные последовали за ним.

Звук, подобный звуку грома, был реально слышен, но исходил он не от ладоней человека. Воздух заполнил пустоту. Пустота была тем объемом, который когда-то занимала Гражданка Гала Тропайл.

Роджет Джермин побледнел; эта женщина, запятнавшая себя связью с Волком, конечно же не в блаженном состоянии Медитации, но она тоже Переместилась.

10

На планете-двойнике бывший Волк (а кроме того, и бывший человек) по имени Глен Тропайл был перепрограммирован.

Кое в чем Земля разочаровала Пирамиды. Безусловно, она была удивительно богата Компонентами, и они, казалось, с большим желанием вновь и вновь засеваются, развиваются и воспроизводятся. Их было не так много, как когда-то, но нельзя же придираться к источнику, дающему вам готовые ручные часы. Более того, именно эти Компоненты были высокого качества. Они были достаточно сложными, подходящими для того, чтобы Пирамиды программировали их для использования в любой нужной для них области: вычисление, производство, ремонт, обработка данных, хранение информации, что угодно. Верно и то, что эти Компоненты обладали замечательным свойством: они сами приводили себя в состояние, в котором их легче всего было усваивать. Чаще всего они прибывали на планету-близнец в состоянии, когда их мозг был абсолютно чистым, готовым для записи программы. (Пирамиды не знали, что это называется «Медитацией», да их, конечно, это и не интересовало.)

Единственное, что служило помехой в земных Компонентах, была их неудачная анатомия. Так как они были земными существами, да еще и с планеты, имеющей нежелательно высокую силу притяжения, то в их скелете и мускулах и, конечно, в пищеварении и элементарных системах жизнеобеспечения произошла абсолютно ненужная эволюция. Пирамидам нравились маленькие Компоненты, у которых нервные окончания плотно покрывали поверхность тела, а конечности (или щупальцы, или псевдоподы) были маленькими, но быстрыми.

(На самом деле, конечно, это не являлось проблемой для Пирамид. Для Пирамид вообще не существовало проблем. Принцип «дели на Компоненты и перемещай» служил им достаточно хорошо. А детали они оставляли решать миллионам и миллионам систем и подсистем, которыми была напичкана их старая мертвая планета. Эти системы, которые, в свою очередь, управлялись Компонентами, впол-

не могли переделать эти Континенты с их неправильным строением, хотя это, конечно, требовало некоторого изменения в строении, например хирургического.)

Итак, в погоне за мечтой — планетой идеальных Компонентов — Пирамиды утащили планету-пленницу из ее Солнечной системы. Подобно любому предусмотрительному путешественнику, они прихватили Землю для того, чтобы было чем подкрепиться в пути. И они не очень заботились о чистоте и порядке. Пол-Галактики было замусорено остатками их предыдущих путешествий. Без сомнения, когда-нибудь они съедят всё из корзинки под названием Земля и тогда просто выбросят ее. Солнце не будет зажжено вновь. Буквально в мгновение ока — самое большое несколько десятилетий — планета израсходует остатки запасенного тепла и, замерзшая, будет нестись во Вселенной до скончания мира.

Но этот момент еще не настал. Сейчас было время навигации. Пирамиды вывели Землю за орбиту Плутона просто медленным и мощным толчком. Его было достаточно, чтобы подтолкнуть Землю в нужном для них направлении. Позже будет достаточно времени для корректировки курса, тогда, когда спираль превратится в почти прямую.

Системы, отвечающие за навигацию, знали, куда они движутся, по крайней мере в общих чертах. Где-то было звездное скопление, которое, почти наверняка, было богато компонентосодержащими планетами. Источники Компонентов в конце концов иссякали, такова была природа. Так случалось всегда.

Но это не имело значения. Ведь всегда были какие-то другие источники. Если бы это было не так, то пришлось бы, вероятно, запасаться Компонентами на будущее. Но пока все обстояло таким образом, что легче было выжать из источника Компонентов все, что можно, и двигаться дальше.

Этот следующий прыжок будет довольно коротким для Пирамид; не более пары тысяч лет. Тем не менее навигация должна быть осуществлена осторожно и тщательно. Многие навигационные системы долгое время не использовались. Некоторые из них уже не функционировали в оптимальном режиме из-за поломок Компонентов. (Компоненты обладали свойством ломаться через какое-то время. Пирамиды знали об этом, хотя сами они существовали вечно; они принимали как факт, что жизнь компонентов редко длилась более десяти тысяч лет.) В другие Компоненты нужно было

ввести новые данные, небольшую по объему, но важную информацию о еще не изученных регионах Галактики.

Все это было старо для Пирамид. Они знали, как справиться с этим. Они разбивали задачу на основные составляющие, которые тоже, в свою очередь, делились на составляющие. Ряд систем открывал огромные телескопические глаза с разной частотой и рассматривал астрономические объекты. Другие начали бесконечную серию вычислений, данные которых параллельно обрабатывались. Они определяли, куда толкать и с какой силой. Системы эксплуатации внутри всех остальных испытывали Компоненты и определяли те из них, которые требовали замены.

Когда они обнаруживали сломанный Компонент — человека, земноводное, простейшее одноклеточное, растение, все, что угодно, они вынимали его и заменяли новым из запасов. Использованные Компоненты зря не выбрасывались. Они просто становились питательной массой для тех, кто все еще находился в рабочем состоянии.

Это усиливало хроническую потребность в новых Компонентах. Поэтому некоторые резервные системы, предназначенные для поиска Компонентов, были реактивированы путем пополнения их, конечно, новыми Компонентами. Поиск новых Компонентов (были отправлены соответствующие инструкции Пирамиде на горе Эверест на Земле) был слишком сложен для одного Компонента, но Пирамиды знали, как нужно действовать. Они разбивали задачу на основные составляющие, которые, в свою очередь, тоже делились на составляющие. Был, например, подраздел одного определенного аспекта стоящей перед ними логической задачи, который включал обнаружение и доставку дополнительных Компонентов, обеспечивающих загрузку.

Даже эта крайне узкая специализация была слишком трудна для одного Компонента, но Пирамиды имели возможность повлиять и на это. В таких случаях они соединяли вместе несколько Компонентов.

Это и было сделано.

Когда Пирамиды закончили микрохирургическую операцию, в огромной цистерне с питательным раствором плавало нечто, напоминающее морской анемон. Он состоял из восьми Компонентов — случилось так, что все они были людьми — которые были соединены в круг, голова внутрь круга, висок к виску, мозг к мозгу.

В ногах у них, там, где его могли видеть все шестнадцать глаз, находился дисплей, который подавал им визуальную

информацию. Каждая из шестнадцати рук сжимала одинаковые переключатели для того, чтобы подавать на выход двоичные сигналы. За пределами самого этого комплекса из восьми Компонентов не было хранилища выходных данных. Они шли в виде сигналов управления на электростатические генераторы, энергия генераторов шла на Пирамиду на Эвересте, которая занималась проблемой добычи и доставки Компонентов.

Это то, что касается Перемещения. Программирование шло медленно и тщательно. Наверное, Пирамида, которая, наконец, активировала комплекс из восьми Компонентов и исчезла, была довольна собой, не зная, что одним из Компонентов является Глен Тропайл.

Нирвана. (Она наполняла собой все, ничего, кроме нее, не было.)

Нирвана. (Глен Тропайл плавал в ней, как в жидкости, в которую был погружен.)

Нирвана... Звук, издаваемый одной ладошкой... Плавающее единство.

Вмешалось что-то постороннее.

Совершенство есть завершенность, добавляя что-нибудь к совершенству, вы разрушаете его. Раздвоение поразило как удар грома. Единство разрушилось.

Глену Тропайлу показалось, будто кричит жена, чтобы разбудить его. Он попытался проснуться. Это было необычайно трудно и болезненно. Бесконечно мучительная печаль, пять лет скорби о потерянной любви, сконцентрированные в микросекунду. Так было всегда, вяло подумал Тропайл, просыпаясь; это никогда не бывает долго; какой смысл беспокоиться по поводу того, что случается всегда...

Неожиданное потрясение и ужас обрушились на него.

Это не обычное пробуждение. Отнюдь не обычное, ничто не походило на то, как было раньше.

Тропайл открыл рот и закричал — или подумал, что закричал. Но возник лишь нервный слабый трепет в барабанных перепонках.

В этот момент он мог бы сойти с ума. Но его спасла одна вещь, очень странная и земная. Он что-то держал в руках. Он обнаружил, что может взглянуть на это. Это был переключатель. Стандартный переключатель, прикрепленный к панели. Он держал по одному переключателю в каждой руке.

Это была ничтожная зацепка, но, по крайней мере, реальная. Если его руки могли держать, значит, должна быть какая-то реальность во всем этом.

Тропайл закрыл глаза и попытался открыть их снова. Да, это тоже было реальностью; он закрыл глаза, и свет померк, он открыл их, и стало вновь светло.

Тогда, наверное, он не умер, как ему это показалось. Осторожно, спотыкаясь, — разум был его единственным помощником, — он попытался оценить то окружение, в котором находился. Он едва ли мог поверить тому, что обнаружил.

Вопрос: Он едва мог двигаться, его голова и ноги были привязаны. Как? Он не мог ответить.

Вопрос: Он был скрючен и не мог распрямиться. Почему? И снова он ничего не мог ответить; был лишь факт. Большие разгибающие мышцы спины реагировали на его команды, но тело оставалось неподвижным.

Вопрос: его глаза видели, но лишь небольшой участок.

Он также не мог двигать головой. И все же он смог увидеть кое-что. Переключатели в руках, свои ноги, что-то вроде дисплея с огоньками на странной круглой панели.

Огоньки мигали, картина на дисплее все время менялась.

Не думая, он щелкнул переключателем в левой руке: — Почему? Потому, что так нужно. Когда определенный огонек вспыхнет зеленым светом, должна производиться определенная последовательность переключений. Почему? Ну, просто, когда определенный огонек загорится зеленым, должна производиться определенная...

Он отказался от этой задачи. Не имеет значения, почему; что же, черт возьми, происходит?

Глен Тропайл скосил глаза, осматриваясь вокруг подобно моллюску, выглядывающему из своей раковины. Выяснилось еще одно обстоятельство: странность того, как он видел. Из-за чего все выглядит так странно? — задался он вопросом.

Он нашел ответ, но потребовалось некоторое время, чтобы его понять. Он видел все в странной перспективе. Человек смотрит двумя глазами. Закройте один глаз, и мир станет плоским. Откройте его вновь, и возникает стереоскопический эффект. Выпуклости изображения выступают вперед, задний план отступает.

Так же и с огоньками на панели, нет, не совсем так; но что-то вроде этого, думал он. Похоже было на то, как будто — он скосил глаза и напрягся — как будто он никогда по-настоящему не видел раньше. Как будто всю жизнь у него был только один глаз, а сейчас, ему, по странной случайности, дали два.

Его визуальное восприятие панели было всеохватывающим, цельным. Разом он мог видеть всю ее. Не было «впереди» и «на заднем плане». Она воспринималась сразу, целиком. Она воспринималась естественно, ориентации не требовалось; он воспринимал и постигал ее как нечто единое. В ней не было загадок тени или силуэта.

— Я думаю, — одними губами, медленно, сам себе произнес Тропайл, — я думаю, что я схожу с ума.

Но это тоже не могло служить объяснением, просто безумие не объясняло того, что он видел.

Тогда, задал он себе вопрос, не был ли он в состоянии, выходящим за пределы Нирваны? Он вспомнил, ощущив странное чувство вины, что он находился в состоянии Медитации, когда наблюдал этапы кипения воды. Хорошо, вероятно, он Переместился. Но что же тогда все это? Заблуждались ли те, кто предавался Медитации, когда говорили, что Нирвана является концом, а может быть, были более близки к истине Волки, которые сводили Медитацию к явлению, полностью ограниченному мозгом, и отказывались совсем обсуждать проблему Перемещения?

На этот вопрос он не мог найти ничего, похожего на ответ. Он перестал о нем думать и посмотрел на свои руки. Он обратил внимание, что может видеть их сразу, целиком, ему была видна каждая морщинка, каждая пора на всех шестнадцати руках...

Шестнадцать рук!

Это был еще один момент, когда его рассудок мог помутиться.

Он закрыл глаза. (Шестнадцать глаз! Нечего удивляться цльному восприятию!) Спустя какое-то время он снова открыл их.

Руки были на месте. Все шестнадцать.

Тропайл осторожно выбрал палец, который он хорошо помнил, и, поколебавшись минуту, согнул его. Палец гнулся. Он выбрал другой, на этот раз на другой руке.

Он мог пользоваться любой или всеми шестнадцатью руками. Они все были его, все шестнадцать.

Кажется, думал Тропайл, я похож на что-то вроде восьмиконечной снежинки, состоящей из человеческих тел.

Он пошевелился, и это дало ему добавочную информацию. Кажется, я нахожусь в цистерне с раствором и, тем не менее, я не тону.

Из этого следовало сделать определенные выводы. Либо кто-то — Пирамиды? — сделал что-то с его легкими, либо

раствор, так же как и воздух, представляет собой насыщенную кислородом среду. Либо то и другое.

Неожиданно сразу много огоньков замерцало на панели под ним. Мгновенно и непроизвольно его шестнадцать рук начали манипулировать переключателями, передавая сложные инструкции при помощи быстрых, как молния, щелчков переключателей.

Тропайл расслабился и махнул на все рукой. У него не было выбора. Сила, которая заставляла его отвечать на сигналы на панели, не давала его мозгу сконцентрироваться тогда, когда он отвечал. Может быть, вяло думал он, он так и не проснулся совсем, если бы не длинные промежутки, во время которых огоньки не мигали...

Но он просыпался. И его сознание начинало работать, когда задание выполнялось.

У него была возможность понять кое-что из происходящего. Он понял, что является частью чего-то большего, чем он сам, чего-то, что, без сомнения, служило и принадлежало Пирамидам. Только его мозг был недостаточно большим для выполнения работы, с ним было связано еще семь.

Но куда же подевались их «я»?

Как личности они не существовали, предположил он. Предположительно, они были Гражданами. Сыновья Волка не Медитировали и поэтому не Перемещались, кроме него, добавил он горько, вспоминая, как он Медитировал, сосредоточившись на Дождевых Облаках, что и привело его...

Нет, минутку! Не на Облаках, а на Воде!

Тропайл сосредоточился и заставил себя вновь вернуться к этой мысли. Он помнил Медитацию по поводу... Дождевых Облаков. Ее вызвало необычайно благородное кучевое облако, похожее на Древний Корабль.

Странно. Тропайла никогда особо не интересовали Дождевые Облака, он даже не знал вторичной классификации типов Облаков. А сейчас он знал, что облако, похожее на Древний Корабль, относилось к категориям четвертого порядка.

Память мала. Это была не его память. Следовательно, рассуждая логически, это была чья-то память, и, принадлежа его мозгу, так же как ему принадлежали четырнадцать других рук и глаз, она, должно быть, принадлежит другому Компоненту, составляющему снежинку. Он опустил глаза и попытался посмотреть, каким из лучей снежинки является его бывшее тело. Он быстро нашел его, его волнение усили-

валось. Он увидел большой палец левой ноги, который принадлежал ему — деформированный ноготь в два раза толще, чем обычно бывает; он повредил его в детстве, ноготь сошел, а потом вырос деформированным. Хорошо! Это ободряло.

Он попытался почувствовать конкретное тело, которому принадлежал этот знакомый большой палец.

Ему удалось, но с трудом. Спустя какое-то время, он стал больше осознавать это тело. Это походило на то, как неврастеник «зацикливается» на желудке или сердце; но у Тропайла это не было неврозом. Это было целенаправленным исследованием.

Так как это сработало, он, с некоторой неловкостью, переключил свое внимание на другую пару ног и мысленно проделал весь путь до головы.

Его охватило смущение.

Впервые в жизни он почувствовал, как это — иметь внутренние органы совершенно иной формы и по-другому расположенные, поддерживаемые иными мускулами. Очень слабое ощущение того, как расположены внутренние органы мужчины, ощущение, которое обычно не анализируется, если только с этими органами что-нибудь не случается и они не заболевают, это ощущение совсем не походило на то, которое было внутри женского организма.

И когда он концентрировался на этом ощущении, для него оно не было слабым фоном. Это удивляло и приводило в уныние.

Он переключил свое внимание в надежде, что ему это удастся. Ему удалось. С благодарностью он вновь осознал свое тело. Как бы там ни было, если он предпочитал быть самим собой, он им был.

А другие семь?

Он погрузился в свой мозг, во весь мозг, состоящий из восьми интеллектов, которые соединились в мозгу Тропайла.

— Есть тут кто-нибудь? — спросил он.

Ответа не последовало, ничего такого, что бы можно было рассматривать как ответ. Он вслушался внимательнее, но ответа все же не было. Это раздражало. Это возмутило его так же сильно, как когда-то давно, вспомнил он, когда он изучал тонкости науки о Дождевых Облаках. У него был Учитель (он уже забыл его имя), который был иногда недостаточно учтив, заставляя много работать...

Опять не его память!

Он вернул мысли назад и взвесил то, что узнал. Может

быть, думал он, это и есть частичный ответ. Этих людей, этих семерых не следует принуждать. Нужно очень осторожно пробуждать их сознание. Когда он делал такие попытки, они были болезненны. Он вспомнил мгновенную жуткую агонию своего пробуждения; и их реакция тоже была болезненной.

Более осторожно, готовый к встрече с любыми блуждающими воспоминаниями, он прочесывал глубины своего, состоящего из восьми частей, мозга, добираясь до спящих участков, слегка касаясь их, анализируя, просеивая и устанавливая связи, сортируя. Вот воспоминание о старой ножевой ране, полученной от убийцы-маньяка; это не женщина, которая наблюдала за Облаками; это мужчина, очень старый. Вот едва различимое воспоминание о том, как ребенком боялся утонуть. Может быть, это она? Да, так и есть. Стыкуется с другим воспоминанием: длительный, окольный путь вдоль реки, по дороге на юг, к солнцу.

Женщина, наблюдатель за Облаками, первой четко обрисовалась в его мозгу, и с ней первой он начал общаться. Он не удивился, когда узнал, что раньше ее мучил страх возможности того, что она Волк.

Он связался с ней. Это было почти как волшебство — знать «тайное имя» человека, чтобы затем подчинить его себе.

Но знание «тайного имени» означало гораздо большее; это было сущностью, сутью, суммой всех данных и опыта прошлой жизни, недоступных никому другому — до этого момента.

Когда ее воспоминания пришли в систему в его собственном мозгу, он мысленно позвал:

— Гражданка Алла Нарова, будьте любезны, проснитесь и поговорите со мной.

Никакого ответа — лишь слабое волнение.

Он продолжал, мягко, но настойчиво:

— Я хорошо вас знаю, Алла Нарова. Иногда вам приходила мысль, что вы, может быть, Дочь Волка, но вы гнали эту мысль прочь, потому что знали, что любите мужа, а Волки, как вы думали, не любят. Вы также любили Облака. Именно в тот момент, когда вы стояли у Бичи Хед и рассматривали огромное кучевое облако, вы стали Медитировать...

И так далее, и так далее.

Убеждая ее, он повторял это много раз. Это было нелегко. Но наконец контакт между ними стал налаживаться. Она начала медленно пробуждаться. Ее мысли едва заметно

звучали в его мозгу. Сначала, как эхо, его собственные мысли, отраженные, возвращались к нему; мысленно она как бы кивала ему, выражая согласие:

— Да, именно так.

И затем — ужас, всеобъемлющий страх, приступ истерии.

К Гражданке Алле Наровой внезапно вернулось сознание, и паника охватила ее.

Она беззвучно рыдала. Вся восьмиконечная фигура в питьевом растворе дрожала и извивалась.

Ужасная буря бушевала не только в ее мозгу, но и в мозгу Тропайла. Но у него было то преимущество, что он узнал, что она означает. Он помогал ей. Он сражался за них обоих, утешая, объясняя, успокаивая.

Он победил.

Наконец, тот лучик снежинки, которым было ее тело, успокоился; она лишь всхлипывала иногда. Буря миновала.

Мысленно он говорил с ней, а она слушала. Она не верила, но выбора у нее не оставалось. Она вынуждена была поверить.

Опустошенная и безвольная, она, наконец, спросила:

— Что мы можем сделать? Лучше бы я умерла!

Он ответил:

— Вы никогда не были трусом, Алла Нарова. Помните, я знаю вас.

Она послала ответную мысль:

— И я знаю вас. Как никто никогда не знал другого человека. Затем они вместе думали, мысли их были неотделимы: это был больше, чем разговор; больше, чем общение; больше, чем любовь. Помнишь, как ты боялась потерять невинность? Я помню. А ты, со своей боязнью импотенции в ночь свадьбы! Я помню. Должны ли мы быть предельно откровенными друг с другом? Думаю, что да. В конце концов, ты первый мужчина, родивший ребенка. А ты — первая женщина, от которой ребенок был зачат. Долой стыд, долой застенчивость, погрузимся в глубины нашего сознания!

Руки Тропайла отстукивали, когда огни дисплея мигали. Это было чертовски странно. Он — это он, она — это она, а что же такое они вместе? Она была милой и доброй, в противном случае, он, может быть, не смог бы вынести все это. Она на год приютила бедного слепого в Кадисе; когда был неурожай в Винсеннес, она смело пошла в поля и выполнила там неженскую работу; она убила мужа в припадке ярости, короткого и тайного приступа безумия...

— Прочь, прочь, отвяжись от меня! — закричал он. Все это было в его памяти. Побитое стеклянное пресс-папье, очень древнее, величиной с кулак, с извилистыми цветными полосочками внутри стекла, мутное от сотен трещинок и выбоинок на поверхности, с квадратной фарфоровой табличкой, на которой затейливыми голубыми буквами было написано: «Благослови наш дом, Господи!» Ее муж лежал, хрипя, и снег начал осыпаться с полога палатки, а она все била и била, без всякой жалости, глаза налиты кровью, дыхание со свистом вырывается из груди; вся во власти ненависти и жажды крови. Она совершила это; как он мог забыть искаженное ужасом лицо, которое еще продолжало жить и что-то бессвязно лопотать, уже после того, как глаза были выбиты, а челюсть отвисла, размозженная на восемь кусков, мягкая, подобная позвоночнику змеи?

— Отвяжись от меня! — закричал он.

Она спросила только:

— Как?

Он захохотал. Может быть, если бы он мог смеяться, это сосуществоование с монстром не казалось бы таким ужасным. Все это было, вероятно, какой-то вселенской шуткой, в которой он только что уловил суть; он проведет остаток своей жизни смеясь.

— Извращенец, — сказала она. — Да, я убила мужа, а ты развращал свою жену, заставляя ее делать то, что, как ей казалось, было смертью наяву, превращая ее любовь в болезнь и позор. Мне кажется, мы стоим друг друга. Я смогу прожить с тобой, извращенец.

Все прошло, это не было шуткой.

— И я смогу прожить с тобой, убийца, — промолвил он наконец. — Потому что я знаю, что ты не только убийца. Что были еще и Кадис, и Винсеннес.

— А ты, ведь каждый день ты одаривал жену сотней ласк, которые возмешали все злое, что было. Ты не так плох, Тропайл. Ты — человек.

— Ты тоже. Но что же такое мы?

— Мы должны попробовать узнать. Все это так ново. Нам нужно попытаться объединиться в определении того, что мы такое, иначе «ты» и «я» будут всегда мешать «мы».

Тропайл сказал:

— Если бы я рассказывал историю, это был бы рассказ об известном капитане сэре Родерике Фландрее, Служба Разведки, Имперский Земной КосмоФлот — брюнет, язви-

тельный, умный и меланхоличный; абсолютно невозможный, мой идиотский кумир.

— А моя история была бы о Изеульте, которая погрузилась в любовь, забыв обо всем, как изрезанное, скалистое побережье Корнуэлл, бедная дура. Прощайте, земные наслаждения. Все радости жизни забыты ради преувеличенных радостей любви. Но именно об этом будет мой рассказ; я такая, как я есть.

Они вместе посмеялись и вместе продолжали:

— Если бы мы рассказывали историю, она бы была бы об огненном круге, который разгорается.

И они в страхе вздрогнули от того, что они сказали.

Довольно долго они молчали. Их руки непрерывно щелкали переключателями.

— Не нужно этого больше,— наконец произнесла Алла Нарова.— Или?..— Она не знала.

— Никогда в жизни я не был так напуган,— сказал Тропайл.— И ты тоже. И никогда нас так не мучил намек. Мой герой — Люцифер; твоя героиня — Иштар Младшая. Наш герой — огненный круг, который разгорается.

Какое-то время они молчали, пока Тропайл обдумывал эту новую сущность с ее собственными словами и воспоминаниями. В конце концов, был ли он все еще Гленом Тропайлом?

Казалось, это не имело значения.

Они успели много раз щелкнуть переключателем, прежде чем Алла Нарова задумчиво произнесла:

— Конечно, сделать мы ничего не можем.

Волк заговорил в душе Компонента по имени Глен Тропайл.

— Замолчи,— закричал Тропайл, пораженный собственной яростью.

Она ответила дипломатично:

— Да, но ведь действительно...

— Действительно,— сказал он с яростью, язвительно.—

Всегда можно что-то сделать, мы просто не знаем как.

Опять долгое молчание, и затем Алла Нарова сказала:

— Интересно, можем ли мы разбудить остальных.

Хендл был на грани нервного срыва. Это было нечто новое для него.

Жаркое лето было в разгаре. И тайная колония в Прин-

стопе должна была переполняться жизнью и энергией. Урожай созревал на всех близлежащих полях. Пустеющие хранилища вновь наполнялись. Самолет, с таким трудом перестроенный и оснащенный для штурма Эвереста, стоял, готовый принять людей на борт и взлететь.

И все же все, абсолютно все, шло не так. Было похоже на то, что не будет экспедиции на Эверест. Уже четыре раза Хендл собирал силы, и все было готово. Четыре раза руководитель экспедиции... исчезал.

Волки не исчезали!

И тем не менее больше чем два десятка их пропало.

Сначала Тропайл, потом Иннисон, затем еще два десятка по одному и по двое; никто не был гарантирован от этого. Возьмем, например, Иннисона. Это был Волк до мозга костей. Он был работником, не мыслителем, он обладал навыками ремесленника, лудильщика, механика. Как мог такой человек поддаться хилому соблазну Медитации? И все же поддался, Переместился, исчез!

Ситуация достигла той точки, когда сам Хендл ходил с покрасневшими глазами и раздраженный. Он установил для себя хитроумные сигналы опасности — привлек на помощь других обитателей колонии, чтобы отвратить опасность Перемещения от себя. Когда ночью он шел спать, рядом с его кроватью сидел лейтенант, постоянно начеку, чтобы Хендл не погрузился в Медитацию в момент дремоты перед сном и не Переместился. Не было в течение дня времени, когда бы Хендл позволил себе оставаться одному, и его компании или охранники получили приказ будить его при первом же намеке на отстраненный взгляд или задумчивое выражение лица. Со временем режим постоянной бдительности, который Хендл сам установил, привел к потере отдыха и сна. И последствия были таковы: все чаще и чаще телохранители будили его, все меньше и меньше он отдыхал.

Действительно, он был очень близок к срыву. Жарким влажным утром спустя несколько дней после бесполезной поездки к Гражданину Джермину в Вилинг, Хендл съел безвкусный завтрак и, шатаясь от усталости, отправился осмотреть Принстон. Из низких облаков капал теплый дождик, но это лишь раздражало Хендла. Он едва его замечал.

В Коммуне жило более тысячи Волков, и на лицах каждого из них были заметны следы беспокойства. Хендл был не единственным в Принстоне, кто начал расставлять ловушки в результате беспрецедентных исчезновений, не один он мало спал. В обществе, состоящем из тысячи человек, все

тесно связаны между собой; когда один из сорока исчезает, моральному состоянию всего общества наносится сокрушительный удар. Глядя в лица своих сотоварищей, Хендл понимал, что становится почти невозможным не только запланированный штурм Пирамиды на Эвересте, но и почти нереальным становится просто сохранить Коммуну.

Вся стая Волков была на грани паники.

За спиной Хендла раздался испуганный крик. Шатаясь от усталости, он повернулся, чтобы взглянуть, что там. Oko шести Волков кричали, показывая на что-то в мокром, удушившем воздухе.

Это было Oko, тихо и расплывчато повисшее над улицей.

Хендл глубоко вздохнул и взял себя в руки.

— Фремптон,— приказал он одному из лейтенантов,— пригоните сюда вертолет с приборами. Мы проведем еще кое-какие измерения.

Фремптон открыл было рот, потом посмотрел на Хендла внимательнее и начал говорить по карманному радиопередатчику. Хендл понимал, о чем думает этот человек,— у него у самого были те же мысли. Какой толк в новых измерениях? С того времени, как Переместился Тропайл, у них появилось более чем достаточно данных о тех силах и излучениях, которые окружают Oko, да и о самом Перемещении тоже. До Тропайла в Принстоне никогда не видели Ока, не говоря уже о Перемещении. Но сейчас все было иначе. Oko парило неустанно, день и ночь.

Некоторые из тех, кто находился ближе всех к Oko, поднимали камни, комки грязи и швыряли их в пляшущий водоворот в воздухе. Хендл начал было кричать, чтобы они остановились, но передумал. На Oko это, по-видимому, не действовало; как заметил Хендл, один из мужчин угодил булыжником прямо по Oko. Камень пролетел через него, без всякого эффекта; пусть дадут выход своему страху хотя бы таким образом.

Послышался шум винта вертолета, и машина со всеми приборами, установленными на ней, приземлилась в центре улицы, между Хендлом и Oko.

С этого момента все произошло очень быстро.

Oko устремилось по направлению к Хендлу. Он ничего не мог поделать. Он увертывался от него, но, без сомнения, все было бесполезно, да и не нужно, в течение секунды он увидел, что Oko стало больше не только за счет того, что приблизилось к нему, оно на самом деле увеличивалось. Oko было обычно размером с футбольный мяч, насколько можно

было судить; это же все росло и росло, оно уже стало размером с яйцо птицы рух; потом размером с голову кита. Оно остановилось и зависло над вертолетом; люди внутри вертолета, как безумные, нацеливали линзы и измерительные приборы.

Удар грома.

На этот раз не человек. Исчез целый вертолет, пилот, приборы, пропеллер и все остальное.

Хендл поднялся, мокрый от пота, от потрясения содрогнувшись прошла.

Молодой человек по имени Фремптон, охваченный страхом, спросил:

— Хендл, чем мы занимаемся?

— Чем занимаемся? — Хендл рассеянно глянул на него.— Думаю, что губим себя.— Он спокойно покачал головой, так, будто бы он наконец нашел решение трудной задачи. Вздохнул.— Но нужно кое-что предпринять,— сказал он.— Я еду в Вилинг. Нас, Волков, побили. Может быть, Граждане помогут нам сейчас.

Роджет Джермин из Вилинга, Гражданин, получил сообщение, когда он был в кабинете, служившей ему рабочим местом. Дома его ждал посетитель.

Джермин все-таки был Гражданином. Он не мог прервать приятное и бесконечное обсуждение, которое он вел с перспективным клиентом по поводу возможной организации дела. Он извинился за то, что ему пришлось прерваться из-за сообщения, как и было положено, три раза, выслушал еще раз полностью объяснения гостя по поводу плана, который он предлагал, затем повернул сложенные чашечкой ладони к себе. Этот жест означал, что план не вполне совершенен. Более категоричное «нет» он произнести не мог.

По другую сторону стола Гражданин, который пришел предложить программу инвестиций, тут же сменил тему, пригласив Джермина и его Гражданку на Созерцание Сириуса, приглашение было сделано в форме рифмованных двустиший. Ему очень хотелось совершить сделку, но он не мог настаивать.

Джермин отклонил приглашение в достойной форме, условно приняв его. И человек ушел, задержавшись лишь ненадолго из-за общепринятых Четырех Просьб оставаться. Почти тут же Джермин отпустил служащего и закрыл кабинет на день, завязав сложный тройной узел на красном шнуре, укрепленном поперек открытой двери.

Когда он пришел домой, он увидел, что к нему пришел, как он и подозревал, Хендл.

Гражданина Джермина мучили сомнения относительно Хендла. Этот человек почти признался, что он Волк. Как должен был отнестись к этому Гражданин? Но среди пере-полоха, вызванного Перемещением Галы Тропайл, этот факт показался не таким важным, как обычно, тревоги не подняли: Джермин позволил мужчине уйти. А сейчас?

Он отложил решение. Когда он пришел, Хендл несколько скованно пил чай в комнате, пытаясь поддержать официальный разговор с Гражданкой Джермин. Джермин спас его, уведя в другую комнату и закрыв дверь. Он ждал.

Его потрясла перемена, произошедшая в этом человеке. Прежде Хендл был хвастливым, агрессивным, быстрым, качества наименее желательные в Гражданине — отличительная особенность Сына Волка. Сейчас все это исчезло, но тем не менее он нисколько не походил на Гражданина; он был изможден и раздражен. Он походил на человека, который много пережил.

Сведя правила этикета к минимуму, он сказал:

— Джермин, последний раз, когда мы виделись, здесь произошло Перемещение. Гала Тропайл, помните?

— Помню, — коротко ответил Джермин. Помнит ли он! Это воспоминание почти всегда было в его памяти.

— И вы говорили, что с тех пор были и другие. Они все еще происходят?

Джермин сказал:

— Да. — Он старался говорить прямо, что соответствовало быстроте и напору речи этого Хендла. Едва ли это было прилично, но Гражданин Джермин подумал, что бывают моменты, когда хорошие манеры не самое главное в мире. — Было два за последние несколько дней. Одно — Гражданка Бэрд, ее муж — учитель. Она Созерцала Через Стекло одновременно с четырьмя или пятью другими женщинами. Она просто исчезла. Мне кажется, она смотрела через зеленую призму, если это как-то поможет.

— Не знаю, поможет или нет. А кто другой?

Джермин пожал плечами.

— Мужчина по имени Хармейн. Он был Охранником. Никто ничего не видел. Но слышали что-то вроде грома, и он исчез. — Он на минуту задумался. — Немножко необычно, мне кажется. Два за неделю в одном небольшом городке...

Хендл резко сказал:

— Послушайте, Джермин, не только два. За прошедшие тридцать дней в этом районе и еще в одном месте их было по крайней мере пятьдесят. В двух местах, понимаете? Здесь и в Принстоне. В других местах — нет; немногого, несколько Перемещений в одном месте, несколько в другом, но не больше, чем обычно. А в этих двух местах — пятьдесят. Есть в этом какой-нибудь смысл?

Гражданин Джермин подумал:

— Нет.

— Нет. Скажу больше. Три из... ну, скажем, жертв — это дети, не старше пяти. Один еще даже не умел ходить. А последнее Перемещение произошло вовсе не с человеком. Это был вертолет. Знаете, что такое вертолет? Вся эта чертова штуковина исчезла, бац, и нет. Подумайте над этим, Джермин. Как объясняются Перемещения?

Джермин выдержал паузу.

— Ну, вы думаете о Взаимосвязи, Медитируете, как только вы уловили основную взаимосвязь всего в мире, вы становитесь Единым Целым с Космосом. Но не могу понять, как ребенок или машина...

— Объяснением является Тропайл, — хмуро сказал Хендл. — Когда он Переместился, мы подумали, что это будет нам на пользу, потому что он любезно проделал это прямо у нас на глазах. Мы получили достаточно данных, которые стали ключом к пониманию того, что такое Перемещение в физическом смысле. Это был первый настоящий шаг в понимании Перемещения, и мы считали, что Тропайл оказал нам услугу. Сейчас мы в этом не уверены. — Он наклонился вперед. — Каждый, кто Переместился, насколько я знаю, был знаком с Тропайлом. Три малыша были у него в группе в саду: мы поручили ему эту работу, чтобы как-то занять его, когда он пришел к нам. Двое мужчин, которые жили с ним в одной комнате, исчезли. Мальчик, обслуживавший его в столовой, исчез; его жена исчезла. Медитация? Нет, Джермин. Большинство из этих людей я знаю. Даже ради спасения собственной жизни ни один из них не потратит и минуты, Медитируя о Взаимосвязи. А что вы думаете по этому поводу?

Сглотнув, Джермин произнес:

— Я только что припомнил. Этот человек, Хармейн...

— Что Хармейн?

— Это тот, который Переместился на прошлой неделе. Он тоже знал Тропайла. Он был Охранником Дома Пяти Правил, когда Тропайл находился там.

— Видите? Могу поспорить, женщина тоже его знала.— В раздражении Хендл встал и начал ходить по комнате.— Я потерпел поражение. Вы ведь знаете, кто я?

Джермин спокойно ответил.

— Я думаю, что вы Волк.

— Вы правильно думаете.— Джермин непроизвольно содрогнулся, но смог заставить себя сидеть спокойно и слушать.— Говорю вам, что это уже не имеет значения. Вы не любите Волков, ну а я не люблю вас, Граждан. Но то, с чем я пришел, гораздо важнее этого. Тропайл что-то затеял, и я не могу предсказать, чем это все закончится. Но я знаю одно: мы в опасности, и вы, и мы. Может быть, вы все еще считаете, что Перемещение — это благодать. Но я этого не считаю. Оно пугает меня. Но это случится со мной, и с вами тоже. Это случится с каждым, кто когда-либо сталкивался с Гленом Тропайлом. Если мы как-то не положим этому конец Я не знаю как. Вы поможете мне?

Стараясь не дрожать (хотя все внутри него кричало от страха: «Волк!»), Джермин честно признался:

— Не знаю, смогу ли я. Я... Я должен подумать до утра.

С минуту Хендл смотрел на него. Потом пожал плечами. Как бы про себя он произнес:

— Может быть, это и не важно. Может быть, ничего и нельзя поделать. Хорошо. Я приду утром, и, если вы решитесь помочь, мы попытаемся 'составить план. Если же вы решите иначе — ну, тогда мне придется поколотить нескольких Граждан. Нельзя сказать, что я возражаю против этого.

Джермин встал и поклонился. Он начал произносить ритуальные Четыре Просьбы, но Хендл остановил его.

— Увольте меня от этого,— проворчал он.— Кстати, Джермин, если бы я был на вашем месте, я бы не строил планы на будущее. Вероятно, вам не удастся их осуществить.

Джермин ответил задумчиво:

— А как вы, вы строите планы?

— Тоже не строю,— мрачно сказал Хендл.

Гражданин Джермин метался в постели. Сон не шел к нему. Он чувствовал, как его отравляет запах Волка в его доме. Широко открытыми глазами он смотрел в потолок. Он слышал пристойное посапывание жены на другом конце кровати. Оно должно было бы его убаюкивать. Но ничего не помогало. Сон не шел.

Джермин был достаточно смелым человеком по меркам Граждан. Иначе говоря, он никогда не поддавался чувству страха, хотя, по правде говоря, и возможности чего-то испугаться практически не представлялось. Но сейчас он был напуган. Он не хотел Перемещаться.

Волк, Хендл, вызвал этот страх. «Может быть, вы все еще считаете, что Перемещение — это благодать». Конечно, он так не считал, сейчас это было смешно. Перемещение — ко-нечный результат Медитации, дар, посылаемый лишь немногим преображенным личностям. Это одно. Но то Перемещение, о котором шла речь, было совершенно иным; даже если не учитывать, что оно происходило с детьми, с Галой Тропайл, с вертолетом.

И во всем этом замешан Глен Тропайл.

Джермин перевернулся на другой бок.

Есть древний и надежный рецепт лечения бородавок. Возьмите травинку, бросьте ее в горшок с водой и доведите воду до кипения, воду охладите, на девять секунд погрузите бородавку в воду. Бородавка исчезнет, но только в том случае, если в течение этих девяти секунд в вашем мозгу не возникнет слово «носорог».

Гражданину Джермину не давало уснуть то, что он пытался не вспоминать слово «носорог» — в данном случае это было слово «Взаимосвязь». Он пришел к выводу, что если а) люди, знакомые с Гленом Тропайлом, очевидно, Перемещаются; и б) люди, которые погружаются в Медитацию, думая о Взаимосвязи, очевидно, Перемещаются, то тогда а+б, люди, которые были знакомы с Гленом Тропайлом и не хотят Перемещаться, не должны погружаться в Медитацию о Взаимосвязи.

Было очень трудно не думать о Взаимосвязи. Снова и снова он складывал в уме числа, цитировал Пять Правил, сочинял Приветственные Поэмы и Стихи по случаю Созерцания. Но вновь и вновь его мысли возвращались к Тропайлу, к Перемещению, к Взаимосвязи. Он не хотел Перемещаться, но мысль о Перемещении была облазнительна. Что оно собой представляет? Болезненный ли это процесс?

Вероятно, нет, размышлял он. Все происходит очень быстро, по словам Хендла, если только можно верить тому, что сообщает Сын Волка. Но в этом случае приходилось верить. Итак, если все происходит быстро, почти мгновенно, рассуждал он, вероятно, смерть наступает мгновенно. Может быть, Тропайл умер? Могло так быть? Нет, не похоже на это; в конце концов, на самом деле была связь между Тро-

пайлом и всеми теми, кто Переместился за последнее время. Что это за связь? Или, говоря вообще, какие связи были задействованы?

Он расслабился и вызвал в памяти первый попавшийся образ. Им оказался образ Галы Тропайл, той, которая исчезла в этой самой комнате.

Гала Тропайл. Он стал думать о ней более сосредоточенно, он был немного доволен собой. Он нашел способ не думать о Взаимосвязи — нужно было сосредоточено думать о чем-нибудь другом, чтобы не оставалось места для не прошенных мыслей. Он задержался на мысли о Гале Тропайл очень долго. Он думал об изгибе ее талии, ее длинных пушистых волосах, а также о ее длинных красивых ногах.

Привычки, которым много-много лет, нелегко преодолеть, и поэтому время от времени возникала непрошенная мысль. «Осторожно! Не твоя женщина! Женщина Глена Тропайла. Берегись!» Но, размышлял он, где, скажите на милость, Тропайл? Какой вред в том, что он думает о его женщина? Или, если уж на то пошло, о нем?

На самом деле было довольно легко думать об этой хорошенькой эмоциональной женщине, Гале Тропайл, Гражданке Гражданина Глена Тропайла, легче, чем о Взаимосвязи. Гражданину Джермину было приятно, что у него это так хорошо получается.

12

На горе Эверест в мрачном потоке включений и выключений переключателей, которые служили мозгом Пирамиде, был замечен новый входной сигнал, поступивший от вспомогательных систем на планете Пирамид.

Мозг Пирамиды не был критическим. Его интересовала только не знающая покоя потребность толкать-и-тащить, но в том, что для Пирамиды было аналогом человеческого чувства голода, не было этой беспокойной потребности «толкай-и-тащи». Входной сигнал скомандовал «Делай так». Она подчинилась.

Назовите это жаждой чего-нибудь новенького. Если когда-то она терпеливо ждала состояния, которое Гражданам было известно как Медитация о Взаимосвязи, а самой Пирамиде известно, наверное, как состояние зрелости плодов ее шахты по добыче часов, то теперь ей захотелось иного. Попробовать недозревшие плоды? Перезревшие? По крайней мере, с другим вкусом.

И соответственно, был послан высококачественный сигнал, он менялся по скорости и высоте, и отразившиеся эхо менялись, и... вот он, созревший плод, рвите! (Его имя было Иннисон.) А вот другой (Гала Тропайл). И еще один, и еще, о, сотни других! Ребенок из садика Тропайла, и тюремщик из Вилинга, и женщина, которая Тропайлу понравилась на улице.

Когда-то признаком полного созревания было состояние, которое люди называли Медитацией о Взаимосвязи, а Пирамиды воспринимали, как удобную пустоту мозга; сейчас таким знаком была своего рода эмпатия с Компонентом по имени Тропайл и не только с Тропайлом. Модуляции входного сигнала менялись, и другие признаки созревания из других частей замечались и в соответствии с ними действовали, и Око сновало над Каиром, и Киевом, и Хартумом. Пирамиду не интересовало место. Когда Компонент сигнализировал о готовности, она взмахивала своей электростатической косой, она собирала урожай. Пирамиде на Эвересте не приходило на ум, что Компонент может управлять своими действиями. Каким образом?

Возможно, Пирамида на Эвересте удивилась (если бы знала, как это делается), когда заметила, что различные критерии учитываются при отборе в эти дни (если она знала, что такое «замечать»). Конечно, даже Пирамида могла бы удивиться, когда без предупреждения или объяснения приказы менялись: не просто собрать иной сорт Компонентов, но и прихватить вместе с нужными деталями из плоти и крови также и целый ассортимент бряцающих машин из металла, как это стало случаться. Машины? Зачем бы это Пирамидам понадобилось Перемещать машины?

Но зачем, с другой стороны, Пирамиде утруждать себя и подвергать сомнению указание, даже если бы она и могла это?

В любом случае она не стала. Она взмахнула косой и собрала то, что ей приказано было собрать.

Люди иногда едят зеленые фрукты и потом жалеют об этом; так же и у Пирамид.

А Гражданин Джермин попался в ловушку, которой он не ожидал. Избегая думать о Взаимосвязи, он думал о Глене Тропайле, и незримые высокочастотные импульсы отыскали его.

Он не видел Ока, которое сформировалось над ним. Он не почувствовал, как собираются силы, готовящие ему ловушку. Он не знал, что он схвачен, заряжен, катапультиро-

ван в космос, пойман, остановлен и разряжен. Все произошло слишком быстро.

В один момент он был в своей кровати, в следующий момент он был — где-то. И ничего между этими моментами.

Это случалось с сотнями тысяч Компонентов до него. Но с Гражданином Джермином было несколько иначе. Его не забальзамировали в питательной жидкости запрограммированным для участия в Пирамида-структуре, потому что он был отобран не Пирамида-структурой, а диким Компонентом. Он прибыл в сознании, бодрствующий и способный двигаться.

Он стоял в освещенной красным светом камере. Страшный грохот металла ударили ему в уши. От жара кожа покрылась капельками пота. На него свалилось слишком много, чтобы понять все сразу. Голые безумцы с лоснящейся кожей прыгали и кричали на него. Через какое-то время он понял, что это не дьяволы, что это не ад, что он не мертв. «Сюда», орали они ему, «Вперед! Поторапливайся!» Он шел, шатаясь, в том направлении, которое они указывали, по неприятно теплому полу, покачиваясь и падая (планета-двойник была на четверть легче Земли), пока не научился сохранять равновесие.

Прыгающие безумцы провели его через дверь — или сфинктер или ловушку, она не походила на то, что он видел раньше. Но это был своего рода тамбур, и с другой его стороны было нечто, что более отвечало здравому смыслу. Это была еще одна комната, и, хотя свет был красным, он был более бледным, спокойным красным светом, да и грохочущее железное торжище было далеко. Безумцы были голыми, это верно, но они не были безумны. Глянец, лоснившийся на их коже, был всего лишь потом.

— Где... где я? — выдохнул он.

Два голоса, может быть три или четыре, говорили одновременно. Он ничего не мог понять. Гражданин Джермин осмотрелся. Он находился в помещении, напоминавшем камеру, которая была частью машины, существовавшей для неизвестных целей Пирамид на планете-двойнике. И он был жив — и даже не одинок.

Он пересек более миллиона миль в космосе и ничего не почувствовал. Но когда то, что говорили голые люди, стало доходить до него, стены вокруг него зашатались. Какое-то время слова были лишь бессмысленным шумом. Боль причинило не падение, а приземление. Все так и было, он Переместился. Он изумленно посмотрел на свое собственное го-

лое тело, оглядел комнату и понял, что они все еще продолжают говорить.

— ...Когда сориентируетесь. Чувствуете себя хорошо? Вперед, Гражданин, идем отсюда!

Джермин моргал глазами.

Другой голос сказал раздраженно:

— Здесь должно быть какое-то другое место, куда их можно приносить. Литейный цех не предназначен для людей. Посмотрите, этот-то в каком состоянии. В один прекрасный момент кто-нибудь прибудет, а мы не засечем его вовремя и — пшик!

Первый голос сказал:

— С этим ничего не поделаешь. Вы в порядке?

Гражданин Джермин глубоко вдохнул горячий сухой воздух и посмотрел на голого мужчину перед собой.

— Конечно, я в порядке,— ответил он.

Голым мужчиной был Хендл.

Их было несколько сотен. Он узнал, что они поделены естественным образом на восемь групп. Одна группа, в которую вошел и Гражданин Джермин, состояла из людей, которые знали Тропайла. Другая группа, после того как Хендл дал им ключ к разгадке, решили, что их связывает знакомство с одной Гражданкой Аллой Наровой, вдовой из Найса. Африканское происхождение и знакомство с неким Джанго Тембо объясняло состав третьей, и так далее. Они занимали примерно акр огромных коридоров, первоначально занятых автоматическими станками, которые в среднем достигали восьмидесяти футов высоты. Многие были на ножках, как будто древняя история ручных станков, не подумав, навязала эту форму своим полностью автоматическим потомкам. По мере того как открывались кулачки зажимного патрона, в него резко подавались полосы металла, и кулачки закрывались; затем полосы начинали вращаться, выдвигались резцы и обтачивали их, потом резцы убирались, а обработанные непонятного назначения куски металла упывались на едва заметных кольцеобразных магнитных полях. Каждые три часа через аккуратно раскрываемую дверь литейного цеха вплывала шестиугольная кованая плита, которая, крепясь магнитами то на одном, то на другом станке, сверлилась, растачивалась, протягивалась, фрезеровалась, шлифовалась и полировалась и становилась еще более непонятной и загадочной. Резец одного из станков для прорезания пазов — он был величиной с человека,— казалось, требовал регулярной замены после обработки каждого из шестиугольников, но

другие инструменты, по-видимому, не тупились. Стружка смывалась потоком глицерина примерно каждые одиннадцать часов. Он струями подавался из стен, заливал пол до щиколотки и с бульканьем уходил через канализационные отверстия.

Однажды мимо проплыла Пирамида, скользя на расстоянии ладони от пола. От нее шел запах озона. Они попрятались, как мыши. Они не знали, «видит» их Пирамида или нет.

Из одних кранов в стене им подавали пищу, а из других — воду. Вода была отвратительной и являлась оскорблением для нескольких Дегустаторов Воды, которые были среди них. В ней совсем не чувствовалось вкуса углекислых солей и галоидных солей. Их пища представляла собой раствор глюкозы, в который, должно быть, добавили необходимые минеральные соли и аминокислоты, чтобы они не заболели от недостатка каких-либо веществ. Воздух был приемлемым, вероятно, он поступал из соседнего литейного цеха, где для некоторых процессов требовался атмосферный воздух.

Большую часть времени они проводили в ожидании и разговорах.

Причудой Гражданина Джермина, например, было Перемещение.

— Может быть,— обычно говорил он,— это действительно Перемещение, действительно благодать, и нам просто не хватает ума, чтобы ее оценить. У нас есть пища, мы избавлены от резких колебаний температуры.— Он смахнул пот со лба и пошел к водопроводным кранам, из которых постоянно текла вода, чтобы как следует напиться, прежде чем продолжить рассуждения.— И это как бы свобода от этикета, правил поведения.— И он с несчастным видом огляделся вокруг. Никаких Стульев для Мужа, Стульев для Жены (как и положено, без подлокотников). Он присел на корточки на металлическом полу.

Хендл был более откровенным.

— О Господи, моя нога! Мы просто толпа чертовых краснокожих индейцев. Мне кажется, индейцы так и не узнали, кто нанес им удар. Они не знали о земельных дарственных актах и о территориальных притязаниях короны, о церковных миссиях и увеличении населения. У них всего этого не было. Они узнавали обо всем постепенно, по крайней мере, о таких вещах, как ружья и огненная вода. У них не было всего этого, но это они могли понять. Но все-таки

я не думаю, что индейцы когда-либо поняли, что было на уме у белых людей, пока не стало слишком поздно вообще размышлять об этом. Мы в еще большем неведении. По крайней мере, время от времени у индейцев был ключ к загадке — они видели, как матросы сходят с большого белого дьявольского корабля и выстраиваются в очередь к их женщинам. Было хоть что-то общее. А у нас и этого нет. Мы в руках Пирамид — ясно? Наш язык! Я должен говорить «руках»! У нас в языке нет даже подходящих слов, чтобы и описать!

После того как Гражданин Джермин пятый раз получил питание из кранов, он сделал попытку стать убийцей-маньяком. К счастью для всех, это произошло вскоре после одной из регулярных уборок, поэтому не было острых кусков стружки длиной в фут, которые он бы мог использовать как нож, да и пол был очень скользкий, так что он не смог удержаться на ногах, когда попытался ударить одного из африканцев. Его держали за руки, пока он не успокоился; он был очень расстроен.

— Я готов, — сказал он им, наконец, с достоинством, на которое только был способен. — Я понимаю, что здесь нет подходящего катетера для Жертвоприношения, но вы можете лишить меня воздуха, это еще один способ, освященный традицией.

Иннисон велел ему прекратить нести чушь и добавил:

— Если у тебя появится привычка терять рассудок и становиться убийцей, нам придется что-нибудь предпринять относительно тебя, но только тогда, когда я найду способ спустить тебя в восьмидюймовое канализационное отверстие.

Это было страшное оскорбление, оно даже не сопровождалось Снисходительной Улыбкой. И только через три короткими Гражданин Джермин смог заставить себя вновь заговорить с Иннисоном. Гнев Гражданина Джермина был настолько силен, что он отважился демонстративно повернуться спиной к Иннисону. Но Иннисон не только не был подавлен этим, но даже и внимания не обратил. Он продолжал как ни в чем не бывало разговаривать с Хенделем. Тогда Гражданин Джермин ухватил Иннисона одной рукой за волосы, а другой отвесил ему звонкую оплеуху.

— Безумец! — закричал кое-кто из тех, кто стоял поблизости.

— Нет! Заткнитесь, — прокричал им Хендел. — Ты ведь не спятил? — спросил он Джермина.

— Нет,— огрызнулся Джермин.— Я просто зол. Твой мерзкий дружок взял на себя смелость отказать мне в пристойной и равноценной Жертвоприношению смерти.

Иннисон, потирая щеку, задумчиво произнес:

— Ты что, действительно жаждешь Принести Жертву, парень? Хочешь, чтобы они воткнули иглу и, поворачивая ее, пытались попасть в позвоночник? Хочешь, чтобы тебя парализовало сразу же и спинной мозг вытекал из тебя? Потом какой-нибудь глупо улыбающийся идиот возьмет нож и перережет тебе дыхательное горло...

Джермин сказал:

— Хочу я этого или нет, не подлежит обсуждению. Но есть определенные вещи, которые должны соблюдаться...

— Значит, ты не хочешь этого?

Довольно долго Джермин думал.

— Нет,— наконец сказал он.— Но это никак не означает...— Он снова задумался.

Хендел мягко произнес:

— Взгляни на себя, Джермин. Ущипни себя. Потрогай свои руки и ноги. Ты изменился. Ты схватил Иннисона и ударил его, и не во время припадка, а потому, что ты был зол. Не так давно ты бы на это не отважился. Посмотри на себя.

Джермин взглянул. Его живот был подтянут, никаких следов жира. Его бедра были теперь не толще коленей. Все это произошло так незаметно! Он ощупал свое лицо, под бородой оно было округлившимся, совсем не напоминало лицо Гражданина, кости черепа почти совсем не прощупывались. Его ребра — они почти не были видны!

Он повернулся к ним, сгорая от стыда за свой смехотворный вид, и увидел, что они выглядят точно так же! Все они выглядели одинаково.

— А разве ты не чувствуешь, что стал другим? — спокойно настаивал Хендел.— Внутри? Разве тебя не переполняло чувство, которое раньше не позволило бы тебе ударить Иннисона? И разве сейчас тобой не владеет чувство, которое подсказывает тебе, что ударить Иннисона, не теряя контроля над собой, будет тебе приятно?

— Да, это так,— в ужасе сознался Джермин.— Да! Как это назвать? Что мне делать с этим?

— Среди Волков общепринято мнение,— сказал Иннисон,— что не нужно бороться с этим чувством. А название ему — сътость. Ты Медитировал о Взаимосвязи в последнее время?

— Нет,— сказал Джермин.— Внимание отвлекалось на...

— Отсутствие чувства голода, Джермин. Голод и Медитация идут рука об руку, хотя это и не обязательно. Когда жизнеспособность низка, самосознание нестойко, его легко задавить.

Джермин бродил среди леса ножек от станков, стараясь привыкнуть к своему новому «я».

Хендл сказал Иннисону:

— Может быть, мы здесь именно для того, чтобы похоронить и поправиться.

— Думаешь, они едят людей?

— Нет, не более чем ядерный реактор. Это что-нибудь, связанное с электричеством.

— Если Джермин готов и может бороться, то и все они, должно быть, тоже готовы. Предположим, что у нас получилось что-то вроде строевой подготовки.

— Лучше нам самим кое-что сделать. С ума больше никто не сходит, но давление было сильным. Следующий шаг — организовать давление с другой стороны, и люди зашевелятся.

Два Волка улыбнулись друг другу.

— Все шло прекрасно, так? — сказал Хендл.— Культура и эстетика иссякли в первую же неделю неограниченного потребления калорий, а затем улетучились манеры, обычно с треском, как у экс-Гражданина Джермина. Да, у нас есть для них кое-какая работа, прежде чем они покроются жирком и начнут убивать друг друга.

В это примерно время в литейный перестали прибывать новые люди; когда прошло двенадцать кормежек, а новичков так и не было, Принстонские Волки провели перепись: шестьсот восемьдесят четыре, примерно поровну женщин и мужчин. Это было удобно, потому что нельзя все время только разговаривать.

Военная организация создавалась с некоторыми трудностями.

Экс-Граждане гордились благоприобретенной агрессивностью.

— Кто это меня заставит? — весело раздавалось в коридорах.

Обладавшие пытливым умом Принстонцы вспомнили, что некий библейский персонаж «раздобрел и впал в грех». Однако сочетание силы и убеждения одержало победу: И, наконец, последний самый буйный экс-Гражданин, с мед-

ленно бледнеющим синяком под глазом, маршировал в строю вместе со всеми. Хендл стремился к оружию, которое тоже Переместили; где оно? А потом забеременели несколько женщин. Беременности наступили после одного случая, который был и ужасным, и непонятным. Пирамида вновь и вновь появлялась, и вновь и вновь они прятались. На сей раз судьба распорядилась так, что один из африканцев не успел спрятаться и был застигнут врасплох неподалеку от стены, но бесконечно далеко от леса балок, которые поддерживали гигантские станки. Он поступил благоразумно и растянулся на полу, чувствуя себя в относительной безопасности в последние секунды жизни. Гигантская фигура медленно плыла вдоль коридора, и с обеих сторон до нее было довольно много места. Приближаясь к человеку, она свернула в сторону так, что ближайшим углом прошлась по нему, а затем выплыла через одно из не похожих на дверь отверстий.

Им не составило труда спустить африканца в восьмидюймовый канализационный люк, а время сна они провели в оргии. Мужчины не соблюдали Осторожности в Любви, да и женщины бы им этого не разрешили. Ими управлял инстинкт, над ними довел рок.

Волки и Овцы, или экс-Овцы, бесконечно обсуждали гибель африканца.

— Мы здесь потому, что они доставили нас сюда. Мы им для чего-то нужны. Почему же они губят то, что так осторожно приняли и в ком поддерживали жизнь, создав минимальный комфорт?

— Может быть, наш вид вызывает у них раздражение? Может быть, они берегут нас про запас, но не хотят, чтобы мы докучали им, до тех пор пока у них не дойдут до нас руки.

— А может быть, она сделала это ради забавы?

— Я в это не верю. Эти ваши бледнолицые не поступали так с вашими индейцами.

— Некоторые так и поступали. Некоторые из них стреляли в индейцев ради забавы. Может быть, и среди Пирамид разные попадаются. Может быть, эта была жестокой!

Они сдались и прекратили на этом спор.

Что еще оставалось делать? Все они знали примерно одно и то же о том, чего хотят Пирамиды, что думают, что собираются делать.

Еще нужно было быть постоянно готовым к тому, чтобы броситься в укрытие, расставить наблюдателей и гонцов у обеих «дверей» и у входа в литейный. Они делали это. Но после того случая Пирамиды не появлялись.

Однажды, когда шел второй месяц беременности, женщина, с которой Гала Тропайл болтала, неожиданно закричала. Она в ужасе показывала на стену. Гала обернулась и тоже закричала. Собравшаяся толпа тряслась от страха, но чем бы ни было то, что прогрызalo дыру в стене, уж Пирамидой оно не было наверняка. Оно вообще ни на что не походило.

Толпа наблюдала, как круглый кусок металла, около метра диаметром, был очерчен летящей точкой, которая согнула ковкий металл пополам. Точка пролетела через него. Это был какой-то инструмент. Вырезанный диск с грохотом упал на пол.

Ближайший из смотревших закричал и отпрыгнул назад.

Затем инструмент и его вращающийся держатель исчезли. Наступила долгая пауза. Один из вспотевших от страха людей — это был русский из Киева — отважился заглянуть в отверстие, но там ничего не было видно, только темнота и удаляющийся звук сверла.

Несколько минут спустя из дыры появилась верхушка черного конуса и заговорила:

— Внимание! Говорить с вами таким образом очень трудно. Вас доставили сюда с определенной целью. Впредь вы будете получать приказы по этой системе связи. Выполните приказы сразу и полностью. Достаточно ли у вас воды и пищи?

Голос заставил Галу Тропайл содрогнуться. Он не походил на человеческий. (Но что же такое знакомое в его интонациях?) Однако, коль он задал вопрос, он, вероятно, хотел получить ответ. Она отважилась:

— Да, достаточно, но пища очень однообразная. Нельзя ли добавлять время от времени разные приправы?

— Нет. Вы не поняли. Кормить вас очень трудно. Кроме того, хорошо, что вам скучно. Слышает ли ваш главный?

Хендл и Иннисон заговорили одновременно; они обменялись злыми быстрыми взглядами; Иннисон отступил.

— Я слушаю, — сказал Хендл.

— Вот правила общения с нами. Вы слышите гудение из громкоговорителя. Сейчас мы его остановим. — Слабое гудение прекратилось и началось снова. — Когда громкоговоритель гудит, можете считать, что он включен, и говорите в него. Когда он не гудит, считайте, что он выключен. Так как

это всего лишь психологический прием и громкоговоритель никогда не выключается, проследите за тем, чтобы около него стояла охрана и никто не обращался к нам, когда мы этого не хотим.

— Я понял, — сказал Хендл, которому бы очень хотелось добавить что-нибудь иронически почтительное. Он был напуган. Голос не принадлежал человеку; он не шел из теплых, влажных легких, не мчался черезibriрующий хрящ, не резонировал в головных полостях, и мускулы губ и языка не участвовали в его создании. Голос представлял собой модулированный выходной электронный сигнал, искусную смесь десятка вибраций кристаллов. Он был так же холoden, как и кристалл. И на это он отваживался мечтать напасти! С ружьями, танком и вертолетом!

Громкоговоритель все еще слабо гудел. Несмотря на страх, это была возможность поговорить с Пирамидой, узнать у нее, что их ждет, что ждет всех людей. Насколько ему было известно, никому еще этого не удавалось. Он собрался что-то сказать, но женщина, вдова убитого африканца, оттолкнула его и закричала в черный конус:

— Почему вы убили моего мужа? Что он вам сделал такого, за что вы раздавили его?

— Мы не убивали твоего мужа, — ответил черный конус. — Это сделала Пирамида.

— А вы тогда кто же, черт побери? — заорал Хендл.

— Мы известны вам как Глен Тропайл, — ответил громкоговоритель, и гул прекратился. Никакие мольбы и проклятия не могли заставить его снова заговорить.

13

Ни один сицилиец или поляк на острове Эллис, ни один американский турист, запутавшийся в бюрократических хитросплетениях во французском отеле, никогда не чувствовал себя таким чужим в городе, каким чувствовал себя Глен Тропайл. Он ничего не знал. Или, выражаясь точнее, он знал то, чему научила его жизнь за несколько десятилетий как Гражданина и как Волка.

Но никакое из этих знаний нельзя было применить к его теперешнему существованию в качестве одной восьмой части Снежинки.

Тропайл, однако, был Волком. Он был почти как Пирамида в том, что он толкал до тех пор, пока что-либо не под-

давалось, и делил до тех пор, пока не получались части, с которыми можно было управляться.

Например, прямо под рукой у него находилось то, что более или менее легко можно было использовать. В систему коммуникации, которая соединяла один лепесток Снежинки с остальными, было довольно легко проникнуть, что и было быстро сделано.

Тропайл и Алла Нарова разбудили женщину между ними, предчувствуя истерику. Но они ошиблись. Ею оказалась Мерседес ван Деллен из Стамбула, во время Перемещения ей было 28 часовых лет, она — мать двух девочек, которые были крошками, когда она их покинула. Она вздохнула и предположила, что сейчас они, наверное, счастливы замужем. Ее заинтересовал и позабавил дисплей и быстро работающие с переключателем руки; она призналась, что любит заниматься делами и (небольшая ересь) у нее был бы десяток детей, если бы это разрешали. Они проникли в ее мозг. Он был спокоен; всегда спокоен. Все-таки есть такие люди! Она проникла в их мозг. Они были неистовыми и страшными. О Боже! Неужели они все затеваю напрасно? А затем они втроем поплыли вместе; на сей раз все было более прозрачно и ровно.

Они разбудили женщину с темной кожей, которой тоже, как оказалось, за двадцать, чего нельзя было сказать, глядя на ее тело. Душа Ким Сеонг была душой ведьмы, которая видела, как приходят и уходят люди, которая обмывала трупы, зарабатывая на рис, и бормотала:

— Глупо, все глупо, но какой толк говорить? Никто вас не слушает.

Она привнесла в их общий мозг горечь и первую крупицу понимания беспредельности пространства и двух бесконечностей до и после, слишком огромных, чтобы их понять.

Они разбудили Корсо Навароне из Милана, худого молодого человека, который точно знал, ради чего все это. Он любил Аллу Нарову так, как не любил никогда раньше. Все пространство и время говорилось, чтобы соединить их, он был ее душой, она — его пламенем; никто никогда не любил так, как они. Какое значение имело то, что хирургическое вмешательство не давало осуществить желание? Они были вместе, и этого было достаточно. О, Господи! Большего блаженства и не нужно, чтобы Корсо Навароне не погиб от наслаждения.

Они не могли поверить, что такой человек может быть,

но им пришлось поверить, он существовал. Сначала он с негодованием отказался подчинить свою индивидуальность общему мозгу, но его убедили сделать это; как иначе он смог бы узнать лучше свою возлюбленную? Но, слившись с общим мозгом, он захотел стать его частью навсегда, однако его отговорили и от этого; разве разлука не делает сердце нежнее?

В их общее сознание он привнес огонь.

Старик, которого они разбудили, был некто Спирос Гульбенкян. Тропайл почувствовал смущение перед ним, когда утверждал, что он Волк. Спирос один был целой волчьей стаей, пол-Парижа работало на него и никогда не знало об этом. Его жизнь была невероятно насыщенной, происшествия заполняли ее, как детали часовской механизма, и с каждой минутой он узнавал что-нибудь новое, новый инструмент или оружие, и уже никогда не забывал. Он был сильно позабавлен; проснулся без страха и шока.

— Ага, я обманул смерть,— произнес он, довольный.— Единственное, на что я никогда не рассчитывал. Итак, что это за Общий Мозг, о котором вы мне рассказываете? Конечно, я не стану упрямиться. Я вам многим обязан!

Тропайл: Это власть — в чистом виде. Вы думаете быстрее, яснее, более глубоко, чем, как вы считали, возможно.

Алла Нарова: Это — быть собой больше, чем когда либо! Это чувствовать себя абсолютно живой.

Мерседес ван Деллен: Это очень приятно. Я не представляю, что мы делаем, когда мы так вместе, но в этом нет ничего плохого.

Ким Сеонг: Это не более глупо, чем все остальное.

Корсо Навароне: Глупая женщина, это блаженство.

Спирос Гульбенкян: Хм. Но стоит попробовать.

И они ценили его за уравновешенность, он предохранил их от ошибок. До него во время короткого заседания они сосчитали количество молекул во Вселенной, вместе с ним они сделали это снова и на сей раз правильно.

Он хотел знать только одно:

— Откуда поступают математические данные? Как я понимаю, среди нас нет математиков, а я не доверяю тому, что дается просто так, даром, никогда не доверял.

— Я думаю, данные поступали из внешнего мира,— сказал Тропайл.— Я думаю, что математика — это просто картина мира. Если у вас есть глаза и уши и достаточно ума, у вас есть и математические данные. У нас было достаточно

ума. Я вижу, что у нас нет ботаника, если не учитывать Ким с ее Культом Лишайника.

— Пока это не просто так, не даром,— сказал Спирос Гульбенкян.— Не переброситься ли нам парой слов с тем большим черным джентльменом, который спит с открытым ртом? Какие великолепные зубы! Зубы — это единственное, на что я жаловался с самой юности.

Итак, они приветствовали седьмой лепесток, Джанго Тембо из Африки. Он проснулся, добродушный, зевая и улыбаясь. Из них только он один видел сны, в этих снах, долгих и приятных, он видел детей и жен. Он был Неприкасаемым, он носил навоз в Дурбане, но его сердце, однако, было сердцем царя. Он жил, чтобы царствовать и, царствуя, служить.

Они прочли его благородную, бесхитростную душу и полюбили ее, а он полюбил их.

Последний лепесток снежинки не производил благоприятного впечатления. Это было тело костлявого юноши с деформированной головой и жесткими черными волосами. Они вошли в его сознание и память, и почти не обнаружили ни того, ни другого.

— Я Вилли.

Перемещающиеся проекции цвета, почему-то грустные — они знали, что это закат в скалах Соноры, а он не знал.

— Мама ушел. Мама хороший.

Что-то коричневое и большое и в нем люди; это вызывало в нем тупое непонимание, но они знали, что это Дом Пяти Правил в Лас-Кручес, и знали они также, что в течение года он приносил Жертвы в соответствии с Правилом Вторым (относительно Невинных).

— Бобы вкусный. Бобы с мед — вкусный.

Они с тревогой обсуждали то, что обнаружили.

— Мы калечим себя,— кричал Тропайл.

— Я не знаю,— неожиданно сказала Мерседес ван Деллен.— Бедный ребенок никогда не знал, что такое счастье. Мать, должно быть, бросила его. Вы слышали когда-нибудь такую тоску и безысходность?

Тропайл, как и все Люцифера, капитаны Фландрейи, Байроны и другие язвительные личности, был убежден, что нет печали, сравнимой с его печалью; он с уверенностью подумал, что Мерседес ван Деллен, должно быть, знала нечто подобное его скорби.

Он с мрачным видом умолк.

Ким Сеонг прокудахтала, что ей все едино; разница между идиотом и первейшим мудрецом ничего не меняет, насколько она могла заметить. Она наслаждалась их замешательством.

Джанго Тембо принял решение за них всех. Они пригласили Вилли присоединиться к ним, но не словами и силлогизмами. Они раскрылись подобно цветку, позволив ему быть бабочкой. Его застенчивая душа животного слилась с их душами, которые стали от этого богаче. Он был животным, с животной способностью радоваться и горевать, его горе и радость не затуманивались пониманием одного или философским утешением другого.

Позже Спирос Гульбенкян сказал задумчиво:

— Возможно, быть молодым было не так уж и плохо.— Это было сказано во время краткого периода, когда они разъединились и были отдельно друг от друга. Такие периоды становились все короче и реже.

В основном Снежинка плавала в цистерне и думала в своем собственном режиме, в восьмичастном контрапункте, а не в мелодических рядах, свойственных человеку. Иногда Снежинка думала хордовыми прогрессиями, ломая голову над задачами и вопросами, до тех пор пока не добивалась результата.

Она непрестанно работала на Пирамиды. Каждую секунду шестнадцать рук, не зная отдыха, манипулировали переключателями. Непрестанно она вела свою собственную работу, анализируя и строя планы. Разница состояла в том, что для Пирамид работа велась со скоростью, равной числу переключений Рашевского, помноженному на восемь; на себя она работала со скоростью, равной числу переключений Рашевского в восьмой степени.

В человеческом плане Снежинка начала с того, что вытаянула из каждого их воспоминания и перегруппировала их с целью получения быстрого доступа — древняя мечта была наконец осуществлена.

Попало ли в задачу рисовое зернышко в корзине трехлетней Ким Сеонг? Попало. Должен ли Корсо Навароне помнить серийный номер велосипеда, который промчался мимо него в Милане в одну из пятниц, когда ему было двенадцать? Он помнил.

Если бы им понадобилось вспомнить, как Спирос Гульбенкян пожал плечами тридцать лет назад в Париже, у них было бы и это.

Снежинка решила: «Я не реализована полностью. Секс

не важен, потому что бессмертие реально для меня; любовь не имеет значения, потому что у меня есть больше, чем любовь. Важно увеличивать постоянно мой запас чувств-данных и снимать показания приборов». .

Но когда сделали и это, Снежинка не успокоилась. Было нечто такое в сумме их индивидуальных воспоминаний, взятых в целом, что превосходило просто сумму воспоминаний. Существовала какая-то коллективная память.

По какой-то причине это казалось необходимым.

Итак, Снежинка задействовала свою коллективную память и спустя какое-то время смогла вспомнить то, что было в ней.

О да, человечество.

Человечество в опасности.

Сначала Снежинка (пробуя то одно, то другое) считала, что, доставляя людей на планету-двойник, она спасет, по крайней мере, этих конкретных индивидуумов от грозящей им опасности. Итак, Снежинка какое-то время этим и занималась, потому что было так легко послать другое определение понятию «зрелость» Пирамиде на Эвересте. (Эта Пирамида, конечно, не подвергала сомнению ее указания. Пирамиды собирали созревшие Компоненты тогда, когда они появлялись, в соответствии с древним афоризмом «Забирай цыпленка, когда есть возможность». Ни одной из Пирамид не приходило в голову, что Компоненты могут накапливать другие Компоненты.)

Затем Снежинка обнаружила другие возможности.

Среди миллиона миллионов систем, которые заполняли планету-двойник, имелось огромное количество таких, в чьи обязанности входили создание, эксплуатация и ремонт. Все они были наполовину интеллектуальные и полуавтоматические, иными словами, они управлялись контролирующими механизмами — другими Компонентами.

Что произошло бы, подумала Снежинка, если бы они пытались разбудить хотя бы некоторые из них?

Когда они попробовали поступить так, чуть не произошла катастрофа. Они решили начать с системы, строящей туннели. Она стояла без действия почти сорок тысяч лет. Ее Компонентами были не гуманоиды. И что уж было совсем скверно, так это то, что они были слизняками длиной не более пальца; на своей планете они приклеивались к обратной стороне зеленых листьев в джунглях, и их злейшим врагом был приматообразный древесный моллюск, который охотился на них и поедал. Когда они осознали, мозг какого

рода существ старается контактировать с их мозгом, они обезумели от страха. Сверлильная машина заработала и проделала шахты в десятке основных энергокентров. Батальоны ремонтных систем бросились устранять аварию. Вполне могло случиться, что вскоре приплыла бы Пирамида, узнать, что произошло.

К счастью, Снежинка Тропайла все еще сохраняла управление заменой и отбором Компонентов. Снежинка с грустью сбросила обезумевшие Компоненты в перерабатывающий бункер и учла этот случай.

Будить Компонентов произвольно было неумно. Поэтому лучше всего просто рассыпать команды. Это можно было сделать, не выдавая себя.

Она воспользовалась избыточностью команд в системе Пирамид. В качестве меры безопасности каждый щелчок рычага управления повторялся.

После этого Снежинка начала, там где это касалось Пирамид, работать неправильно, но так, чтобы это нельзя было обнаружить. Идиотского слугу человека — термостат — не настраивают, за исключением лабораторий, с абсолютной точностью. Всегда есть какая-то погрешность. В автомашине в Эру Машин термостат радиатора работал исправно, если он срабатывал с точностью до 10 градусов. Термостаты в домашних обогревателях были более чуткими, работая с точностью плюс-минус градус, но что такое градус? Это десять тысяч десятитысячных градуса, миллион миллионных градуса. Всегда есть возможности к совершенствованию, столько возможностей, что инженер заботится о точности в тех пределах, которые важны для него.

Для Снежинки была допустима одна неправильная передача на тысячу с небольшим переключений; процесс, в котором она участвовала, не страдал от такой погрешности. Совершенства не существует. Нет смысла делать работу, которая гарантирует, что тысяча переключений из тысячи абсолютно точны — за исключением тех случаев, когда ваш термостат частично Волк.

Пирамиде, на которой использовалась Снежинка, предписывалось посыпать сообщения автоматом на всей планете. Они строили двигатель из всего, что имелось под руками. Они начинали с того, что прочесывали планету в поисках ненужного материала, они вечно что-нибудь воровали. Оцинкованный торус на свалке они подробно изучили бы, определили бы, что в последний раз им пользовались во время путешествия в Магелланово Облако в качестве Компонента

оружия, что в этом отсеке Галактики нет форм жизни, соответствующих этому типу оружия (оно создавало своего рода мраморный туман, вид которого был смертелен для Скульпторов-Колористов из Магелланова Облака). Торус упывал в нужное время в нужное место, где его добавляли в материал для эмиттера ионной пушки, которая будет в свою очередь собрана позже, и еще позже поступит на общую, основную сборку, и еще позже займет надлежащее место для создания максимального толчка, когда двойник скорректирует курс в поисках новых Компонентов.

Один щелчок на тысячу был ложным. Это было небольшой погрешностью и разумно она объяснялась так: работа Снежинки настолько разнообразна, что возможность накопления их маловероятна. Она непрерывно переключается с одной задачи на другую. Будь ложные передачи случайными, они бы были причиной задержки оцинкованного торуса на пути в плавильную печь или послужили бы причиной того, что неверную информацию о ее работе послали бы на дизлектрики вместо проводников, что дало бы Снежинке передышку и вынудило бы ее спрашивать снова.

Ложные передачи накапливались удивительно быстро. Шестнадцать рук делали восемьдесят переключений в секунду; по земному времени почти семьсот тысяч в день. Итак, пятьсот раз в день — мера предосторожности — происходила искусно рассчитанная ошибка. Оцинкованные торусы задерживались в пути лишь несколько раз, и неправильная информация поступала лишь изредка. Станки работали резкими толчками, подобно фотографии открывающегося цветка, сделанной с временной задержкой. Мало-помалу странная электронная лампа была сделана в пустом цехе. Запас ошибок копился пять дней, и кусок железа был быстро повергнут зонной очистке в другом цехе; зонную плавку нельзя осуществить в короткий промежуток времени. Из этого куска выпиливались и собирались транзисторы. Через месяц Снежинка, раба Пирамид, имела своего собственного раба, свой собственный Черный Ящик, запрограммированный так, чтобы протянуть медный провод толщиной с человеческий волос от себя к цистерне Снежинки, что он и сделал со скоростью одной мили в час за пятьдесят часов.

Когда он прибыл, Бунт Термостата фактически начался. Лепестку не нужно было больше делать запас ложных импульсов или просчитывать тысячи вариантов, прежде чем

определить, какое переключение было бы наиболее экономичным и стратегически верным. Тонкий как волос проводник разместился в переключателе в левой руке Аллы Наровой. В момент контакта Снежинка вздрогивала и передавала бремя выходных сигналов из ее левой руки в другие пятнадцать рук. Сейчас связь была прямой. «Ошибки» могли перемещать сырье к идиотскому ящику на конце провода, который знал сейчас лишь то, как делать и протягивать провод. По этому проводу он научится, как превращать сырье в стеклянные глаза и металлические руки и высокополимерные ноги, на которых можно передвигаться.

Он был спрятан в коридоре, примыкающем к литьевому цеху. Снежинка приказала ему осмотреть коридор и доложить. Снежинка решила: «Этот коридор подойдет для наших мышек». Она приказала рабу, который с каждым днем становился все больше и сложнее, снабдить водную систему планеты-близнеца кранами и установить ряд кранов вдоль стены коридора, сделать приемлемую питательную смесь, воруя глюкозу и необходимые минералы и аминокислоты из переплетения трубопровода, который был проложен в районе планеты, где находились продукты для обмена, и направить смесь через другой ряд кранов в тот же коридор.

Снежинка решила: «А сейчас мы исследуем планету».

Они запрограммировали свой рабский Черный Ящик, который умел с каждым часом, для того чтобы послать шпионов. Они шли впереди как маленькие пауки, их металлическое сияние было скрыто под черной краской. Их глаза осматривали коридоры, лампы, провода, реакторы.

Машины были созданы для того, чтобы строить машины, которые построят шпионов; типы шпионов совершенствовались быстро. Существовали основные разведчики, действовавшие на дальнем расстоянии, похожие на тарантулов, потому что им были нужны довольно большие запасы энергии для быстрого и далекого передвижения, голова была маленькой, потому что они вели лишь общие наблюдения. Неделю спустя появился более мный, аналитический тип, который передвигался на спине у тарантулов. У них были яйцеобразные головы, нашпигованные глазами, ушами, носами, термопарами, ионными счетчиками, спектрофотометрами. Для приблизительного измерения пространства некоторые выходили tandemом, каждый был глазом дальномера

с переменной базисной линией. Для точных измерений были совсем крошечные разведчики, которые фотографировали буквально каждый миллиметр на каждом шагу, у них были антенны буквально в один микрон диаметром.

Снежинка узнала, сколько Пирамид находится на планете-двойнике: семь.

Шпионы наблюдали за ними непрерывно, и Снежинка научилась отличать одну Пирамиду от другой. Только на первый взгляд они были одного размера; была и самая большая и самая маленькая. Были также существенные различия в силе, строении, скорости изменения магнитных полей, которые окружали каждую из них. Одна из них была обжора. Она гораздо чаще, чем другие, навещала комплекс по производству продуктов обмена. Но разница была лишь в частоте визитов, а не в количестве потребляемой пищи. Все они потребляли много тонн химических веществ каждый часовой день, поглощая их из бьющих струй, которые окружали их с трех сторон, где не располагались двигатели.

Вот что узнала Снежинка о Пирамидах. После месяцев интенсивных исследований у них были ответы на тысячи вопросов о Пирамидах... хотя, конечно, не было ответов на те, которые действительно волновали их. Например:

- Почему Пирамиды делают то, что они делают?
- Откуда они появились?

И самый главный:

- Как можно их победить?

Снежинку всегда так и подмывало попытаться разбудить другие гуманоидные Компоненты. Этот вопрос они часто обсуждали.

— Мы могли бы воспользоваться их помощью,— обычно говорила Алла Нарова, а Спирос Гульбенкян обычно огрызался:

- Они выдадут нас Пирамидам!

А Тропайл ворчал:

— Мы ведь уже пришли к решению, так давайте его придерживаться!

А на другой день, возможно, тот же Глен Тропайл, впав в уныние от того, какая огромная задача перед ними и как медленно она решается, рисковал сказать:

— Может быть, мы могли бы все-таки попытаться разбудить еще одного.

И тогда взрывалась Алла Нарова:

— О, нет! Ты был прав, это слишком опасно.

А Вилли мягко говорил:

— Прошу вас, не спорьте, пожалуйста.

Меньший соблазн представляли Компоненты-негуманоиды, из-за того что они все еще помнили ту первую страшную неудачу. Все равно они были забавными! Сколько их было! Были мягкотельные существа, и с хитиновыми покрытиями, существа с ногами, или с плавниками, с перьями. В цистернах преобладали C_2 и H_2O , как на Земле, но были и существа, которые для дыхания нуждались в метане, а также организмы, в основе которых был кремний; правда, «организм», возможно, не совсем подходящее слово, потому что граненые, волокнистые существа, сделанные из подкрашенного кремния, не ели и не дышали; на поверхности их тел свет превращался в электричество; они, видимо, росли за счет отложения кремниевой пыли на внешних поверхностях и воспроизводились путем расщепления по определенным линиям.

Сколько же здесь было рас?

Даже при всей занятости другими вопросами любопытство Снежинки заставило ее сделать попытку определить это. Сделать точный подсчет было невозможно, так как обнаружилось, что пурпурные бананообразные черви и москитоподобные существа размером с птицу рух были лишь секуально диморфными разновидностями одного и того же существа. Этот факт стал поводом к сомнению в правильности подсчетов. Особенно если учесть, что ряд других видов менял форму по мере роста. Тем не менее Снежинка подсчитала: не менее чем четыреста восемьдесят, не более чем шестьсот различных видов были похищены Пирамидами в качестве Компонентов.

Другой подсчет, который из любопытства сделала Снежинка, был более простым, но и гораздо более тревожным.

Из навигационных систем Пирамид они узнали, что место следующей остановки планеты где-то на расстоянии тысячи лет. Не то чтобы это было очень далеко для Пирамид. Меньше, чем обычно.

Итак...

Положим, продолжительность обычного перелета составляет 2000 лет. Предположим, что по меньшей мере половина из планет, куда прибывала планета Пирамид, не производили подходящих Компонентов. Предположим, что уже имеющиеся Компоненты представляли разные планеты...

Тогда, сделала вывод Снежинка, Пирамиды пропутились в Галактике, занимаясь своими делами, что-то около двух миллионов лет.

Когда Снежинка получила эту цифру, все задумались. Минуту стояла абсолютная тишина.

Потом они начали хохотать. А что еще оставалось делать?

Представителей некоторых рас, которые работали на Пирамиды, было крайне мало: десяток этой расы, горстка — той. Не вызывало сомнений, что здесь они были самыми старыми. Несомненно, большинство самых первых Компонентов в конце концов износилось, как это и должно быть с живыми существами. Первым пришел, первым ушел. Когда их коэффициент ошибки начинал превышать допустимый уровень, их с почетом отстраняли от службы. (То есть перерабатывали в суп для тех, кто выжил.)

Одно существо было в особом положении.

Казалось, что это не совсем Компонент. Что это было на самом деле, постоянно обсуждалось членами Снежинки.

Начнем с того, что оно находилось в особом месте — на Северном полюсе. Казалось, оно является предметом особого внимания со стороны Пирамид. Оно представляло собой слоноподобное существо сине-зеленого цвета, с хитиновым панцирем на теле и семью щупальцами. Это существо лежало в гробу под хрустальным куполом на Северном полюсе планеты-двойника, в самом большом помещении, которым могла похвастаться планета — единственное помещение, размеры которого позволяли разместить все семь Пирамид и, может быть, восьмую с Эвереста. Другой особенностью этой громадной комнаты и комплекса вокруг нее было то, что в цепи, обслуживающие их, не были вмонтированы Компоненты, ни гуманоидные, ни негуманоидные, ни одного живого Черного Ящика. Вместо этого грубо сделанные гидравлические пускатели открывали клапаны и выключали переключатели под прямым давлением электронных пучков, выпускаемых вершинами Пирамид. Семь монстров тратили свое время на восьмого, абсолютно не похожего на них, монстра. Они наполняли его хрустальную камеру питательными растворами в разных пропорциях, газами под разными давлениями. Они установили старые электростатические генераторы и запустили их так, чтобы под хрустальным колпаком образовались слабые разряды. (Без сомнения, генераторы, должно быть, были «пинцетом»,

так как Пирамиды сами могли вырабатывать электрические заряды.)

Из этого так ничего и не вышло. Постепенно стало ясно, что эксперименты постоянно повторяются. (Может быть, это был Ритуал.)

Над этим Снежинка размышляла долго. В конце концов, Спирос Гульбенкян, самый старый из восьми, чья память хранила воспоминания о временах до вторжения Пирамид в мир людей, с сомнением произнес:

— Однажды я смотрел фильм. Это была старая американская картина. Она, мне кажется, о каком-то местечке в Германии, где сумасшедший ученый пытается оживить мертвеца. Его звали Франкенштейн.

Алла Нарова засмеялась:

— Я знаю эту историю, — сказала она. — Она не может иметь с нами ничего общего.

— Почему это? — спросил Гульбенкян.

— Потому что Франкенштейн только пытался создать монстра, — объяснила она. — Зачем Пирамидам нужно создавать монстра? Когда у них уже есть мы.

Но интеллектуальное любопытство не поглотило Снежинку полностью. По настоянию Тропайла они настойчиво придерживались главного правила любого Волка, а именно: добиваться своего, пока не получишь положительного результата.

Им давно удалось одурачить Пирамиду на Эвересте. Установили связь с Компонентами, запрограммированными на команду «Включай-в-цепь-или-Запасай-вновь-прибывающие-Компоненты». С этого момента Пирамида на Эвересте была сбита с толку тем, что абсолютно все доставленные ею Компоненты шли в запас. Существовала необходимость, крайняя необходимость, в новых Компонентах, но те, которых она посыпала, шли прямой дорогой на склад. Она увеличила поставки и наконец случайно скосила и забросила на двойника одного из знакомых Тропайла и одного из знакомых Джанго Тембо. Эти не попали в хранилище; следующие пятьдесят попали. Ага! На Эвересте поняли, как надо действовать. Один доставлен из Принстона, другой из Дурбана, и, вероятно, есть другие места... да, шесть других мест, как наконец оказалось.

После того как она научилась, Снежинка начала работу по деактивизации существующих Компонентов путем подделки требований. И наконец шестьсот восемьдесят четыре человека, известных отросткам Снежинки, были под рукой,

и Снежинка просунула через отверстие в стене коридора приемопередатчик и сказала им:

— С этого момента мы будем отдавать вам приказы...

14

Какое-то время Гала Тропайл была почти королевой обезумевшей и оборванной маленькой шайки. Она заняла это положение в качестве жены (или вдовы?) голоса из черного конуса. Она извлекла пользу из уроков Тропайла, которые он давал ей во время их брака и была в достаточной степени Волком, чтобы воспользоваться этим фактом. Почти два дня Гала Тропайл величавым движением руки отгоняла других со своего пути, когда шла к кранам с питательной смесью и выбирала лучшие места для сна. Но лишь два дня. Причина того, что ее царствование не продлилось дольше, состояла в том, что она была здесь далеко не единственным Волком.

Кроме того, голос из черного конуса не всегда принадлежал Тропайлу.

И это очень сбивало с толку.

Время от времени людям в коридоре поступали распоряжения из громкоговорителя. Появлялись металлические пауки, разглядывали их и вновь исчезали. Люди пытались задавать вопросы голосам из громкоговорителя и всегда получали ответы, но редко те, которые бы они хотели услышать. Или хотя бы были понятны.

— Что вы хотите от нас, черт вас побери?

— Мы хотим, чтобы вы были мышами, — говорил черный конус.

— Мышами? Как мышами? Почему мышами? — Но конус в очередной раз умолкал.

Затем:

— Иногда ты говоришь, что ты Тропайл, иногда говоришь, что ты Джанго Тембо или кто-то еще. Кто ты?

— Да.

Это приводило в ярость. Люди в коридоре, нервы которых были истрепаны, переругались между собой. Они не отваживались на открытое насилие, по крайней мере вначале. Не очень умно заканчивать спор ударом по оппоненту, если вы прекрасно понимаете, что в следующий раз, когда вы уснете, он, может быть, будет бодрствовать и ждать. Поэтому они обратили свою ярость на то, что их окружало, круша, ломая, уничтожая. (Совсем

как мыши.) И все же пытались получить разумные ответы.

— Что — поточнее, пожалуйста, — вы собираетесь сделять с нами?

— Мы скажем вам, — ответил голос. Случилось так, что в тот раз это был голос Тропайла. И добавил: — Скоро мы начнем морить вас голодом.

— Морить голодом? Почему? Когда? Зачем?

И когда им не удалось получить дальнейших ответов из конуса, полоумная толпа сделала попытку приготовиться к этому новому, невыносимому осложнению положения. Они бы запасли пищу и воду, если бы могли. Они не могли. Их сырьем были только стружки от гигантских станков, а это были хорошие станки, и отходы были минимальными. Токарные станки срезали завитки металла и пластика, очень симпатичные, но почти бесполезные. Фрезерные станки сбивали длинные иглы, падавшие дождем, потом их смывало регулярными наводнениями в цехе. Они пытались сгибать завитки, стараясь отломить слегка искореженные металлические квадратики, и им это удавалось. Они связывали стружки от фрезерного станка, чтобы сделать ручку и молоток, а затем били по металлическим квадратикам, выковывая из них горшки для хранения пищи, но именно это и не получалось. Если металл, срезаемый станком, оказывался достаточно ломким и от него отламывались куски, то он не был достаточно ковким для того, чтобы сделать горшок. Три попытки отжечь пластины в страшном жару соседнего литьевого цеха закончились несчастьем; место было невероятно опасным. Человек слабел в жаре и спертом воздухе; они спотыкались — об обнаженный провод высокого напряжения, или бурлящий тигель, или о пресс-форму чавкающего автоматического молота. Они ждали несчастья, им было скучно, у них было мерзкое настроение, и они были сыты — они были именно такими, какими их хотела видеть Снежинка.

Почти в самой конечной стадии эволюции Снежинку едва можно было разглядеть в ее цистерне, столько там было проводов. Она уже давно передала задание, полученное Пирамидой, восьмерке в запасной цистерне. Не возникло никакой трудности при воспроизведении панели ввода и переключателей, но программирование восьмерки при дистанционном управлении было трудным и опасным и требовало, чтобы Снежинка полностью вспомнила свое собственное программирование и его полностью повторила, шаг за ша-

гом, на запасной восьмерке. Когда это было проделано и все шестнадцать рук были освобождены, Снежинка получила свободу на всей планете. Ее провода и кабели были повсюду; постепенно ее металлические пауки-шпионы были отозваны, потому что Снежинке требовались собственные глаза и собственные преобразователи. Она собрала и забронировала запас питательной жидкости, который, как они рассчитали, будет достаточным, чтобы пережить любые непредвиденные ситуации; на случай, если бы не было электричества для насосов, наготове стояли генераторы; она заковала себя в сталь, железо, свинец и кадмий против физического, магнитного, радиационного нападения; она оснастила себя и весь свой огромный комплекс жизнеобеспечения гусеничным ходом.

Пауки-шпионы продолжали служить ей лишь в одном районе — на Северном полюсе, наблюдая за хрустальной камерой. Чувствовалось, что нарочитый архаизм оборудования огромной комнаты противится внедрению в нее наблюдателей. Если кабель прокладывали под трубопровод зоны питания, то проходящая мимо Пирамида не обращала на это внимания. Какое бы количество датчиков ни устанавливалось на планете, это не вызывало тревоги; несомненно, что какая-то система управления движением или качеством срабатывала, чтобы гарантировать стабильность функционирования среды Пирамиды, не беспокоя их, пока они — пока они делали что?

Пока они проводили свои бесконечные серии экспериментов над существом со щупальцами под хрустальным куполом. Проводя их торжественно и в замедленном темпе, более медленном, чем их обычное движение вдоль коридора, или их вспышки электронов для управления реле, глуша тяги или сжимая поля.

— Хотел бы я... — сказал Тропайл раздраженно. Ему не нужно было заканчивать предложение. За него это сделала Алла Нарова.

— Я бы тоже хотела знать, что это все значит. Но мы не знаем.

Когда Снежинка уставала размышлять о Северном полюсе, она находила разнообразие, рассуждая о Южном.

Самое интересное в Южном полюсе было то, что он был таким неинтересным. Никогда ничего там не появлялось, ни Пирамиды, ни механизмы, управляемые Компонентами. Казалось, что и внутри ничего не происходит. Там не появлялось Око, там не было следящих приборов.

Наиболее вероятный вывод, к которому пришла Снежинка (фактически единственный), это то, что там находится свалка,

— Археологи, — заявил Корсо Навароне, — находят на свалках много интересного. Давайте посмотрим, что есть на этой.

Итак, со своего места на двенадцатом градусе Южной широты Снежинка начала делать и тянуть на юг специальный кабель, коаксиальный, наполненный инертным газом; удивительный нерв, по которому можно было отправлять и получать самые сложные сообщения. Интуиция подсказывала им, что так и получится. Через самые нижние уровни изрытой планеты пробиралось устройство на гусеничном ходу, внутри него был кабель. Оно тянуло тефлоновый кожух в камеры с разъедающей атмосферой и покрывало им кабель; оно миновало освещение красным светом хранилище и прилегающее пространство и пробурило проходы гораздо ниже, там где порода еще не была перенасыщена трубами и проводами, где не появлялись ремонтные механизмы. Его сопровождающие, подключенные к кабелю, шли рядом, ожидая с покорностью машин свои задания. Одна бригада предназначалась для земляных работ: деррик-краны, англедозеры, горные машины, которые подрезали, взрывали и убирали породу при помощи лан на бесконечно длинном приводе; другая группа, идущая вслед за землекопами, состояла из передатчиков — искусственных органов чувств — очень сложных и совершенных, докладывающих бесстрастно при помощи кривых, показаний стрелок на шкалах приборов и счетчиков. А позади них скромно катились самоходные цветные ортоконовые лампы, просто телевизионные камеры, которые посыпали только изображения поверхности, даже не на уровне рентгеноскопии.

Голос экс-Гражданина Роджета Джермина дрожал от ярости. Он буквально рычал на Мухандаса Дутту из Дурбана:

— Прочь от крана! Ты увидел, что я к нему иду, встал и пошел тоже!

Мухандас Дутта, бывший Главный толкователь Культа Риса, потом Гроссмейстер этого культа, огрызнулся в ответ:

— Делать мне больше нечего, как только следить, кто тут бродит. Первым здесь был я, худышка ты несчастный!

Прозвище звучало глупо: живот Мухандаса Дутты так же не был вспухшим от голода, как и у Джермина. Но старые и новые понятия перемешались.

— Тоже мне, атлет,— засмеялся Джермин.— Обжора! Скандалист! — глупость, школьные прозвища, но он продолжал их выкрикивать. Из крана с журчанием текла вода, пока они со сжатыми кулаками, вздувшимися венами, налитыми кровью глазами стояли друг против друга. Липкий раствор глюкозы нес ценное железо, йод, серу, фосфор, со дну бесконечным потоком по слегка наклонному полу в канализацию. Глутаминовая кислота, без которой аммиак скапливается в мозгу и убивает, журчала по полу, пока они свирепо смотрели друг на друга; D-рибоза и D-два-дезоксирибоза, аденин, изанин, урацил, цитозин, тимин и пять-метилцитозин, вещества, без которых не срабатывает механизм наследственности. Они испепеляли друг друга взглядами над ручейком жизни, не обращая внимания на длинный ряд кранов справа и слева, которыми они могли бы воспользоваться; им нужен был именно этот! К черту здравый смысл, к черту то, что их много, доброта пусть идет к черту, это — мое!

Подбежал Волк, глаза которого были красны сейчас не от дикой страсти, а от того, что приходилось без конца поддерживать мир.

— Прекратите это,— сказал Хендл.

Мухандас Дутта нервно сжимал похожий на нож кусок стружки, заткнутый в его набедренную повязку (все, что осталось от платья Граждан). Хендл повернулся спиной к нему, нагнулся и припал к журчащему крану. У него за спиной возникло какое-то движение, он лениво выпрямился и обернулся. Дутта выхватил свое оружие и нацелил его; удар не был нанесен — Джермин схватил его за запястье. Они сцепились и молча сжимали друг друга. Хендл выхватил нож из ослабевшей руки Дутты и со стуком швырнул его на пол. Напряженная живая картина распалась. Мужчины тяжело дышали и обменивались взглядами. Дутта потирал запястье.

— Нервы всех на пределе, — говорил им Хендл. — Тот факт, что, очевидно, нужно, чтобы наши нервы были на пределе, ничего не меняет. Нам нужно быть чуть-чуть более добрыми. Иначе все закончится резней. Джермин и Дутта, предположим, вы притворяйтесь, что следуете моему совету, потому что я стар и умен. Для вас, Дутта, есть совершенно великолепный пищевой кран и точно такой же для вас,

Джермин. Я предлагаю, чтобы каждый из вас подошел к собственному крану и наелся.

— Худышка,— усмехнулся Дутта, но ушел, оглядываясь через плечо на Джермина.

— Атлет, — усмехнулся Джермин, но ушел к крану, стараясь не поворачиваться спиной к африканцу. Когда они наклонились, чтобы напиться, пить уже было нечего.

Булькнув последний раз, раствор перестал течь и уже никогда больше не поступал.

В коридоре началось столпотворение. Люди, спотыкаясь и рыдая, бежали к кранам. Охранники и гонцы покинули свои посты и ринулись к пищевым кранам. Некоторые лизали пол, где высыхали остатки клейкой жидкости, ожидая появления глицеринового потока. Несколько счастливчиков пробились к канализационным люкам, просунули в них руки как можно глубже, соскабливая то, что покрывало стенки канализационных труб, а потом слизывали это, как кошки.

Хендл, который лишь несколько минут назад страшно дивился той роли, которая выпала ему,— сдерживать двух бывших Граждан от того, чтобы они не разорвали друг друга, призывать их к доброте и предупредительности, сейчас не был удивлен. Он сказал Иннисону, оба они стояли в стороне от бушевавшей толпы:

— Потом исчезнет вода. Потом мы начнем разбредаться и, я думаю, умирать — большинство из нас.— Они пошли к черному конусу громкоговорителя-микрофона; стража, которой следовало быть там, чтобы пресекать бессмысленные просьбы и назойливые приставания, отсутствовала. Черный конус гудел, что означало, что к нему можно обратиться. Но Хендл отстранился, отвел Иннисона в сторону и сказал:

— Будь я проклят, если дам ему возможность сказать нам, чтобы мы были хорошими мышками.

* * *

Фаланга машин добралась до Южного полюса планеты. Кapsулы на танке раскололись по продольным осям, и их верх раскрылся как раковина; некоторые выставили впереди деррик-краны, а сзади — противовесы; некоторые расцвели лепестками, которые представляли собой вольфрамово-карбидовые лезвия. Они пошли атакой на мусорную свалку, осторожно продвигаясь или яростно вгрызаясь, в зави-

симости от ситуации. Они прорывали ход сквозь оксидированный трубопровод, путаницу конвекционных пластин от древних теплообменных аппаратов, свинцового кожуха устаревшего ториевого реактора, банки этого тория, сорванный цилиндр относительно небольшого ядерного реактора и разбросанные кучи кермитовых кирпичей, которые когда-то были стенами реактора. Они подошли к стене под бутом; кислородо-водородные горелки сделали в ней отверстия, а минирующее устройство вложило и утрамбовало взрывное устройство; никакой опасности, что внутри что-нибудь будет повреждено. Прогремел взрыв и разнес стену на куски. Кошачьи лапы машин разграбили их. Еще одиннадцать раз пришлось это повторить, а затем очень осторожно сверлить стену, и уже после этого появилось отверстие в стене, которое вело в камеру, точную копию той, которая была на Северном полюсе, но без сине-зеленого чудовища под хрустальным колпаком.

Вместо этого там были книги.

Круглые хрустальные пластинки с золотыми знаками на них. Пластины не были переплетены, а просто сложены вместе; золоченый текст несколько возвышался на пластинках, и поэтому они не очень плотно прилегали друг к другу. Эта приятная картина была принята глазами из ортикона, в виде импульсов послана по коаксиальному кабелю и показана шестнадцати глазам Снежинки на круговом телевизионном экране.

Снежинка, размышляя, рассматривала эту милую сцену, а некоторые ее руки передавали сообщения машинам на конце коаксиального кабеля длиной в семьдесят шесть географических градусов. Металлические пальцы разложили хрустально-золотые страницы. Самую большую стопку страниц логически рассматривали первой. Прекрасные незнакомые буквы шли непрерывно по спирали от края каждой пластины к центру, древние строки, которые читались сначала слева направо, а потом справа налево, эти строки не воспринимались системой, в которой требовалось, чтобы в конце каждой строки глаз останавливался, а потом начинал сначала. Снежинка обратила внимание на суть «чернила и бумаги»; это не было случайным. Их выбрали для наиболее полного контраста. Контраст цветов был абсолютен. Пластины были прозрачными, а текст — матовым. Они были контрастными и на ощупь: пластины были гладкие, а золото шероховатое. Приборы показали, что и контраст электропроводности тоже был большим: пластины были изолято-

рами, а символы отличались сверхпроводимостью. Послания, оставленные на Южном полюсе, были оставлены, чтобы их прочли любые глаза, любые пальцы или какие-нибудь невообразимые существа, читающие при помощи электричества. Где-то должен был быть ключ, а он действительно был: на наборе самых больших пластин.

Началась изматывающе-трудная, зачастую основанная на воображении, программа. Человек с Земли мог бы в конце концов узнать многое из того, что было на самых больших пластинах. Начиналось с арифметики, двоичной, конечно. Точка — это точка. Точка и промежуток — две точки. Две точки — это три точки; их ноль действительно означал 0 — ничто. Грациозный, слегка изогнутый знак, напоминающий глаз — оператор сложения, отрицательные числа изображались не точками, а маленькими солнечными вспышками, и так далее. Это была лишь математика. Снежинка осилила ее всю: начальную геометрию, функции ко-нических сечений. Она была не очень элегантной. Снежинка чувствовала, что элегантность была раньше, а грубые старые концепции пришли из первобытных времен. Но Снежинка учились. Это — «высота»; это — знак «большой», «больше чем», «включает», «логически предполагает». А затем — к букварю, второму по объему набору пластин. Зелено-голубые монстры были темой этого учебника; есть, спать, ползти (говори «идти») — это глаголы; монстры (говори «люди») наблюдают за звездами. Огромное солице поднимается и согревает людей. Человек оплодотворяет («любит»?) другого человека, которого можно назвать женщиной, потому что это так и есть. Сто шестьдесят шесть дней высиживается яйцо, ему, кажется, поклоняются. Потом рождается ребенок. Это сопровождается второй степенью поклонения. Маленькое — Нечто — назначается к ребенку; родители облизывают своего ребенка, чтобы он был чистым. Ребенок ест хорошую пищу под наблюдением родителей и этого Нечто. Ребенок спит беспокойно, и Нечто будет их. Они с родительской заботой делают что-то, чего Снежинка не поняла. Дитя учится считать и читать книги, такие, как эти. Изменившийся, любящий, вездесущий Нечто опять помогает. Ребенок ходит, бегает на солнце; ребенок уезжает далеко и быстро на этом самом Нечто, которое выросло вместе с ребенком. Ребенок почти совсем подрос, и с этим связана третья степень поклонения. И он начинает постигать тысячу двести восемнадцать книг Первостепенной Важности. Когда это пройдено, он вырастает и уже больше не ре-

бенок, а мужчина или женщина, и Нечто тоже выросло. Выросший мужчина по-иному любит совсем выросшее Нечто, хотя оно по-прежнему незаменимо во всем. Неосторожность в обращении со взрослым Нечто может быть роковой...

Снежинка содрогнулась в своей питательной жидкости, когда представила роковые последствия этой неосторожности. Выросшие Пирамиды, которые было так удобно всегда иметь под рукой, восстали много веков назад и уничтожили своих хозяев, которые создали их, разрушили эту милую планету, превратили ее в унылую свалку, место, подходящее для них, машин.

15

Затем, в соответствии с мрачным предсказанием Хендла, люди в огромном коридоре механического цеха лишились воды. Она просто перестала поступать.

Началась паника, как это можно было предвидеть, а затем и ее неизбежное следствие — миграция. Сильные, мускулистые мужчины не собирались умирать без сопротивления, женщины с детьми в утробе не теряли надежду. Если они окружены огнем, они будут прорываться там, где он кажется наименее сильным, но прорвутся. Когда голод наступает на пятки, а впереди тоже маячит голод, люди пойдут куда угодно: от дома предков в долине Инда и Евфрата или Конго они прогрызут свой путь сквозь отживший мир, затем через земляной мост — в мир новый.

Беженцы выходили из коридора через два выхода; они проходили в день двадцать, сорок миль, разведывая освещенные красным светом коридоры планеты. Везде они находили воду, так как это — нужный растворитель и используется в большей части химических процессов механизированной планеты. Они ломали трубы в местах сварки, пили их содержимое и шли дальше. Нюх вел их. Через сто миль они опять стали похожи на хладнокровных Граждан, ребра их выпирали, а бедра обвисли от голода, но к этому времени они уже были в комплексе по производству продуктов обмена, который представлял собой лес труб, насосов и цистерн, в которых были сахар, протеин, жиры и крахмал.

Об Иннисоне следовало бы сложить эпическую поэму, о том, как он взобрался на стофутовый бродильный чан, в котором глюкоза превращалась в спирт, как он разбил стеклянное отверстие, для того чтобы питательный раствор

вылился толпе, ждавшей внизу. Не должен быть забыт и рассказ о Мухандасе Дутте и о том, как он Взорвал Полиэтиленовую Печь. Эта огромная штуковина стояла между ними, от нее шел запах дрожжей и пищи. Выпитая глюкоза наполняла их энергией, но их тела ощущали голод, им нужно было замещать и восстанавливать молекулы, они не могли жить на одной энергии. Волки из Принстона изучили строение башни, мрачной цитадели из нержавеющей стали, из которой выступали прозрачные вздутия, наполненные полимерами. А внизу, на дне, только водоворот газа; тепло и давление наполняли следующее, более высокое вздутие жидким раствором, а вздутие немного выше этого — вязким раствором, а на самом верху большие лопатки сбивали воскообразную пасту, и она проходила через выходное отверстие в накопитель или прямо к прессам и вытяжным отверстиям, которые, может быть, находились где-то очень далеко. То здесь, то там в цепях, опоясывающих планету, постоянно возникала необходимость изоляции какого-либо участка; в любой конкретный момент на каком-нибудь участке могли вспыхнуть голубые искры короткого замыкания, и туда тотчас ползли машины, груженные медными и полиэтиленовыми шариками, чтобы залатать пробоину, залечить раны. И именно этот передвижной источник перевязочных средств и стоял, подобно бастиону, между людьми и источником запаха дрожжей. Обойти его можно было лишь через баки, пахнущие азотной кислотой, воздух которых был смертельно опасен.

Мухандас Дутта посоветовался с Волками, предупредил остальных, чтобы они отошли за толстые стены или забрались на высокие аппараты, а сам вскарабкался по большому шероховатому сварному шву, который доходил до половины высоты бродильной цистерны. В цистерне было место, из которого выводился этанол, и именно здесь он проверялся приборами, провода от которых шли к какому-то Компоненту. Концы проводов, которые интересовали Дутту, проходили через сальник на главный выход. Сальник был плотным, но тем не менее не составлял единого целого с цистерной и трубой. В местах стыковки сальника и трубы Дутта установил резец фрезерного станка и просверлил отверстие. При помощи одной руки и обеих ног он удерживался на трубе толщиной не более метра; другой рукой он сверлил час, другой, третий. Когда из-за толстой стены, за которую он велел им спрятаться, приходили разведчики узнать, как дела, он кричал им, чтобы они уходили прочь; разведчики воз-

вращались к людям, голодным и изнемогающим от жажды. Они вдребезги разбивали трубы, чтобы напиться, прятались от медленно приползших ремонтных машин и, когда те уезжали, вновь разбивали трубы.

На исходе четвертого часа невероятного подвига Дутты по краям сальника появились капельки этанола. На исходе пятого часа закапала струйка жидкости, запах от которой вызвал у него головокружение и заставил сильнее прильнуть к трубе, а на исходе шестого — сальник вылетел как пуля и увлек за собой Мухандаса Дутту, уничтожив его подобно тому, как жерло пушки развеивает в прах мятежника.

Этанол с ревом хлынул вниз сверкающим столбом, а внизу дошел до вишнево-красного основания полиэтиленовой печи. На месте контакта этанол вспыхнул голубым пламенем, а вишнево-красная печь стала оранжево-красной, а затем совсем оранжевой. Мгновение спустя прозвучал взрыв, швырнувший столб пламени. Ремонтные машины, как обезумевшие, разбрасывали вокруг горячие булыжники и раздирали растрескавшиеся листы железа. Когда жидкость из огнетушителей перестала шипеть на обломках крушения, вышли люди и вскарабкались на них, пробираясь осторожно сквозь фантастические пики и пригорки из пластика, до времени вылившегося и навсегда застывшего; с вершины этой кучи они смогли увидеть землю обетованную; плоские баки с закваской, неустанно продолжающие работать под огненными дугами, извергая протеин, готовые разнообразные питательные молекулы.

На какое-то время проблема с питанием была решена. Чтобы решить ее, они причинили планете-двойнику ущерб, от которого она не оправится и через сто лет, причем потратили на это лишь несколько часов. Они были отличными мышами.

Снежинку охватил трепет от сознания бессилия интеллекта для решения этой проблемы: как должно рассуждать о реалиях-машинах, а не о реалиях — живых существах? Но логика не могла выявить различий. На вульгарном уровне различие, безусловно, было, как, скажем, различие между рычагом и поэтом. Но логика не останавливается на этом уровне. Логика идет дальше в поисках различия между самопрограммирующимся компьютером и микроскопической сетью электрохимических процессов с обратной связью, которые грубо можно было бы назвать «поэт», и разница станет уже меньше. Но логика не останавливается, она идет

далше, к машинам, которые не строят, самим сложным машинам, которые только можно представить, машинам, способным сделать выбор, способным на самовоспроизведение, разнообразным машинам, имеющим конечности и датчики. Логика сравнивает их с неписанным описанием, самым полным описанием понятия «поэт», которое только можно было бы дать, помня, что поэт — это лишь ввод информации, переключение и вывод. На табличке с названием машины и на челе поэта можно было бы с полным правом написать «Ex Nihil Nihil Fit» — «Из ничего ничего не бывает». Окружающая среда вызывает в вас шквал эмоций, и возникает нечто, машина или человек. На длинном конце рычага вы прикладываете силу в фунт; рычаг один к трем, следовательно, его отдача на коротком конце равна трем фунтам. Вы даете книги о путешествиях Самуэлю Тейлору Комриджу — он выдает «Ксанаду». Элементарно!

И неправильно. Снежинка чувствовала себя беспокойно в своей цистерне от сознания того, что это неверно. Она решила (редкий случай!) разделиться на свои восемь составляющих на некоторое время.

Для Глена Тропайла это было трудно, труднее, чем раньше. Это мешало ему, у него было такое ощущение, что он ослеп, несмотря на то, что его собственные глаза могли видеть мрак питательной жидкости, собственный деформированный палец, переплетение проводов и переключатели в розовых, сморщеных от раствора, ладонях. «Необходимо отрегулировать процент соли в растворе», — подумал он. Через его мозг молнией промелькнули уравнения ионного обмена, которые служили объяснением морщинок на ладонях. Жизнь в качестве составной части Снежинки, наполненная бесконечными аналитическими размышлениями, давала свис результаты.

Конечно, Джанго Тембо заговорил первым.

— Дети, — сказал он. — Последние сомнения покинули меня. У меня не осталось жалости к этим захватчикам Пирамидам. Они были плохими слугами, они бунтари. Этого никогда нельзя прощать. Мы должны бороться с ними не на жизнь, а на смерть.

До этого момента Снежинка считала *modus vivendi* с Пирамидами наиболее экономичным решением проблемы.

Все выразили молчаливое согласие.

— Где я? — спросил Вилли и заплакал.

— Тихо, Вилли, — успокаивала его Мерседес ван Делен. — Все хорошо, мы — твои друзья.

Вилли начал сосать палец, не выпуская при этом переключателя; он успокоился.

— Тепло здесь! Хорошо здесь.

Как ни странно, следующей заговорила Ким Сеонг.

— Нам следует переговорить с тем парнем с Северного полюса, зелененьким мальчишкой с миллионом рук. Он старше любого из нас.

— Но он мертв,— пораженно сказал Тропайл.

— Должно быть, очень приятно быть так уверенным в себе,— сухо заметила она.— Я, конечно, не мужчина, поэтому я не так уверена. Но я знаю наверняка, что нужно предусмотреть любую гадость, которую могут подстроить.

Алла Нарова сказала:

— Я думаю, они жалеют, что уничтожили своих хозяев. Я считаю, что они пытаются оживить того, у Северного полюса; из-за этого и вся суматоха. Я думаю, они хотят извиниться перед ним.

— Нет, нет! — закричал Корсо Навароне.— Твое женское сердце наполнено всепрощением, но они изверги; они мучают его. Смерть монстрам, вот мое слово, и я никогда не изменю его.— Если бы он мог сложить руки, он бы сделал это, но мешали провода переключателей.

Спирос Гульбенкян сказал:

— Друзья, давайте рассмотрим ситуацию в целом. Мы должны ударить по ним и снизу и сверху. Атака снизу проходит успешно: наши люди с Земли задали ремонтным машинам задачу, которая на порядок превосходит их программные или механические возможности. Вскоре нескольким десяткам женщин придет срок рожать. Второе поколение, друзья мои! Дайте им достигнуть зрелости через тринадцать — четырнадцать часовых лет, и эта планета обречена. Но я утрирую. Люди с Земли будут размножаться, должен сказать, и Пирамиды и их механизмы перестанут справляться с ними. Время работает на нас — какая роскошь для старика говорить такое! Непонятые, они будут распространяться по планете. Они осушат ванны для осаждения осадка и сделают новые пласти закваски, будучи в неведении, что обогащенные осадком коксовые катышки дают непревзойденную по качествам сталь, из которой Пирамиды прикажут изготавливать разнообразные приборы. Они заметят, что камера вполне пригодна для жилья, и в отношении температуры и в отношении влажности, единственным препятствием является подаваемый в нее хлоп. В своей

наивности, они перекроют вентилятор, нагнетающий хлоп, не зная или не думая о том, что отсутствие хлопа прекратит на некоторое время производство полихлоропрена на этой планете, а без полихлоропрена невозможно производство бензиностойких прокладок. Плоть слаба! Слабая плоть, подгоняемая голодом и заботой о потомстве! Какой вред нанесет слабая плоть железным машинам!

— Я не хочу ждать столетие, — проворчал Тропайл.

— Чего ждать? — спросил Гульбенкян мягко.

— Ждать... ждать... — он не знал ответа. Он произнес почти как вопрос: — Чтобы снова стать человеком; вернуться на Землю... О Боже! Что мы делаем?

Вилли заплакал от страха. Мерседес ван Деллен успокаивала его.

— Что мы делаем? — спросил Тропайл снова, стараясь сохранять спокойствие. — Мы сорвали наших друзей с Земли и позволили им стать сбродом для нашего удобства. Мы не боги, мы дьяволы!

Как в калейдоскопе, события менялись быстро, и он мысленно их наблюдал. Непоколебимая уверенность Снежинки, которая не знала ничего, кроме задач и их экономного решения, превратилась в бесчеловечную стойкость машины.

— Мы — машина! — закричал он. — Мы такая же машина, как и Пирамиды. В нас нет ни души, ни жалости.

— Да, — сказала Алла Нарова, неожиданно ощущив страх. — Как мы могли это сделать? Джанго Тембо, как ты позволил нам сделать это?

Развозчик навоза обладал душой короля, но короля африканского. Глубоко взволнованный, он сказал им:

— Загляните в мое сердце, и вы поймете, почему я не понимаю ваших выражений.

Они заглянули и увидели. Он был абсолютно сбит с толку словами «не боги, а дьяволы». Для него это звучало как самый грубый, неприкрытый абсурд. Дьявол и бог было для его народа одно и то же после тысячелетий в голодной Африке с ее кислой почвой. Нигде, кроме Африки, человек не поедал человека. Бывало, что сибирские шаманы разрывали на части тех, кто наблюдал за их танцем, но позже каждый кусок извергался из организма, чтобы это нарушение закона не навлекло гибель на племя. Полинезийцы и маламийцы, закусывая «длинным поросенком», рисковали жизнью и при этом дрожали от страха. И лишь в голодной Африке человек

рассматривался как пища, не больше и не меньше. Поэтому, когда Тропайл говорил, Джанго Тембо послышалось, что он говорит: «Мы не дьявол-бог, мы — дьявол-бог». Он не мог понять этого суждения.

Гульбенкян засмеялся над этой тупиковой ситуацией.

Озадаченный и простодушный, Джанго Тембо сказал:

— Сила лучше, чем слабость, друзья. Вместе мы сильны, что тут еще сказать? Разве возможно ступить так, чтобы при этом не пострадал ни один муравей?

— Больше я в этом неучаствую, — сказал Тропайл.

— И я, — сказала Алла Нарова.

— Вы не поступите так! — закричал Корсо Навароне. —

Алла Нарова, которую я любил, Глен Тропайл, мой верный товарищ, — предатели? Никогда!

— Я тоже так думаю, — с интересом промолвил Спиро Гульбенкян. — Когда я говорю «думаю», я имею в виду, что думаю именно мозгами, извини, Корсо. Как вы собираетесь покинуть нас? Я думаю, мы сможем, если захотим, остановить вас.

— Попробуйте! — прорычал Тропайл.

— Попробуйте! — как эхо, повторила Алла Нарова.

— Если бы не Вилли, — извиняющимся голосом сказала Мерседес ван Деллен, — он бы погиб без нас...

Ким Сеонг сказала с удовольствием:

— А я просто посмотрю. Обожаю хорошую драку между парочкой дураков. Это вносит разнообразие.

Тропайл и Алла Нарова поняли, что атаку начал Джанго Тембо; она заключалась в том, что в их мозг пронирались фальшивые воспоминания. Сверкающие пустыни камня и песка, переходящие в снежные степи; смерть последнего на Земле слона, тотема Тембо, на улицах Дурбана; старое, украшенное бивнями животное падает на колени, а затем, с ворчанием, на бок... Принстон и Гала, как в тумане, всплыли в мозгу Тропайла, Нис и слепой старик — в мозгу Аллы Наровой. Яростные, путающиеся, напыщенные мысли Корсо Навароне, призывающего их быть храбрыми, сильными, отважными, достойными, как он. Спиро Гульбенкян, отнюдь не подходящий для того, чтобы возглавить кавалерийскую атаку, напомнил им тот день в Париже, шесть солнечных циклов тому назад, когда он получил привилегию взимать сбор на Девятом Мосту, основу его состояния; ту ночь во Франкфуртском Доме Правил, когда он взорвал стекну и дал возможность сбежать своему главному бухгалте-

ру — обвиняемый, конечно же, был Волком; день, лапы Великого Сфинкса, он и торговец по имени Шалом меняют африканское зерно на французскую сахарную свеклу. Мерседес ван Деллен: Бенджакка Вилли. Он, конечно же, ничего не понимает, но ему гораздо лучше, когда мы все вместе. Он забывает о том, что не понимает нас. Может быть, он поправляется. Вам так не кажется? Может быть, в следующий раз он будет чуть-чуть лучше? Это будет прекрасно, правда? Глен и Алла, может быть, ради бедняжки Вилли вы останетесь?

Алла Нарова прервала краткий обмен воспоминаниями сердитым рыданием:

— Вилли расстроен! Он не хочет мне отвечать!

С усилием Тропайл изгнал фальшивые воспоминания и псевдоголоса.

— Погодите минутку! — крикнул он.— Если вас всех так волнует, чего хочет Вилли, давайте дадим ему возможность высказаться самому.

Снежинка — семь восьмых ее — замолчала. Настала очередь высказаться одной восьмой. Она, однако, не сделала этого. Неуверенно, дрожащим голосом Алла Нарова позвала:

— Вилли!

Ответа не было.

— Он чувствует себя как-то странно,— сказал Спирос Гульбенкян.

Затем каждый понял, что Вилли действительно странно чувствует себя, потому что неподвижное тело вдруг резко задергалось.

— Что он делает? — закричал Тропайл.— Вилли, прекрати сейчас же. Если ты будешь так извиваться, ты можешь что-нибудь повредить.

Неожиданно начавшее биться, корчащееся тело Вилли так же неожиданно стало вновь неподвижным. Затем он систематически двигал пальцем руки, потом ноги, потом рукой, как владелец нового автомобиля, который испытывает управление им.

— Боже! — выдохнула Мерседес ван Деллен.— Это не Вилли!

Голос Вилли мягко ответил:

— Нет, не Вилли. Я использую тело Вилли, чтобы сообщить вам, что вскоре вам кое-что предстоит.

— Вилли! — вскрикнула Мерседес.

Вилли повторил:

— Нет, не Вилли. Мне очень жаль, но мне пришлось, так сказать, убить его. Он больше не вернется. Я тот, кого ваша подруга недавно назвала зеленым парнишкой с миллионом рук.

— Я вам говорила об этом,— сказала Ким Сеонг.

— Да, мадам,— сказал Вилли.— У нас были похожие на вас, в нашем мире. Это был интересный и приятный мир. По крайней мере, до тех пор, пока мы не стали переделывать его ради машин, а потом позволили машинам переделать его только для машин.

— Откуда вы знаете наш язык? — тихо спросил Корсо Навароне.

Вилли задумчиво ответил:

— Было время, когда у нас было более двухсот языков, одни хороши для одного, другие — для другого. Мы должны были знать все. Одним языком больше — не так уж и сложно. Мы были умной расой. О да! Мы были умными. Мне какое-то время казалось, что вас заинтересует, насколько умны мы были. Я первый заметил, что вы наблюдаете за нами.

Мерседес заплакала:

— Вы заметили? А Пирамиды... они тоже заметили?

— Подождите минутку, будьте добры,— произнес голос Вилли.

Наступило долгое молчанье. Затем голос Вилли с сожалением произнес: — Это еще одно, о чем мне хотелось бы поговорить чуть позже: «Что действительно заметили Пирамиды?» Но есть кое-что, о чем вам следует подумать немедленно. Вы сделали ошибку, когда проникли в Полярную библиотеку. Вы были недостаточно сильны, чтобы сделать это. Конечно, невозможно было ожидать, что вы знаете об этом.

Тропайл, потрясенный и трепещущий, получил более чем достаточно завуалированных намеков и вежливых предупреждений.

— Итак? — прорычал он.

— Вы попали в беду, когда проникли в Библиотеку,— извиняющимся тоном сказал Вилли.— Пирамиды, э... — он на минуту умолк, затем начал вновь: — Давайте скажем, они «заметили», хотя это совсем неточно. В любом случае, Все-обращающие,— простите, те, кого вы называете Пирамидами, — ждали, чтобы начать действовать, лишь прибытия той, которую они держали на вашей планете. Она прибыла. Все восемь движутся сейчас к вашей цистерне, как я думаю, с на-

мерением разрушить ее. Желаю вам всего хорошего. Вы приятная раса.

Тропайл сжал зубы; во всем этом не было ничего завуалированного, все было предельно понятно.

— Не скажете, что нам делать? — спросил он.

— Я не могу, — был ответ. — Я мертв.

Вероятно, не все так уж предельно ясно.

16

После всего сказанного сам собой отпал вопрос о каких-либо личных желаниях. Тропайл и Алла Нарова снова стали частью Снежинки. Если в тот момент они и задумывались о себе лично, то это было лишь мучительное сожаление о том, что все могло бы быть по-другому. Не впервые в истории человечества возникало такое сожаление. На карту была поставлена их жизнь. В течение всей истории Земли у порядочных людей возникало такое сожаление, иногда причина была стоящей, иногда нет (хотя редко кто думал, что причина несущественна), они с горечью говорили «прощай» благоговению перед жизнью, свободе слова, неприкосновенности личности и неотъемлемому праву носить, когда заблагорассудится, полосатые носки.

Они вступали в Армию.

Возможно, это была не самая впечатляющая Армия, но это не имело значения, они были решительно готовы к войне. Они представляли собой одну из значительных сил, размещенных на планете и внутри нее. Таких сил было четыре:

1. Сама Снежинка (не в полной силе, потому что один из ее членов был мертв).

2. Люди в большом количестве где-то внутри планеты — «мыши».

И по другую сторону линии фронта:

3. Машины и системы Пирамид.

4. Сами Пирамиды.

Мало кто из генералов мечтал бы о битве с такими неравными силами.

Снежинка тоже не хотела этого, но битва приближалась к ним с каждой минутой.

Поэтому Снежинка начала борьбу. Она давно была готова к сражению, хотя и не сейчас: ей, как и всем армиям мира, не хватило времени на приготовления, она бы лучше подготовилась, если бы у нее было больше времени. Она была

меньше подготовлена, чем они ожидали, потому что Вилли был выведен из строя. Вилли был с ними. Они ощущали его присутствие, его одобрение, иногда даже восхищение. Но Снежинка походила на восьмимоторный самолет, у которого один пропеллер работал вхолостую, он должен был тянуть машину, а он крутился без всякой пользы.

С этим ничего нельзя было поделать, и Снежинка занялась тем, что было в ее силах. Каждый из оставшихся семи выполнял свои конкретные обязанности. Их руки включали и выключали переключатели, включали километры проводов, десятки генераторов, сотню микрофонов и наблюдательных приборов по всей планете — Семь Первого Приближения, которая давала Снежинке быстрое, нечеткое изображение любой неисправности. Машины-шпионы, рыскавшие по экватору, докладывали им, что Пирамиды уже там, на этой воображаемой линии, они расположились на равных расстояниях по всей окружности планеты. Шпионы докладывали далее, что Пирамиды находятся и на голой, похожей на свалку, поверхности планеты, что было непривычно, и что от вершины каждой Пирамиды влево и вправо отходила непонятная линия, которая соединяла все вершины в гигантский восьмиугольник.

В этот момент шпионы на экваторе умерли, и от них по кабелю в цистерну был выпущен почти смертельный разряд тока. Но кабель испарился в районе экватора, прежде чем разряд смог смертельно поразить Снежинку.

Потребовались минуты, чтобы регенерировать и ввести в действие Сеть Второго Приближения, ограниченную на сей раз и обеспечивающую более четкую видимость. И тогда Снежинка увидела Пирамиды, которые медленно двигались на Юг, и ту ослепительно сверкающую линию, которая связывала их вместе. Там, где она проходила через безвоздушное пространство, она была почти невидима; она вспыхивала голубым в тех местах, где прорезала изгиб планеты, и затем появлялась вновь. Приборы успели доложить Снежинке о природе этой линии, прежде чем они сгорели. Восьмиугольник был сделан из нескольких фунтов дейтерия. Его разогрели до такой температуры, до которой нельзя разогреть ни жидкость, ни газ, ни твердое вещество. Это была плазма из электронов и дейтеронов, и плазме придали форму цилиндрического плазмоида толщиной с карандаш. Сделано это было при помощи магнитных полей, излучаемых Пирамидами. Температура вещества составляла сто миллионов градусов при давлении двадцать два миллиона

фунтов на квадратный дюйм. Частицы не могли покинуть цилиндр, но часть их энергии излучалась наружу. Внутри плазмоида шел непрерывно ядерный синтез при температуре сто миллионов градусов, и это высвобождало энергию на уровне Солнца. По мере того, как восьмиугольный пояс вокруг планеты медленно двигался на юг, вся сталь, которая попадалась на его пути, пудлинговалась и текла; вся медь, которая встречалась, испарялась и улетучивалась. Дистанционные глаза Снежинки заморгали в предсмертной агонии. Было ясно, что Пирамиды уничтожают половину своей планеты и хотят сохранить другую половину.

Было ясно, что южное полушарие становится необитаемым для всего, что было понятно Пирамидам: проводов, реле, генераторов, электронных ламп, транзисторов, термисторов, спейсисторов, преобразователей и всего того, что зависело от них. Связь была нарушена, сети перестали функционировать, жизнь, как они ее понимали — а это понятие включало Компоненты и Снежинку, — будет уничтожена.

Жизнь, которой они не понимали, продолжалась.

Роджет Джермин поджаривал дрожжевые лепешки над огнем — спирт, налитый в покореженную жестянку для смазочного масла. Спирта было много, но сейчас его уже никто не пил. Потому что только через три дня узнавали, выпили ли вы этиловый или метиловый спирт. И тогда, если это был метиловый спирт, человек слеп и умирал. Эта путаница между доброкачественным спиртом и его смертоносным родственником унесла десяток беспечных мужчин и женщин. Их племя уменьшилось на пятьдесят процентов. Погибло несколько героев, таких, как Мухандас Дутта, а остальные стали жертвами тех или иных слабостей, люди, которые не смогли прожить пять дней без пищи или воды, люди, которые переели недоброкачественной закваски, а она не слишком отличалась от доброкачественной, люди, которые не смогли вскарабкаться на стены, перепрыгнуть пропасти, не удержались и споткнулись об обнаженную собирательную шину, люди, погибшие от смертельной тоски по своим женам, рису или облакам на закате солнца.

Роджет Джермин был слишком занят, чтобы тосковать, поэтому он выжил, не будучи теоретиком, не особенно на-

прягая мозг, он гордился тем, что его желудок сыт, что у него есть сильная женщина, что он просыпается и спокойно лежит несколько минут на постели из полиуретана, который он украл, когда ставил прокладки в штамповочном цехе. Он считал себя третьим в Команде после Хендла и Инни-сона, и все считали так же.

Большой Вождь Хендл присоединился к нему у огня. Он привнес ковш, сделанный из куска нагретого термопластика. Он был полон бесцветной жидкости, а огонек был совсем небольшим. Джермин автоматически, привычным движением опустил в жидкость большой и указательный пальцы, потер их друг о друга, поднес к носу и понюхал, потом попробовал на язык. Это заняло лишь полсекунды, и от таких предосторожностей зависела их жизнь. Подсознание подсказывало ему: все в порядке; эта жидкость не погасит огонь и не взорвется. Он кивнул Хендлу, и Хендл осторожно отлил жидкость в жестянку для смазочного масла; голубой язычок пламени стал выше на белом хохолке фитиля, и дрожжевые лепешки зашипели на проволочном вертеле. Теперь, когда они будут готовы, Хендл имеет право на одну из них.

Хендл сказал:

- Вероятно, это последний спирт.
- Почему?
- Я разбил трубу на стыке и наполнил ковш. Стала подъезжать ремонтная машина, и вдруг она стала вертеться.
- Никогда не видел такого.
- И я тоже. Затем она остановилась. Совсем. Мотор заглох, а потом по трубе перестал подаваться спирт.

Планету-близнеца трудно было назвать тихим местом. Обычно где-нибудь поблизости был слышен грохот и гул тяжелых работающих машин. Когда они сели, чтобы съесть лепешки, грохот усилился. Они не подскочили и даже не заговорили, а просто продолжали жевать. За последние месяцы те, кто выжил, научились экономить энергию на всем, для того чтобы выжить. Во всей заквасочной камере, которую они занимали, около трехсот бывших Граждан практически не обратили на это внимания и продолжали есть, спать, собирать закваску из ванн, делать лепешки, разжигать огонь, делать орудия из отходов и сломанных деталей.

Лампы дневного света, которые использовались для фотосинтеза при созревании закваски, вдруг погасли, раздались испуганные крики, пока глаза привыкли к тусклому люминесцентному свету панелей на потолке.

Затем стало жарко. Северная стена начала светиться — блекло-красным, потом ярко-оранжевым, лимонно-желтым, голубым, бело-голубым — и появилось что-то похожее на раскаленную проволоку, протянулось по всей длине комнаты и медленно проползло над их головами. Плазмоид исчез в противоположной стене, раскалив ее до бледно-голубого цвета, и потом наступила тишина, нарушаемая лишь грохотом где-то на юге. И вскоре он смолк совсем.

Панели потолка оплыли на ванны для закваски, из которых все выпарились, на пластик, который расплавился и капал, и на три сотни распластавшихся, замолкших фигур. Один за другим они стали шевелиться и поглядывать на верх. Некоторые на какое-то время ослепли; все страдали от сильных ожогов первой степени, но никто не получил лучевой болезни. Ядерный синтез дает высокую температуру, но не дает радиации, поражающей человека. Изумленные, они собирались на краях заквасочных ванн и заглядывали в их сухие, обгоревшие глубины. Один за другим они поворачивались спиной к удаляющемуся грохоту и через силу двинулись на Север. Они были голодны, а там, где они были, уже не было пищи, на юге ее тоже не было, поэтому они двинулись на Север. Они представляли собой ту форму жизни, которая была неизвестна Пирамидам. Поэтому они прошли санитарный кордон Пирамид, чего никогда не смогла бы Снежинка.

Снежинка отступала. У нее был спасательный туннель, который вел на поверхность, и она пробиралась по этому наклонному туннелю на гусеничной платформе. Она представляла к тому времени центр огромного комплекса: оружие, запас питательной смеси, насосы, источники энергии для этих насосов, дистанционные органы чувств, манипуляторы. Фактически она была уже размером с Пирамиду, хотя и не такая мобильная. Она выбралась на поверхность и продолжала медленно ползти на юг, огибая свалки, обходя расселины. Были два нерва, идущие к ней, фидер к простому устройству «глаз-ухо» на Севере, которое наблюдало за передвижением восьмиугольного кордона, и линия на юг, где манипуляторы распределяли хрустальные с золотом пластины, которые должна прочесть Снежинка.

Трудность, конечно, состояла в том, что Снежинка научилась читать лишь на одном из двухсот языков, которые знал зеленый парнишка с миллионом рук. Более того, пластины валялись без всякой системы.

Внутри Снежинки Глен Тропайл сыпал проклятия:

— Чем мы сейчас занимаемся? — спрашивал он, ни к кому в отдельности не обращаясь.

— Мы их сортируем, — твердо ответила Алла Нарова. — Невозможно сражаться с тем, чего мы не понимаем.

— Это займет целую вечность, — жаловался Гульбенкин. — А у нас нет в запасе вечности.

Алла Нарова вспылила:

— Давайте подумаем. Почему пластины разбросаны? Должна быть какая-то система. Это первое. Мы выведем систему, затем...

— Затем, — с горечью сказал Тропайл, — мы все равно не сможем прочесть эти чертовы пластинки. Да и кто, в конце концов, говорит, что система должна быть? Может быть, зеленые люди обладали своего рода способностью знать априорно, врожденной способностью знать. В таком случае пластинка, которую они брали, и оказывалась той, которая нужна. Зачем же тогда составлять картотеку?

И Вилли сказал с восхищением:

— Вы и в самом деле довольно умны. Все именно так и было.

— Вилли! — закричала Алла Нарова. — Что нам сейчас делать?

Вилли сказал с сожалением:

— Мне действительно очень жаль, но так как я мертв...

— Плевать на то, что ты мертв! — грубо ответил Тропайл. — Можешь ты, по крайней мере, помочь нам прочитать эти чертовы пластины?

— Да, конечно. Это я могу, — в голосе звучало некоторое раздражение. — Секундочку. Вот.

И хрусталь и золото стали связанными текстами, так как двести языков были усвоены мозгом Снежинки.

— О Боже! — прошептал Тропайл потрясенно. — Вилли! Ты можешь сказать, какой из них...

— Но в данных обстоятельствах это было бы нечестно, — ответил Вилли серьезно.

Итак, Снежинка начала поглощать библиотеку. Название первой книги, которую она просматривала, пользуясь телевизионными глазами, было многообещающим: «Трактат по Стратегии для Использования (неразборчиво)». Стратегия! Снежинка прочла книгу за пять минут. Оказалось, что стратегия использования белой палки и Собаки

Смотрящий Глаз — нечто такое, что использовалось отдельными зелеными людьми, которых несчастный случай или болезнь лишили способности к телепатии. Учение о гамбитах, обдуманных отходах и окружениях было последним словом в науке о протезах. Эти хрустальные пластинки с грохотом полетели в угол комнаты; проворные пальцы вновь погрузились в кучу пластин и стали рыться в ней.

«Математическая Эстетика Первого Этапа Поклонения Яйцу». Пять минут на чтение; ничего интересного, за исключением старой семеричной системы счисления, традиционной для обрядов, и «... наша неизбежная, присущая гуманоидам, тенденция к поляризации, которую мы запечатлели даже в наших машинах...»

«Оплодотворение как Форма Искусства» (Оно, это искусство, считалось ниже Пространственно-Временных, Электромагнитных Построений, но значительно выше Прекогниционного Завершения. Но лишь как форма искусства. Было абсолютно ясно, что в качестве неумственной активности она уступала лишь самой высшей — Намеренной Смерти.)

«Домашинная Культура (какой-то планеты какой-то звезды)» — Забавные малыши; завидовали их простоте, не говоря уже о низком числе несчастных случаев.

«Является ли Полярность Артефактом?» — Да, и это есть диаметрально противоположный способ выразить ее. В необработанной вселенной в отличие от вселенной, упорядоченной умом человека, полярности не существовало. И тем не менее, сама вселенная, путем эволюции, «положила начало полярному мозгу человека», с его нервными клетками, глазами, которые снабжают его информацией, определяют, является ли предмет светлым или темным, а не просто ведут точный подсчет фотонов. Самая Вселенная была классифицирована на абстракции, которыми можно было манипулировать, используя дидактическую двухэлементную систему записи с присущей ей двойственностью. На метаязыке...

Метаязык был почти непонятен и представлял собой лишь введение в совершенно непонятное объяснение на мета-метаязыке.

«Архитектура для Людей и их Всеобращающих». Это золотой (вернее, «палладиевый» — они любили черно-серебристое сияние сорок шестого элемента больше, чем маслянистый блеск золота) век праздности и творчества... новый и бросающий вызов человеку... традиционная и се-

меричная эстетика яйцевидных должны либо уступить, либо достойно слиться с новыми потребностями удивительно многосторонних машин... Всеобращающий — плод механического гения нашей расы... некий компромисс, необходимый для эстетического единства... расширение дорог до границ, которые прежде лишь мечтались, чтобы движение не прекратилось... питание и кров, которые обеспечивает Всеобращающий каждой группе зачатия... надежда, что удобства, рационально и прекрасно организованные для почти симбиоза человека и его машин, сведут к минимуму несчастные случаи, которые до сей поры считались неизбежным следствием прогресса...

«Книга Безопасности». Всеобращающий лишен разума, несмотря на его удивительную разносторонность. Седьмая Конференция по Безопасности пришла к заключению, что недооценка этого факта и отсутствие соответствующих мер ведут к все увеличивающемуся количеству несчастных случаев. Было даже выдвинуто предложение, несколько еретическое, чтобы изменить Ритуал Второго Этапа Поклонения Яйцу, включив в него основные средства безопасности, для того, чтобы подчеркнуть серьезность проблемы...

Представление о Всеобращающих. Дебаты — За: Характерное полярное поведение всех Всеобращающих. Они неизменно планируют работу, ставя пределы, границы и заполняя эти пределы, будь это строительство фабрики по производству станций питания или машины для расширения дорог. Против: Это лишь механическое следствие бинарных концепций, лежащих в основе их конструкции (и то и другое очень тщательно разработано). Шутливый вывод Председателя: к сожалению, мы не в состоянии спросить Всеобращающего, связана ли эта особенность с представлением о полярности, или это лишь рефлекс. Поэтому мы закрываем заседание.

«Начало и Конец Движения Всеобращающих»: Всеобращающие — Пирамиды — окончательная история! Десять минут на чтение. Простые приборы, созданные на принципах физики твердого тела, имеющие много достоинств по сравнению с хрупкими нагревающимися электронными лампами. Все больше и больше; все лучше и лучше. Неизбежная мечта — сделать роботов действительно огромными, одно тонкое сплошное переплетение транзисторов, постоянно переключающихся, которые приводят в движение предприятия, сами себя кормят и ре-

монтируют, следят за детьми — мальчиками и девочками; мы это сделали! Это реальность. У нас есть свободное время, чтобы создавать Всеобращающих, которые будут еще больше и еще лучше, и для каждого; мы передвигаемся на Всеобращающих, а не ходим пешком, мы перекапываем пашни, чтобы добыть германий и цезий и сделать больше огромных и более совершенных Всеобращающих. Все складывается как нельзя лучше, за исключением неизбежных несчастных случаев, которые лишь плата за прогресс, все больше доказательств того, что люди, пострадавшие в результате несчастного случая, сами хотели, чтобы с ними произошел несчастный случай, поэтому не следует ничего предпринимать.

Кто-то, чье имя было написано знаками в виде солнечных вспышек, носика чайника, ананаса и буквы Н, доказывал, что несчастные случаи не были таковыми, а были убийствами. Все считали, что он сошел с ума, до тех пор пока три Всеобращающих не пробились через сложную систему обороны, которую он соорудил, чтобы захватить его.

Зеленые люди не были идиотами. Тотчас же на всей планете был наложен запрет на Всеобращающих, не считаясь с угрозой потери удобной жизни и даже с угрозой голода. Все станции питания Всеобращающих были разрушены до основания; одна за другой угрюмые машины замедлили свой бег, остановились и были демонтированы. Мир вновь обратился на путь истины, хотя мышцы его болели; все было хорошо, за каждого зарегистрированного Всеобращающего отчитались, за исключением восьми Специальных, построенных для межпланетных исследований, и которые давным-давно исчезли, считали, что они упали на Солнце.

— Вилли! — закричал Тропайл.— Эти восемь — пропавшие Пирамиды?..

Голос Вилли с грустью произнес:

— Да, верно. Они вернулись.

И именно потому, что они вернулись, следующая глава этой книги так никогда и не была написана. Восемь Специальных вернулись неожиданно. Они поняли, что нет больше станций питания, что на них охотятся, что, кроме них, на планете больше нет Всеобращающих. Тогда они приступили к истреблению людей, используя пучки электронов, горячие плазмоиды, прямое давление. Когда это было выполнено, они построили свои собственные станции питания,

а потом и приборы, обслуживающие эти станции, и приборы, обслуживающие эти приборы, до тех пор пока не дошли до конечной, абсурдной стадии: люди соединялись вместе в цепи, чтобы служить машинам. В Пирамидах было слишком много от человека, чтобы на этом остановиться, слишком много человеческого, и они сохранили место, которое было для них счастливым, законным, воплощало все хорошее, «fas» — на Северном полюсе, и место, которое было опасным, которого они боялись, «nefas» — на Южном. И это место было действительно опасным, оно хранило разгадку тайны станций питания.

Эти огромные закрытые с трех сторон будки на экваторе были началом и концом всего на планете-свалке. Они были средоточием труб всего ареала, где создавались продукты обмена. На них замыкались механизмы, которые передвигали планету. Они были центром войскового обоза, который окружал флот космических кораблей, зажигавших Солнце. На них сосредоточивались планирующие и программирующие машины и Компоненты, которые оценивали и распределяли требования на энергию и материалы от конкурирующих систем.

Телеглаз Снежинки, направленный на Север, сообщал, что восьмиугольник мгновенно сломался и был заменен неправильным семиугольником — одна из Пирамид получала питание. Какое значение имело мгновение в этой генерации по истреблению всего живого? Однако же имела; один из пауков-шпионов, почти бессмысленно ожидавший неизвестно чего и запрограммированный на то, чтобы не разрушать себя, удрал на Юг в тот момент, когда восьмиугольник перестраивался в семиугольник и когда голубое пламя не преграждало ему путь. Он, по счастью, натолкнулся на телевизионный кабель, подсоединился к нему и разрядил свою магнитную память. Его донесение было следующим: люди выжили. Я видел, что они выжили в пламени и идут на Север.

— Вот оно, — сказал Спирос Гульбенкян, его голос дрожал.

— Вот оно, — сказала Алла Нарова. — Задача и ее решение, все было в этом.

Сказал Джанго Тембо:

— Кто из нас пойдет?

Вопрос был задан в стенографической форме. Он означал следующее: «Единственное, как мы можем бороться сейчас, это отделиться кому-то от Снежинки физически и

продолжить путь в своем человеческом обличье». А под словами «отделиться физически» имелось в виду следующее: «Предать! Отказаться от нашего нерасторжимого, неотвратимого, необходимого союза навсегда». И вряд ли физическое отторжение будет легче, чем было хирургическое соединение вначале.

— Это нужно делать мне,— с горечью сказал Тропайл.— Здесь больше всего моих людей, Принстонская команда в полном составе. Самое время дать им вертолет и взрывчатые вещества. Настало время дать им вожака, который знает, что нужно делать. Вызовите хирургическую машину.

Эти слова означали для него то же самое, что для обычного человека означало бы нажать курок пистолета, нацеленного в висок, или броситься вниз с горного уступа. Они не спорили с ним, хотя одна седьмая их умирала.

Нейрохирургическая машина, вся состоящая из сверкающих металлических рук, которая когда-то соединила их вместе, была частью их массивного комплекса оборудования. Трубка от нее была вставлена ему в ноздри, по ней пошел обезболивающий газ, который усыпал его. Прежде чем уснуть, он попрощался со всеми. Это был его первый сон с момента пробуждения шесть месяцев назад.

То, что осталось от Вилли, сказали тому, что осталось от Снежинки:

— Я не могу сделать много, но я могу поддерживать его контакт с вами до тех пор, пока...

— Мы благодарим вас,— сказала Снежинка.— Не затрудняйте себя ради нас.

Разум зеленого монстра был озадачен.

— Вы бесчеловечны,— пожаловался он.— И все же, чтобы уладить старое недовольство...

— Мы понимаем.

Племя было покрыто ожогами и волдырями и при помощи глицерина лечило свои раны. Прежде чем начать передвижение в северный сектор ареала по производству продуктов обмена, они, чтобы выжить, прибегли к ужасному средству. Голодные, они дошли до компьютерного центра, который представлял собой отдельные цистерны, в которых

в жидкости плавали сотни человеческих тел; от их висков отходили провода. Некоторых они узнали — там двоюродный брат, здесь — Магистр Риса. Один из немногих среди них, дураков, которым удалось выжить, проломил цистерну и прямо из ладоней напился жидкости. Они не остановили его. Он не умер. А они уже настолько превратились в дикарей, что припали к пробоине и осушили всю цистерну. Питательный раствор насытил их и на удивление быстро восстановил их истощенные тела. Его хватило на день, но они отправились в путь, восстановив свои силы, предпочитая не думать о том, что они оставили в пустых цистернах. А спустя еще один часовой день они подкрепились в заквасочной бухте, нашли водные и спиртовые магистрали. Они вновь ожили.

Незнакомца, который, шатаясь, вошел в большую, освещенную дуговыми лампами комнату на следующий день, узнали не сразу. Он был так же сильно обожжен, как и любой из них; женщины закричали, когда увидели его, они подумали, что он, должно быть, один из тех, кого они бросили в разбитых цистернах.

Потрескавшимися губами он непрерывно бормотал: Тропайл. Нужен Иннисон. Хендл. Джермин.

Они привели ему Хендла.

— Тропайл, — сказал Волк, пристально глядя на него. — Ты хочешь, чтобы я послал за твоей женой?

— Женой? — пробормотал обожженный человек. — У нас нет жены. Следуй за мной. За нами. За мной.

— Ты бредишь. Мы не можем следовать за человеком, который бредит, — сказал Хендл спокойно. — Отдохни несколько дней; у нас есть кое-что, чем подлечить тебя...

— Принеси. Мы будем лечиться в пути. Мы предлагаем вести вас к вашему оружию. — Он смотрел прямо Хендлу в глаза.

Человек из Принстона провел рукой по его лицу.

— Тропайл! Ты на самом деле Тропайл? Я думал... Даже не знаю, что я подумал. — Он резко бросил через плечо, обращаясь к Иннисону и Джермину:

— Ну, вы слышали, что он сказал? Собирайте людей.

Позднее, гораздо позднее, он пытался объяснить:

— Это выглядело так, будто шестеро вызывают вас на кулачный бой — шесть их против вас одного. Конечно, вы не принимаете их вызов, вы были бы идиотом, если бы сде-

лали это; я не идиот, поэтому я не посягнул на право Тропайла стать вождем.

Они нанизали лепешки и прикрепили их на себе, морщась от ожогов, и последовали за своим больным, похожим на сумасшедшего мессией, из теплой, светлой заквасочной бухты в холодные или удушиво-жаркие туннели, где воздух был слишком разреженным, или слишком плотным, или пропитанным кислотнымиарами. Среди тех, кто шел, была и Гала Тропайл. В течение нескольких дней она отказывалась верить, что это Глен. Он был похож чем-то на Глена, но он не узнавал ее. Самое большое, в чем она смогла себя убедить, это то, что в чем-то это действительно Глен Тропайл. Нельзя было понять, что с ним случилось. Она слабо надеялась, что, может быть, он бы пришел в себя, если бы она могла утешить его, поцеловать его странные шрамы, не ожоги, на лбу.

Их вожак не знал сомнений; они стабильно, хотя и с трудом, проходили сорок миль в день. Когда он привел их в камеру, температура в которой достигала ста сорока градусов по Фаренгейту — иссушающая жара, — оказалось, что вполне возможно пройти ее и не потерять сознание. Когда он отважился на то, чтобы прорваться сквозь спектрофотометрическую комнату, охлажденную до космического холода, чтобы достичь в ней эффекта сверхпроводимости, даже самые слабые из них смогли выжить, преодолев эти два десятка кошмарных шагов.

Именно из одной из таких комнат они ринулись на дно огромного колодца, раскрытоого черному звездному небу, в котором разреженный воздух удерживался только стеклянной крышей. Это была фотообсерватория, в которой зеркало, фотонные умножители, решетки спектроскопа и интерферометры рухнули под тяжестью вновь прибывшего оборудования. Сейчас это был арсенал, арсенал, который из Принстона был перенесен на планету-двойника. Ружья, взрывчатые вещества, танк, военный вертолет, пайки, скрафандры, реspirаторы, цистерны с кислородом для несостоявшейся атаки на Эверест.

Хендл и Иннисон осматривали оружие, напевая от счастья над фугасными бомбами, минами и минометами калибра 4,2. Тропайл был похож на телевизионную камеру, он медленно поворачивал голову из стороны в сторону, рассматривая то, что происходит перед ним. Наконец, он произнес: «Бумагу и карандаш». Его рука выдвинулась подобно гидравлическому приводу и ждала, пока не принесли каран-

даш и бумагу. Он провел рукой по бумаге, и на ней появилась ровно начертенная карта; линии были прочерчены так, как будто после каждой он останавливался, чтобы заточить кончик карандаша, и так, будто он пользовался треугольниками, рейсшиной и лекалами. За одну секунду на бумаге он пометил цели, указания и маршруты и протянул лист Хендлу. И протянул руку за следующим. Прошло еще две секунды, и была готова вторая карта для Иннисона, а затем и третья, для Джермина. И еще десяток для начальников взводов, и еще три десятка для начальников отделений.

Он не обратился к своим доблестным войскам перед битвой с речью в духе Плутарха, он просто ждал с отсутствующим видом, пока его командиры изучали карты.

Наконец, время настало. Снежинка, ползущая на гусеничной платформе на Юг, послала мысль тому, что лежало под хрустальным колпаком, а оттуда ее передали Тропайлу. Снежинка, получив подтверждение, развернула левую гусеницу, повернула на сто восемьдесят градусов и стала продвигаться на север, по направлению к кольцу огней. Кордон уже представлял собой пятиугольник; отлучки на заправку питанием стали очень частыми, так как Пирамиды постоянно расходовали свою энергию на поддержание колоссального магнитного поля, необходимого для плазмоида. Сигналы от пяти на линии огня трем в будках питания — сигналы, лишенные тревоги и эмоций. Три прекратили заправку и заскользили по неровной поверхности планеты на юг, чтобы присоединиться к кордону и максимально усилить его мощь.

— Станции питания покинуты, — сухо сказал Тропайл. — Мы пойдем к ним по нашим картам. Взрывчатка сработает, как это указано. Все бреши в первичных линиях питания будут защищены от ремонтных механизмов.

Первичные линии питания. Оборванное племя с Земли сейчас уже нельзя было сравнить с мышами, которые подгрызали опоры здания, они превратились в волков, рвущихся к горлу его хозяина.

Они выступили под предводительством человека, который получал указания от Снежинки и зеленого, страдающего существа со щупальцами под хрустальным колпаком на Севере. Склад армий находился в одной миле от будок питания, которые, подобно базальтовым скалам, шли вдоль эк-

ватора. Экипированные всем, что когда-то готовилось для штурма Эвереста, они вышли на поверхность по наклонному туннелю и разделились на девять групп, чтобы, подобно альпинистам, преодолеть милю по планете, похожей на гигантскую свалку. Восемь групп пробирались к будкам, в частности к тем местам, где к каждой будке подходила труба диаметром двадцать пять футов, сделанная из прессованной стали в полдюйма толщиной. Девятая группа под предводительством Джермина и Тропайла отправилась к гигантской трубе, которая выходила из самого центра комплекса по производству продуктов обмена, шла по поверхности, а затем разделялась на восемь, которые вели к будкам. По мере продвижения они, как грызуны, истребляли и портили все подряд.

Кто-то наступал на провод низкого напряжения, натянутый на дюйм от пола туннеля; провод рвался. Шло донесение второстепенной важности: провод порван. Патрульная ремонтная машина принимала факт к сведению и проверяла свой магазин, чтобы удостовериться, что ей хватит мощности, чтобы ликвидировать пробой, хватит полиэтиленовых катышков, чтобы выдавить изолирующее покрытие на месте пробоины. Затем машина либо направлялась на заправочную станцию, либо к месту аварии и ликвидировала ее. Среднее время ремонта равнялось примерно одному часу.

Одна из племени захотела пить и сделала то, что стало рефлекторным действием при чувстве жажды. Она определила, где находится водопровод по сотне неприметных признаков, которые отличали его от всех других труб: температура, материал, отделка, уклон, положение. Она расколола ее по шву и отправилась дальше, а вода продолжала литься из пробоины. Пошло более важное донесение: падение давления; пробой в водопроводе. Чтобы заварить дыру, прибыла более быстрая машина; утечка воды вызывала короткие замыкания, гниение, проблемы, нарастающие, как снежный ком. Она не слишком походила на машину, если она прибывала, когда вы пили, и пыталась оттолкнуть вас в сторону и сварить трубу, вы могли отодвинуть ее в сторону; гусеницы при этом прокручивались, а она тянулась к трубе. Время на прибытие машины равнялось в среднем пятнадцати минутам.

Существовало правило: когда по трубе шли продукты, поступающие из нескольких труб, когда она имела форму буквы *psi* или еще какую-нибудь форму со многими от-

ветвлениями и лишь одним выводом, вам следовало опа-
саться. Если вы ломали главную трубу такого сооруже-
ния, прибывали специальные ремонтные машины, они были
большие и приезжали очень скоро. Чем больше ответвлений
от трубы, тем скорее они прибывали и тем больше по разме-
ру и более решительными они были. Двумя руками вы едва
могли удержать маленькую приплюснутую трехколесную
машину-сантехника, которая приезжала налаживать по-
врежденное V-образное сочленение. Двум мужчинам не под
силу было удержать сооружение весом в полтонны, которое
прибывало на всех парах, чтобы восстановить поврежден-
ное соединение в форме пси.

Не один раз племени попадались машины, с гулом проно-
сившиеся по коридорам, с которыми они не рисковали свя-
зываться,— скоростные, смонтированные на гусеницах ма-
шины весом до двух тонн, оснащенные лопatkами-лопастями
и восемнадцатидюймовыми бурами для бурения камня. Лю-
ди пришли к заключению, что они обслуживают трубы, со-
держащие нечто, приближающееся к конечному продукту
всей деятельности планеты, главные компоненты пищи для
Пирамид.

В качестве топлива они использовали эту же пищу.

Группа Джермина — Тропайла, в которой было три-
дцать с небольшим человек, прибыла к цели. Это была колон-
на пятидесяти футов в диаметре, вертикально поднимаю-
щаяся на вершине конуса из шлака. Она поднималась в
черное небо планеты на три своих диаметра и затем изги-
балась в сторону юга под углом девяносто градусов. Парные
стальные паучьи лапы поддерживали ее основание через
каждые три ярда. Они не могли видеть конца колонны, но
знали, что она заканчивается где-то на недосягаемой высоте,
где от нее отходят восемь распределительных магистра-
лей, идущих прямо в будки питания.

Катализмы, переживаемые планетой, беспорядки,
учиненные вышедшими из-под контроля машинами, уста-
лость материала не пощадили ни основы колонны, ни ответ-
вления наверху. За века неизбежно возникали поломки,
перебои в работе; их следы остались там, где ремонтные ма-
шины ликвидировали их. Время от времени пара ног кри-
сталлизовалась и ломалась или оседала. По сигналу прибы-
вали ремонтные машины, подпирали их, нашлепывали
и припаивали заплаты на трубу в тех местах, где она про-
рывалась. Огромная заплата на основной части трубы и точ-
но такая же на противоположной стороне, должно быть,

были следами метеорита. Одна из секций трубы наверху сияла ярче, чем другие. Она, должно быть, была заменена после поломки во время землетрясения, крайне редкого, может быть последнего, проявления тектонической жизни древней планеты.

Им тридцати предстояло сделать то, чего не удалось сделать метеоритам и землетрясениям.

Джермин прикоснулся к огромной стальной башне, просто прикоснулся. Мгновенным результатом был грохот машин с запада и востока; два оставшихся незамеченными прибора у подножия шлаковой кучи, которые можно было бы принять за выброшенный мусор, зашевелились, их механизм заскрипел, и они подняли на Джермина пурпурные кварцевые глаза.

— Обычная предосторожность,— четко ответил Тропайл.— Это Первый Сигнал тревоги против наладочных и транспортных машин, вышедших из-под контроля. Никто из нас не должен двигаться со скоростью более двух миль в час, иначе включится Второй Сигнал тревоги, включатся токи, которые докрасна раскалят наше металлическое оборудование. Применяйте блоки-тритоны.

Двигаясь медленно-медленно, семь беременных женщин и восемь мужчин ползли по шлаковой куче, согнувшись почти вдвое под тяжестью кислородных баллонов, респираторов и тридцатью фунтами взрывчатки каждый. Восьмая женщина Гала Тропайл шла следом. Она несла огромную катушку проволоки через плечо, как патронташ. Вязаный жакет костюма был сплетен из шнура. Рисунок напоминал алмазную спину гремучей змеи, и не без основания. Они пробирались к парам ног, которые поддерживали верх колонны. У каждой пары кто-нибудь задерживался, доставая клейкий однофунтовый блок, и со звонким шлепком приклеивал его к одной из ног. Гала Тропайл, проходя мимо, вставляла один конец шнура, из которого был связан «змейный» жакет, в просверленное липкое отверстие, оставшийся ярд хвоста тащился по холодной земле. Медленно-медленно они заминировали таким образом четверть мили колонны. Возвращаясь, команда помогла Гале Тропайл связать все хвосты в один, похожий на гремучую змею, длинный шнур.

Тем временем пятнадцать других медленно опоясывали и опоясывали верхнюю часть колонны шнуром, будто майское дерево. Наконец, поверх шнура они налепили нечто, напоминающее восковые печати, восьми дюймов в попереч-

нике. Это были особые круговые заряды большой разрушительной силы. Такой круговой заряд, прикрепленный к поверхности, касался ее лишь в одной точке, большая его часть совсем не касалась поверхности, но именно в центре круга он при взрыве высоверливал аккуратную, глубокую дыру практически в любом материале.

Произошел лишь один несчастный случай. Африканец приклеивал заряд чересчур тщательно и отступил назад, чтобы полюбоваться своей работой. Позади не на что было поставить ногу. Он полетел вниз на кучу шлака со скоростью большей, чем две мили в час. Идиотские следящие машины решили: транспортное устройство вышло из-под контроля, применяв Второй Сигнал тревоги. Другие неописуемые машины, разбросанные по безлюдному плато, ожили, разрядили свои аккумуляторы и выпустили гистерезисные токи в направлении катящегося кубарем человека. Прежде чем он достиг подножия шлаковой кучи, его кислородный баллон разогрелся докрасна и взорвался; в течение секунды, ярко сверкая, металл сгорел. Остальные из группы минирования, которых захватило краем поля, почувствовали, что дырки для шнурков в ботинках и молнии жгут их, а баллоны на плачах на какое-то мгновение превратились в горячие угли. Мгновение миновало; боль осталась, но не становилась сильнее. Они стойко продолжали обматывать проводом и оклеивать зарядами колонну, пока не вернулась вторая партия, травя шнур, похожий на гремучую змею.

Тропайл был все еще духовно связан со Снежинкой через зеленое существо. Он уже не жил полной жизнью Снежинки, но еще и не отошел от нее полностью. Это было различие между комой и смертью. Не слишком серьезно для стороннего наблюдателя, но самое важное в мире для большого.

В его коматозное сознание пробивалась мысль, что Пирамиды возобновили атаку восьмиугольником и двигаются все быстрее, чтобы сцепиться с загадкой на гусеницах, маячившей перед ними. Скорость разрядов увеличивалась, заметил он. К этому моменту более мелкие задачи нужно поставить перед восьмью вспомогательными отрядами, а его группа должна была произвести взрыв.

Он вел свои тридцать человек под защиту заброшенной башни, где они спрятали оставшееся оружие; конец запального шнура он вставил в последний блок желтого тритона в пятидесяти футах. Он установил ружье для устойчивости на заржавевшей плите и отправил в блестя-

щую маленькую цель трассирующую пулю тридцатого калибра.

Подрывная шашка взорвалась и подожгла запальный шнур, который сгорел — скорее взорвался — со скоростью тысяча футов в секунду. Взрыв сначала достиг колонны, а потом раздался грохот круговых зарядов, пробивающих аккуратные, раскаленные добела дыры вокруг пятидесятифутовой трубы. Взрыв осветил колоннаду из паучьих ног, которая поддерживала верхнюю часть, взрывы сливались в один сплошной грохот, вспышки выглядели как одна движущаяся линия огня. И вдруг — тишина, и вдруг — новые, не похожие на взрывы шумы — скрип и грохот металла. Верхняя часть трубы слегка осела в центре, где ее подрезали на четверть мили по окружности, еще немного осела и рухнула, разбившись вдребезги. Там, где она ударила о сотни за зубреных скал и глыбы камней, холодный и хрупкий металл разбился на куски, огромные искореженные пластины и черепки. Дребезжащий звук прорвался через скалы и металл к их ногам и по костям добрался до ушей. Сильный поток вязкой жидкости хлынул из расколотого толстого конца верхней части и забил фонтаном в виде звезды с тысячью лучей из дырочек, которые опоясывали верх колонны. Потерявшая опору искривленная труба на самом верху колонны издавала звуки, похожие на жалобу и вздохи металла, и испустила дух. Она кренилась все ниже и ниже и рвалась по линии, где проходили отверстия. Эти отверстия, нагретые добела, не только проникали в металл, но и прокаливали его. От нагревания и охлаждения его кристаллическая структура изменилась, сейчас его можно было вытягивать, и при этом он бы не разрушался. И вновь грохот, когда колонну, самое высокое из деревьев, срубили. Ее вершина раскололась, ее прокаленное основание не выдержало и оползло в виде расплывшейся восьмерки.

То же происходило в миле к Югу. Скрючившись за башней, они видели огни на горизонте и чувствовали на зубах грохот и скрежет металла.

— Мы все прекрасно проделали, — без улыбки сказала Снежинка Тропайлу. — Сейчас мы должны защищать проломы.

— Не так ли? — добавило зеленое существо сардонически.

Большая часть механизмов, которые усеивали унылый пейзаж планеты и находились до этого в покое, пришла в движение. Из-под завалов мертвых позабытых электроме-

хнических элементов выползали основные машины по ремонту магистралей питания. Они представляли собой универсальное оборудование. Не имело значения, где они находились, когда падение давления в магистралях или нарушение работы цепей в магистрали делало их присутствие необходимым. Последнюю свою работу, заделку дыры от метеорита в колонне, они выполнили сто лет назад. И с тех пор находились поблизости. И когда свинцовые элементы комплекса фабрик по производству хлопа вышли из строя, наладочные машины с нетерпением ждали, когда им поставят новые. Они могли начать действовать по сигналу, и сигнал пришел.

Их было около сотни. Они напоминали неимоверных размеров танкодозеры, которые были оснащены самыми разнообразными приспособлениями: выдвижными кранами, парами рук, вилами. Они не были боевыми машинами, но, учитывая их назначение, их построили так, чтобы они были стойкими к действию природных факторов и могли проложить дорогу к поврежденной магистрали, несмотря на землетрясение, метеориты, наводнение или порванный электрический кабель.

Но человек не был учтен среди этих неблагоприятных факторов.

Тридцать людей молчаливо ждали десять машин, которые пробивались к разрушенной колонне и рухнувшей трубе: девяносто других чудовищ пересекали мрачную планету, направляясь к другим таинственным повреждениям, о которых они получили сообщение. Роджет Джермин с ужасом отвинтил крышку с ящика, на котором по трафарету старинными черными буквами было написано: «Испытательный полигон. Абердин». Внутри, в ячейках, похожих на соты, находился десяток тонких трубок с яйцевидной выпуклостью на одном конце и стабилизатором на другом.

— Будешь заряжать, как тебе показали, — сказал Тропайл Джермину. Тропайл пристроил базуку на плечо, посмотрел в ствол и поймал на мушку самую близкую из ремонтных машин, которая находилась в трехстах ярдах и быстро приближалась.

В этот самый момент Снежинки не стало. В едином порыве любви, прощания и боли она передала Тропайлу изображение — испепеляющий голубой плазмоид, выкипающая питательная жидкость, и они в этой кипящей цистерне.

Джермин нерешительно похлопал его по плечу — услов-

ный сигнал «взведено и заряжено». Глен Тропайл рухнул под ничтожным весом металлической трубы и снаряда. Он лежал и рыдал. Он был мертв; его только что не стало.

— Дай мне эту чертову штуковину,— сказала Гала Тропайл, вырвала у него реактивное ружье и неумело взвалила его на плечо.

— О Боже! Осторожнее! — закричал Джермин.— Они атомные!

— Я знаю,— коротко бросила она. Она укрепила передний конец трубы на пригорке, прицелилась и нажала кнопку. Женщина, которая стояла позади нее и в которую попал выхлоп ракеты, схватилась за обожженное плечо и упала, корчась от боли. Никто не обратил на нее ни малейшего внимания. Их глаза были устремлены на крошечный огненный шар, который молнией поразил первую из ремонтных машин и обратил ее в огромный огненный шар. Пурпурно-красное грибообразное облако появилось над ней, но прежде чем появилась шапка гриба, Гала Тропайл уже кричала Джермину:

— Заряжай! Заряжай!

Этот участок экватора планеты полыхал в течение следующего часа от смертельной агонии сотен машин. Вместе с ними погибло несколько мужчин и женщин. В одном из ящиков с ракетами находились бракованные заряды, которые не были обнаружены при проверке в Принстоне. Эта группа сражалась против машин ружьями, не причинявшими им почти никакого вреда, кроме крошечных отметинок в металле, а круговые мины рвались почти рядом, что было равно самоубийству. В этой группе из тридцати человек осталось лишь двое к тому времени, когда соседи смогли направить свои ракетные ружья на этот фланг.

18

После того, как наступила тишина и мертвые были сочтены, пришли Пирамиды, тихо и медленно скользя на электростатических подушках. Они просовывались в черные, похожие на скалы будки и ждали...

Они будут ждать так до скончания мира, ждать пищу, чтобы поглотить ее, чтобы можно было заняться приготовлением еще большего количества пищи, которую можно поглотить, чтобы можно было...

Люди, поначалу напуганные и злые, неспособные повернуться к чудовищам спиной, в конце концов, к собственному удивлению, обнаружили, что они могут испытывать жалость к этим огромным мертвым, глупым созданиям.

19

Если бы, прорудившись всю жизнь, один из этих худых и голодных эмигрантов с острова Эллис вернулся, цел и невредим, в свой городок или рыбачью деревушку на Средиземном море, он бы чувствовал себя не на своем месте. Ни метро! Ни лифтов! Ни круглосуточных супермаркетов! Ни даже друзей, потому что те, кого он знал когда-то, так изменились (или это он так изменился?), что и говорить-то было не о чем. Такой человек чувствовал бы себя чужим среди своих.

Но не больше, чем Глен Тропайл после того, как он вернулся к жизни.

Голые, потные, задиристые члены мышиной стаи старались поначалу приветить его. Но ему этого не было нужно. Даже от Галы Тропайл, особенно от Галы Тропайл, потому что эта женщина совершила непростительную ошибку, обняв его. Пропитавшаяся потом, со спутанными волосами, дурно пахнущая. Ей еще повезло, что мужа не вырвало прямо на нее. Так бы, наверное, и было, если бы у него было хоть что-нибудь в желудке. Все пришло позже, когда он осознал, что ему снова предстоит столкнуться с омерзительным занятием — приемом пищи, не говоря уже о более мерзком — избавляться от того, во что эта пища превращается. (Он оплакивал прекрасную, чистую питательную жидкость цистерны и ее обитателей, которые были для него больше, чем друзьями, они были им самим, его сутью.)

К счастью, шла война, и ее нужно было выиграть. Ему нужно было вести армию в бой.

Но потом все кончилось, а он, к сожалению, остался живым.

Он, как мог, замкнулся в себе. Его руки часто касались тех мест на висках, которыми он когда-то был соединен со Снежинкой. Глаза его были устремлены вдаль. Он ни с кем не заговаривал, хотя на вопросы отвечал.

Хендл: Как нам перебраться назад на Землю?

Тропайл: Корабль, которым пользуются, чтобы зажигать Солнце, найдете на тридцать втором градусе и восьмой ми-

нute северной широты и шестнадцатом градусе и пятьдесят третьей минуте западной долготы. Он заберет 114 человек и совершил перелет за 6 часов 45 минут.

Иннисон: Как можно отсоединить всех наших от этих проклятых машин? Как нам разбудить их?

Тропайл: Нейрохирургические машины, используемые для отсоединения Компонентов, найдете у Северной стены Комплекса по Приему и Обработке. Их можно запрограммировать вручную для осуществления электрошока через переднюю часть мозга. Это приведет к стиранию рефлекса удовольствия, которое вы обозначаете словом «сон». После нескольких часов нарушений ориентации и мании восстановится первичная индивидуальность. Следует учесть, что смертность будет составлять примерно семь процентов при такой операции.

Джермин: Могу я что-нибудь для вас сделать, гражданин Тропайл? Для вашего спокойствия? Хотите видеть вашу жену?

Тропайл: Нет. Нет. Нет.

Извлечение Компонентов шло по экспоненте. Вначале было лишь оборванное племя, в результате войны сократившееся до двухсот человек, которые то здесь, то там узнавали то друга, то мужа, которые были проводниками в сети планеты. С трепетом нейрохирургические машины были доставлены Компонентам. Тропайл сам запрограммировал первые из них. Компоненты были разбужены. Затем их стало двести десять, и у десяти из них была полезная теневая память. Они угадывали, что этой машиной нужно управлять именно так, и именно так это и было. Затем их стало четыреста десять, и они превзошли численностью племя, членов которого немного злили эти откормленные новички, которые совсем не участвовали в войне, но прекрасно знали эту проклятую планету. Затем появилась настоящая линия сборки для изъятия Компонентов из цепи, и космический корабль, как паром, вернул их на изумленную Землю.

Среди возвратившихся был и Тропайл. Он сидел абсолютно расслабившийся, но неподвижный, с потухшими глазами. Так он просидел три месяца, пока кому-то не пришло в голову, что, может быть, «электрошок через переднюю часть мозга» — это то, что ему нужно.

Так оно и было.

Тропайл вновь стал Тропайлом, живым, страдающим; перед ним были лица в масках. Хирурги и сестры.

Прищурившись, он посмотрел на них и сказал нечетко:

— Где я?

А затем он вспомнил.

Он опять был на Земле. Он снова лишь человек.

Кто-то ворвался в комнату, и, даже не глядя, он понял, что это — Хендл.

— Мы побили их, Тропайл! — закричал он. — Нет, какого черта! Ты побил их. Отличная работа, Тропайл! Отличная! Ты делаешь честь имени Волк!

Хирургов передернуло, но, очевидно, подумал Тропайл, изменения все-таки произошли, потому что дальше этого не пошло.

Тропайл с раздражением коснулся висков, и его пальцы остановились на марлевых повязках. Это было правдой. Он больше не был частью цепи. Далекие пределы его сознания ограничивались лишь его черепом; не было больше бесконечного размаха и мгновенного восприятия, которые были знакомы ему, когда он был частью Снежинки в питательной жидкости.

— Очень жаль, — прошептал он безнадежно.

— Что? — нахмурился Хендл. Сестра, стоявшая рядом с ним, что-то прошептала, и он кивнул.

— О, ясно. Ты еще не совсем в норме, да? Ну, еще бы, нетрудно понять.

— Да, — сказал Тропайл и заткнул уши, хотя Хендл еще продолжал говорить. Спустя какое-то время Тропайл рывком встал и свесил ноги с операционного стола. Он был абсолютно голый, и в былье времена это бы его ужасно смущало, но сейчас это, казалось, не имело никакого значения.

— Найди мне какую-нибудь одежду, хорошо? — попросил он. — Я — в порядке. Могу, кажется, начать привыкать ко всему этому.

Глен Тропайл обнаружил, что он — вернувшийся герой, вызывающий какое-то странное поклонение, где бы он ни появлялся. Это было не совсем то, чего можно было бы ожидать, решил он после тщательного анализа. Например, человек, который шел и убивал дракона в стародавние времена, ну, его встречали с огромной благодарностью и ликование, и, если где-то была какая-нибудь принцесса, он женился на ней. Вполне справедливо, в конце концов. А Тропайл уничтожил врага, несомненно, более сильного, чем несколько драконов.

Но, проанализировав внимание, которым его одари-

вали, он понял, что в нем отсутствует благодарность. Странно.

Это больше всего напоминало интерес, думал он, который могли бы проявлять к чемпиону по бейсболу — в стране, где все играют в крикет. Он совершил нечто, что, по общему мнению, было потрясающим подвигом; но который, казалось, никого не волновал. На самом деле, был какой-то оттенок упрека в том внимании, которое на него обращали. Вопрос: Почти девяносто тысяч бывших Компонентов были возвращены к прежней жизни, у большинства из них семьи уже умерли, все они были в определенной степени лишними ртами при ограниченных ресурсах планеты. Что собирался делать с этим Глен Тропайл? Вопрос: Прежние различия между Гражданином и Волком не были больше так существенны, потому что многие Граждане сражались плечом к плечу с Сынами Волка. Но не считает ли Глен Тропайл, что зашел в этом несколько дальше, чем нужно? И еще вопрос, несколько преждевременный, но все же: Что, все-таки, собирается делать Глен Тропайл, чтобы дать Земле новое Солнце, когда старое погаснет и не будет Пирамид, чтобы зажигать огонь?

Он искал убежище у кого-нибудь, кто бы понял его. Он с удовольствием понимал, что это нетрудно. С некоторыми он сошелся чрезвычайно близко; одиночество, мучительное одиночество его юности, совершенно точно и навсегда было позади.

Например, он мог разыскать Хендла, и тот все прекрасно поймет.

Тропайл так и поступил.

Хендл сказал:

— Думаю, ты немного разочарован. Ну, да черт с ним, это жизнь.— Он мрачно рассмеялся.— Сейчас, когда мы избавились от Пирамид,— сказал он,— нам предстоит большая работа. Старик, мы можем, наконец, вздохнуть! Мы можем строить планы на будущее. Эта планета лениво и глупо плелась по своему проторенному, засасывающему пути слишком долго, так? Пора за нее браться. И мы это сделаем, обещаю тебе, Тропайл. Знаешь, Тропайл,— усмехнулся он,— я жалею только об одном.

— О чём? — осторожно спросил Тропайл.

— Обо всех этих шикарных снарядах для базук, которые мы потратили. Я понимаю, тебе они были необходимы. Я не виню тебя. Но ты понимаешь, сколько усилий понадобится сейчас, чтобы накопить все снова. Мы мало что

сможем сделать, чтобы установить порядок в этом уставшем мире до тех пор, пока у нас не появятся все эти вещи снова.

Тропайл ушел от него гораздо раньше, чем намеревался.

Тогда, может быть, Гражданин Джермин?

Этот человек хорошо сражался. Тропайл нашел его, и по крайней мере несколько минут все было очень хорошо. Джермин сказал:

— Я очень много думал, Тропайл. Я рад, что вы здесь.

Он послал жену за освежающими напитками, она, как подобает, подала их, подождала ровно минуту и затем удалилась.

Как только она ушла, Тропайла прорвало и он начал говорить. Ему было трудно говорить при ней, потому что пришлось бы придерживаться норм вежливости. Он начал:

— Теперь только я начинаю понимать, что произошло с людьми, Джермин. Искусственное деление на Овец и Волков. Вы сражались как Волк...

Тропайл остановился, неожиданно почувствовав, что его не слушают. Гражданин Джермин выглядел несколько расстроенным.

— В чем дело? — резко спросил Тропайл.

Гражданин Джермин смотрел на него с молящей Снисходительной Улыбкой.

— Волки, — произнес он, глядя вдаль. — Действительно, Гражданин Тропайл. Я знаю, что вы считали себя Волком, но... видите ли, я уже говорил вам, что много думал, и это именно то, о чем я думал. На самом деле, Гражданин, — откровенно проговорил он, — вы только вредите себе, притворяясь, что вы считаете себя Волком. Абсолютно ясно, что вы не Волк. Остальных, вероятно, можно было одуречить, но вы не могли обманывать сами себя. Итак, вот что, мне кажется, вы должны сделать. Когда я узнал, что вы придетете, я попросил нескольких довольно известных Граждан подойти сегодня немного позже. О, я им все откровенно рассказал. Не возникнет никаких затруднений. Я лишь хочу, чтобы вы поговорили с ними и все выяснили, чтобы этот ужасный позор не довел над вами. Времена меняются, и, возможно, некоторая терпимость позволительна сейчас, но наверняка вы не хотите...

Тропайл ушел от Гражданина Джермина гораздо раньше, чем намеревался. И, наконец, в списке Тропайла остался

лишь один человек, который хорошо его знал. Ее звали Гала Тропайл.

Он заметил, что она похудела. Они молча сидели рядом. Между ними ощущалась натянутость, но потом он увидел, что она плачет. Утешая ее, он понял, что натянутость прошла. Он сказал:

— Ты ощущаешь себя так, будто ты — бог, Гала! Клянусь, нет другого такого чувства. Я хочу сказать, это такое чувство, как будто у тебя только что родился ребенок; и ты изобрел огонь; и передвинул гору; и превратил свинец в золото... если бы можно было сделать все это сразу, тогда, может быть, ты получила бы некоторое представление. А я был везде в одно и то же время, Гала, и я мог совершить все, что угодно. Я боролся против целого мира Пирамид, понимаешь? Я! А теперь я вернулся к...

Он вовремя остановился; казалось, она вновь готова заплакать. Он продолжал:

— Нет, Гала, пойми меня правильно. Я ничего не имею против тебя. Ты была права, оставив меня. Что я мог предложить тебе? Или себе, если на то пошло. И не думаю, что у меня и сейчас что-нибудь есть; но... — Он ударил кулаком об стол. — Они говорят о том, чтобы вернуть Землю обратно на ее орбиту, — прорычал он. — Зачем? Как? Боже мой, Гала! Мы не знаем, где мы находимся. Может быть, мы могли бы подлатать приборы, которыми пользовались Пирамиды, и повернуть Землю обратно, но кто знает, как предположительно выглядит наша орбита? Я не знаю. Я никогда не видел ее. И ты не видела, и никто другой из живущих. И они думают о том, чтобы вернуться к тому, как было. Волки! Граждане! Медитация! Самое пустячное из всех пустячных развлечений. Похоть, просто похоть! Когда-то я был зрячим, Гала, а теперь я слеп! Я был огненным кольцом, которое разгоралось! Сейчас я лишь человек, и всегда буду лишь человеком, если не...

Он замолчал и смущенно посмотрел на нее. Гала Тропайл посмотрела ему в глаза.

— Если что, Глен?

Он пожал плечами и отвернулся.

— Если ты не вернешься назад, ты хочешь сказать.

Он повернулся к ней; она кивнула.

— Ты хочешь вернуться, — сказала она спокойно, — ты хочешь попасть обратно в свою лохань супа и плавать там, как дитя. Ты не хочешь иметь детей. Ты сам хочешь быть ребенком.

— Гала,— сказал он,— ты не понимаешь. Там было удивительное, мудрое, старое существо, остроумное к тому же, оно, так уж случилось, было зеленым и у него были щупальца; оно, так уж получилось, было мертвым. Мне бы хотелось узнать его получше. Оно высказывало неплохие мысли. И мы знали, что существует три-симбиозная раса в Магеллановом Облаке, которую любят все в той части Галактики. Видишь ли, они узнали о некоем факте — называй его Богом. Мы хотели навестить их. А туманность Черная дыра вовсе не пылевое облако — это дыра в пространстве. Во Вселенной есть расы, вся история культуры которых — это постижение природы этой дыры. Подумай только, какими покажутся мысли такой расы восьмеричному уму...

Он замолчал.

— Ты считаешь меня сумасшедшим,— сказал он.— Безумным настолько, что я позабыл, что я — животное, и никогда не буду ничем другим, что спазмы желез более важны, чем три-симбиоз в Магеллановом и их... Факт. Может быть, ты и права.

— Я думаю только,— всхлипывая, сквозь слезы проговорила его жена,— что ты снова умрешь.

— Умрешь? — Тропайл был поражен той бездной непонимания, которая была между ними. Откуда начинать, чтобы объяснить человеку, который думает, что когда теряешь все физические признаки в цистерне Снежинки, ты становишься мертвым? Он попытался неуклюже подлизаться:

— Знаешь,— сказал он,— если бы я вернулся, я думаю, я смог бы заняться Солнцем для тебя и, может быть, дать задний ход двигателям.

Ответом был лишь плач.

Как во сне, Тропайл возвращался назад. Он тихо постучал в дверь Гражданина Джермина, и тот смотрел на него прищурившись. Прошла минута, прежде чем Тропайл узнал Снисходительную Улыбку.

— О, я что-нибудь не так сделал? — спросил Тропайл.— Извините. Если это из-за того, что я не остался, чтобы встретиться с вашими друзьями...

Ироничный, умоляющий наклон головы, означающий «Ничего, все чертовски хорошо».

— Мне просто хотелось кое-что сказать.

— Входите,— сказал Гражданин Джермин.— Как мило, что несколько минут до сна можно провести так

интересно. (Читай: Довольно поздно для визита, приятель.)

Тропайл уныло стоял в дверях.

— Я быстро, Джермин. Что ты думаешь насчет того, чтобы мне вернуться на планету-близнец? Самому подключиться к цепи и все такое?

Наступила пауза, во время которой Гражданин Джермин серьезно размышлял, его ноздри слегка раздувались, как будто он нюхал букет незнакомых цветов. Потом он улыбнулся. Запах, в конце концов, прекрасный.

— Я думаю, это было бы отлично,— тепло сказал он. (Читай: Будет очень мило не видеть тебя больше.)

Хендл встретил его с не меньшим энтузиазмом. Он спал как убитый, когда Тропайл постучал. С затуманенными глазами он прохрипел:

— Это не может подождать?

— Думаю, нет,— твердо ответил Тропайл.

Он рассказал Хендлу о том, что задумал. Сумрачный вид Хендла мгновенно изменился, появилась широкая улыбка.

— Сделай это, старик,— пророкотал он.— Черт, мы поставим тебе памятник! — Говоря это, он подразумевал то же, что и Джермин.

Тропайл отвернулся. Один в спящем городе. Стояла поздняя теплая ночь. Теплая Осень Пятигодичного Часового Цикла. Следующий Цикл он начнет сам, разжигая Солнце из... Он усмехнулся. Из лохани с супом.

Найдет ли он еще семерых, чтобы начать это вместе с ним?

Нет, не на этой планете, подумалось ему. Это будет лохань с одним-единственным телом. Он будет присматривать за очагом этой планеты лучше, чем Пирамиды. Но он один, и нет надежды, что он станет кольцом разгорающегося огня. По крайней мере, он сможет сбросить плоть, избавиться от ее тирании. Стоя посреди улицы, он смотрел на звезды, сияющие в созвездиях. Созвездия были новые и все время менялись и поэтому не имели названий. Это была Вселенная. И слов было не нужно. Слова ничего не объясняли; естественно, он не мог заставить Галу и других понять его, потому что плоть не может уловить подлинную сущность ума и духа, освобожденных от плоти. Дети! Дом! И впридачу — еда, сон, питье, занятия грязных животных. Как могут они просить его оставаться в грязи, если звезды в небе зовут его?

Он медленно шел по улице, один в ночи, нарождающийся бог, отрекающийся от смертных. Ничего здесь не осталось для него, но откуда же это чувство утраты?

Долг говорил (или это была Гордыня?): -

— Кто-то должен отказаться от плоти, чтобы управлять Землей, ее орбитой, погодой — почему не ты?

Плоть говорила (или, Душа, если такая есть?):

— Но ты будешь одинок.

Он остановился и минуту колебался.

До тех пор, пока не понял, что слышит быстрые шаги за спиной и голос:

-- Подожди! Подожди, Глен! Я хочу идти с тобой!

Он обернулся и подождал, но лишь минуту, а потом пошел рука об руку со своей женой.

Он не один — так было и так будет! Был еще один. Будут другие! Огненное кольцо будет разгораться!

Фредерик Пол
ЭПОХА
НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ

Глава 1

Освещение выхватывало каждого из находившихся в комнате, а возможно в парке, перемежая пятна — сгустки теней и символы — блики разноцветий. Глаза девушки в не-весомом одеянии на мгновение заблестели розовым, а уже в следующий миг ее волосы окутала аура из чистого серебра. У стоявшего рядом с Форрестером мужчины кожа отливалась золотом, а на лице лежала маска полумрака. Запахи тонкими нитями тянулись к Форрестеру: терпкая полынь смеялась чуть приторными розами. Издалека, и как-то отстраненно, долетали обрывки хрустальных музикальных фраз.

— Я богат! — возопил Форрестер.— И я жив!

Никто не обращал на него внимания. Форрестер оторвал от грозди прозрачную виноградину — ягоды порекомендовал ему Хара,— поднялся на ноги, похлопал-приобнял девушку в тонкой накидке и нетвердой походкой двинулся к круглому бассейну, в котором приглашенные плескались, плавали и ныряли, образуя переплетение обнаженного беспорядка.

Длительная реабилитационная индоктринация приучила к многочисленным новым понятиям, но полностью не очистила сознание от мусора прошлой жизни — Форрестер все еще чувствовал внутреннюю тягу к «непристойным» мыслям, поэтому его влекла к себе нагота тел, извивающихся в бассейне.

— Это Форрестер, богатый человек! — раздался крик из бассейна.

Форрестер улыбнулся и помахал купальщикам рукой.

— Спомем ему песню! Песню! — звонко предложила какая-то девушка, и тут же брызги полетели в сторону Форрестера вместе с пением.

В первый момент Форрестер машинально пригнулся,

но затем расслабился и спокойно позволил окатить себя с головы до ног теплой, благоухающей водой.

— Веселитесь! Веселитесь! — крикнул он в ответ, с уми-ротворенно-довольной улыбкой глядя на обнаженные тела. Бронзовые и цвета слоновой кости, стройно-подтянутые и мягко-округлые, все тела были прекрасны.

Форрестер знал, что отношение к нему не изменится, если он разомкнет снэпсы на шее и талии, скинет одежду и присоединится к купальщикам. Но еще лучше он знал, что тело его не может идти ни в какое сравнение с фигурами адонисов, оно не привлечет к себе внимания полногрудых венер.

Поэтому Форрестер лишь стоял на бортике бассейна и смотрел.

— Пейте и будьте веселы, ведь нам всем суждено умереть вчера! — провозгласил он и наугад полил купальщиков какой-то жидкостью из индюка. Ему было наплевать, что он не так прекрасен, как любой и каждый из них. По крайней мере в данный момент он был по-настоящему счастлив.

Ничто не тревожило его: ни заботы, ни усталость, ни страх. Даже угрызения совести оставили Форрестера в покое. И хотя сейчас он впustую транжирил время, он имел полное право транжириТЬ время сегодня вечером. Это именно то, что советовал ему Хара:

— Расслабься. Не торопись. Пройди акклиматизацию. Ты слишком долго оставался мертвым.

Форрестер с готовностью последовал совету Хары. Утром он заново переосмыслил себя в ситуации и ситуацию в себе. Утром он со всей серьезностью окунется в этот новый мир и найдет в нем свое место.

С некоторой грустью он подумал, что поступит так не из-за вынужденной необходимости, учитывая четверть миллиона, а потому, что считает безделье неправильным подходом к жизни. Развлекаться следует на заработанные деньги. Он намеревался стать примерным гражданином этого нового мира.

Вспомнив уроки индоктринации, он выкрикнул в направлении одной из девушек дружеское, но непристойное предложение (хотя Хара и заверял Форрестера, что современная устная речь лишена непристойностей). Девушка ответила обворожительным жестом, который Форрестеру очень захотелось счесть за неприличный. Пrijатель — скорее все-го — девушки, лежавший на бортике бассейна, лениво приподнял свой индюк и обрызгал Форрестера какой-то воз-

буждающей жидкостью. Форрестер почувствовал дрожь от неожиданно сильного сексуального восторга, а затем, сквозь насыщение, его бросило в изнеможение.

Какой восхитительный стиль жизни, подумал Форрестер, вздохнул, развернулся и медленно пошел прочь от бассейна под громкое пение.

Купальщики по-прежнему брызгали в такт пению, но Форрестер уже был вне досягаемости. Еще несколько шагов, и он увидел... с кем очень хотел поговорить.

Девушка. Невысокого роста, на целую голову ниже Форрестера. Она пришла без приятеля и, судя по всему, совсем недавно, поэтому была почти трезвой.

Хара, который устроил вечеринку, может представить Форрестера девушке. Но Хара в данный момент куда-то исчез. Форрестер, долго не раздумывая, самостоятельно подошел к девушке и осторожно коснулся ее руки:

— Я Чарлз Д. Форрестер,— сообщил он.— Мне пятьсот девяносто шесть лет, но у меня на счету четверть миллиона долларов. Сегодня мой первый день после слип-фризера. Я буду очень признателен, если вы присядете и побеседуете со мной или поцелуете меня.

— Конечно,— согласилась она и взяла его за руку.— Давай приляжем на фиалках. Осторожней с моим индкойером. Он заряжен строго индивидуальным составом.

Когда полчаса спустя подошел Хара, они лежали, нежно обнявшись, щека к щеке, и смотрели куда-то в глубину пространства.

Форрестер сразу же заметил Хару, но продолжал мило беседовать с девушкой, которая срывала с лозы прозрачные как стеклянные шарики, ягодины. Пьянящие плоды, вечеринка в целом и ощущение общего благополучия слились воедино и стерли в сознании Форрестера обязательства перед обществом. Что бы ни случилось, Хара поймет и простит любое отступление от норм поведения.

— Не обращай на него внимания, дорогая,— сказал Форрестер.— Значит, ты советуешь не соглашаться на донона?

— Да. И на приманку в охоте. Многие зеленые новички шалеют от крупных сумм и клюют на приманку. Но ведь они даже не предполагают, что могут потерять в конечном счете.

— Очень интересно,— согласился Форрестер, вздохнул, повернул голову и поднял глаза на Хару: — Хара, ты знаешь, что ты — зануда? — спросил он.

— А ты — пьяница,— парировал Хара.— Привет, Тип. Кажется, ты нашла общий язык с моим подопечным.

— Он мне нравится,— заявила девушка.— Само собой, Тип, ты тоже мне нравишься. Ну так как, подошло время шампанского?

— Уже почти прошло. Я вас для того и ищу. Знаете, я ведь основательно стоптался, пока нашел шампанское для вечеринки. Так пусть, черт возьми, Форрестер подымется и покажет нам, как обращаться с вином.

— Вынуть пробку, наклонить бутылку и разлить по бокалам,— рассказал Форрестер.

Хара еще внимательнее взгляделся в него, покачал головой и крепче сжал индюйер.

— Неужели не помнишь, что я тебе говорил? — с упреком произнес он и окатил Форрестера приятно взбадривающим ледяным душем.— Не напивайся сегодня. Приспосабливайся к новой жизни. Не забывай, что ты был мертв. А теперь покажи, как нам расправиться с шампанским.

Форрестер, как послушный ребенок, поднялся и, обнимая одной рукой девушку, побрел за Харой к раздаточным столикам. В светлых волосах девушки, уложенных пышной короной, играли огоньки, напоминая испуганных светлячков.

Если ему предстоит снова встретить свою единственную законную и потенциально возможную жену Дороти, вспомнил Форрестер, придется отказаться от подобных обниманий. Но именно в данный момент бытия это действие было необычайно приятно. И ободряюще. Странно, но он с огромным трудом мог припомнить и то, когда в последний раз обнимал хорошенькую девушку, и то, что всего девяносто дней назад его тело представляло собой криогенный кристалл, покойившийся в потоке жидкого гелия: сердце не билось, мозг застыл, а легкие представляли из себя бесполезный сгусток слипшейся ткани...

Пай-мальчик Форрестер послушно открыл бутылку шампанского, произнес тост и выпил. Этикетка на бутылке была незнакомой, но жидкость внутри действительно оказалась шампанским.

По просьбе Хары он промычал срифмованного «Незаконнорожденного короля Англии», ответил низким кивком на громкие аплодисменты, но не позволил отрезвить себя, хотя чувствовал, что действительно вновь начал пошатываться и запинаться.

— Декаденты-ублюдки! — дружелюбно заорал он.— Вы умеете очень многое! Но вы не умеете напиваться!

Потом они танцевали, сомкнувшись в единый круг, под пицциато виолончели и звучание флейты. Их было более двадцати человек: они притоптывали и резко меняли направление движения, как в шуточном танце времен Робина Гуда, немного напоминая стиль Пола Джонса.

— Чарлз! Чарлз Форрестер! Ты лепишь из меня неистовую аркадианку! — кричала девушка прямо ему в ухо.

Он кивнул, улыбнулся и плотнее прижался, справа — к девушке, а слева — к огромному существу в оранжевом трико, к мужчине, который, как сообщили Форрестеру, прибыл с Марса, поэтому и спотыкался, сражаясь с гравитацией Земли. Но марсианин только смеялся. Смеялись все. Многие, очевидно, смеялись над Форрестером, наблюдая за его неуклюжими попытками попасть в ритм танца. И все же громче всех смеялся Форрестер.

После этого общего танца он практически ничего не помнил. В общем хоре криков и советов о том, как поступить с Форрестером, прозвучало даже нездоровое предложение протрезвить его, но предложение вызвало лишь путаные смешливые споры. А счастливый Форрестер кивал, кивал и кивал глянцем головой на растянутой пружине. Он не помнил, когда закончилась вечеринка. Осталось только смутное предсонное воспоминание — девушка вела его по пустынной улице с высокими, темными, как монументы, сооружениями, а он перекликался с собственным эхом и подпевал ему.

Но он помнил, что целовал девушку и неустойчивый афродизиазивный аромат, вырвавшийся из ее индюйера, наполнил его странной смесью чувств — страсти и страха. Но дальше... он не помнил, как вернулся в комнату и лег спать.

Проснулся он утром — жизнерадостный, отдохнувший, полный сил, но... в одиночестве.

Глава 2

Форрестер проснулся в овальной, упругой и уютно-теплой кровати, которая разбудила его успокаивающе-веселым урчащим звуком. Стоило ему зашевелиться, и звук прекратился, а поверхность под ним принялась легко массировать его мышцы. Зажегся свет. Вдали тихо заиграла прекрасная музыка, напоминавшая цыганское трио. Форрестер потянулся, зевнул, изучил языком зубы и сел.

— Доброе утро, человек Форрестер,— сказала кровать.— Время восемь пятьдесят. У вас назначена встреча на девять семьдесят пять. Уже можно передать информацию о звонивших?

— Позже,— не задумываясь ответил Форрестер. Хара предупредил его о говорящей кровати, и Форрестер не испугался; он как-то сразу осознал, что это не опасность, а очевидное преимущество, составная часть комфорта нового приветливого мира.

Форрестер, сгоревший заживо в тридцать семь во время пожара, по-прежнему считал, что не состарился даже на год.

Он прикурил сигарету, тщательно, как решил с вечера, проанализировал ситуацию и заключил, что впервые в истории мира тридцатисемилетний человек находится в столь удивительном положении. Он — участник «чуда». Жизнь. Здоровье. Круг замечательных знакомых. И четверть миллиона долларов.

Разумеется, он не был уникален, как сам себя воспринимал. Но только полностью восприняв факт своей смерти и воскрешения, не думая о миллионах и миллионах ему подобных, он мог чувствовать свою уникальность. И чувство было прекрасным.

— Только что получено новое сообщение, человек Форрестер,— сказала кровать.

— Притормози его,— посоветовал Форрестер.— Сначала я выпью чашку кофе.

— Вы хотите получить чашку кофе, человек Форрестер?

— Ты знаешь, что ты — зануда? Я сам скажу, чего я хочу, когда действительно захочу. Понятно?

Чего Форрестер хотел по-настоящему и в чем он не признался даже самому себе,— желание растянуть удивительный момент сладостной отстраненности. Это было сродни освобождению и напоминало его первую неделю службы в армии, когда он осознал, что есть два пути отбарабанить срок: легкий и тяжелый. Легкий путь вычеркивал принятие собственных решений, и личная инициатива пресекалась. Ты подчиняешься приказам, а само пребывание в армии со-поставимо с продолжительным отпуском в плохо оборудованном лагере для взрослых.

Здесь обстановка была роскошной. Но принцип поведения оставался армейским. Форрестеру нет необходимости нагружать себя обязательствами. У него просто нет никаких обязательств. Он не должен тревожиться о том, чтобы дети не проспали школу, ведь у него не было больше детей. Он не

должен больше ломать голову над тем, чтобы у жены было достаточно денег на ежедневные расходы, ведь у него не было больше жены. И, имей он желание, можно снова лечь, натянуть одеяло на голову и заснуть. Никто не остановит его, и никто не обидится. Если надумает, то он может напиться, может подольститься к девушке, может сесть и написать стихотворение. Все его долги уплачены или забыты за прошедшие столетия. Все его обещания исполнены, а неисполненные лежат вне пределов вероятного исполнения. Ложь, сказанная им Дороти об уик-энде 1962 года, далее не должна беспокоить его. Даже если правда и откроется, то она всем будет безразлична, но и сам факт того, что правду узнают, был невероятен.

Короче говоря, список его прегрешений чист. Можно начинать жить.

К тому же у него на руках весьма солидные гарантии продолжительной жизни. Он не болен. Не существует никаких угроз его жизни. Даже опухоль, которую он заметил на ноге за несколько дней до смерти, не могла и далее оставаться злокачественной или хоть как-то угрожать его жизни; в противном случае доктора из Дорментория удалили бы ее. Ему не стоило беспокоиться даже о неприятной перспективе попасть под машину,— если таковые еще существовали — ведь даже при наихудшем раскладе это могло означать не более, чем несколько столетий в ванне с жидким гелием, а затем возвращение к жизни, которая станет еще прекрасней, чем ранее.

У него на данный момент имелось все, что душе угодно.

Единственный отсутствующий фактор он больше не хотел иметь, потому что некогда уже имел. Это... семья. И еще — друзья, положение в обществе.

А в новой жизни, начавшейся в год 2527-й от Рождества Христова, Чарлз Форрестер был полностью свободен. Но радость не затмила осознание факта, что у всякой медали есть оборотная сторона. При внимательном рассмотрении он был никому не нужен в новом мире.

— Человек Форрестер,— повторила кровать.— Я настаиваю. Получено сообщение категории «срочно» и уведомление о личном визите.— Матрац под Форрестером выгнулся горбом и сбросил его на пол.

Ошеломленный, Форрестер проворчал:

— В чем срочность?

— Человек Форрестер, на тебя выдана охотничья лицензия. Лицензент — Хайнцлихен Джура де Сыртис Майджор,

мужского пола, дипарадзаниец, утопист, восемьдесят шесть прохождений, шесть футов четыре дюйма, импорт-экспорт. Человек внеземного происхождения. Причины не указаны. Страховые и гарантийные письма разосланы. Тёперь можно подавать кофе?

Кровать говорила и одновременно закатывалась в стену. Когда она исчезла в отверстии, диафрагма затянулась, не оставив никакого следа. Это разочаровало, но Форрестер вспомнил инструкции Хары, огляделся, увидел инджойер и сообщил ему:

— Сейчас я хотел бы получить завтрак. Ветчина, яйца, тосты, апельсиновый сок. Потом — кофе и пачку сигарет.

— Будет исполнено в пять минут, человек Форрестер, — сказал инджойер. — Позволь зачитать остальные сообщения?

— Постой. Я считал, что сообщения передавала кровать.

— Мы все одно целое, человек Форрестер. Сообщения следующие: Уведомление о личном визите — Тайко Хирониби присоединится к вашей утренней трапезе. Доктор Хара прописал эйфорик. Принимать по необходимости. Лекарство доставят вместе с завтраком. Эдне Бенсен посылает вам поцелуй. Первый Трест торговли и аудиторства рассчитывает на ваше покровительство. Общество Древнейшн подтверждает, что ваша кандидатура одобрена для приема и оформления, как и льготы на переезд. «Циглер, Дюран и Колфакс, адвокаты»...

— Рекламу можешь не зачитывать. Что значит — охотничья лицензия?

— Человек Форрестер, на тебя выдана охотничья лицензия. Лицензент — Хайнцлихен Джура де...

— Ты уже говорил. Тёперь помолчи-ка.

Форрестер задумчиво посмотрел на инджойер, принцип работы которого предельно ясен: дистанционный терминал ввода-вывода, связанный с сетью общих программ. Он оснащен приспособлениями, служащими то карманной флягой, то походной аптечкой, то косметическим набором. Он напоминал палицу или скрипетр шута. Форрестер настойчиво убеждал себя, что разговаривать с палицей так же естественно, как говорить по телефону. Но на другом конце провода возле трубы находился человек... или голос человека, записанный на пленку... В любом случае, он не должен замечать данной неестественности. Форрестер сдержанно произнес:

— Ничего не понимаю. Я даже не знаю людей, которые звонили мне.

— Человек Форрестер, привожу список звонивших вам лично. Тайко Хирониби: мужского пола, дендрит-конфуцианец, аркадианист, пятьдесят одно прохождение, шесть футов один дюйм, организатор политического бизнеса. Он захватит свой завтрак с собой. Энде Бенсен. Женского пола. Универсалийка. Триммер-аркадианист, двадцать три заявленных прохождения, пять футов семь дюймов, надомница со стажем, дело не указано. Поцелуй прилагается.

Форрестер не знал, чего ожидать, но был приятно готов ко всему.

И он на самом деле получил поцелуй, что привело его в замешательство. Целующих губ видно не было. В воздухе затрепетал легкий аромат дыхания, затем последовало прикосновение к его губам — теплое, мягкое, влажное и сладостное.

Удивленный, он потрогал пальцами свои губы.

— Черт, как ты это сделал? — закричал он.

— Сенсорная стимуляция через осязательную сеть, человек Форрестер. Ты примешь Тайко Хирониби?

— Вообще-то, — начал Форрестер, — откровенно говоря, не знаю. О черт. Возможно, да. Пригласи его войти. ...Погоди. А не следует ли мне одеться?

— Ты хочешь получить другую одежду, человек Форрестер?

— Не сбивай меня. Подожди, — сказал он сердито и растерянно. Он поразмышлял с минуту. — Я не знаю, кто такой Хиро как его...

— Тайко Хирониби, человек Форрестер. Мужского пола, дендрит-конфуцианец...

— Заткнись! — Форрестер тяжело дышал. Внезапно индженер в его руках зашипел и окатил его стремительно подсыхавшей жидкостью.

Форрестер почувствовал некоторое расслабление. Он порадовался за быстрое действие транквилизатора, но не одобрил положение, что машина сама прописывает и «насильно» раздает лекарство.

— О Боже, — охнул Форрестер. — Неужели мне так важно, кто он такой, этот Тайко? Вперед. Зови его. И поторопись с завтраком, понял?

— Ты подходишь! — закричал Тайко Хирониби. — Лучше не бывает. И такой черепной индекс! Ты выглядишь...

умопомрачительно! Я не могу подыскать слов и эпитетов. Ты, похоже, умница. Но большой повеса.

Чарлз Форрестер серьезно, но радушно указал на стул.

— Присаживайтесь. Не знаю, что вы намерены предложить, но тем не менее я готов обсудить это. Замечу, что японца со столь характерной внешностью вижу впервые в жизни.

— Серьезно? — гость явно находился в смущении. И он совсем не был похож на японца: коротко постриженные волосы с золотистым оттенком, голубые глаза. — Они тут здорово научились менять внешность клиентам, — извиняющим тоном произнес он. — Вполне вероятно, что раньше я выглядел совсем иначе. Скажи, я первый, кто пришел к тебе?

— Ты пришел до того, как я успел позавтракать.

— Превосходно! Это действительно превосходно! Приступим к делу. Мы все загниваем, запомни это хорошенько. Люди — обычные овцы, и они знают, что их экспроприируют. Но пытаются ли они что-либо предпринять? Нет, да простили на них пот! Они отсиживаются и наслаждаются этим. Поэтому и возникло Общество Нед Луд. Чарли, я не в курсе твоих политических убеждений...

— Я привык считать себя сторонником демократической партии. По ключевым вопросам.

— Забудь. Сегодня это не имеет значения. Разумеется, я официально зарегистрированный аркадианист, но многие «граждане» относят себя к триммер-оппозиции. И возможно, — он подмигнул, — возможно, их убеждения еще радикальнее, чем мои. Понимаешь? Мы завязли все. Завязли дружно. Обстановка влияет на всех и каждого. Если ты растишь детей с помощью машин, то неизбежно из них получаются, по меньшей мере, рьяные поклонники машин. Поэтому...

— Эй! — настырно рявкнул Форрестер, глядя на стену. Приблизительно в том же месте, где исчезла кровать, диафрагма снова начала раскрываться. Она извергла из себя накрытый на двоих стол: на одной стороне стоял завтрак Форрестера, а на второй только чистые приборы.

— А, завтрак, — обрадовался Тайко Хирониби. Он сунул руку в карман своей шотландской юбки и вытащил небольшую закрытую чашку и пластиковую коробку, в которой лежало что-то вроде крекеров, и шар, из которого, надавив, Тайко вылил в чашку горячий, зеленоватый чай. — Попробуешь маринованную сливи? — вежливо предложил он, открутив крышечку в углублении коробки.

Форрестер покачал головой. Около стола появились стулья, и он быстро сел перед яичницей с ветчиной.

Впритык к дымящейся тарелке был придвинут небольшой хрустальный поднос с капсулой и клочком золотистой бумаги, на котором было написано:

«Я мало знаю о шампанском. Если почувствуешь, что вчера перебрал, прими капсулу.

Хара»

Похмелья Форрестер не ощущал, но капсулу было жалко выбрасывать. Он проглотил ее, запив апельсиновым соком и мгновенно почувствовал легкую приятную расслабленность. И у него даже возникло дружеское расположение к белокурому японцу, грызущему темный сморщеный плод. К Форрестеру подкралась мысль и нашептала, что капсула плюс зелье, которым индюйер обрызгал его, могут совместно вызвать совершенно непредвиденный эффект. Он почувствовал головокружение. Следует внимательно контролировать себя, заключил Форрестер и постарался задать вопрос максимально неприятным командным голосом:

— Кто послал тебя ко мне?
— Контакт был установлен через Эдне Бенсен.
— Не знаю ее! — рявкнул Форрестер, старательно сдерживая смех.
— Да? — ошеломленно произнес Тайко и прекратил грызть.— Какого же Пота! Она сказала, что ты...
— Это неважно,— закричал Форрестер, а потом вздохнул, прежде чем задать убийственный вопрос, который он держал про запас.— Поясни один момент. Какие преимущества я получу, вступив в Общество?

Блондин был явно рассержен.
— Послушай, я ведь не заставляю тебя. Мы занимаемся полезным делом. Хочешь вступить — вступай. Хочешь выйти — выходи...

— Не надо меня агитировать. Просто ответь на вопрос.— Форрестер сумел прикурить сигарету и выпустил струйку дыма в лицо Тайко.— Например,— продолжал он,— принесет ли это мне деньги?

— Разумеется. Человек ведь нуждается в деньгах, не так ли? Но это не единственное, что...

Форрестер ответил вежливо, но жестко, подавив в себе желание глупо захихикать.

— Знаешь, другого ответа я и не ждал.
Два транквилизатора вкупе с невыведенными из орга-

низма метаболитами алкоголя предыдущей ночи довели его — как он отметил — до состояния приличного опьянения. Умение, достойное подражания, считал Форрестер, держать голову чистой, когда ты пьян в стельку.

— Ты реагируешь так, будто бы мы пытаемся сесть тебе на шею, — недовольно произнес Тайко. — Что с тобой? Разве ты не понимаешь, что машины лишают нас права естественного человеческого рождения, права быть несчастными, если на то появляется личная воля, права совершать ошибки и забывать. Разве ты не понимаешь, что мы, лудиты, хотим разнести вдребезги машины и вернуть людям мир?.. Поясню: разумеется, оставив исключительно жизненно необходимые машины.

— Понятно, — согласился Форрестер, вставая и слегка покачиваясь. — Благодарю. Вам, почтенный Хирониби, будет лучше уйти. Я поразмышляю о вашем предложении, возможно, через некоторое время мы вновь встретимся. Не звоните мне, я свяжусь с вами сам.

Форрестер вежливо «по-японски» закивал и сумел выдержать приятно-невозмутимую паузу, пока Тайко не добрался до двери и не закрыл ее за собой.

Затем Форрестер согнулся пополам и зашелся от смеха.

— Жулик! — выкрикнул он, немного успокоившись. — Посчитал меня легкой добычей! Проклятие богатых — из них вечно пытаются выманить деньги!

— Не понимаю, человек Форрестер, — признался индюйер. — Ты обращаешься ко мне?

— Ни за что в жизни, — посмеиваясь, ответил устройству Форрестер. Его переполняла растущая гордость. Пусть он походил на провинциала, но этот жулик получил от ворот поворот.

Его интересовало — кто эта Эдне Бенсен, направившая мошенника и пославшая электронный поцелуй? Если она целует в жизни, как и через сенсорную стимуляцию рецепторной сети, то эта женщина достойна, чтобы с ней познакомиться. А дальше проблем не возникнет. Конечно, Тайко — наихудшее проявление эпохи, подумал Форрестер с удовольствием и радостью, зато четверть миллиона долларов остались нетронутыми!

Двадцатью минутами позже, несмотря на протесты индюйера, Форрестер самостоятельно выбрался из здания как раз на уровне улиц.

— Человек Форрестер, — удрученно протянуло устройство, — тебе лучше вызвать такси. Не стоит идти пешком.

Гарантии не действуют в случае провокации или неосторожности пострадавшего, вызвавшей несчастный случай.

— Да замолчи хоть на минуту.— Форрестер только и успел, что приоткрыть дверь и оглядеться вокруг.

Город образца 2527 года был огромным, быстродвижущимся и очень шумным. Форрестер стоял на подобии подъездной дороги. Заросли воздушных десятиметровых папортников частично маскировали двенадцатиполосную скоростную автостраду, плотно забитую стремительно несущимся в обоих направлениях транспортом. Время от времени машина подъезжала ко входу в здание, останавливаясь на мгновение, затем уносилась прочь. Такси? Форрестер размышлял. Попытка остановить машину он не предпринимал.

— Человек Форрестер,— договорил индженер.— Я вызвал аппарат реверса смерти, но он прибудет только через несколько минут. Я обязан предупредить, что расходы можно оспаривать согласно положениям о бонах.

— Да заткнись ты.

День, похоже, выдался теплым, и, возможно, Форрестер еще пребывал в некоем дурмане: искушение прогуляться было непреодолимым. Все вопросы можно отложить на потом. Не только можно, но и нужно отложить, сказал он самому себе. Совершенно очевидна задача — сориентироваться в городе. И он — чем гордился — считал себя истым космополитом в годы, предшествовавшие смерти, он чувствовал себя дома как в Сан-Франциско или Риме, так и в Нью-Йорке или Чикаго. И он всегда — где бы ни оказался — выкраивал время для прогулок по городу.

Он и сейчас побродил по городу. И пошел к черту этот индженер, решил для себя Форрестер. С решительным выражением лица он прикрепил индженер к поясу и быстро зашагал по узкому тротуару.

Прохожих было немного. Но не стоит делать поспешных оценок, думал Форрестер; вот только почему попадавшиеся ему навстречу люди казались изнеженными? Возможно, они могли позволить себе такой образ жизни. Несомненно, сам он, трезво размышлял Форрестер, выглядит волосатым троглодитом, грубым, диким и каменно-топорным.

— Человек Форрестер! — вскричал индженер,— Я должен информировать тебя, что Хайнцлихен Джура де Сыртис Майджор отклонил протест, сославшись на положение о бонах. Аппарат реверса смерти в пути.

Форрестер врезал по индженеру кулаком, тот утихомирился, а если и продолжал говорить, то его заглушал рев

дорожного движения. Выхлопных газов не ощущалось: видимо, машины работали не на бензине.

Форрестера окружал бесконечный несмолкаемый гул рассекаемого воздуха и стократно умноженное пение шин. Автострада пролегала между двух высоких светящихся зданий: одно мягко мерцало оранжевым, второе, прозрачно-хрустальное, — отливало серо-голубой сталью. В моменты редких пробелов автодвижения сквозь стекло здания он различал размытые контуры деревьев с огромными алыми плодами, росших во внутреннем дворике. На балконах двора журчали фонтаны с ароматизированной водой.

Инджойер вновь обратился к Форрестеру, но тот уловил лишь непонятное окончание фразы.

— ...ая позиция занята, человек Форрестер.

Тень скользнула к его ногам, и он поднял голову. Белый аэрокрафт без крыльев развернулся и вновь заскользил в направлении Форрестера. На борт была нанесена блестящая рубиновая эмблема, напоминавшая змеиный жезл Эскулапа. В застекленной рубке сидела молодая женщина в аккуратно-голубом, лениво наблюдавшая за невидимым Форрестеру экраном. Она отвела взгляд, посмотрела на него, сказала что-то в микрофон, снова посмотрела на него и вернула взгляд на экран. Аэрокрафт завис над его головой и, стоило Форрестеру пойти, последовал строго за ним.

— Забавно, — громко произнес Форрестер.

— Это забавный мир, — подхватил кто-то совсем рядом.

Он повернулся. Четверо мужчин приязненно и открыто смотрели на него. Один из них казался высоким и крепкого телосложения, но на самом деле он был чересмерно толст. Опершись на трость, он настороженно, но с интересом изучал Форрестера.

Форрестер понял, что фразу произнес именно он, и одновременно вспомнил, что знает его.

— Ну конечно же, — сказал он. — Марсианин в оранжевом трико.

— Превосходно, — кивнул марсианин. Оранжевого трико уже не было на нем, на смену пришла просторная белая туника и шорты цвета асфальта.

Кто-то из мужчин взял Форрестера за руку и пожал.

— Так ты и есть тот самый обладатель четверти миллиона долларов, — сказал он. — Заскакивай в гости, когда это все закончится. Мне будет небезынтересно узнать, что думает о нашем мире такой парень, как ты.

И он изо всей силы ударил Форрестера коленом в пах.

Форрестер почувствовал, что мир взрывается, а эпицентр взрыва находится внутри его тела. Он заметил, что мужчина отошел немного назад и теперь с удовольствием и интересом наблюдает за Форрестером. Ему было тяжело следить за мужчиной: город пришел в движение, начал крениться, а тротуар ударил Форрестера по лбу. Он покатился по асфальту, держась руками за пах, но вращение быстро остановилось, а взгляд уперся в небо.

Человек с Марса непринужденно сказал:

— Не торопитесь. Времени достаточно для каждого.— Он поднял трость и прошел вперед. Форрестер отметил, как тяжело даются движения непривычному к гравитации.

Удар трости пришелся по плечу и руке. Затем трость методично поднималась и опускалась: медленно и сильно. Трость наверняка была намеренно утяжелена. Марсианин работал ею, как бейсбольной битой.

Боль в теле Форрестера стала как сама смерть... Рука онемела.

Но все же, наблюдая за переходящей из рук в руки тростью, беспомощный, бессильный пошевелиться, он отчетливо видел парящий аппарат и терпеливый взгляд женщины. Однако боль была куда более терпимой, чем он предполагал. Возможно, подействовало лекарство от похмелья, посланное Харой. Возможно, это был всего лишь шок.

— Ты был предупрежден, человек Форрестер,— где-то рядом с головой раздался грустный голос индженера.

Форрестер попытался ответить, но легкие отказали.

Он не мог потерять сознание, хотя страстно желал этого. Возможно — еще одно действие капсулы-эйфорика Хары. Затем он почувствовал, что заветная цель близка. Боль в животе тревожно нарастала и начала утихать, а затем он не чувствовал ничего или, вернее, никаких физических страданий.

Но боль засела в мозгу, хныкающая и причитающая. Почему? Почему я?

Глава 3

Форрестера вернули в сознание раскаты приближающегося смеха. Девушка радостно выкрикнула:

— Он вращает! Он вращает! Ого, кажется, я даже видела патрон!

Форрестер открыл глаза. Он лежал непонятно в чем, что

покачивалось и тихо напевало. Девушка в голубом платье сидела спиной к нему, вперившись в экран, который сейчас показывал арену: раскрасневшаяся от возбуждения девчонка что-то громко кричала и довольно улыбалась, притопывая ногами, рядом с ней стоял мужчина с револьвером в руке, глаза его почему-то были завязаны.

Нешадно болевшие ссадины и синяки моментально напомнили Форрестеру о том, что с ним произошло. Он с удивлением обнаружил, что еще жив, и прокряхтел:

— Эй!

Девушка в голубом повернула голову и через плечо посмотрела на Форрестера:

— Ты в полном порядке,— сообщила она.— Главное — не переживай. Мы прилетим на место через минуту.

— Куда?

Она раздраженно вздернула плечами. Арена вместе с мужчиной и девушкой исчезла в тот момент, когда мужчина, казалось, начал поднимать оружие. А потом Форрестер видел над собой лишь небо и облака.

— Немного приподымись,— посоветовала девушка в голубом.— И ты все увидишь. Смотри вон туда.

Форрестер попытался приподняться на локте и, прежде чем рухнул на спину, зрение выхватило деревья и беспорядочную застройку зданий пастельных тонов.

— Мне не приподняться! Черт, меня чуть не убили.— Он ощущил, что лежит на носилках и что рядом находятся еще одни «обжитые» носилки.

Неожиданный сосед был укрыт простыней. Причем с головой.

— Кто это? — завопил Феррестер.

— Откуда мне знать? Я занимаюсь перевозкой, а не жизнеописаниями. Расслабься, или мне придется уснотворить тебя.

— Тупая стерва,— отчеканил Форрестер.— Я не потерплю подобного обращения. Я требую... Постой! Что ты делаешь?

Девушка обернулась, держа в руках нацеленный на него индюйер:

— Замолчи и лежи спокойно.

— Я предупреждаю тебя. Ты не посмеешь...

Она вздохнула и обрызгала лицо Форрестера чем-то холодным. Он собрал все свои силы, чтобы высказать ей все, что он о ней думал, и в первую очередь — о ее возможной сексуальной жизни, о ее мире, в котором чинился произвол и

попрание прав состоятельных людей. Он не смог вымолвить ни слова. Все, что ему удалось выдавить, прозвучало как:

— Ааррр.— Он не потерял сознание, но очень ослаб.

Девушка процедила:

— Я вспотела от тебя, зеленый. Ты ведь зеленый новичок? Я определяю на лету. Проснувшись в Дорментории, каждый из вас воображает себя Господом Богом. Пресвятая Богоматерь! Конечно, ты жив. И ты, несомненно, торчишь от собственной удачи. Но почему ты думаешь, что мы должны торчать вместе с тобой?

Все это время аэрокрафт разворачивался и плавно заходил на посадку. Девушка, которую Форрестер первоначально принял было за пилота, не обращала внимание на маневры. Она была сильно рассержена чем-то и в итоге сказала:

— Я свою работу знаю. Моя главная задача — сохранить твою жизнь или труп до тех пор, пока профи тобой не займутся. Я не обязана разговаривать с кем попало. А выслушивать чей-то бред и подавно.

— Ааррр,— повторил Форрестер.

— Ты мне даже не нравишься,— раздраженно уточнила она.— Из-за тебя я пропустила любимую передачу. Спи-ка лучше.

Стоило аппарату коснуться земли, она снова подняла инджойер, и Форрестер мгновенно заснул.

При температуре жидкого гелия все химические и биохимические процессы полностью прекращаются. На данном факте и на одной рациональной надежде базировалась самая крупная и прибыльная индустрия, рожденная на свет в конце двадцатого века.

Под рациональной надеждой подразумевалось, что темп прогресса медицины за годы, последующие после смерти, будет соизмерим с темпом прогресса будущего в целом, и, следовательно, вне зависимости от причин, вызвавших смерть, в будущем появятся способы лечения и восстановления замороженного человека или, по крайней мере, новые знания сведут болезнь до стадии ее незначимости для продолжения нормальной жизнедеятельности (включая метод восстановления повреждений, вызванных низкими температурами).

Абсолютный холод был призван остановить время.

Индустрия называлась «Бессмертие Инк».

Форрестер проснулся в Шогго, огромном городе с вось-

мивковой историей. Городской тысячеакровый парк, разбитый вдоль берега озера, упирался в холм, вокруг которого простиравшаяся равнина. Холм был искусственным, в его недрах располагался Фризцентр, обслуживавший данный регион Земли.

Сто пятьдесят миллионов кубических ярдов было вынуто из чрева планеты для сооружения хранилища людей. После завершения строительства большую часть выбранной земли в качестве теплоизоляционного материала засыпали поверх хранилища.

Крайние точки температур между уровнем земли и сердцем замороженного холма отстояли на пятьсот градусов по Фаренгейту (или триста с небольшим по Кельвину) и ограничивали рабочую шкалу Дорментория.

Когда Форрестер осознал, куда доставил его белый аэрокрафт, его мгновенно охватил невыразимый ужас. Он едва начал пробуждаться и ощущал жуткую слабость, как будто индюйер девушки отключил на девяносто процентов контроль за мышцами (что и произошло на самом деле). Увидев над собой светлый равнодушный потолок, услышав стоны и щелчки тысяч пугающих приспособлений, возвращающих людей к жизни, он вновь застыл от ужаса, уверенный, что будет подвергнут повторному замораживанию. Пока им занимались, он лежал, нечленораздельно стояя.

Но его не замораживали.

Его принялись лечить. Кровь смыли с тела. Металлическим предметом обработали синяки и нанесли на них прозрачный вязкий гель, выдавливая его из длинной серебристой трубы, напоминавшей большую губную помаду. Два мерцающих экрана сжали левое бедро, Форрестер догадался, что это рентгеновский аппарат; потом на кожу в области сердца нанесли темный, поблескивающий раствор.

После этой лечебной процедуры ему стало значительно лучше. И он даже смог заговорить.

— Спасибо, — тихо поблагодарил Форрестер.

Молодой на вид краснолицый мужчина, в данный момент работавший над пациентом — Форрестером, — небрежно кивнул и коснулся серебряным зондом пупа Форрестера. Взглянув на показания прибора, он заключил:

— Отлично. Пожалуй, теперь все. Попробуйте подняться. Заодно посмотрим, способны ли вы дойти до кабинета Хары.

Форрестер перекинул ноги через низкий бортик кровати, на которой лежал, и с удивлением обнаружил, что действи-

тельно может передвигаться. Синяки не болели, вернее, болели не слишком сильно, хотя он отметил симптомы воз-врачающейся боли.

Краснолицый подытожил:

— Вы в полном порядке. Большая просьба — попытай-тесь как можно дольше держаться подальше от моего кабинета. И загляните к Харе. У вас накопились неприят-ности.

Он отвернулся, стоило Форрестеру задать ему вопрос.

— Откуда мне знать, какие? Отправляйтесь к Харе.

До кабинета Хары его сопровождали тонкие, как нако-нечники копий, зеленые стрелы, прыгающие по полу коридо-ра чуть впереди идущего человека, однако Форрестер заклю-чил, что без труда найдет дорогу самостоятельно. Выйдя из блока экстренной помощи, он очутился в хорошо знакомой части Дорментория. Форрестер вспомнил, что именно здесь пробудился от ледяного сна, длившегося пять столетий. Здесь ежедневно на протяжении недели он принимал теп-лые, светящиеся масляные ванны — жидкость, в которую погружался Форрестер, выбрировала, пощипывала и усыпля-ла, но он с каждым днем ощущал, как прибавляются в нем силы. Процедурные кабинеты располагались этажом ниже спортивных залов, а здание, в котором находилась его спальня, стояли напротив клумб непривычного золотистого оттенка.

Хотел бы он знать, как сложилась судьба у его товари-щих по «выпуску». Оттаивающих Лазарей оживляли обойма-ми. Группа Форрестера состояла из пятидесяти человек, и хотя они провели вместе совсем немного времени, ситуация и переживания ускорили знакомство и сблизили людей.

Но после выписки они разбрелись кто куда. Форрестер сожалел, что потерял с ними всякую связь.

Затем он громко рассмеялся. Шедшая ему навстречу женщина в голубой куртке на ходу отдавала какие-то рас-поряжения устройству, прикрепленному к запястью. Она с любопытством и легким презрением посмотрела на Форре-стера.

— Простите, — извинился он, все еще давясь от смеха. Зеленая стрелка скакнула за угол. Он последовал совету ука-зателя. Форрестер не сомневался, что выглядел в глазах этих людей странно, да он и чувствовал себя странно и слег-ка неуютно. Он был приятно удивлен, что скучает по това-рищам из фризаториума, испытывая нежную, отдаленную отрешенность; раньше он с таким же чувством вспоминал

своих школьных друзей. А ведь с тех пор, как рассталась группа размороженных, прошло всего сорок восемь часов.

Насыщенные сорок восемь часов, подумал Форрестер, и несколько тревожные. Даже богатство не смогло послужить предохранительным буфером между ним и окружающим миром. В этом он явно ошибся.

Прыгающие зеленые стрелы-огоньки привели к двери кабинета Хары. Тот ждал его у двери.

— Чертов камикадзе, — дружелюбно приветствовал он. — Тебя нельзя оставить без присмотра ни на минуту.

Форрестер не считал себя человеком экспансивным, но сейчас он схватил руку Хары и радостно пожал.

— Боже, как я рад видеть тебя! Я в растерянности. Просто не понимаю, что за дьявольщина тут у вас происходит и...

— Старайся держаться подальше от неприятностей. Присаживайся. — По сигналу Хары из стены выкатились кресла, а на стол плюхнулась бутылка. Хара ловко подковырнул пробку и наполнил бокал Форрестера. — Я ожидал, что сегодня утром ты начнешь самостоятельную жизнь, а не вернешься в аппарате РС. Разве центр не предупредил, что на тебя охотятся?

— Конечно нет! — Испуг, настороженность и негодование бурлили в Форрестере. — И как понимать — на меня охотятся? Я не имел представления...

Затем пришло запоздалое осознание.

— Хотя, — задумчиво продолжал он, — кажется, инд-жойер что-то бормотал... Боны, гарантии и неизвестный тип по имени Хайнц, откуда-то с Суркис-Мэджора. Кажется, это поселение на Марсе? Да?

— Хайнцлихен Джура де Сыртис Майджор, — подсказал Хара, поднял бокал в молчаливом тосте за Форрестера и сделал маленький глоток. Форрестер последовал примеру Хары. В бокале оказалось шампанское. Хара вздохнул: — Даже и не знаю, Чарлз, но весьма вероятно, что у меня вырабатывается-привычка пить такое вино.

— К черту вино! Марсианин! Тот, в оранжевом трико! Ведь он и его бандиты избили меня.

Хара озадаченно посмотрел на Форрестера и произнес:

— Разумеется, это он.

Форрестер резко приподнял рубиновый хрустальный бокал и допил залпом шампанское. Надо отметить, весьма неважнецкое. Одному Господу известно, где Хара раздобыл его, после того как Форрестер упомянул, что оно было одним

из самых приятных напитков прошлого. Но сейчас оно, тем не менее, пришлось как нельзя более кстати. Пузырьки приятно щекотали нос, а главное — в нем присутствовал алкоголь, столь необходимый желудку Форрестера в настоящий момент.

— Пожалуйста, объясни, что произошло, — робко попросил он.

— О, пресвятой Пот! С чего мне начинать, Чарлз? Ну тогда скажи, чем ты насолил Хайнцу?

— Ничем! Вернее, ничем особенным. Возможно, во время танца я наступил ему на ногу.

— *Марсианину?* Ты наступил ему на ногу? — сердито переспросил Хар.

— Ну и что из того? Пусть даже и наступил, хотя полной уверенности у меня нет. Неужели ты из-за подобной мелочи начнешь психовать?

— Марс отличается от Шогго, — терпеливо объяснял Хар. — Кто знает, может, и стал бы? Все зависит от обстоятельств. Ты прочел ориентационную книгу?

Форрестер в ответ лишь вопросительно хмыкнул.

— Книгу с информацией о году 2527-м. Ты получил ее при выписке.

Форрестер порылся в памяти.

— Ага, кажется, я оставил ее там, где проходила вечеринка.

— Показательно, — с некоторым недовольством произнес Хар. — Будь любезен постоянно держать в мозгу следующее: во-первых, я в некотором роде отвечаю за тебя; во-вторых, ты абсолютно не ориентируешься в окружающем мире. Я прослежу, чтобы ты получил новый экземпляр книги. Прочти ее, а завтра мы снова встретимся здесь. Сейчас у меня много работы. На выходе загляни в кабинет выписки и забери вещи.

Он проводил Форрестера до двери, повернулся, но затем остановился, вспомнив:

— Кстати, Эдне Бенсен передавала тебе наилучшие пожелания. Милая девушка. Ты нравишься ей, — сказал он и закрыл дверь.

Закончив процедуры и пройдя через кабинет выписки, Форрестер получил белую папку, на которой золотыми буквами было напечатано его имя.

В ней находились четыре документа: медицинская карта, тонкая в бронзовом переплете книга, на которой светящимися буквами было написано:

Третий документ явно предназначался для юридических целей. По крайней мере, прилагаемый к нему лист из плотного голубого материала напоминал повестку в суд. Форрестер вспомнил, что во время лечения доктор упоминал о каких-то неприятностях. Текст действительно намекал на неприятности, хотя слова выпадали из общего контекста или были совершенно ему непонятны.

«Чарлз Далглайш Форрестер, незадействованный, не-заявленный, пришедший, тридцати семи лет, безработный в ожидании, принимает поздравления и находится под присмотром. Требование: присутствие на слушании совпадения, час 10.75, день 15, месяц 9...»

Он с отвращением почувствовал запах ненавистной юридической тарабарщины. Весь лист из голубого материала был испещрен мелким, едва разборчивым угловатым почерком, сопоставимым со шрифтом на чеках, заключил Форрестер, а затем осознал, что самостоятельно не в силах вникнуть в суть документа.

На документе стояла дата: по прикидкам Форрестера, указанный срок наступал через неделю с небольшим; он с облегчением отложил его и приступил к изучению последнего документа в папке.

Финансово-отчетный документ. К нему прилагалась металлическая пластинка с нанесенными угловатыми буквами, которую Форрестер определил, как чек.

Он любовно провел по пластинке пальцами, но цифры озадачили его. Чек на сумму 231 057 долларов и 56 центов был выписан на его имя.

Форрестер попытался сложить чек пополам, но тот разогнулся, как пружина, и восстановил прежний размер. Форрестер сунул чек в карман. Он был озадачен — куда подевались двадцать тысяч долларов? В процентном отношении к общему богатству сумма казалась незначительной. И он благодушно смирился с собственным объяснением, что данное общество, подобно всем обществам до него, имеет систему налогообложения. А двадцать тонн как некий «воздушный» вступительный взнос он мог себе позволить.

И, почувствовав себя увереннее, Форрестер вышел на солнце и огляделся.

День близился к вечеру. Солнце висело справа от Фор-

рестера. Голубая полоска воды тянулась слева. Сейчас он смотрел на остроконечную массу городской застройки с южной стороны.

Над головой пролетел аэрокрафт. В кабине Форрестер заметил какое-то движение. Блики солнца играли, отражаясь от металла и стекла. Несмотря на дневной свет, город постепенно насыщался неоново-флуоресцентным свечением.

В Шогго, как выяснил Форрестер, обитало по меньшей мере десять миллионов жителей. Здесь располагались и театры, и карточные клубы, и дома, где каждый мог найти себе друга или любовницу. И даже врага. Где-то в городе обитала и девушка, целовавшая его прошлой ночью,— Тип? — и пытавшийся убить его спящий марсианин со своей бандой.

Но где?

Форрестер не знал, откуда начинать розыск. Живой, здоровый, с четвертью миллиона долларов в кармане, он ощущал себя на обочине жизни. Он стоял на поверхности планеты с населением в семнадцать миллиардов активно задействованных человек, и, по меньшей мере, вдвое большее количество спало в медленном холоде гелиевых ванн; а Форрестер чувствовал себя в полном одиночестве.

Висящий на поясе индюйер заговорил:

— Человек Форрестер. Вы прослушаете поступившие сообщения?

— Да, — расстроенно согласился Форрестер. — Сейчас. Подождите.

Он вытащил из пачки последнюю сигарету, прикурил, потом смял и выбросил пачку. Форрестер размышлял. Получив в собственность индюйер, он почувствовал себя обладателем кувшина с джином и трех желаний. Быстрота и четкость ответной реакции устройства обескураживала его. Он ощущал, что индюйер требует от него равнозенной уверенности и четкости, к коим Форрестер не был готов.

Печально улыбнувшись самому себе, он признал неловкость положения, в которое поставило его говорящее радиоустройство, начиненное безликими транзисторами и ферритовыми сердечниками.

Через некоторое время он все же ответил:

— Послушай. Я думаю, что мне следует танцевать от печки, вернуться в номер и начать весь путь сначала. Как мне лучше и быстрее добраться туда?

— Человек Форрестер, — сообщил индюйер, — лучший

способ добраться до ранее занимаемого вами помещения — такси, которое я могу вызвать. Однако трудность в том, что номер уже не ваш. Вы примете сообщения?

— Нет. Обожди! Как понимать, что номер уже не мой? Я не освобождал его.

— Это и необязательно, человек Форрестер. Уход — автоматическое освобождение.

Форрестер сделал паузу, размышая. И, в конечном итоге, признал несущественность факта потери гостиничного номера. Он ничего не оставил в номере: ни сумки, ни багажа, никаких личных вещей, даже помазка. Хотя Хара и подсказал, что бриться не придется неделю-другую.

Единственное, он оставил в номере одежду, которую носил вчера вечером. Но одежда, как всплыло в его памяти, считалась одноразовой, так что ее наверняка утилизовали.

— А как же счет? — спросил Форрестер.

— Расходы оплачены Восточным филиалом центра выписки. Они внесены в ваш финансово-отчетный документ, человек Форрестер. Сообщения включают: одно срочное, два личных, одно юридическое уведомление, семь коммерческих.

— Я не хочу их слушать. Подожди.

Форрестер попытался сформулировать свой вопрос точнее.

И потерпел неудачу. Он не являлся специалистом в области компьютерного программирования, так что было бесполезно говорить на таком уровне. Чистый абсурд — просить устройство оценить событие, но...

— Черт... — выругался он. — Скажи одну вещь. Как бы ты поступил вот прямо сейчас на моем месте?

Индженер ответил без колебаний, как будто подобные вопросы задавались ему каждый день.

— На вашем месте, человек Форрестер, то есть, окажись я человеком после размораживания, без жилища, без важных социальных контактов, безработным, неквалифицированным...

— Картина обрисована точно, — согласился Форрестер. — Отвечай на вопрос. — Что-то зашевелилось под его ногами. Он сделал шаг в сторону, и мимо прополз металлический предмет.

— Я бы выпил чашку чая, человек Форрестер. Затем за легким приятным ужином прочел бы книгу по ориентации. И, обдумав ситуацию после...

— Достаточно.

Металлическая штуковина засекла выброшенную Форрестером сигаретную пачку и, подсеменив к ней, заглошила. Форрестер внимательно наблюдал за сценой, а затем кивнул.

— Порой ты выдаешь прекрасные идеи, машина,— согласился он.— Веди меня пить чай!

Глава 4

Инджойер вызвал Форрестеру такси — вскоре прибыл автомобиль без крыльев, напоминавший аппарат реверса смерти, который утром доставил его в клинику. Отличие заключалось лишь в расцветке: оранжево-черная вместо белой. Такси чем-то напомнило Форрестеру канун Дня Всех Святых и, пока он размышлял над этим, быстро доставило его в чайный ресторан, рекомендованный инджойером.

Осмотревшись, Форрестер заключил, что попал в чуднóе место. Ресторан находился во внутреннем зале огромного, расползшегося как паучьи лапы здания в самом центре города. Такси залетело в сводчатое отверстие под стальным контрафорсом, которым могли пользоваться только птицы, ангелы да люди в аэрокрафтах, так как оно находилось на высоте двадцати метров. Такси остановилось, зависнув возле балкона, с которого ниспадали вьющиеся ветви цветущих роз.

Форрестеру пришлось сделать шаг через зияющий промежуток пустоты. Ступив на балкон, он оглянулся — такси не шелохнулось, даже став легче на «целого» взрослого Форрестера.

Девушка — волосы, как из прозрачного целлофана — приветствовала его:

— Я получила ваш заказ, человек Форрестер. Будьте любезны следовать за мной.

Он пересек вымощенный кварцем дворик, наслаждаясь покачиванием ее бедер, и не заметил, как оказался в зале ресторана. Его интересовал вопрос, что она делала со своими волосами, чтобы они приняли форму зонтика и обрели матовый оттенок.

Она села рядом с ним возле играющего блика бассейна, в котором лениво плавали серебряные рыбки. Несмотря на причудливую прическу, девушка была симпатичной, с эксцентричными ямочками на щеках и темными, чуть удивленными глазами.

— Я не очень-то знаю, что хочу заказать. Кстати, кто примет заказ? — спросил Форрестер.

— Мы все единое целое, человек Форрестер, — откликнулась она. — Позвольте выбрать за вас. Чай и кекс?

Он покорно кивнул. Девушка встала, развернулась и ушла. Форрестер наблюдал за аппетитно раскачивающимися бедрами, но уже с совершенно иным интересом и иным вопросом.

Он вздохнул: непонятный, сбивающий с толку мир.

Из папки, выданной Восточным филиалом центра выписки, он вынул книгу и положил ее перед собой на стол. Обложка была проста, название конкретно:

*«Ваш путеводитель по 26-му веку
(адаптировано для 1970—1990 годов)»*

Куда идти

Как жить

Как распоряжаться своими деньгами

Законы, обычаи, национальные особенности

На обрезе были проставлены двойные пометки:

Завязывание знакомств

Проживание в рамках бюджета

Как выжать все из индюйера

Предполагаемая работа

Где получить новую специальность, и т. д. и т. д.

Форрестер листал страницы, поражаясь объему и информативности книги.

По его беглой оценке, внимательное изучение книги займет неделю. Очевидно, в начале ему следует решить безотлагательные вопросы.

Со знакомством можно обождать. Он, похоже, уже залмел множество друзей — и врагов! — и их количество достигло черты насыщения.

Жить в рамках бюджета? Он улыбнулся, похлопал себя по карману с чеком.

Как выжать максимум пользы из индюйера.

Многообещающий, интересный раздел, подумал Форрестер, открыл книгу на нужной странице и начал читать:

«Компьютерный терминал дистанционного управления, называемый индюйером, — наиболее ценная собственность в вашей новой жизни. Вообразите комбинацию телефона, кредитной карточки, будильника, переносного бара, спра-

вочной библиотеки и круглосуточного секретаря, и вы получите представление лишь о некоторых функциях, выполняемых индженером.

Основная функция терминала заключается в обеспечении связи с центральным компьютером города, в котором вы проживаете, на основе общей базы данных и само-программирования. Под общей базой данных подразумевается, что около десяти миллионов индженеров в Шогго являются общими пользователями единой информационной базы центрального компьютера. При переезде в другой город индженер продолжает обслуживать вас, но он должен быть перенастроен на новую частоту и пульсокод. При переезде на общественном транспорте перенастройка производится автоматически. Однако, если вы используете иные способы передвижения или если по каким-либо причинам вы проведете некоторое количество времени в сельскохозяйственных районах, вы должны уведомить индженер о ваших намерениях. В свою очередь, он своевременно уведомит о необходимых процедурах, которые должны проделать вы. Само-программирование означает, что данный программный продукт выполняет...»

Самопрограммируемая девушка общего пользования, с темными серьезными глазами, принесла Форрестеру чай и кекс.

— Благодарю,— кивнул он, пристально вглядевшись в нее и засинул «пробный шар»: — Зачтите сообщение,— попросил он.

— Разумеется, человек Форрестер. Если вы хотите. Альфред Гюксман желает видеть вас по делу политического характера. Эдне Бенсен просит ответить на утреннее сообщение. Девятнадцатый Хроматический трест доводит до сведения, что от Вашего имени достигнута договоренность в использовании банковской системы треста...

— Достаточно,— остановил он, восхищаясь формами, в которые загнали терминал общего пользования.— Остальное я заслушаю позже.

Чай был без сахара. Но он оказался одновременно физически горячим и химически холодным, как ментоловая сигарета, за исключением, разве что, неопределенного вкуса. Форрестер вернулся к чтению книги.

«Самопрограммирование означает, что данный программный продукт предоставляет сервисные услуги по транскри-

бированию нормальных вариаций голоса, идиом, акцента и остальных переменных модуляций в ориентационно-компьютерное изложение и далее в математические выражения, на которых работает компьютер. Если индженер находится вне пределов досягаемости вашего голоса, вы можете, при желании, общаться опосредованно через другие терминалы общего пользования. Соответствующая модуляция будет автоматически установлена. Однако не пытайтесь использовать чей-либо персональный индженер, когда ваш находится вне досягаемости. Соответствие кодировки не гарантируется. В случае потери или повреждения персонального индженера...»

Форрестер вздохнул и подкрепился кексом. Он различил аромат масла, корицы, но остальные вкусовые добавки были незнакомы ему. Странный, хотя и приятный вкус.

Как и окружающий мир, который был ему подарен.

— Человек Форрестер, — сказал индженер, прикрепленный к поясу. Его голос был приглушен одеждой и скатертью. — Крайне необходимо выслушать два сообщения. Получено уведомление о личном визите и...

Форрестер резко оборвал.

— Послушай, я ведь последовал твоему совету! Я изучаю книгу. Дай хоть немного переварить информацию, прежде чем начнешь закидывать меня сообщениями. Если только, — после некоторого раздумья произнес он, — речь не идет о жизни и смерти.

— Сообщений, содержащих вопросы жизни и смерти, не поступало, человек Форрестер.

— Тогда помолчи. — Он вдруг услышал, как вдалеке духовой деревянный инструмент выводил приятную и странную мелодию. Из стенных панелей, в такт мелодии, исходило легкое пряное дуновение ветра, не менее приятное и странное.

Форрестер, запинаясь, спросил:

— Индженер, ответь на вопрос. Почему этот Хайнц, забыл, как дальше, избил меня?

— По данному параметру идентификация личности невозможна. В зарегистрированном инциденте принимали участие четверо лиц. Их имена: Шломо Кассаветес, Хайнцлихен Джура де Сыртис Майджор, Эдвардино...

— Точно, Хайнцлихен Джура де Сыртис Майджор. Или, в данном случае, вся команда. Почему они отделали меня?

— Получено приоритетное сообщение относительно Хайнцлихена Джура де Сыртис Майджора, человек Форрестер. Возможно, оно содержит необходимую информацию. Зачитать?

— О черт! Почему бы и нет?

— Хайнцлихен Джура де Сыртис Майджор опротестовывает принудительные гарантии и получил запрет на выплату внесенной суммы под свой бон. Вы уведомлены, человек Форрестер.

Форрестер запальчиво воскликнул:

— И это называется информация? К черту идиотские сообщения! Отвечай на вопрос. Какую цель преследовало нападение?

— Человек Форрестер, вы задали три вопроса. Позвольте дать краткий пояснительный ответ.

— Пожалуйста, старина.

— Хайнцлихен Джура де Сыртис Майджор, являющийся гостем в руматориях, утилизуемых Элином Харой, имеет против вас жалобу, но причины жалобы пока не указаны. Он вызвал ассистентов: Шломо Кассаветеса, Эдвардино Рая и Эдвардето Рая. Они образовали временный альянс — Клуб единой цели — и официально подали соответствующе оформленное соглашение в отношении бон и гарантий. Указанное намерение убийства лишь первая фаза, импровизация. Указанный мотив: жалоба для де Сыртис Майджора, шутка для остальных. Соглашение зарегистрировано, а субъект — им являетесь вы, человек Форрестер, — уведомлен. Вы получили исчерпывающий ответ на три вопроса, человек Форрестер?

— А как сам считаешь? — рявкнул Форрестер. — Возможно, что да. Но лишь в некотором роде. Ты хочешь сказать, что трое подлецов отдали меня до полусмерти ради шутки?

— Согласно заявлению — да, человек Форрестер.

— И они разгуливают на свободе?

— Установить их настоящее местонахождение, человек Форрестер? — поинтересовался услужливый индкойер.

— Нет. То есть, они в тюрьме или уже в колонии?

— Нет, человек Форрестер.

— Оставь меня в покое на какое-то время, — попросил Форрестер. — Я с большим удовольствием почитаю ориентационную книгу. Выяснилось, что не слишком-то я много и знаю, хотя полагал иначе.

Форрестер доел кекс, допил чай и погрузился в чтение.

«Как использовать инджойер в качестве телефона.

Вы должны знать точное имя и идентификационный спектр вызываемого лица. Единожды сообщенная инджойеру информация заносится в память. Для последующих звонков данному лицу вы просто называете реципрокальное (обюдно-согласительное) имя или иную идентификацию лица, заложенную в память инджойера. В случае входящих звонков инджойер занесет в память необходимое точное имя и идентификационный спектр. Инджойеру будет достаточно вашей просьбы соединить с конкретным лицом, с которым вы хотите поговорить. Если вы захотите установить приоритетную линию — связь с любым лицом, то это лицо должно сообщить о своем желании персональному инджойеру. В противном случае ваши звонки могут быть поставлены на неопределенную задержку или полностью отменены данным лицом.

Использование инджойера в качестве кредитной карточки.

Вы должны знать фискальный адрес и спектр счета...»

Запоздалая мысль всплыла в сознании Форрестера. Сообщения. Финансовые учреждения. И одно сообщение поступило, кажется, из подобного заведения.

Он вздохнул и оглядел зал. Большинство столиков пустовало, хотя в просторном зале и сидело около пятидесяти человек по двое, по трое, редко — большими группами. Саундиционер заглушал их голоса, поэтому Форрестер слышал отдаленный наигрыш флейты и редкие всплески гигантских рыб, доносившихся из играющих бликами бассейнов.

Его заинтересовало, как отреагируют люди, если он подойдет и заговорит с ними.

Потрогав пальцами еще побаливающие синяки и ссадины на плечах и шее, он решил не искушать судьбу. Но внутренний вопрос сгенерировал идею; Форрестер перелистнул листы книги и нашел раздел «Как завязать знакомство».

— Получено срочное уведомление личного визита, человек Форрестер, — проворчал инджойер.

— Занеси в память, — ответил Форрестер, занятый чтением. Его ошарашил длиннющий перечень способов знакомства. Кроме того, существовали клубы. Причем в столь разнообразном изобилии, что закрадывалось впечатление — каждый из семнадцати миллиардов состоит членом по крайней мере двух клубов. Социальные клубы, гимнастические клубы, профессиональные клубы, политические групп-

пы, религиозные группы, терапевтические группы. Существовало Общество первых сетей на Марсе, Орден лояльности потомков и поклонников Барсума. Только в Шогго насчитывалось сорок восемь разных групп Любителей наблюдения за птицами. Были и коллекционеры марок, коллекционеры монет, коллекционеры налоговых жетонов и даже коллекционеры обменных талонов реактивных машин.

Общество Древнейшн привлекло его внимание. Оно объединяло людей таких же, как сам Форрестер, оживленных из мертвых глубин фризеров. В конце списка мелким шрифтом значились такие любопытные организации, как ВРОЕ (?) и Индустриальные рабочие мира (Мемориальная ассоциация).

Загадка. Если организация существовала, то в ней должен состоять миллиард членов.

Очевидно, в действительно все было не так, однако...

— Человек Форрестер, — завопил индженер. — Я должен проинформировать о личном визите...

— Обожди, — сказал Форрестер, в удивлении оторвавшись от книги и уставившись в пустоту перед собой... Еле заметный аромат духов витал в воздухе.

Форрестер отложил книгу и нахмурился. Запах был знаком ему. Откуда он возник? Очередное записанное на пленку сенсорное послание некой Эдне Бенсен?

Он почувствовал прикосновение женской ладони к плечу, а затем нежные руки обняли его.

Сенсорные записи показались невероятно убедительными, подумалось на мгновение, но затем Форрестер осознал, что это объятие не поддельно. Он не только ощущал, но и вдыхал присутствие нежных рук. Краем глаза он заметил их и, как борец, вырывающийся из захвата, повернулся им навстречу.

И совсем рядом с собой увидел лицо девушки с вече-ринки.

— Тип! — возбужденно воскликнул он. — О Боже! Как я рад видеть тебя!

Положа руку на сердце и не принимая в расчет дружеские поцелуи на вече-ринке, Форрестер практически не знал девушки, но в этот момент она была невероятно дорога ему. Это напоминало случайную встречу в Тайване с человеком, который много лет назад сидел в противоположном конце вагона пригородной электрички. Не друг, даже не знакомый, но вознесенный случаем неожиданной встречи до статуса близкого и родного человека. Приподнявшись в полроста от

кресла, он крепко обнял ее. Она засмеялась, дыхание чуть задрожало, и высвободилась из объятий.

— Дорогой Чарлз,— произнесла она, тяжело дыша.— Не так же сильно...

— Прости.

Она села напротив, а он упал в кресло, восхищаясь ее темными волосами и бледной кожей, ее жизнерадостным красивым лицом и ее фигурой. Кое-кто из присутствующих в зале оглянулись посмотреть на них, но быстро потеряли интерес и вернулись к собственным делам. Форрестер сказал:

— Я ужасно рад видеть тебя, Тип!

Она насторожилась, а потом с легким упреком сказала.

— Мое имя Эдне Бенсен, дорогой Чарлз. Называй меня просто Эдне.

— Но прошлой ночью Хара называл тебя... О! — протянул он, вспомнив.— Значит, ты та самая девушка, которая посыпала мне сообщения?

Она кивнула.

— И весьма приятные сообщения,— уточнил Форрестер, — не хочешь ли ты чаю?

— Думаю, что нет,— ответила она.— По крайней мере, не в этом месте. Я пришла спросить, не согласишься ли ты отужинать у меня дома?

— Да!

Она засмеялась.

— Ты человек порыва, Чарлз. Неужели поэтому вас всех и называют камикадзе? Я говорю о вашем веке, конечно же.

— Сложно судить об этом,— сказал он.— Потому что мне неизвестно, какой ярлык навесили на меня. Я пребываю в некоторой растерянности. И одна из причин того, что я так набросился на тебя... Я чертовски сильно нуждаюсь в собеседнике.

Улыбаясь, она откинулась на спинку стула и сказала, что все-таки выпьет чай. Его подали тут же, не принимая заказа. Очевидно, индженер отслеживал разговор и сделал, как высоколенный официант, соответствующие выводы. Эдне сняла тонкую пушистую накидку, окутывавшую плечи настоящим облаком, и теперь та лежала неприметной складкой материи на спинке стула. Накидка, заметил Форрестер, открыла плотно облегающий блузон с глубоким вырезом, который — вырез! — с первого взгляда ошеломлял.

Со второго взгляда он ошеломлял еще сильнее.

— Дорогой Чарлз,— сказала она.— Почему ты ничего не заказываешь индюйеру?

— Да я просто не знаю, что заказывать!

— Все, что угодно! Что ты хочешь? Ты уже подал анкету интересов?

— Вряд ли,— пожал плечами Форрестер.

— Непременно сделай это. Как можно быстрее. Тебе выдадут информацию по работающим программам, по вече-ринкам, где ты станешь желанным гостем, и по тем, с кем ты захочешь познакомиться. Ведь это ужасно — повиноваться импульсу, Чарлз,— искренне посочувствовала она.— И да поможет тебе индюйер!

Оказалось, что его чашку снова наполнили. Он сделал маленький глоток.

— Не понимаю,— сказал он.— Ты предлагаешь, чтобы индюйер за меня выбирал варианты развлечений?

— Разумеется. Их *так много*. Откуда тебе знать, что придется по душе?

Он покачал головой.

На этом разговор временно оборвался. Внезапно его индюйер произнес дребезжащим жестяным голосом:

— *Приоритетное срочное сообщение! Это тренировка!*
Всем в укрытие! Всем в укрытие! Всем в укрытие!

— О, Боже,— с гримаской недовольства произнесла Эдне.— Пойдем.

— *Всем в укрытие*,— громко повторил индюйер. И Форрестер понял причину металлического звука. Не только его, но индюйер девушки, как впрочем и индюйеры других людей, сидевших в зале, в унисон повторяли одно и то же сообщение.

— *Всем в укрытие! Начинается отсчет времени! Сто секунд. Девяносто девять. Девяносто восемь.*

— Куда ты? — спросил Форрестер, поднимаясь вслед за девушкой.

— В убежище, разумеется! Поторопись, Чарлз. Ненавижу попадать в подобные ситуации в общественных местах.

— *Девяносто один. Девяносто. Восемьдесят девять.*

Он спросил, проглотив подкатывающий к горлу ком:

— Воздушный налет? Война?

Она, взяв его за руку, потащила к выходу в дальнем конце зала, куда уже потянулись посетители ресторана.

— Не совсем, милый Чарлз. Неужели ты *ничего* не знаешь?

- Нет.
— Инопланетяне. Монстры. Чудовища. Не более того. Поторопимся, иначе там не останется свободных мест!

Глава 5

После зала — спуск на лифте, потом — короткий коридор с освещенными стенами, и они оказались в полумраке большого помещения. Минимального освещения оказалось достаточно, чтобы найти свободные места. Помещение быстро заполнилось; вскоре Форрестер услышал громкий глухой стук захлопнувшейся двери.

Когда три четверти мест были заняты, человек в черном взобрался на сцену и заявил:

— Благодарю всех за содействие и сотрудничество. Мне приятно сообщить, что в этом здании достигнута податливость в четыре девятых за сто сорок одну секунду ровно.

Волна интереса прокатилась по залу. Форрестер вытянул шею, чтобы найти расположение динамиков, звук, казалось, шел со всех сторон — и, когда мужчина заговорил, нашел. Динамиком оказался его индюйер, как и все остальные индюйеры находящихся в зале людей, которые повторяли слова, произнесенные мужчиной.

— Данная тренировка — одна из лучших в истории, — гордо заявил он. — И я счастлив, что это произошло сейчас, здесь. Теперь можете идти.

— И это все? — спросил Форрестер у девушки.

— Да. Ты поедешь ко мне?

— Но, — продолжал он, — если предполагается налет или если существует некая вероятность, то... не лучше ли остаться?..

— Зачем, дорогой Чарлз? Нет нужды уподобляться залывшимся в землю кротам. Это обычная проверка.

— Да, но... — И, помедлив, он в задумчивости вышел из зала вслед за девушкой.

Он был явно сбит с толку. Никто даже не упоминал ему о войне.

Но когда он поведал о своих сомнениях Эдне, она в ответ лишь рассмеялась.

— Война? О, Чарлз! Какие вы, камикадзе, забавные люди! Мы и так потеряли из-за тренировки уйму времени. Так ты отужинаешь со мной или нет?

Он вздохнул.

— Конечно, — сказал он как можно оптимистичней. В жизни своей, начавшейся вдохом с момента рождения в 932-м и завершившейся тридцать семь лет спустя глотком ламени, Форрестер был преуспевающим, материально обеспеченным и прочно стоящим на ногах человеком.

Он был женат и имел трех сыновей. Жену звали Дороти; е большого роста, блондинка, чуть моложе мужа.

Форрестер возглавлял отдел технической информации. среди друзей имел репутацию прекрасного игрока в покер полезного товарища, компаньона.

Он не участвовал в боях второй мировой, но бойскаутом принимал участие и в акциях по сбору металлома, и в ан-иапонских маршиах. Юношей он прошел сквозь 50-е годы, о есть — сквозь истерию страха водородной бомбы. В те ни каждая городская улица, каждый дом были утыканы казателями бомбоубежищ. Он видел достаточно фильмов и елешоу и понимал значимость и подтекст тренировок учебных воздушных налетов.

Форрестера разочаровало то, что он увидел. Он попытал- я выразить свое разочарование Эдне, которая переодева- ась за ширмой, но данная тема не интересовала девушку. учебные занятия раздражали ее, это было очевидно, но не астолько сильно, чтобы она тратила на них нервы.

Девушка появилась из-за ширмы. Очень тонкое и очень бе- ое платье едва ли подходило для приготовления ужина. Форрестер решительно одернул себя, ведь он пока не знает, ак люди нового мира готовят ужины. Эдне с горячностью одошла к нему, взяла руку, поцеловала пальцы и тогда олько села рядом. Но продолжения не последовало.

— Извини, дорогой Чарлз, — сказала Эдне и повернулась своему индюйеру, который, пока она переодевалась, лекал возле Форрестера. — Слушаю поступившие сообще- ия.

Форрестер не слышал рассказа индюйера, потому что дне держала устройство возле самого уха, вдобавок умень- лив громкость. Форрестер прислушался, но слова, которые дне произносила в ответ, не несли никакой смысловой агрузки.

— Отмена. Удержать. Три. Переслать четыре. Два — без программных изменений, другие два по вариации А. Ну, вот все, — сообщила она Форрестеру. — Чего-нибудь выпьешь?

— С удовольствием.

Она достала стаканы из, как заключил Форрестер, столи- а для коктейлей. Он заметил, что она не сводила глаз со

стопки свертков, лежавших на низком столике в противоположном углу комнаты.

— Извини,— сказала она, наливая в стаканы зеленоватую жидкость, сначала Форрестеру, потом себе.— Пойду загляну в поступления.— Она сделала небольшой глоток, встала и подошла к столику.

Напиток понравился Форрестеру. Он был приятным на вкус, хотя и слегка переслащен. Пузырьки щекотали нос. Он встал и подошел к девушке.

— Новые приобретения? — спросил он.

Эдне разворачивала пакеты и вынимала одежду, небольшие упаковки, очевидно с косметикой, какие-то устройства, видимо кухонную утварь.

— Да нет же, дорогой Чарлз. Это моя работа.— Она со-средоточилась на изучении мягкой, пушистой зеленой вещи, задумчиво прикладывая ее к щеке.

Мягким движением рук она набросила ее на плечи, и зеленый предмет превратился в жабо эпохи Елизаветы.

— Нравится, дорогой?

— Вполне. То есть нравится.

— Мягчайшая. Как пух. Дотронься.— Она приложила руку Форрестера к жабо. Материал был мягким, как мех, но когда он отнимал руку, то ворсинки мгновенно становились колючими, накрахмаленными.— Или это,— сказала она, сняла жабо, заменив его блестящим шелком, который почти полностью растворился на ее плечах, придав коже блеск и цвет.— Или...

— Бесподобно красиво,— восторгался он.— Но как понимать, что это твоя работа?

— Я реагатор,— гордо сообщила Эдне.— Привязана к пятидесяти миллионам. Надежность: два, двадцать девять.

— Что означает?

— Если мне понравится вещь, то с вероятностью девяносто девять из ста, что другим она тоже понравится.

— Пятидесяти миллионам?

Она кивнула, раскрасневшись, довольная собой.

— И этим ты зарабатываешь на жизнь?

— Я становлюсь богаче,— уточнила она.— Скажи! — Она задумчиво посмотрела на него.— Знаешь, сколько таких, как ты, выходят из дорменториев? Вероятно, ты сможешь получить похожую работу. Я могу спросить...

Он снисходительно похлопал ее по ладони:

— Нет, спасибо,— сказал он, старательно сдерживая воспоминание о своем огромном состоянии, хотя, по слу-

чайным вспышкам памяти, на вчерашней вечеринке он вел себя куда менее сдержанно и скромно. Уж он насовершал вчера ошибок! Наглядное подтверждение тому — марсианин.

— Я еще не спрашивала,— Эдне запнулась, откладывая вещи в сторону.— Как ты умер, Чарлз?

Он дождался, когда она вновь села рядом, и сказал:

— Сгорел при пожаре. И, как понимаю, я умер ге-роем.

— Неужели? — Заявление произвело на девушку впечатление.

— Я был добровольцем-пожарным. И как-то в одной из квартир возник пожар. Стоял жутко холодный январь. За две минуты можно было намертво вмерзнуть в лужу. В одной из квартир верхнего этажа остался ребенок, а ближе всех к лестнице стоял я.

Форрестер отпил из бокала, восхищаясь молочно-золотистым цветом.

— Я забыл взять кислородный пакет,— признался он.— Задохнулся от дыма. Или от совместного действия дыма и перегрева. Да и выпивка подсобила. Я возвращался с вечеринки. Хара сказал, что я дышал огнем: легкие были практически сожжены. Наверное, сгорело полностью и лицо. Сейчас я выгляжу несколько иначе, чем раньше. Худощавей, и почесму-то помолодел немного. Да и цвет глаз не был таким ярко-голубым.

Она захихикала.

— Хара неудержим в редактуре. Но большинство людей и не возражают против улучшений.

Ужин, как и завтрак утром, подали через отверстие в стене. Эдне вышла из комнаты, пока стол сервировался.

Она отсутствовала несколько минут, а когда вернулась, лицо ее выражало удивление.

— Вот и все,— без объяснений сказала она.— Теперь заеду.

Форрестер практически не смог определить происхождения ни одного из поданных ему блюд, которые напоминали восточную кухню. Смесь жестких хрустящих водянистых каштанов и вязкое тягучее вещество разнообразили сочный салат и клейковину крахмала. Вкус пищи был своеобразный, но приятный. За ужином Форрестер рассказывал о себе: о жизни писателя-технаря, о детях, об обстоятельствах смерти.

— Ты, очевидно, стал одним из первых заморожен-

ных,— прокомментировала она.— 1969-й? Замораживание началось всего несколькими годами раньше.

— Первым в жилом квартале,— улыбаясь, согласился он. — Наверное, деньги заплатила пожарная компания. А грузовик реверса смерти, подарок местного миллиона, возжелавшего иметь его под рукой, появился незадолго до пожара. Но я не думал, что окажусь первым клиентом.

Он попробовал нечто, напоминавшее лук со сметаной, запеченный в тесте, потом сказал:

— Дороти осталась не в самой выгодной ситуации...

— Жена?

Форрестер кивнул.

— Интересно, можно ли что-нибудь разузнать о ней? Как она жила дальше. Что произошло с детьми. Она была молодой, когда я погиб... Так... Ей исполнилось тридцать три. Не знаю, имея умершего и замороженного мужа... вышла бы она вновь замуж... Надеюсь, что вышла. Я хотел сказать...— Он осекся в раздумье, что хотел пояснить.

— Кстати,— продолжил он,— у Хары есть архив. Она прожила еще пятьдесят лет. Умерла на девятом десятке от третьего обширного инфаркта. А за несколько лет до смерти ее разбил паралич.— Он покачал головой, пытаясь представить крохотную блондинку Дороти старой, прикованной к кровати старухой.

— Наелся? — спросила Эдне.

Он немного испуганно вернулся в комнату к Эдне.

— Ужин? Да. Изысканно вкусно. — Она что-то нажала, и стол исчез. Хозяйка поднялась.

— Пойдем. Ты выпьешь кофе. Я заказала его специально для тебя. Музыку включить?

Когда он вник в смысл ее слов и хотел сказать: «Не стоит», она уже включила какую-то музыкальную аппаратуру. Он остановился, прислушался, приготовившись ко всему, но с вожделенной мыслью надеялся на Бартона и *musique concrète* *. В итоге музыкой оказались скрипки, исполнявшие отвлеченного, интроспективного Чайковского.

Эдне прижалась к нему, источая тепло и пьянящий аромат.

— Тебе надо подобрать квартиру,— сказала она.

Форрестер обнял девушку.

— Наш кондоминиум заселен практически полностью,—

* Конкретная музыка (фр.).

задумчиво произнесла она.— Но можно подыскать что-нибудь достойное. Есть пожелания?

— Зная ничтожно мало, трудно ориентироваться.

Девушка произнесла:

— Как приятно.— И тем же тоном, чуть погодя.— Считаю должным предупредить. Я личность естественного течения. Сегодня минус четыре дня М, и я мечтаю только о том, чтобы меня обняли.— Она зевнула и приложила ладонь ко рту.— О, прости.

Она отметила выражение его лица.

— Ты не возражаешь? — садясь, спросила она.— Впрочем, я могу принять таблетку. Чарлз, что с цветом твоего лица?

— Ничего, все в порядке.

Извиняющимся тоном она сказала:

— Прости. Но я действительно очень мало знаю об обычаях камикадзе. Если это ритуальное табу... то тогда прости.

— Это не табу. Недопонимание, не более.— Он взял стакан и протянул его Эдне.

— Добавка существует в доме?

— Дорогой Чарлз,— потягиваясь, сказала она.— Этой дозы достаточно. У меня есть идея.

— Выкладывай.

— Я лично подберу тебе квартиру! — воскликнула она.— Оставайся здесь. Заказывай все, что душе угодно.— Она прикоснулась к невидимой кнопке и добавила: — Если ты не знаешь как, то спроси детей. Они остаются с тобой, чтобы поддержать компанию.

Фреска, занимавшая всю стену, раздвинулась и образовала огромный дверной проем. Форрестеру открылась ярко освещенная, веселая детская, в которой двое малышей гонялись друг за другом вокруг лабиринта-горки.

— Мы поужинали, Мим,— закричал один из них, затем, увидев Форрестера, толкнул второго локтем. Оба молча и оценивающе смотрели на незнакомца.

— Милый Чарлз, надеюсь, ты не возражаешь? — спросила Эдне. — Это одно из проявлений особенности личности естественного течения.

Малышей было двое; мальчик и девочка; по прикидке Форрестера — семи и пяти лет. Они приняли его появление в доме без вопросов.

Хотя, грустно улыбнулся Форрестер, вопросов-то оказалось предостаточно.

— Чарлз! Действительно ли раньше люди ужасно *смердили*?

— Чарлз! Ты ездил на *автомобилях*?

— Когда маленькие дети работали в угольных шахтах, то *ели* ли они хоть что-нибудь, Чарлз?

— А с чем они *играли*, Чарлз? С *неговорящими* куклами?

Он пытался подробно отвечать.

— В мои дни с детским наемным трудом уже было по-кончено или почти покончено. А куклы разговаривали. Но не очень разумно.

— Когда ты жил, Чарлз?

— Сгорел заживо в 1969-м...

— За *колдовство*, — пронзительно закричала девочка.

— Нет. Ведьм перестали сжигать лет за сто до того. —

Чарлз старался не рассмеяться. — В те дни обычные дома имели свойство загораться.

— Пожар в Шолго! — закричал мальчик. — Корова миссис Лиэри и землетрясение!

— Что-то в этом духе. Но существовали люди, чья работа заключалась в тушении пожаров. И я был одним из таких людей. Только я попал в огненный капкан и погиб.

— Мим однажды утонула, — похвасталась девочка. — А мы не умирали никогда.

— Но как-то ты все же заболела, — серьезно напомнил мальчик. — И ты могла умереть. Я слышал разговор Мим с медоком.

— Дети, ходите в школу? — поинтересовался Форрестер.

Они посмотрели на Форрестера, а затем друг на друга.

— Я хотел сказать, вам достаточно лет, чтобы приступить к занятиям?

— Разумеется, Чарлз, — сказал мальчик. — Кстати, Тант должна прямо сейчас отправиться на урок.

— Как и ты! Мим сказала...

— Мы должны быть вежливы с гостем, Тант. — Мальчик обратился к Чарлзу: — Чем мы можем помочь тебе? Заказать еду? Выпивку? Посмотришь программу? Секс-стим? Хотя, полагаю, ты должен знать, — сказал он извиняющимся тоном, — что Мим как личность естественного течения...

— Да, да, я знаю это, — поспешил сказать Форрестер и подумал: «О Боже!»

Поздно, в чужой монастырь со своим уставом не ходят,

вздохнул Форрестер, а про себя твердо решил следовать образу и подобию людей две тысячи пятьсот двадцать седьмого года. Решение он принял чистосердечно и без принуждения.

Но все это напоминало торопливые сборы на вечеринку. Вы опаздываете и приезжаете не в восемь, а в десять, настроение поганое, воротник жмет, накрахмаленная рубашка еще не высохла — вы в мыле, но только потому, что вас облили дети, когда вы контролировали их вечернюю чистку зубов. Хозяин — старина Сэм — потрясающий зануда; а его жена Майра, находясь в обычном запое нувориша, демонстрирует гостям новейшую посудомойку. Завязывается разговор, естественно, о политике. Сэм злобствует и злорадствует.

Но дальше — вторая порция выпивки. Потом — третья. Лица просветляются — приходит раскрепощение и успокойние. Вся орава дружно смеется над вашими плоскими шутками. Тягомотная музыка сменяется танцевальной. И вы втягиваетесь в ритм вечеринки...

Я постараюсь, поклялся Форрестер, присоединяясь к детям в их настольной игре против индейцев. Я поймаю настроение нового мира, даже если оно будет стоить мне жизни.

Глава 6

Итак, вставать рано с мыслью покорить мир.

Квартира, выбранная Эдне, очаровала его. Стены раздвигались, и за ними возникали шкафы и кладовые любой нужной ему конфигурации и размера. Окна оказались подобием телевизоров, но Форрестер решительно не стал тратить время на исследование чудес. После беспокойного сна он отправился на вылазку — зондировать новый мир и учиться жить в нем. Дети были изумительны. Он вымолил их у Эдне, и они стали экскурсоводами. Они отвели его в офис Девятнадцатого хроматического треста, где старый толстый Эбенезер Скрудж, тщательно изучив чек Форрестера, до-тошно объяснил, как снимать деньги со счета, педантично проконтролировал подписание необходимых для открытия счета документов и только в пожелании, произнесенном на прощание, открылся:

— Всего хорошего, человек Форрестер.

Дети затащили Форрестера перекусить в титанианский ресторан: повседневное дело для них, но для него — очеред-

ное испытание на прочность, учитывая, что титанианы употребляли пищу исключительно в живом виде. Он едва спрятался с трясущимся, извивающимся и соскальзывающим с ложки мясным заливным.

Затем дети отвели его в игрошколу, где три часа в неделю они соревновались и играли со сверстниками. Уроки преподавались дома через индойер детской модификации. Форрестер быстро оказался втянутым в игру «Падение Лондонского моста» с четырнадцатью сорванцами и одним взрослым; он символически проиграл ритуальное убийство и похоронение в основании моста, полностью соответствовавшее детскому стишку.

Дети завели его в кварталы бедняков и нервно хихикали, сдавленные предписанием запрета разговора с кем-либо. Через некоторое время Форрестер лишился мелочи, раздав ее бледным, запинающимся существам, сбивчиво рассказывающим слезливые истории об ожогах на Меркурии и о разоривших их страховых фирмах.

Затем дети отвели Форрестера в парк, показав и наземный и подземный ландшафты, внизу пейзаж был топографически гrottескным: журчащий ручей протекал сквозь подножие холма и взбирался вверх по склону. Они показали уток и лягушек, и венерианскую рыбу с оперением, которая хватала кусочки еды, бросаемой детьми в воду.

Они привели его в музей, где анимированные увеличенные клетки проходили стадию митоза и лопались со звуком вытаскиваемой из болота коровьей ноги. А воссозданный *Tugannosaurus Rex* кряхтел, рявкал и шумно топотал ногами, его оранжевые глаза смотрели точно на Форрестера.

Они показали Форрестеру все свои таинственные сокровища, но старательно обходили заводы, фабрики, административные здания, магазины.

Они таскали его за собой по Шогго, пока их индойеры не начали выговаривать им свое «фе». А индойер Форрестера строго сообщил:

— Человек Форрестер! Дети должны быть возвращены для периода сна. А вам следует выслушать сообщения.

Дети растерянно и расстроенно посмотрели на взрослого.

— Ничего страшного,— успокоил Форрестер.— Продолжим экскурсию завтра. Как нам добраться до дома?

— Такси,— нерешительно произнесла девочка. Но мальчик закричал: — Пешком! Мы дойдем пешком! Я знаю, где мы находимся. За десять минут мы доберемся. Если не ве-ришь, спроси свой индойер.

— Я верю тебе,— кивнул Форрестер.

— Тогда идем в эту сторону, Чарлз. Не отставай, Тант!

И они пошли между двух высоких домов по узкой полосе травы, над которой стремительно проносились ховеркрафты.

— Человек Форрестер,— запричитал индженер.— Мною получены дихотомические указания из класса разделения на два противопоставляемых подкласса. Разрешить противоречия можете только вы.

— О Боже,— устало и раздражительно вздохнул Форрестер.— Ну в чем опять проблема?

— Вы проинструктировали запоминать сообщения. Но некоторые из них идут по классу сверхприоритета и сверхсрочности. Пожалуйста, подтвердите приказ удержания, указав, если возможно, лимит времени или заслушайте сообщение сейчас.

Мальчик засмеялся.

— Знаешь, что происходит, Чарлз? — спросил он.— Удержание информации бесит их. Что-то вроде необходимости сбегать по нужде в ванную.

— Аналогия неточна, человек Форрестер,— заявил индженер.— Однако прошу разрешения выгрузить из памяти накопленные сообщения.

Форрестер вздохнул и приготовился к созерцанию реальности. Но что-то отвлекло его внимание.

За равномерным рокотом пролетающего ховеркрафта, за хоровым песнопением, доносящимся из церкви, пропускал другой звук. Форрестер поднял голову.

Слабый писк систем связи пробивался из застекленной кабины зависшего над головой белого аэрокрафта. Сверкающий рубиновый жезл был нарисован на корпусе; за стеклом сидел мужчина в голубом и мрачно наблюдал за Форрестером.

Форрестер напряженно сглотнул.

— Индженер! — в приказном тоне спросил он.— Это аппарат реверса смерти?

— Да, человек Форрестер.

— Означает ли это,— он прокашлялся.— Означает ли это, что сумасшедший марсианин снова преследует меня?

— Человек Форрестер,— чопорно произнес индженер,— среди срочных приоритетных сообщений находится и юридическое уведомление. Двадцатичетырехчасовой период удержания истек, и соответствующие уведомления и

действия были зарегистрированы и предприняты. Человек по имени Хайнцлихен Джура де...

— Стоп! Короче — он охотится за мной?

— Человек Форрестер, — индюйер явно не торопился, — да. Так как период удержания истек семнадцать минут назад, то да, он охотится за вами.

Слава Богу, приуроченного марсианина нет поблизости, огляделся Форрестер. Но присутствие аэрокрафта реверса смерти являлось дурным предзнаменованием.

— Дети, — сказал он. — У нас неприятности. За мной гоняются.

— О, Чарлз! — задыхаясь от восторга, воскликнул мальчик, — Тебя убьют!

— Я приложу все усилия, чтобы этого не произошло. Послушай, ты не знаешь, есть здесь секретные ходы через подвалы, чердаки?

Мальчик и девочка переглянулись. Глаза девочки округлились.

— Тант, — прошептала она. — Чарлз хочет спрятаться.

— Точно, — сказал Форрестер. — Ну так что, сынок? Как каждый нормальный ребенок, ты должен знать лазейки.

— Чарлз, — начал мальчик. — Конечно, знаю. Но уверен ли ты...

— Уверен! Уверен! — отрезал Чарлз Форрестер. — Бенжим. Куда?

Мальчик сдался.

— Следуй за мной. И ты тоже, Тант.

Они резко нырнули в одно из зданий.

Форрестер осмотрелся вокруг в последний раз. Хайнцлихена вместе со всеми добавками он не заметил. Только ховеркрафт прошелестел мимо, несколько безразличных прохожих да человек в голубом наверху, в машине реверса смерти, наблюдающий за ним удивленно и с явным недовольством.

Когда он очутился под прикрытием своих апартаментов, дети уже вернулись домой, чтобы дождаться возвращения матери.

Форрестер поспешил в квартиру, закрыл дверь и запер ее.

— Индюйер, — сказал он, — ты оказался прав. Я признаю это. Зачитывай сообщения, но только медленно, чтобы я смог разобраться в сути.

— Человек Форрестер, — безмятежно сказал индюй-

ер,— зачитываю сообщения. Винченцо д'Агностура заявляет, что вы можете рассчитывать на его услуги в качестве юридического представителя, но, согласно правилам Ассоциации юристов, звонить он больше не станет. Тайко Хирониби считает, что вследствие недопонимания вам следует встретиться и обговорить вопрос заново. Эдне Бенсен шлет вам объятия. Пакет с документами находится на вашем ресивном подносе. Вы готовы принять объятия прямо сейчас?

— Нет, позже. Приятное оставим напоследок. Есть среди остальных звонков важные?

— Человек Форрестер, у меня нет параметров для адекватного определения степени важности...

— Да, помощник попался что надо,— с горечью заключил Форрестер.— Гони выпивку, пока я думаю. Джин с-tonиком.— Он дождался заветного стакана и перво-наперво изрядно глотнул.

Его нервы перестали быть спутанной колючей проволокой.

— Хорошо,— сказал он.— Что это за пакет?

— На вашем ресивном подносе лежит пакет с документами, человек Форрестер. Конверт. Приблизительно девять на двадцать пять сантиметров. Меньше полусантиметра в толщину. Вес около одиннадцати граммов. Надпись: Мистер Чарлз Дэлглиш Форрестер, номер социального страхования 145 10-3088. Последний адрес при жизни: 252 Далсимер-драйв, Эванстон, Иллинойс. Умер от ожогов 16 октября 1969 года. Доставить в момент оживления. Содержание неизвестно.

— Хм-м. И это все, что написано?

— Нет, человек Форрестер. Есть машинные отметки по пересылке и доставке. Я постараюсь фонемизировать их с максимальным приближением. Сигма, трифаза, ноль, точка, алеф, парафаза...

— Достаточно! — взмолился Форрестер.— А что-нибудь по-английски еще написано?

— Нет, человек Форрестер. На сгибах едва заметные следы карбонизации. Небольшие выцветшие пятна, возможно отпечатки человеческих пальцев. Некогда на бумагу пролили разбавленную антакоррозионную жидкость...

— Инджойер,— произнес Форрестер.— У меня появилась идея. Почему бы мне не открыть пакет? Где, ты говоришь, он находится?

Лежавший на подносе конверт оказался письмом жены.

Форрестер смотрел на конверт, чувствуя, как что-то защипало в уголках глаз. Почерк был незнаком ему. Приписка под письмом гласила: «По-прежнему любящая тебя Дороти...» Но рука, написавшая строчки, была небрежной, тряущейся, дряхлой... Она даже не могла каллиграфически выписывать буквы, чем в свое время гордилась. Форрестер разобрал письмо с трудом.

Дорогой Чарлз.

Это уже, думаю, десятый или одиннадцатый раз, когда я пишу тебе письмо. И каждый раз, когда у меня вновь плохие новости или известия о смерти, я берусь за перо, как будто единственное стоящие новости, посылаемые в следующий век, а может и через несколько веков, имеют отношение к неприятностям. Не к твоим неприятностям. Уже не к твоим. В основном это касается только меня.

Хотя, должна признаться, что прожитая жизнь не была тяжким бременем. Я вспоминаю, что ты делал меня счастливой. И должна сказать, мне ужасно не хватало тебя. Но я также должна сказать, что я пережила это.

Первое. Ты захочешь узнать о своей смерти, в этом я уверена. И вероятно, люди, которые оживят тебя, окажутся неспособны ответить на вопрос. (Я предполагаю, что тебя оживят. В тот момент я не верила этому, но спустя некоторое время узнала об успешных операциях.)

Ты сгорел во время пожара дома на Кристи-стрит, 16 октября 1969 года. Доктор Тен Айк из бригады скорой помощи констатировал смерть и убедил, не без труда, использовать для твоей заморозки оборудование реверса смерти. Не оказалось глицерина для перфузии, но пожарные, тебе это будет приятно узнать, порылись по загашникам и притащили несколько бутылок бурбона... его-то и использовали как буферный раствор. (Если проснешься, как с похмелья, поймешь, откуда оно взялось!)

Возник вопрос, не слишком ли много прошло времени? Врачи считали, что тело могло оказаться непригодным из-за затянувшейся дискуссии.

Но в октябре стояла на удивление холодная погода, и они решили рискнуть. И в конце концов тебя направили в холодильник с температурой жидкого гелия, где в настоящее время, пока я пишу, ты и лежишь и где или в подобном дормере, как их начали называть, я вскоре окажусь сама.

Я не заплатила за тебя ни доллара. Страховки пожарной компании оказалось достаточно для покрытия всех расходов.

дов, впрочем изначально определенная сумма и предназначалась для этих целей. Если бы пришлось платить из своего кармана, то вряд ли, Чарлз, я согласилась бы на это. На моих руках, как никак, осталось трое детей.

Что можно рассказать о них? Им очень не хватало тебя.

Вэнс, в частности, больше месяца прогуливал школу, подделывая записи учителям, и подбил взрослого — я подозреваю нашу дневную прислугу — позвонить директору и объяснить причину его отсутствия, прежде чем я успела обо всем узнать. Позже он записался в отряд бойскаутов и, как говорится, развел в себе иные интересы.

Дэвид молчал. Но, как мне кажется, он не оправился от травмы. По крайней мере, в течение жизни. Он вступил в Корпус мира во время восстания хуков. Его тело было найдено сильно изуродованным, и, следовательно, его не удалось заморозить. Дэвида мы уже никогда не увидим.

Вэнс женат и уже дедушка. Это его второй брак. Первый был аннулирован. До супружества его вторая жена работала учительницей... сейчас они очень счастливы. Большего о Вэнсе рассказать не могу, иначе придется объяснять причины неудавшегося первого брака и почему его вторая жена не смогла жить в Соединенных Штатах. Полагаю, ты как-нибудь встретишь его и сам расспросишь обо всем.

Билли — ты будешь удивлен — стал великим человеком. Дай вспомнить... Когда ты умер, ему было два года. Сейчас он стал сенатором от штата Гавайи. Многие политики прощат ему президентское кресло. Но о нем, я думаю, ты найдешь всю информацию в книгах по истории. Приведу только один факт. Платформа его первой избирательной кампании строилась на бесплатном замораживании для любого гражданина, оплачиваемом из фондов социального страхования, а твое имя упоминалось в каждой его речи. Он легко победил.

А мне... уже семьдесят девять.

Ты умер более сорока лет назад, и я помню тебя, Чарлз. Ты догадался, что последует в моем рассказе дальше. Да, спустя три года после твоей смерти я вышла замуж. Мой муж — мой второй муж — был доктором. Кем он и остался, хотя и не занимается врачебной практикой. Мы прожили счастливо. У нас двое детей. Девочки. Вы не встречались, но он неплохой, за исключением факта, что одно время слишком много пил. Но потом завязал. Он чем-то немного похож на тебя...

Если память не подводит, действительно похож.

И сейчас пребывая в сомнительном здравии, я, по-видимому, пишу тебе последнее письмо. Возможно, мы встретимся снова. Интересно, какой окажется эта встреча?

*По-прежнему любящая тебя
Дороти*

Форрестер отложил письмо и крикнул:

— Индюйер! Был ли человек с фамилией Форрестер президентом?

— Президентом чего, человек Форрестер?

— Президентом Соединенных Штатов!

— Каких Соединенных Штатов, человек Форрестер?

— О мой Боже! Соединенных Штатов Америки! Впрочем, а знаешь ли ты вообще имена президентов Соединенных Штатов Америки?

— Да, человек Форрестер. Джордж Вашингтон. Джон Адамс. Томас Джефферсон...

— Нет! Начиная с середины двадцатого века!

— Да, Человек Форрестер. Трумэн, Гарри С. Эйзенхауэр, Дуайт Д. Кеннеди.

— Дальше! В 90-х годах.

— Да, человек Форрестер. Вильямс, Гаррисон Е. Кнопп, Леонард Станчен, Кэрэн П. Форрестер. Уилтон Н. Чишерски, Леон...

— О Боже,— тихо произнес Форрестер и сел от изумления; индюйер отрубнил имена до конца двадцать первого века и замолк.— Билли. Двухлетний малыш Билл. Сенатор... и президент.— Непривычная трудноперевариваемая информация.

— Человек Форрестер,— позвал индюйер,— уведомление о физическом визите. Эдне Бенсен желает встретиться с вами, цель не указана, время до прибытия — меньше минуты.

— О,— сказал Форрестер.— Отлично. Впусти ее.— Он тщетно пытался отрапортовать речь, точно предполагая, что генеалогия в данный момент не интересовала рассерженную женщину.

— Эй,— закричала она,— какого Пота ты выделяешь подобное с моими детьми?

— Не понимаю, о чем ты говоришь?

— Пот собачий! — Дверь с треском захлопнулась.— Дрожащий камикадзе!

Она отшвырнула плащ к стене, тот упал на стул и аккуратно самосложился.

— Извращенец! Балдеешь? Захотел сделать из детей се-
бе подобных? Захотел превратить их в трясущихся, рабо-
тающих руками, потных, как собаки, трусливых...

Форрестер проводил ее к креслу.

— Любимая,— сказал он, пытаясь налить ей выпивку,—
помолчи хоть минуту.

— О Пресвятой Пот! Отдай... — Она быстро организо-
вала выпивку, не делая пауз в разговоре. — Мои дети!
Ты захотел их погибели? Ты уклонился от вызова!

— Прости. Я не хотел подвергать их опасности...

— Какая опасность? Пресмыкайся! Я говорю не об опас-
ности.

— Им не причинили вреда.

— Пот!

— Это не моя вина, что придурок марсианин...

— Пот собачий!

На Эдне было натянуто плотно облегающее одеяние, соканное из параллельных, идущих сверху вниз нитей и скрепленных вместе одному только Богу (или Поту?) из-
вестно каким образом. При каждом движении — Эдне не-
истово поворачивалась туда-сюда — ее грудь вздымалась и
опускалась, а крохотные слизерсы нежной кожи смотрели
сквозь ресницу нитей как побеспокоенные зверьки.

— Ты ведь даже не мужчина! Что, к примеру, ты можешь
знать о...

— Я сказал, что сожалею и приношу извинения. Поня-
тия не имею, что я сделал не так, но я сам поговорю с ними.

Она улыбнулась с легким презрением.

— Нет, обязательно... Я знаю. Всегда можно опреде-
лить, чего хотят дети. У меня куча денег, так что...

— Чарлз, как трогательно! Твоих денег не хватит даже
на то, чтобы накормить и вылечить больного щенка... и
ты слишком мягок, чтобы воспитать из него настоящего
пса. Загнивай!

— А теперь — послушай! Мы не женаты. И ты не
смеешь разговаривать со мной в подобном тоне! — Он под-
нялся на ноги и, забыв про стакан в руке, стоял, чуть нави-
сая над Эдне.

Он решительно взмахнул руками, предполагая поскан-
далить...

Шесть унций ледяной липкой жидкости выплеснулись
Эдне в лицо...

Она посмотрела на Форрестера и рассмеялась.

— Ох, Чарлз! — Эдне поставила стакан и попыталась

вытереть лицо.— Какой же ты все-таки идиот,— сказала она ласково.

— Прости,— ответил он.— Трижды прости. За разлитую выпивку, за детей и за то, что наорал на тебя.

Она встала и неожиданно страстно поцеловала его. Потом подняла руки — платье раскрылось, провоцирующее обнажив тело; Эдне развернулась и исчезла за дверью многоцелевой ванной комнаты.

Форрестер посмотрел в стакан, допил непролитый остаток, затем опустошил ее стакан и тщательно заказал новую выпивку из диспенсера. Его лицо было сосредоточено, брови сдвинуты в напряженном раздумье.

Когда она вернулась, он попросил:

— Дорогая, разъясни один момент. Что ты имела в виду, говоря о том, что у меня мало денег?

Она с отсутствующим видом взбивала волосы.

Он настойчиво повторил:

— Разъясни. Это важно для меня. Мне казалось, что вы хорошие знакомые с Харой. Он, наверное, рассказывал обо мне.

— Да, конечно.

— Тогда, выслушай. Перед смертью я был застрахован. В банк внесли сумму под проценты на шестьсот лет. Начальный вклад был небольшим, но на момент, когда меня вытащили из морозилки, на счет накапало более четверти миллиона долларов.

Она взяла стакан и, промедлив немного, отпила. После второго глотка сообщила:

— Вообще-то, дорогой Чарлз, денег было гораздо больше. Два миллиона семьсот тысяч, как сказал Хара. Разве ты не изучил документы?

Форрестер уставился на нее.

— Два миллиона се... Два милли...

— Да,— кивнула Эдне.— Проверь сам. Вчера в ресторане я заметила у тебя документы.

— Но... но, Эдне! Кто-то, должно быть... То есть дети были рядом, когда я открывал счет в банке. Чек был на двести с небольшим тысяч.

— Дорогой Чарлз, просмотря документы.

Она встала то ли в раздражении, то ли в некотором смущении.

— Куда ты засунул папку? Мне надоела эта глупая шутка.

Он ошеломленно встал, ошеломленно нашел папку За-

падного филиала центра выписки и отдал ее девушке. Шутка? Соль ее была непонятна Форрестеру. Юмор за пределами понимания.

Эдне вытащила из папки листки финансово-отчетных документов и протянула ему. Первый назывался: «Криотерапия, Техобслуживание, План 1». В нем указывались статьи расходов под заголовками: «Годовая аренда», «Биотестирование», «Клеточное восстановление» и «Детоксикация», и дюжина других малопонятных заголовков — «Процедура Шлик-Толхауз», «Гомеолекция» и т. д. На втором листе были расходы, предположительно касающиеся банковских услуг по инвестициям, попечительству и контролю капиталовложений. На третьем листе указывались диагностические процедуры, хирургические операции, патронаж, использованные фармакологические препараты... Всего он насчитал около тридцати страниц, а общая сумма, выведенная в конце каждой страницы, впечатляла. Но последняя страница сразила Форрестера.

На ней красовались обычные арифметические выкладки.

Совокупный конвертируемый доход	2 706 888 72
Совокупность графиков с 1 по 27	2 443 182 09
Остаток, выплачиваемый по выписке	263 702 63

Форрестер изумленно набрал воздух в легкие, закашлялся, сдавленно закричал:

— Два с половиной миллиона долларов за медицинское... Пресвятой Боже! — Он сглотнул слюну и неверяющим взглядом посмотрел на Эдне. — Небеса святые! Кто может позволить себе тратить такие деньги?

— Ты, например, — спокойно ответила Эдне. — Иначе лежал бы себе во фризариуме как миленький...

— Боже! И... — мысль пришла ему в голову. — Вот, посмотри! Они продолжают обманывать меня! Здесь указано двести шестьдесят тысяч, а выдано только двести тридцать.

Энде опять начала сердиться.

— Но, Чарлз. Как никак ты вчера оказался в больнице. Возможно, ты сумеешь выбрать из Хайнца частичную компенсацию расходов. Я не знаю... Но, разумеется, он опротестует иск потому, что ты нарушил процедуру.

Форрестер непонимающе посмотрел на нее, затем вернулся к документам и почти тут же застонал.

— Передай бокал, — попросил он и серьезно отпил. —

Абсурдная ситуация. Миллионы долларов на докторов. У людей не бывает таких денег.

— У тебя же они нашлись,— заметила она.— Но со временем деньги восстанавливаются. При условии совокупного интереса и роста капитала.

— Но они... эти грабители в белых халатах... Не знаю, что они со мной делали. Следует установить контроль над ценами.

Эдне взяла его руку и вновь притянула к себе на диван. Терпеливо, хотя терпение было на исходе, произнесла:

— Дорогой Чарлз. Мне так хочется, чтобы ты больше узнал о нашем мире, прежде чем начнешь указывать на его недостатки. Знаешь, что им следовало сделать с тобой?

— Ну... Не совсем. Но мне кое-что известно о ценах на медицинские услуги.— Он нахмурился.— По крайней мере, я помню, сколько это стоило раньше. Полагаю, все произошло из-за инфляции.

— Не думаю. Вернее... слово подобрано неадекватно,— сказала она.— Вещи стоят дороже потому, что деньги обесценивались. Я поняла, кажется, верно. Но и это отличается от того, что произошло в действительности. Операции стоили бы столько же, сколько и в девятнадцатом веке, но...

— В двадцатом.

— Какая разница. Пусть будет двадцатый. Если бы нашелся человек, сумевший сделать их тогда, то стоили бы они не меньше, чем сейчас. Но такого человека не нашлось...

Форрестер по инерции кивнул.

— Хорошо. Надо признать, что, оказавшись живым, грешно набрасываться на спасителей. Но все же...

Девушка терпеливо отыскала в папке нужный листок и, разгладив, передала Форрестеру. Он взглянул, и ему стало дурно. Цвет, размер — в натуральную величину... в первый миг он подумал, что перед ним Лом Чейни в роли Призрака оперы.

Но это был не грим.

Это было лицо, или то, что осталось от него.

— Что...— осекся он.

— Убедился, Чарлз? Ты был в неважном состоянии.

— Я?

— Да, дорогой. Внимательно прочти заключение. Вот здесь — очевидно, ты упал лицом прямо в огонь. Помимо наступившей смерти, передняя часть лица была полностью

уничтожена. По крайней мере, мягкие ткани. Мм... тебе повезло, что мозг не поджарился.

Он ошарашенно следил, как нежная, очаровательная девушкиа беспристрастно изучала снимок, как будто она разглядывала не обугленное лицо, а баранью отбивную.

Она продолжала:

— Разве ты не заметил, что у тебя другой цвет глаз?
У тебя новые глаза.

— Убери,— проворчал Форрестер.

От отпил глоток из бокала и немедленно пожалел об этом. Затем он вытащил сигарету из второй пачки и закурил.

— Я все понял,— после долгой паузы процидил он.

— Да, дорогой? Превосходно. Кстати, для сведения, над тобой работало человек четыреста-пятьсот. Готова поспорить. Специалисты в самых разных областях и их многочисленные ассистенты использовали дорогостоящее оборудование. Такой пациент, как ты, напоминает хитрую китайскую головоломку, которая состоит из множества элементов, укладывающихся в определенном порядке. Учи, этих элементов у них не хватало, поэтому им пришлось делать новые. Разумеется, что-то подпортилось и...

— Прекрати!

— Какой ты взвинченный, Чарлз.

— Ладно, я псих, неврастеник.— Он затянулся и задал вопрос, который формировал минут десять, извлекая по частям из глубин подсознания.— При нормальном уровне расходов в той жизни, которую я веду, сколько приблизительно я протяну на четверть миллиона долларов?

Она посмотрела мимо него, постукивая коготками по губам.

— Существует масса вещей, которые вошли у тебя в привычку,— задумчиво произнесла она.— Они дорого стоят. Например, сигареты, которые ты куришь, или эти отвратительные яйца и еще... Бр... Этот оранжевый сок!

— Не вдавайся в подробности! На сколько?

Она сложила губы трубочкой.

— Это зависит от...

— Так на сколько долго?!

— Возможно, до конца недели.

Он уставился на нее, а потом едва сдержал смех, который больше походил на всхлипывания.

— До конца недели?

Он подготовился получить неприятный ответ. Но

слова Эдне превзошли все его ожидания. Он спросил совершенно убитым тоном:

— Так что мне делать, Эдне?

— Имей в виду,— напомнила она.— Ты всегда можешь устроиться на работу.

— Конечно,— с горечью прошипел он.— У тебя припасена вакансия? На миллион долларов в неделю?

К удивлению Форрестера, она серьезно отнеслась к вопросу.

— Чарлз! Не на такую сумму! Ты не квалифицированный специалист. Я считаю, что двадцать, двадцать пять тысяч в день будут для тебя пределом.

— И ты поможешь подыскать работу?

— Сколько, интересно, предложил бы Тайко?

— Постой. Разве Тайко предлагал работу? Я думал... Но ведь я считал, что речь идет об очередном клубе! Он, кажется, называл его Общество Нед Луд?

— Да, это так. — Она кивнула.— Чарлз! Зачем, по-твоему, существуют клубы?

— В них объединяются люди с общими интересами для поддержания общности интересов.

— А что вы вкладывали в странное понятие компаний?

— Ну... Компания производит продукт, обладающий стоимостью. Продукт, который можно продавать.

Она презрительно засопела.

— Мы вышли за рамки подобного определения: то, что любые достаточно компетентные люди по соглашению считают стоящим зарплаты в обмен на совершающее действие.

— Боже,— охнул Чарлз Форрестер.

— И Тайко был здорово удивлен твоим поведением. Чарлз. Не знаю, рассержен он или нет. Но я не стала бы рассчитывать на его вакансию.

— Возможно,— мрачно согласился Форрестер, с сожалением размышая об упущенной возможности.

— Человек Форрестер!

Голос индженера был словно звонок будильника, пробудившего Форрестера ото сна. Несколько мгновений потребовалось для осознания голоса, и он вышел из состояния раздумий. Затем сказал:

— Одну минуту, машина. Эдне, если я понял правильно...

Но она торопливо и смущенно прервала его.

— Чарлз, дорогой, лучше выслушай сообщение.

— Человек Форрестер! Приоритетное уведомление о личном визите!

— Ага. Но, Эдне...

— Чарлз,— сказала она,— выслушай. Или... не стоит. Я скажу все сама.— Она посмотрела на руки, избегая его взгляда.— Полагаю, следовало рассказать обо всем заранее. Скорее всего, это Хайнци.

— Хайнци? Марсианин? Тот самый...

Она сказала извиняющимся тоном:

— Я вызвала его, дорогой Чарлз. Тебе лучше пригласить его войти.

Глава 7

Когда Форрестер оказался лицом к лицу с Хайнцлихеном Джурой де Сыртисом Майджором, он почувствовал, что находится в состоянии «будь готов ко всему». Что на самом деле означало, что он не был готов ни к чему. Он не знал, чего ожидать. Сердце заколотилось, руки задрожали. Даже Эдне оживилась. Она наблюдала за ним с большим интересом, а руки что-то вытащили из индюйера. Транквилизатор? Нет, скорее стимулятор, заключил Форрестер. Что бы это ни было, она закинула его в рот и проглотила, а уже затем произнесла:

— Привет, Хайнци. Заходи. Полагаю, вы встречались ранее.

Форрестер посмотрел на нее и сразу перевел взгляд на Хайнцлихена. Его рука потянулась вперед, остановилась, он забалансировал на цыпочках, наполовину приготовившись к рукопожатию и наполовину — к атакующей позе карате.

— Да, мы как-то тут встречались. И не один раз, а слишком часто, черт побери!

Хайнцлихен вошел в комнату, дверь автоматически закрылась. Он остановился и вперился в Форрестера, словно в музейный экспонат. Эдне забавлялась с освещением, и красные с желтым пятнышки рассыпались по лицу марсианина. Они подходили его личной цветовой гамме. Он был высоким и толстым мужчиной с рыжими волосами; коротко постриженная рыжая бородка закрывала почти всю поверхность лица, за исключением носа, губ и глаз. Из-под этакой маски шимпанзе он внимательно изучал Форрестера,

задумчиво теребя бороду, оценивающе глядя на руки, тело, положение ног, а затем, как бы подводя итог увиденному, кивнул. Переведя взгляд на грудь Форрестера, он ткнул в нее пальцем и объявил:

— Вот сюда я убью тебя. Сюда. В сердце!

Форрестер резко выдохнул через нос. Что-то щипало внутри.

Форрестер почувствовал выброс адреналина в кровь. Он открыл рот, но Эдне успела вставить слово первой.

— Хайнци, дорогой! Ты ведь обещал!

— Обещал? Что обещал? Я обещал поговорить, вот и все. Так давай говорить.

— Но Чарлз не понимает положения вещей, Хайнци. Присядь и выпей.

— Конечно, я выпью. Выбери на свой вкус, только по-вкусней и побыстрей. У меня всего несколько минут.— Он обернулся к Форрестеру. — Ну? Желаешь побеседовать?

Форрестер ответил воинственно:

— Ты, черт возьми, прав. Я хочу побеседовать. Нет, Эдне. Выпивку не надо. Вот что... — Он запнулся в трудных поисках точной формулировки мысли. — Мне небезынтересно узнать, какого... дьявола ты собрался убить меня?

Вопрос сбил марсианина с толку. Он беспомощно взглянул на Эдне, потом посмотрел на Форрестера.

— Какого Пота я знаю,— ответил он.— На вечеринке ты наступил мне на ногу... Но, по большому счету, ты мне не нравишься. И почему ты задаешь подобные вопросы?

— Почему? Речь идет о моей жизни.

Марсианин проворчал:

— Дорогая, мысль встретиться действительно оказалась неудачной. Я ухожу. Чем больше я смотрю на этого парня, тем меньше он мне нравится.

Но Эдне уже взяла его за руку.

— Пожалуйста, Хайнци. Возьми.— Она подала бокал с пенящимся оранжевым напитком; бокал напоминал емкость для бренди с пустотелой ножкой. — Чарлз только что вышел из замороженного сна. И, боюсь, он медленный ученик.

— Это его дело. А мое дело убить его.

Марсианин хоть и сердился, но бокал взял. Девушка явно перехватывала инициативу.

— Да. Но, Хайнци, дорогой, какое тебе удовольствие в том, что ему ничего не известно?

— Триммер! — проворчал Хайнцлихен. — Возможно, удовольствие именно в этом. Я убежден, что мы теряем многие несомненные ценности, когда убийство совершается по правилам.

— Ладно, Хайнци. Возможно, ты прав. Но есть и такое понятие, как честная игра. И я убеждена, что Чарлзу не известны все его права.

Марсианин покачал головой.

— Это тоже не мое дело. У него есть индюйер. Он узнает через него все, что захочет.

Эдне ободряюще подмигнула Форрестеру, который не приободрился от ее подмигивания. Но она уже чувствовала себя увереннее и спокойнее. Она откинулась на спинку дивана, потягивая из бокала выпивку, и вкрадчиво подсказала:

— Будет более красиво, если ты поговоришь с Чарлзом. Расскажи подробнее, что ты собираешься делать.

— Это можно. — Марсианин отставил бокал, почесал в раздумье затылок и сказал: — Все просто. Я хочу классно прикончить его: я буду бить его ногами по груди, пока не сломаю, пока ребра не проткнут сердце. Основное преимущество данного способа — жуткая боль и нетронутый избиением мозг. Разумеется, — продолжал рассуждать марсианин, — придется больше заплатить. Но за удовольствия всегда приходится платить. А дешевка всегда остается дешевкой. — Затем лицо его просветлело — или это показалось? Борода здорово скрывала мимику. — Кстати, — добавил он. — Возможно, я отдалась от уплаты счета. Я советовался с адвокатом. Он сказал, что Форрестер бездействовал в юридическом аспекте. Поэтому я буду оспаривать расходы. Но, в конечном счете, и это не имеет значения. Ведь, черт возьми, расходы есть расходы.

Форрестер задумчиво кивнул и сел.

— Пожалуй, я все-таки выпью. Эдне, — признался он и неожиданно осознал, с некоторой долей гордости, что совершенно спокоен.

Причиной перемены настроения стало то, что во время речи Хайнцлихена Форрестер принял решение.

Он решил подыграть шутке. Но, по правде говоря, марсианин не шутил. По правде говоря, когда этот человек рассказывал о желании причинить Форрестеру боль и в конечном итоге добиться смерти последнего, то рассказывал он искренне. Но нельзя прожить жизнь, занимаясь сплошным взвешиванием последствий. Порой приходится при-

творяться, что фишки сделаны из пластика и за ними не стоят деньги, иначе в панике, нервничая, проиграешь.

Сам факт, что ставки были важны для Форрестера, явился причиной игры в его незначительность.

Он взял бокал из рук Эдне и рассудительно произнес:

— Расставим все по местам. Правильно ли я все понял? Ты советовался с адвокатом перед тем, как попытался убить меня?

— Нет. Когда же ты проснешься? Я только зарегистрировал документы.

— Но ты говорил о...

— Да выслушай же ты! Документы подавались на убийство. Все, как обычно: боны, оплачивающие аппарат реверса смерти, гарантии неповреждения мозга и все в том же роде. Адвокат возник только вчера и подсказал мысль, за которую я ухватился. Может быть, я убью тебя и спасу деньги, внесенные под боны и гарантии.

— Прошу прощения. Но это мне не понятно,— Форрестер мило кивнул, напряжено размышляя. Ситуация немного прояснилась. Важно было помнить, что смерть для этих людей — не окончательное событие, а всего лишь антракт между актами. — Как я понимаю — то есть, если я понимаю правильно, — продолжал Форрестер, — юридическая часть дела означает, что в случае убийства ты гарантируешь оплатить расходы по замораживанию.

— Подчеркиваю: только своему замораживанию.

— У меня нет комментариев. Закон позволяет убить меня. И деться мне некуда.

— Да.

Форрестер задумчиво прокомментировал:

— Но, учитывая все моменты, это несколько несправедливо.

— Несправедливо? Все справедливо! В этом и есть суть гарантий.

— Да, конечно, при условии нормальных обстоятельств. Но в случае, когда о реверсе смерти не может идти речи...

— Ты спятил? — раздраженно отрезал марсианин.

— Вроде бы, нет, — упорно продолжал Форрестер. — Ты упомянул, что собираешься избежать оплаты расходов. Конечно, тебе виднее, ты лучше осведомлен. Положим, твой план удастся? Тогда?..

— Тогда ты заплатишь за все сам.

Форрестер вежливо сообщил:

— Такой вариант не подходит. У меня нет денег. Спроси у Эдне.

Хайнцлихен Джура со взглядом, полным марсианского гнева, обернулся к Эдне, но она лишь подтвердила:

— Вообще-то, Чарлз говорит правду, Хайнци. Я не подумала заранее о данном аспекте. Но его слова соответствуют истине. Я не проверяла лично его банковский счет, но... денег там должно быть немного.

— К черту его счет! Какое мне, о Пот небесный, дело до счета!? Я горю желанием убить его!

— Джура, но если ты убиваешь меня...

— Заткнись!

— При таком раскладе, Сыртис...

— Пот собачий!— Лицо марсианина исказила гримаса мохнато-бородатой злобы. Он был классно сбит с толку, что выводило его из себя.— Что с тобой, Форрестер? Почему ты не найдешь работу?

— Найду. Как только смогу, Майджор.

— О Пот! Струсили и собрались увильнуть!

— Я все еще недопонимаю своего финансового положения. Я не планировал быть бедным. Прими мои извинения, Джура, но...

— Заткнись!— рявкнул марсианин.— Времени на разговоры уже не осталось. Я спешу на спевку. Мы репетируем песни Шумана, в которых я солирую. Отвечай на вопрос: ты собираешься увильнуть?

— Ну,— проронил Форрестер, поигрывая бокалом, и бросая взгляд на Эдне.— Да...

— Мудозвон! Провонявший потом мудозвон!

— Я понимаю твои чувства. Возможно, я ощущаю себя точно так же.

— Плевать я хотел на твои чувства! Ладно... Ничего не обещаю. Но снова обсужу все с адвокатом и проясню ситуацию. А ты тем временем устраивайся на работу!

Форрестер проводил марсианина. Но по непонятной причине, не поддающейся анализу, он чувствовал себя на подъеме.

Он постоял задумчиво у двери, тестируя ощущение человека, только что обнаружившего свою нищету и усилившую ненависть врага, поклявшегося убить его. Форрестер чувствовал себя достаточно хорошо. Вероятно, это фатальная иллюзия, подумал он.

Эдне, свернувшись на диване калачиком, наблюдала за ним. Она вновь поколдовала с освещением, и теперь туман-

но-голубой дым окутывал комнату. Кожа девушки призывающе мерцала сквозь кружева накидки. Возможно, она что-то сделала и с одеждой. Казалось, тело Эдне раскрылось, стало более заметным. Форрестер извинился, прошел в ванную и холодной водой ополоснул лицо. И только тогда осознал причину приподнятого настроения.

Он выиграл очко.

Он не был уверен в ценности добытого очка.

Он даже не знал, в какой игре выиграл его.

Но, к лучшему или к худшему, он добился маленькой победы над Хайнцлихеном Джурой де Сыртисом Майджором. Все прошедшие дни Форрестер был пробкой, качающейся на волнах от проплывающих мимо судов. Теперь он готов отвечать ударом на удар. Улыбаясь, он вернулся в комнату и воскликнул:

— Заказывай выпивку!

Эдне по-прежнему лежала на диване, перешептываясь с индженером.

— И не забудь проверить, закрыты ли двери, — повторила она. — Не забудьте о профилактике и пожелай мне спокойной ночи, Мим. — Она отложила индженер, взглянула на Форрестера чуть угрюмо, но с явным интересом.

— Дети?

Она кивнула.

— Боже, уже так поздно? — Он напрочь забыл о времени. — Прости. А как же их ужин?

Угрюмость сменилась интересом, потом удивлением.

— О, Чарлз! Неужели ты считаешь, что я варю овсянку или чищу картошку? Они, разумеется, уже поужинали.

— Отлично. Думаю, теперь нам следует подумать о нашем ужине.

— Думаешь, следует?

Форрестер, быстро переориентировав мысли, согласился:

— Хорошо. Тогда выпьем?

— Я не хочу пить, глупышка. Сядь. — Она подняла индженер, сощурила глаза и, внимательно взглянувшись в Форрестера, поцеловала в ямочку на шее, потом прикоснулась к ней индженером.

Волна, по типу слабого электрошока, напомнив дуновение кислорода, смешанного с мускусом, внезапно окатила Форрестера.

Эдне практически изучила Форрестера, затем нагнулась ему навстречу и поцеловала в губы.

Немного погодя он попросил:

— Еще...

Она подчинилась. Затем придинулась, прислонившись спиной и положив голову ему на плечо.

— Дорогой Чарлз,— нежно повторила она.— Ты такой глупышка.

Он ласкал ее, целовал волосы. Параллельные нити ткани не были грубы и жестки, он не ощущал их вовсе.

— Не знаю, правильно ли ты поступил с Хайнци,— в задумчивости сказала она.— Это напоминает... Выглядит трусостью.— Она повернулась в его объятиях и поцеловала-прикусила ухо.— Я знаю, что биологические аспекты смущают тебя. Но причина тому личность естественного течения. Я девушка естественного типа. Ты понимаешь меня?

— Конечно,— солгал он, смутно слыша ее голос...

— Ты можешь принять пилюли и добавить к ним химиостимулянты, эффект останется таким же. Но я не использую этот путь. Хотя, если ты собрался «отправиться», иди, ради Бога, отправляйся по полной программе и воспользуйся менинджером.

— Я понял,— начал было Форрестер, но девушка перебила его и продолжила.

— Но все же нельзя загонять себя в жесткие рамки условностей. Иногда, находясь в нижней точке депрессии, ты вдруг испытываешь нечто необыкновенное и желание резко улучшить настроение. Тогда — если на то есть желание — ты принимаешь пилюлю и все остальное... Тебе ясно?

— О да! — воскликнул Форрестер в приятно-нетерпеливом возбуждении.— Интересно. Не хочешь ли ты принять таблетку сейчас?

Она привстала, потянулась и обняла его.

— Излишне,— сообщила она, прижимаясь к его щеке.— Я приняла таблетку заранее, когда ты впускал Хайнци.

Две победы в один день, подытожил Форрестер, пребывая в состоянии приятного триумфа и усталости. Этот мир приблизился к его первоначальным предполагаемым ожиданиям и надеждам. Девушка ушла, и он, проспав десять часов, проснулся с убеждением, что все образуется к лучшему. Он — отец президента и любовник Эдне Бенсен — представлял, по крайней мере, в его собственных глазах, неоспоримый объект поклонения. Существовали проблемы, но он справится с ними.

Он заказал завтрак и добавил:

— Машина! Как мне получить работу?

— Человек Форрестер, если вы заявите параметры, то я проинформирую о подходящих Вам вакансиях.

— Ты просишь узнать о характере работы? Неважно, главное условие хорошая оплата,— он закашлялся, прежде чем назвать цифру.— Около десяти миллионов в год.

Но индженер в ответ не закашлялся.

— Да, человек Форрестер. Пожалуйста, проинформируйте об условиях работы: надомная или внешняя; тип оплаты: наличная или комбинированная. В случае разрешения комбинированной оплаты указать: участие в прибыли, покупке акций, резервирование заработанных премиальных или иные условия; категории, не поддающиеся рассмотрению; религиозные, моральные или политические возражения; не заявленные в регистре личности, которые могут ограничить классы рабочих мест...

— Остановись, машина. Дай подумать.

— Непременно, человек Форрестер. Выслушаете поступившие сообщения?

— Нет. Вернее,— осторожно добавил он,— если в них не идет речь о жизни и смерти. Вроде того, в котором говорилось, что марсианин собирается убить меня.

Таких сообщений не было. И это, с удовольствием подумал Форрестер, ставило начинающийся день обособленно от других прожитых дней.

Он поел экономично, задумчиво, принял ванну и позволил себе выкурить чрезвычайно дорогую сигарету, прежде чем опять заговорил с индженером.

— Указание следующее. Расскажи о наличии рабочих вакансий.

— Рассортировка невозможна без ввода ваших параметров, человек Форрестер.

— Тогда не сортируй. Зачитывай все подряд.

— Слушаюсь, человек Форрестер. Я выдаю прямой необработанный список новых вакансий, полученных на данный момент реального времени. Идет от пустотки. Внимание. Пункт. Специалист криволинейного фазоанализа, семьдесят пять тысяч. Пункт. Шеф-повар. Полностью физический труд, обязательное владение методом французской кухни, восемнадцать тысяч. Пункт. Анализ общественного мнения и оборудование стресс-контроля. Неквалифицированный, шесть тысяч. Пункт. Уход за ребенком. Но, человек Форрестер,— перебил сам себя индженер,— на

это рабочее место заявлена женщина. Выпускать из списка очевидно неподходящие пункты?

— Нет. То есть да. Можешь не продолжать. Идея понятна.— «Загадка»,— с ощущением дискомфорта подумал Форрестер. Указанные зарплаты не намного превышали шкалу расценок двадцатого века.

В эре радостной экстравагантности на такие деньги невозможно прокормить и болонку.

— Я пойду повидаться с Эдне,— неожиданно и громко сказал он.

— Отлично, человек Форрестер,— ответил индженер.— Но обязан предупредить вас о тревоге класса гаммы. Ваш транзит из здания будет использован для тренировочных целей.

— О Боже. Как при том воздушном налете?

— Тренировка, человек Форрестер.

— Конечно. И сколько это будет продолжаться?

— Вероятно около пяти минут, человек Форрестер.

— Не смертельно. Зачти сообщения, пока я жду.

— Да, человек Форрестер. Одно личное и девять коммерческих. Личное сообщение от Эдне Бенсен. Оно передается.— Форрестер ощущал легкое прикосновение руки Эдне, и услышал ее нежный голос.

— Дорогой Чарлз!— прошептала Эдне.— Ты, дракон, повидайся со мной вновь как можно скорей! Нам следует поразмыслять об одной вещи. Мы должны выбрать имя.

Глава 8

Он добрался до квартиры Эдне, и дети впустили его.

— Привет, Тант,— сказал он.— Привет, Мим.

Они с любопытством посмотрели на него, а затем переглянулись. Опять прокололся, с досадой и покорностью заключил Форрестер. Наверное, девочку все же зовут Тант, а мальчика — Мим. Но он заранее решил не обращать внимания на мелкие сбои и промахи — иначе на их исправление уйдет все его время,— а целенаправленно решать главные вопросы.

— А где ваша мать?— спросил он.

— Ушла.

— Вы не знаете куда?

— Ага, знаем.

— Скажете? — терпеливо спросил Форрестер.

Дети многозначительно переглянулись. Затем мальчик сказал:

— Вообще-то нет, Чарлз. Мы заняты.

Форрестер всегда считал себя человеком, любящим детей. Но сейчас улыбка, адресованная этим двоим, была натянутой.

— Я вызову ее по индженеру,— сказал он.

Мальчик пришел в ужас.

— Сейчас? Во время кроулинга?

— Ребята,— со вздохом сказал Форрестер.— Мне необходимо обсудить с вашей матерью один вопрос. Как вы порекомендуете мне поступить?

— Можешь подождать ее здесь,— неохотно ответил мальчик.

— Если тебе так приспичило,— добавила девочка.

— У меня складывается впечатление, что вы всячески пытаетесь выставить меня за дверь. Так чем же вы тут занимаетесь?

— Ну... — Мальчик взглядом заставил замолчать сестру и сказал: — У нас встреча.

— Только не рассказывай Тайко!— закричала девочка.

— Наш клуб ему не по душе,— досказал мальчик.

— Клуб из двоих?

— Пресвятой Пот! Да нет же!— засмеялся мальчик.

Посчитаем. Нас одиннадцать.

— Двенадцать,— ликуующе поправила его сестра.— Ты не сосчитал робота.

— Сосчитал. Проверим. Ты и я. Четверо ребят. Трое девочек. Взрослый. Марсианин... и робот. Да, двенадцать.

— И с вами марсианин? Вроде как Хайнцлихен, черт, опять позабыл имя!

— Нет, Чарлз. Хайнци, конечно, полный идиот, но он человек. А этот — зеленый, с четырьмя руками.

Форрестер попытался с запозданием пошутить.

— Как в романе Эдгара Райса Берроуза? Но я не ожидал, что они существуют во плоти.

Мальчик с вежливым интересом сказал:

— Да? Ну и что?

— И как понять «во плоти», Чарлз?— спросила девочка.

Давно, задолго до смерти, Форрестер преклонялся перед наукой. Удивительной и интересной казалась жизнь в мире,

где электричество подавалось из розетки, а изображение появлялось на экране телевизора. Порой с иронией и шалостью думал он о том, как смехотворно некомпетентны были некоторые великие умы прошлого. Ньютон или там Архимед не смогли бы без написанных им инструкций настроить телевизор или управлять игрушечной железной дорогой. А сейчас я оказался в положении бушмена на Таймс-сквер, с отвращением подумал он. И не слишком уж это весело.

Тщательно задавая наводящие вопросы, он частично уловил смысл того, что рассказывали дети. Их товарищи по играм не были «реальными» и в то же время — гораздо реальней, чем, скажем, кукла Барби. Они являлись аналогичными, симулакрами. Дети называли их «анаподами». Девочка гордо сообщила, что они помогают развитию межличностных отношений.

— Все понятно,— сказал Чарлз, — или мне только кажется, что все понятно. Но какое отношение имеет к ним Тайко?

— А, он!

— Он ненавидит все, что касается развлечений.

— Он говорит, что мы теряем волю, необходимую для борьбы, для совпадения с... вобщем со всем тем, о чем ты говорил, Чарлз. С реальностью, понимаешь?

— Чтоб он вспотел! — не на шутку рассердилась девочка.— Хочешь послушать, что он нам рассказывает?

Она бросила взгляд на обзорную стену, на которой был безмятежный пейзаж лесной опушки с маленькими мохнатыми зверьками.

— То есть по телевизору? — спросил Форрестер.

— Не понял, Чарлз?

— По этому...

— Да, Чарлз.

— Ну... — сказал Форрестер...

И подумал, что если все сложится к худшему, то он примет предложение Тайко, предполагая, что вакансия не занята. Но прежде чем он скатится до такого, будет небезынтересно узнать о нем.

— Показывайте, — сказал он.— Мне нечего терять.

Обзорная стена, покорная приказаниям девочки, смыла лесную опушку и воздвигла самую настоящую сценку. По ней прыгал, громко крича, мужчина в косматом парике.

Форрестер с трудом узнал коротко подстриженного блондина, которого он так бесцеремонно выставил за дверь.

Но когда? Было ли это только дня два тому назад? Тайко изображал некий церемониальный танец со степом: два шага в одном направлении и притоп ногой, два шага в другом направлении и опять притоп. То, что он распевал, было полной белибердой для Форрестера.

— Луд, лорды, гордо ведут! (*Притоп!*). Пусть Луд ведет, лорды! (*Притоп!*). Дабы одинокие покинутые люди не впали беспрепятственно (*Притоп!*) в забвение! (*Притоп!*).— Он повернулся лицом и раскинул широко руки. Камера показала крупным планом его бесстрастное измученное лицо.— Детишки! Вы хотите, чтобы ваши чертовы мозги промывали? Хотите быть студенистыми медузами? Если нет, то тогда пусть Луд ведет нас: (*Притоп!*). Пусть Луд ведет нас (*Притоп!*). Пусть Луд ведет...

Мальчик крикнул за шумом обзорной стены.

— Сейчас он попросит комментарии зрителей. Тут мы обычно засылаем реплики, от которых он бесится. Например — «Возвращайся в морозилку, старый обломок льда» или «Тайко — старый и грязный утопленник!» Разумеется, не называем наших имен.

— Сегодня я собираюсь передать: «Если бы миром заправляли такие, как ты, то мы бы все еще раскачивались на хвостах, как обезьяны», — задумчиво сказала девочка.— Но это, вероятно, не слишком разозлит его.

Форрестер закашлялся.

— Вообще-то, я пока не стану злить его. Возможно, мне придется работать на него.

Дети уныло и разочарованно посмотрели на Форрестера. Мальчик быстро уничтожил изображение Тайко на стене обзора и громко закричал:

— Пожалуйста, Чарлз, не делай этого! Мим сказала нам, что ты уже отказался!

— Да, но я могу передумать. Я должен получить работу. Именно поэтому я и пришел сюда.

— Отлично, — сказала девочка.— Мим подыщет тебе работу. Точно, Тант?

— Если сможет, — неуверенно произнес мальчик. — А что ты умеешь делать, Чарлз?

— Это главная проблема. Безвыходных ситуаций не бывает, но у меня заканчиваются деньги.

Они не отвечали, а только смотрели на него, не столько удивленно, сколько смущенно.

После некоторого молчания маленькая девочка со вздохом серьезно сказала:

— Чарлз, ты так потноневежественен, что я чуть не замерзла. Я никогда не слышала, что у людей нет денег, за исключением забытых людей. Разве ты не знаешь, как получить работу?

— Смутно.

— При помоши индойера, — терпеливо поучал его мальчик.

— Конечно. Я пытался...

Мальчик оживился.

— Ты хочешь сказать... Чарлз, ты хочешь, чтобы я помог? И я помогу. Мы проходили это в прошлом году в фазе пять. Все, что тебе надо сделать...

Внезапно выражение лица стало хитрым.

— О Пот, Чарлз, — нарочито небрежно произнес он. — Я для тебя все сделаю сам. Скажи, чтобы он слушал меня.

Форрестеру даже не нужно было видеть ошарашенное выражение, отразившееся на лице девочки, пытавшейся предупредить его.

— Нет, — твердо заверил Форрестер. — Я дождусь возрвщения вашей матери.

Мальчик улыбнулся, но сдался.

— Хорошо, Чарлз. Я только хотел спросить у него насчет Мим... Знаешь, как ты поступишь? Скажи машине, что ты хочешь протестироваться на профиль работогодности, а затем попросишь рекомендации.

— Я не совсем понимаю, что это повлечет за собой, — осторожно произнес Форрестер.

Мальчик вздохнул.

— Ты не обязан понимать. Делай, и все! За каким Потом тогда нужен индойер?

Процедура оказалась чрезвычайно простой, хотя в тесте на профиль работогодности встречались странные вопросы.

Что такое Бог?

Какого цвета ваши экскременты?

Если вы оказались девушкой, будете ли мечтать оказаться мужчиной?

Предположите существование плутонианцев.

Предположите существование эльфов. Если эльфы без предупреждения нападут на Плутон, то на чьей стороне будете вы?

Почему вы лучше остальных?

Большинство вопросов напоминали эти. Некоторые

оказались еще глупее. Они были или абсолютно непонятны Форрестеру, либо затрагивали темы, от которых он краснел и неловко украдкой посматривал на детей. Однако дети воспринимали процедуру как само собой разумеющееся, но очень скоро им это наскучило, и, вернувшись к стёне обзора, они стали смотреть выпуск новостей. Форрестер подбирал ответы как можно старательнее, прия к выводу, что машине виднее, что она делает. Ответы, разумеется, были такими же бессмысленными, как и вопросы. Он с запозданием осознал, что индженер несомненно проверял его нервную систему и по снятым импульсам, вспыхивающим в мозгу, узнавал больше, нежели из смысла слов. Вывод подтвердился, когда в итоге индженер сообщил:

— Человек Форрестер, сейчас мы будем наблюдать за вами до возвращения в состояние покоя. Затем я проинформирую вас о работогодности.

Форрестер встал, потянулся и осмотрел комнату. Ощущение, что он прошел сквозь испытание, не покидало его. Повторное рождение было таким же хлопотным, как и первое.

Дети обсуждали показываемую на стене обзора сцену разбившегося о гору авиалайнера, окруженного спасательным оборудованием. Люди и машины заливали его струями жидких химикатов, выносили раненых и мертвых — если они делали это различие — на носилках и подтаскивали к аппаратам реверса смерти, которые Форрестер опознал по рубиновому жезлу на борту. Над горным склоном завис небольшой, ярко раскрашенный прогулочный аэрокрафт с зеваками. Форрестер не сомневался в этом, вспомнив толпы любопытных, собравшихся той ночью, когда он погиб в пожаре. Ни ледяные струи брандспойтов, ни холодный ветер, ни раздраженные полицейские, оттесняющие толпу назад, не могли уничтожить человеческое любопытство.

— Старине Хэпу никогда не победить, — сказал мальчик сестре. Он поднял глаза и увидел Форрестера. — Закончил?

Форрестер кивнул. Голос, доносящийся со стены обзора, говорил:

— ...Новая победа, со счетом на эту минуту тридцать один и пятьдесят пять из девяноста восьми возможных. Неплохо для Старого Мастера. А Хэп все еще тащится за новичком Маори из Порт Моресби...

— Что вы смотрите? — спросил он.

— Полуфиналы,— ответил мальчик.— Как ответил на тест?

— Результатов пока не получил.— Экран моргнул и показал новую картину: стилизованная звездная карта с зелеными и золотыми стрелками и точками.— Не слишком много просить десять миллионов?— спросил Форрестер.

— Пот, Чарлз! Откуда нам знать?— Мальчика, несомненно, больше интересовала стена обзора, чем Форрестер. Но он вежливо добавил: — Среднепрожиточный уровень для Тант — около двенадцати миллионов в год. Мой — пятнадцать. Но, разумеется, у нас больше преимуществ,— деликатно отметил он.

Форрестер сел и заставил себя терпеливо ждать результатов. Стрелки и круги двигались по звездной карте, голос монотонно сообщил:

— Донесение с зонда от 61 Сигни, Проксима Центавра, Эпсилон Инди и Кордoba 31353 указывают на отсутствие артефактуальной деятельности и изменений в сети системных энергоуровней.

— Болваны,— резко сказала девочка.— Им марсианина даже в матраце не найти!

— Возле Грумбриджа — один, восемь, три, шесть дней назад запеленгован неопознанный объект. Следов эмиссии не обнаружено, и объект пробно идентифицирован как большая комета. Хотя неэклптическая орбита указывает на потенциальную опасность данного крупного и массивного объекта, вторгнувшегося в этот сектор пространства. Излишне говорить, что ведется постоянное слежение, а штаб обороны в Федерал-Сити заявил о фазировке двух дополнительных мониторов с пассивных орбит.

— О чём они говорят?— спросил Форрестер у мальчика.

— О войне. Помолчи немного.

— ...Получены хорошие новости сегодня вечером с 22Х Канелопарадиза! В Бюллетене, полученном из штаба сортоконтроля, говорится, что сложная процедура замены поврежденного зонда завершена! Первая замена, вылетевшая из БО 7899, достигла точки и вышла почти на совершенную круговую звездную орбиту, все системы работают нормально. Семь запасных систем замены...

— Пот! — вздохнула девочка.— Что за скучная война! Чарлз, вы наверняка дрались много лучше!

— С кем? И что значит — лучше?

Девочка недоумевала.

— Убивали больше, разумеется.

— Если ты называешь это «лучше», то да. Вторая мировая война убила около двадцати миллионов.

— *Ого! Двадцать миллионов*, — прошептала девочка. —

А сколько убитых у нас, Тант? Двадцать два?

— Двадцать два миллиона? — спросил Форрестер.

Мальчик с отвращением покачал головой.

— Двадцать два индивидуальных сирианина. Отвратительно!

Ответить Форрестер не успел. Заговорил его индженер.

— Человек Форрестер. Ваши тесты проинтегрированы и проанализированы. Можно ли вывести результаты на экран детей Эдне Бенсен?

— Давай, — угрюмо согласился мальчик. — Скучнее этой программы они не окажутся.

Звездная карта исчезла со стены, и ее заменили мерцающие синусоидальные кривые, усыпанные цифрами, абсолютно бессмысленными для Форрестера.

— Вы можете подать заявку на перетестирование любого элемента профилей. Вы хотите поступить подобным образом, человек Форрестер?

— Нет, черт возьми!

Цифры и графики, за их полной бессмысленностью, вселяли беспокойство. В памяти мелькнуло воспоминание далекой поры, когда он в поисках работы обратился в государственное учреждение. Это было сразу после увольнения из армии — он отслужил уже в мирной, послевоенной Корее, — и он встал в длинные очереди безработных, отчаянно мучивших скучающего клерка из бюро по занятости.

Он видел почти наяву квадраты линолеума на полу, людей, выстаивающих в очередях, которые, как и он сам, мечтали хоть временно получить пособие по безработице, в надежде, что тучи над миром рассеются и жизнь наладится.

Индженер продолжал:

— Ваш профиль, человек Форрестер, показывает на относительно высокую работогодность в категориях личного сервиса и адвокатуры. Я выбрал девяносто три вероятные вакансии. Зачитать список?

— Мой Бог, нет. Выбери с твоей точки зрения лучшую работу.

— Человек Форрестер, оптимальный выбор таков.

Оклад семнадцать тысяч пятьсот. Это несколько меньше указанных вами требований, но расходы...

— Погоди. Я скажу, что это гораздо меньше. Я просил десять миллионов!

— Да, человек Форрестер. Вы указали десять миллионов в год. При норме четырехдневной рабочей недели с допуском предполагаемой переработки на потери по здоровью вы получите три миллиона восемьсот тысяч долларов в год. Ученные расходы, однако, оптимизированы на уровне пяти миллионов с подразумевающейся прибавкой к зарплате.

— Подожди секунду.— Цифры вызвали головокружение. Он обернулся к детям.— Это почти девять миллионов в год. Проживу ли я на них?

— Пресвятой Пот! Конечно, Чарлз, если очень постараешься!

Форстер глубоко вздохнул.

— Предложение принято,— сказал он.

Индженер бесстрастно ответил:

— Хорошо, человек Форрестер. Ваши обязанности таковы:

Беседа. Брифинг. Дискуссия. Ориентация без лимита по времени. Таким образом, Ваш статус размороженного не послужит помехой. Вы обязаны отвечать на вопросы, быть доступным для дискуссий, обычно отвлеченных вследствие принимаемых в расчет условий проживания. Возможность поездок оговаривается заранее.

— О Пот.— Дети Бенсен выказали некоторый интерес. Мальчик сел, а сестра с широко раскрытыми глазами смотрела на Форрестера.

— Дополнительная информация, человек Форрестер. Ваш работодатель отказался от автоматизированных услуг из соображений отказа от афиширования. Его требование и желание — субъективность, даже в ущерб точности информации. Работодатель практически не знаком с историей человечества, культурой и обычаями...

— Еще бы!— закричала девочка.

— ...И дополнит ваши услуги необходимой компьютерной информацией.

Форрестер прервал методичный рассказ индженера:

— Довольно. Когда собеседование?

— Человек Форрестер, вы уже прошли его.

— То есть, я получил работу? Но... но что мне делать дальше?

— Человек Форрестер, я обрисовал в общих чертах процедуру. Пожалуйста, отметьте для себя следующий сигнал. — Раздался легкий отчетливый перезвон. — Данный сигнал указывает на сообщение работодателя. По условиям контракта по найму, вы не можете отказаться от приема сообщений во временной промежуток с 10.00 до 14.00 по рабочим дням. В остальное время и даже по нерабочим дням вы обязаны прослушать сообщение с задержкой, на момент приема не превышающей двенадцати часов. Благодарю за внимание, человек Форрестер.

«Вот и все», — подумал Форрестер.

Оставалось узнать, что беспокоило детей.

— Ну, и что грызет вас?

Они перешептывались, не отрывая глаз от Форрестера. Мальчик спросил:

— Как понять — грызет, Чарлз?

— Почему вы ведете себя странно? — поправился Форрестер.

— Пустяки.

— *Несущественные* пустяки, — поправила его сестра.

— Выкладывайте.

— Просто мы впервые встретили человека, согласившегося работать на *них*! — ответила девочка.

— Ничего не понял. Работать на кого?

— Индженер сказал тебе, Чарлз! Ты пропустил все мимо ушей, — рассердился мальчик, и в разговор тут же вклинился звонкий голосок девочки:

— О Пот, Чарлз! Разве ты не понял, на кого работаешь?

Форрестер глубоко вздохнул и пристально оглядел их. Он убеждал себя, что перед ним всего лишь дети, к которым он привязан, но они этим утром по непонятной причине решили разозлить его. Он сел и взял индженера. Внимательно изучив скопление кнопок и найдя искомую — прозрачную и круглую, он повернул индженера, направив сопло на открытый участок руки, потом нашел кнопку.

К счастью, он выбрал правильную кнопку. Он не знал, что за туман окутал запястье, но ожидаемый эффект был достигнут и напоминал действие супертранквилизатора: сознание прояснилось, пульс замедлился, и Форрестер спокойно, хотя и громко, обратился к индженеру:

— Машина! И какого потного черта ты выбрала мне в боссы?

— Вывести на экран изображение работодателя, человек Форрестер?

— Конечно, черт возьми!
— Следите за стеной обзора, человек Форрестер. Форрестер, не отрываясь, смотрел на стену, ошеломленно глотая подступивший к горлу ком.

Форрестер был вынужден признать, что не ввел ограничение на выбор работодателя. Он был готов принять почти любое предложение, но тем не менее удивился.

Он не ожидал, что у его босса будет ярко-зеленая шерсть или диадема маленьких глаз, расположенных вокруг шеи вытянутой остроконечной головы или щупалец. Он не ожидал, что им окажется враг, принадлежащий к расе, чье присутствие в космосе вынудило испуганное человечество заниматься бесконечными отработками воздушных налетов, разрабатывать программы вооружений и космической разведки...

Короче, босом Форрестера стал сирианин.

Глава 9

Новые служебные обязанности Форрестера мог выполнить в любом месте, где бы ни находился. Он предпочел вернуться в «родное гнездо», где после сражения с индженером и стеной обзора получил общее представление о сирианах и о том, что они делали на Земле.

Их было всего одиннадцать, как он выяснил. И они оказались на планете не как туристы и не как дипломаты. Они считались пленными.

Около тридцати лет назад первые космические корабли вошли в контакт с форпостами сирианской цивилизации, по уровню технологий сопоставимую с человеческой, но разнящуюся по внешнему виду разумных существ и социальному устройству. Исследовательский земной отряд, производя осмотр планет за пределами Солнечной системы, наткнулся на кольцеобразный сирианский корабль, находившийся на орбите одной из планет.

Форрестер, получив эту информацию, осознал, сколь громадны пробелы в его знаниях. Почему никто не рассказал о том, что люди исследовали космические пространства за пределами Солнечной системы? Где находилась та система? Что такое орбитальное кольцо? Форрестер был сбит с толку, озадачен. Очевидно, орбитальное кольцо не принадлежало сирианам, как впрочем и землянам. Но он поставил мысленный барьер перед многочисленными и бес-

конечными вопросами и сосредоточился на первой встрече с сирианами.

Земной корабль был готов к охоте на медведя. И, когда медведя обнаружили, нажали на все кнопки. Командира корабля не проинструктировали о дискретной вероятности контакта с инопланетянами и действиях в случае такого контакта. Командир не терял времени на обсчет вариантов. Весь комплекс вооружений земного корабля обрушился на приземистый, асимметричный сирианский корабль: лазеры, снаряды, ракеты и энергетические ловушки для разбалансировки и выведения из строя приборов. У сириан не было шансов. За исключением немногих, случайно оставшихся живыми в космических резервуарах — эквивалент скафандров, — весь экипаж погиб вместе с кораблем.

Земляне с максимальной осторожностью транспортировали уцелевших сириан на борт, развернули корабль и улетели домой. Много лет спустя, дистанционно управляемые зонды осторожно приблизились к месту «сражения» и обнаружили, что обломки сирианского корабля исчезли: очевидно, их забрали неизвестные спасательные службы. После этого зонды вернули.

Четырнадцать сириан уцелели после нападения землян, одиннадцать оставались живы до настоящего момента и находились на Земле.

Форрестер, изучая с экрана материал о сирианах, под бодрый рассказ индюйера о фактах ссылки, не мог не почувствовать легкой симпатии к ним. Тридцать лет заточения! Они уже состарились! Осталась ли у них надежда? Или только отчаянье? Ждут ли их жены и дети в гнезде, в инкубаторном бассейне или в тоннеле?

Индюйер умалчивал об этом. Он рассказал, что сириан тщательно изучали и обсуждали, дебатировали о них бесконечно, а затем освободили.

Освободили под домашний арест.

Парламент передвижений издал в отношении сириан закон. Первое. С момента вступления закона в силу кардинальным условием жизни сириан становилось полное отсутствие контакта с родной планетой. Считалось вероятным, что сириане, обнаружив Землю, не станут атаковать ее, однако неоспоримым фактом это могло стать только в случае ненападения. Второе. Пленные сириане никогда не вернутся домой. Третье. Человечество готовится к нападению из космоса с надеждой, что такое не произойдет.

Сириан распределили на Земле — по одному на крупный город. Их обеспечили большими субсидиями, превосходным жильем, всем, что они пожелают, за исключением свободы выезда и общения с себе подобными. За каждым установили неусыпную слежку, и не только с помощью индженеров. Транспондеры, хирургически имплантированные в нервную систему, соединялись с центральной компьютерной сетью. Местонахождение каждого из сириан регистрировалось ежесекундно. Им запретили появляться в определенных зонах: космодромы, атомные станции и дюжина других классов энергоустановок.

В случае нарушения посыпалось предупреждение. Если оно не останавливало сирианина, в его центральную нервную систему засыпался сильный болевой импульс. А если и он не имел воздействия или по какой-либо причине транспондер выходил из контакта с центральным компьютером, отдавался приказ немедленного уничтожения. Троих инопланетян уже постигла такая участь.

Раздался легкий перезвон, обзорная стена замелькала изображением, и Форрестер оказался лицом к лицу с боссом.

Он видел его изображение. Возможно, это тот же самый сирианин. Но теперь он смотрел на Форрестера дюжиной малюсеньких глазенок, обрамляющих шею.

— Ваше имя Чарлз Форрестер, — обратился сирианин на глухом, без акцента английском. — Вы работаете на меня и называете меня Эс-Четыре.

Речь напоминала модуляции искусственного голоса робота. Голос индженера был на порядок выше по качеству.

— Хорошо, Эс-Четыре, — согласился Форрестер.

— Расскажите о себе.

Просьба была понятной и закономерной.

— Хорошо, Эс-Четыре. С чего начать?

— Расскажите о себе все. — Щупальцы медленно извивались, глаза беспорядочно моргали, как огоньки на компьютере. С голосом вышла ошибка, подумал Форрестер. Голос напоминал дубляж иностранного фильма на последнем сеансе — в те незапамятные времена, когда были и иностранные фильмы, и последние сеансы.

— Пожалуй, — задумчиво произнес Форрестер, — я начну со своего рождения. Я родился девятнадцатого марта 1931 года. Мой отец, по специальности архитектор, в тот

момент был безработным. Позже он контролировал программу для ВПА. Мать...

— Расскажи о ВПА,— перебил сирианин.

— Это государственное учреждение, предназначенное для решения вопросов безработицы во время депрессии. В те годы периодические циклические дисбалансы в экономике...

— Без лекций,— прервал сирианин.— Объясни функциональную и терминологическую сущность аббревиатуры ВПА.

Обескураженный, Форрестер попытался конкретно изложить цели и задачи программы по безработице. Только конкретные факты удовлетворяли инопланетянина. Сирианина явно не интересовали отступления Форрестера в анализ экономических теорий. Возможно, он был приверженцем собственных теорий. Но его заинтересовали — по крайней мере, он выслушал не прерывая — несколько шуток об уборке листьев и о падении сотрудника ВПА, облокотившегося о швабру, по которой тут же вмазал доброжела-тель. Сирианин слушал бесстрастно, ободок глаз поблескивал, но через полчаса, остановив рассказ Форрестера о выпуске из школы, он сказал:

— Продолжи рассказ в другой раз,— и исчез.

Форрестер остался доволен. Он никогда раньше не разговаривал с сирианином.

Несмотря на романтический восторг детей, Эдне, выслушав подробности, категорически не одобрила поступок Форрестера.

— Дорогой Чарлз,— терпеливо, но настойчиво заявила она.— Они наши враги. Люди скажут, что ты совершил дурной поступок.

— Если они настолько опасны, то почему их не поместили в концентрационный лагерь?

— Чарлз! Ты опять ведешь себя как камикадзе!

— Или почему нет закона, запрещающего работать на инопланетян?

Она вздохнула, отломила для пробы кусочек чего-то съестного, напоминающего засахаренную орхидею, потом посмотрела на Форрестера с нежным участием.

— Чарлз, человеческое общество — это не только законы. Помни о *принципе*. Есть определенные стандарты хорошего и плохого, и цивилизованные люди подчиняются им.

— Яснее ясного,— проворчал Форрестер.— Хорошо — это когда меня пытаются угробить; плохо — когда я пытаюсь воспрепятствовать этому.

— Камикадзе Чарлз! Я хотела *подчеркнуть*, что Тайко, например, предложил бы по меньшей мере такую же сумму, какую платит мерзостный сирианин, но за социальную значимую работу.

— Этот потный Тайко! — закричал Форрестер.— Злобное ругательство вызвало у Эдне смех.— Я разберусь со своими делами сам!

Они расстались друзьями. Эдне сослалась на встречу, связанную с работой; а он, плохо понимая характер ее занятости, не задавал вопросов. Он не нашел возможным расспросить ее о кроулинге — «ползанье на коленях» — и не напомнил о предложении обсудить выбор имени. Она не вернулась к данной теме, и он не имел ничего против.

К тому же он хотел побольше пообщаться с детьми. С их помощью он выведал о сирианине больше, чем тот мог узнать о нем. Дети выплескивали информацию. Получить полное представление оказалось делом несложным. Существенных фактов было немного. Например, все заложники на Земле были одного пола, среди ученых велись жаркие дискуссии по вопросу его определения. Структура и устройство семьи оставалось столь же неясным. Но вне зависимости от характера возможных отношений на планете сириан, на Земле пленники не испытывали видимой депрессии, пребывая в разлуке со своими любимыми и близкими. Форрестер с нарастающим недовольством дослушал информацию, хотя, как ему казалось, остались недосказанные или выпущенные из внимания факты. Он сказал:

— Неужели вы хотите сказать, что единственный контакт с инопланетной цивилизацией свелся к уничтожению их исследовательского корабля?

— Да нет же, Чарлз! — мальчик был снисходителен по отношению у Форрестеру.— Однажды мы дистанционно сканировали их планету. Но данная методика опасна. Опасна, судя по официальным сообщениям. Исследования были свернуты. Хотя я бы продолжил их.

— Как и в хромосфере Мира Цети,— живо добавила девочка.

— Где?

Мальчик сдавленно засмеялся.

— Вспомнил! Вот весело было! Мы заполучили ее в классе на экзаменационном путешествии.

— Пот! — возбужденно закричала девочка.— Будет здорово, если Форрестер попутешествует с нами. Я бы с радостью повторила поездку!

Но вслепую Форрестер обещать не хотел. Он неуверенно напомнил:

— Конечно. Но сейчас у меня трудности со временем. Вы забыли о моей работе?

— Пот, Чарлз,— с нетерпением произнес мальчуган.— Времени поездка не займет. Ты же не летишь в космос. Это же конструкт.

— Но как в жизни,— добавила сестра.

— И все записано на пленку,— заботливо разъяснил мальчик.

— Включай!— возбужденно приказала девочка.— Мира Цети! Пожалуйста! Ну, Тант, ты *обещал!*

Мальчик повел плечами, задумчиво, но хитро взглянулся на Форрестера, нагнулся, сказал несколько слов детскому индюйеру и нажал кнопку на обучающем столе.

Детская комната мгновенно исчезла, и их окружила стена горячего серого водорода и красного каления. Изображение быстро обрело четкость и яркость.

Форрестер и двое детей сидели на мостице космического корабля. Игрушки исчезли, мебель заменили блестящие металлические приборы и механизмы, играющие огоньками и попискивающие индикаторами. Через внешние прозрачные панели проникала смертоносная хромосфера солнца.

Форрестер инстинктивно отпрянул, прячась от жара звезды... но секунду спустя понял и принял идеально сотворенную иллюзию.

— «Да восхищен будет Сам творец!»— воскликнул он.— Но как это делается?

— Какого Пота я знаю,— с легкой издевкой ответил мальчик.— Это штуковина с девятой фазы. Спроси индюйер.

— Машина! Объясни!

Без промедления в ответ прозвучал спокойный, невозмутимый голос индюйера.

— Человек Форрестер, феномен, в настоящий момент изучаемый вами, есть фотическая проекция вибраторной занавеси. Эффект интерференции вызывает виртуальное изображение на поверхности оптической сферы, геометрическим центром какойой являетесь вы и ваши юные спутники. Данный конструкт, который вы наблюдаете, есть

отредактированная и упрощенная репродукция скансио-съемки сирианского исследовательского корабля в атмосфере звезды...

— Достаточно,— вмешался Форрестер.— Ответ детей мне понравился больше.

Но мальчик строго сказал:

— Внимание, Чарлз. Программа началась. Вон там сирианский разведывательный высокотермальный корабль, и мы идем на перехват.

Резкий мужской голос прохрипел:

— Буксировочный спейскрафт «Гиммел»! У звеньевого корабля неполадки с двигателем! Подготовьте захват, стыковку и эвакуацию экипажа!

— Есть! — закричал мальчик.— Тант, приступай к процедуре поиска! Ты за вахтенного, Чарлз!

Пальцы мальчика замелькали над клавиатурой, появившейся считанные секунды назад. Сестра подчинялась его командам, а когда он энергизировал контур, воображаемый корабль начал выполнять маневры. Мальчик развернул корабль, и под резким углом на скорости прошел через фонтаны горящего газа.

Форрестер не смог сдержать восхищения перед совершенством иллюзии. Все составные компоненты, за исключением излучаемого тепла и ощущения движения — были выполнены безупречно. И Форрестер почти ощущал дрожь и ускорение подъема корабля, ведомого легким прикосновением к клавишам. Очевидно, «Гиммел» являлся боевой единицей эскадрона, посланного на авантюрную миссию без плана и задания. Форрестер не видел ничего, напоминающего сириан. Ничего, кроме змеевидных клубов газа, через которые пронирался корабль. Но он ощущал присутствие иллюзорных кораблей. Через громкоговоритель доносились приказы, позывные, переговоры между кораблями эскадрона. Панель высвечивала их местонахождение, высоты над горизонтом и траектории полета в огненном газовом океане Мира Цети. Форрестер отважился спросить:

— Тант, а что делать мне?

— Смотри за происходящим! — прошипел мальчик, его внимание было полностью приковано к управлению.— Не мешай!

Но сестра неожиданно закричала:

— Вижу! Тант, вижу! Вон там!

— О Пот! — в отчаянье простонал он.— Когда ты научишься докладывать по уставу!

Она сдержала волнение и доложила:

— Борт замечен. Вектор семь, кажется. Угловое наклонение... незначительное.

— Приготовиться к захвату,— скомандовал мальчуган.

Из-за водоворота красного свечения показалось, исчезло и вновь вынырнуло жирное червеобразное тело корабля — черное пятно на слепящем глаза экране. Черная обшивка, черные глазницы иллюминаторов, черная хвостовая часть, где сопла изрыгали черный топливный выхлоп в ослепительно яркую атмосферу. Двигатели корабля замерли, и усталый голос прохрипел из громкоговорителя.

— Торопись «Гиммел»! Мы держимся на пределе!

Они подобрались к отбившемуся от эскадрона «кораблю». Струи воспламеняющегося газа кренили их спейс-крафт. Форрестер застыл в изумлении. За контурами беспомощного, брошенного командой судна, через хромосферу, затмевая радиационные взрывы, надвигалось нечто огромное, устрашающее...

— Пресвятой Боже! — крикнул он. — Сириане!

Картина задрожала и исчезла.

Они вернулись в детскую. На мгновение Форрестер ошел, но затем усталые оптические центры понемногу восстановились. Он увидел стены обзора, обстановку, знакомые детские лица. Экспедиция завершилась.

— Весело? — спросила девочка, подпрыгивая от радости. — Понравилось, Чарлз? Весело было?

Но брат с отвращением читал распечатку.

— Тант, — проборчал он, — кто бы говорил! Погляди на результаты. Мы запоздали со стыковкой. Из экипажа в три человека двое засчитаны мертвыми... а мы так и не приблизились к сирианам. Провалились из-за него.

— Прости, Тант. В следующий раз буду внимательнее, — с раскаяньем произнесла она.

— Дело не в тебе. — Он взглянул на Форрестера и с горечью сказал: — Для миссии с тремя членами экипажа установлены нормативы. Как будто он мог чем-либо помочь в полете.

Задумчиво Форрестер взял жезл индженера, выбрал кнопку, приставил отверстие к точке за ухом и нажал. Он не был уверен, что выбрал подходящую для оказии смесь. Он хотел получить состояние спокойствия, счастья и самоуверенности. Вместо этого он принял дозу эйфорика. Ладно, подумал он, это тоже сгодится.

Он робко сказал:

- Приношу извинения за срыв операции.
- Не по твоей вине. Надо было думать, прежде чем приглашать в полет.
- Жаль, что не заметили сириан,— с грустью сказала девочка.
- Кажется, я видел их. Большой, блестящий корабль? Двигавшийся на нас?
- Мальчуган ожидался.
- Не ошибся? Возможно, наши дела не так уж плохи. Отвечай, эй, монитор!— Он выслушал сообщение обучающей машины и улыбнулся.— Получено пробно-условное разрешение,— счастливо сказал он.— Повтор на следующей неделе, Тант. На результат.
- Как здорово.
- Форрестер прокашлялся.
- Не расскажете ли, чес мы, собственно, занимались?— спросил он.
- На лицо мальчика легла маска менторства.
- Мы провели имитацию атак на сирианский исследовательский отряд в хромосфере Мира Цети. Мне казалось, ты знал об этом. Главная цель — наблюдение, по контакт между нашим и сирианскими кораблями был вариационно изменен в направлении конфликта.
- А-а.
- Мальчик озадаченно посмотрел на Форрестера.
- Дело в том, Чарлз, что по результатам полета мы получаем баллы. Но не волнуйся, ты не подвел нас.
- Ясно.— Ростки новой идеи пробились в сознании Форрестера. Несомненно, спокойствие — результат смеси из индженера, но...— А нельзя ли показать новый материал о сирианах. Чтобы я вблизи рассмотрел их? Например, эпизод первого контакта.
- Ответ негативный.— И мальчик недовольно посмотрел на сестру.— Конечно, это вина Тант. Она заплакала, когда сириан убили. И мы ожидаем нового брифинга, но уже когда подрастем.
- Девочка склонила голову.
- Тогда мне было очень грустно,— защищалась она,— но можно показать другое, Чарлз. Хочешь увидеть кокосовый орех на Луне?
- Что?
- О Пот! Смотри.— Мальчик задумчиво почесал ухо и отдал приказ детскому индженеру. Стена обзора опять затуманилась.

— Предположительно, это другой корабль, но похожий на разыскиваемый сирианами в атмосфере Мира Це-ти,— сказал он через плечо, одновременно манипулируя обучающей машиной. — О нем мало что известно. Сделан он не сирианами и не землянами. Никто не знает, откуда они взялись, но их превеликое множество. И сирианам, как и нам, ничего не известно о них. Корабли очень старые. Этот — ближайший к Земле.

Стены обзора показывали обратную сторону Луны. Белые хрустальные пики и кратеры расположились около линии раздела, за которой расстилалась черная мгла лунной ночи. Они увидели неглубокую котловину кратера и двигающиеся фигуры.

— Это пленка,— сказал мальчик.— Без эффекта участия. Можно смотреть сколько угодно.

В кратере виднелись купола домов; вероятно — лаборатории или жилища ученых — тех, кто изучал «предмет» в центре экрана, или тех, кто изучал его ранее, и, осознав непреодолимость загадки, сдался.

Корабль напоминал кокосовый орех. Но к нему было применительно любое другое определение.

Объект был яйцеобразным и косматым. Свисавшие усики не имели ничего общего с органической живой материей. Они имели фактуру стекла, заключил Форрестер, наблюдая, как усики отражают и преломляют солнечный свет в переливчатые полоски цвета. Объект достигал размеров локомотива.

— Корабль пуст, Чарлз,— отважилась сообщить девочка.— Все корабли пусты.

— Но кто они такие?

Девочка засмеялась.

— Когда узнаешь — расскажешь. И нам сразу дадут двенадцатую фазу.

Мальчик с теплотой в голосе произнес:

— Теперь тебе известно столько же, сколько и всем.

— Но сириане...

— Нет, Чарлз. Сириане пришли позже, подобно нам. А корабль находился на Луне не менее двух гигалет.— Он выключил экран и радостно спросил:— Ну, что ты еще хочешь узнать?

Вопросов было много. И Форрестер лишний раз осознал — чем больше знает человек, тем ничтожнее его знания.

Удивительно, но до этого момента он не задумывался,

как много событий происходит с человечеством за время «спячки» землян в жидким гелием, в одной из ванн больницы Западного филиала.

Как приключенческая повесть в журнале: переворачиваешь страницу и обнаруживаешь, что прошло десятилетие. И ты совершенно уверен, что эти годы *несущественны* в судьбе героя; в противном случае автор непременно бы рассказал о них.

Но прошло не десять лет. И годы эти невозможно назвать несущественными и незначительными. А главное—нет автора, который по желанию читателей может раскрасить «белые пятна».

Глава 10

На третий день работы и шестой после выхода из фризариума Форрестер чувствовал себя так, будто прожил миллион дней.

Но он хорошо учился, внушал Форрестер самому себе в немного поздравительном тоне, и старательно готовил «уроки». Вопрос заключается лишь в периоде времени, когда все ответы откроются и он займет подобающее место в свободном масонстве героев.

Между тем, он бы соврал, если бы сказал, что работать на сирианина было неприятно. Единственным человеком, выразившим неодобрение, оказалась Эдне, но ее с того самого дня Форрестер практически не видел. Сирианин разрешил Форрестеру считать его мужчиной, хотя и не отверг противоположную посылку, не вдаваясь ни в какие объяснения. Любопытство инопланетянина было ненасытным, но оно уравновешивалось терпением. В случаях, когда некоторые вопросы ставили Форрестера в тупик, сирианин предоставлял время для подготовки ответов. Их направленность, к его удивлению, касалась прошлого. Сирианин даже объяснил или сделал попытку объяснить причину подобного интереса. С его точки зрения, текущее состояние любого феномена есть прямое и очевидное следствие его предыдущего состояния, и он интересовался именно предыдущими состояниями человечества.

В мозгу Форрестера мелькнула мысль, что, оказавшись военнопленным на вражеской планете, он бы попытался заполучить информацию о вооружении и стратегии обороны. Но, не являясь сирианином, он не стал утруждать себя попытками мыслить, как инопланетянин: это, очевид-

но, было вне его сил и способностей. Поэтому он и отвечал на вопросы о рекламных агентствах на Мэдисон-авеню, о шумихе и ажиотаже вокруг матчей серии за Мировой кубок по футболу, и каждый день звонил в банк и удостоверялся в поступившей на счет ежедневной зарплате.

И наконец, в сознание Форрестера внедрилась мысль, что деньги по-прежнему оставались деньгами. На четверть миллиона долларов все еще можно было купить равное количество товаров и услуг, но исходя из жизненных стандартов двадцатого века. Инфляции подвергся не доллар, а уровень жизни.

На доллар все еще можно было купить тьму вещей. Что Форрестер успешно и старательно проделывал.

Как он выяснил, если постараться, можно прожить даже на четверть миллиона, но с условием сохранять потребности 1969 года. Без роботов прислуги. Без современного медицинского обслуживания и, прежде всего, — отказавшись от пользования установками замораживания и сопутствующими этим установкам банками органов, от протезирования, антиэнтропических химических смесей и так далее. И еще он не должен пытаться дорогостоящими натуральными продуктами, не путешествовать, не покупать электронные приборы... точнее, если жить, как крестьянин конца двадцатого века, то тогда можно протянуть на эти деньги.

Но не в данный момент. Денег все равно уже не было. Истрачено все, за исключением нескольких десятков тысяч, оставшихся на счете в Девятнадцатом хроматическом плюс зарплата, которую ежедневно перечисляет сирианин. Денег хватит только на то, чтобы оплатить двухнедельное пользование стандартным индженером. Причем — не позволяя себе излишеств.

Форрестер смирился с ситуацией. Положение дел не тревожило его. Он не опасался банкротства. Ведь в его силах теперь зарабатывать такие деньги, о которых он раньше и не мечтал. Но Форрестеру не давало покоя, что он явился объектом шутки: слишком многие хорошо посмеялись и над ним, и над его четвертью миллиона. Но больше всего задевало то, что Эдне смеялась вместе со всеми.

Расплывчато, как слабые предрассветные блики в пустыне, Форрестер предвкушал время, когда Эдне займет в его жизни важное место.

Но она уже исподволь заняла это место, иронично думал он. По крайней мере, потенциально, она единствен-

ный претендент. И, в который уже раз, он ломал голову над ее предложением о выборе имени... И о том, почему она так и не позвонила.

Но то, что важно и существенно для одного человека в некий момент жизни, заключил Форрестер, может оказаться просто несущественным для другого. Он временно очутился в роли ученика у жизни. Ждать, работать, набираться опыта и не искушать удачу — вот его задачи.

Главное достижение ученичества — Форрестер научился быть скромным.

Но Форрестер еще не столкнулся со странными и неприятными обстоятельствами, которые сделают его самым ВАЖНЫМ человеком на Земле.

Что сильнее всего озадачивало Форрестера в поведении босса-сирианина — существо было явно чем-то озабочено. Форрестер даже задал индюйеру по этому поводу прямой вопрос.

— Не уточните ли вы суть вопроса, человек Форрестер? Что именно в поведении Альфарда Четыре Ноль-Ноль Тримата необъяснимо для вас?

— Называй его просто сирианин. У него странная манера речи.

— Возможно, человек Форрестер, это мой перевод. Сирианский язык не имеет грамматических времен и относится к Квази-Буманской категории. И я позволил себе перевод с приближением по нормам английского языка двадцатого века. Но если вы хотите, то я дам более дословный пересказ или...

— Нет, я не о том. Что-то у него на уме.

Пауза. Секунда, другая.

Форрестер знал уже достаточно много, чтобы оценить происходящее. Задержка ответа компьютера означала неординарность поставленной задачи. Но индюйер ничего не объяснил, наоборот, сам обратился с просьбой:

— Можете ли вы привести примеры, человек Форрестер?

— Затрудняюсь. Но он проделывал некоторые странные вещи. Например, имеет ли он право гипнотизировать меня?

Новая пауза. Затем индюйер сказал:

— Не могу ответить, человек Форрестер. Но советую вам действовать осторожнее.

Форрестер и без совета индюйера старался действовать осторожнее. Но, тем не менее, он был в замешательстве.

Сирианин больше не пытался гипнотизировать Форрестера — «чтобы вытащить на свет забытый фактологический материал и стертые психологические травмы прежней жизни», — но его по-прежнему было нелегко понять.

— Объясни основные положения института брака.

И Форрестер в игривой манере, но настойчиво объяснил сирианину неотвратимость сексуального импульса и потребности, но не для всех, иметь семью, что и послужило причиной возникновения формального института брака для умасливания противников незаконного поведения.

— А торговые скидки? — раздался громкий, пустотелый голос.

И Форрестер принялся как можно тщательнее объяснять запутанные нюансы розничной торговли в супермаркетах.

— Вы нарушили или не нарушали законодательные принудительные программы? — совершенно не к месту спросил сирианин.

В этот день их беседа длилась как никогда долго. Как Форрестер ни старался, но четко изложить идею личной этики — законы, не нарушаемые по причине их моральной правоты, и законы, преступаемые всеми из-за их моральной неуместности, — он так и не смог.

Он сочувствовал сирианину, что заставляло его корпеть над домашними заданиями долго и усердно.

Но Форрестер не пренебрегал и собственными домашними заданиями. Он приказал индженеру показать записи дистанционной разведки планеты сириан.

Он полагал, что сириане — бумажные тигры, но оказалось, что и у них есть клыки. Окружённая мощными крепостями и имея в распоряжении быстрые, мощные боевые корабли, жалящие, как настырные осы, система сириан являла собой хорошо сбалансированную грандиозную вооруженную структуру. В нее входило около дюжины планет; две на орбите Трои вокруг Сириуса Б, остальные — на спутниках большой белой звезды. Все планеты были освоены и заселены. И все — защищены.

Разведывательным зондам землян повезло — или не повезло? — заснять на пленку военные учения. Сириане относились к учениям крайне серьезно. На сокращенной, но хорошо смонтированной записи Форрестер увидел и гибель существ, и уничтожение техники, что могло быть объяснено лишь грандиозным разгулом милитаризма. Сотни больших кораблей были повреждены, часть уничто-

жена. Флотилии сошлись у покрытого льдом спутника близлежащей планеты... И на глазах Форрестера корабли превратились в груду расплавленных обломков.

Пленка оборвалась. Очевидно, операторы зондов намеренно прекратили съемку. Безопасней оставить сириан без наблюдения, но в покое, чем рисковать — привлечь их внимание к зондам.

Форрестер больше не пытался пригласить сирианина в гости.

На пятый день новой жизни Форрестер встал под покукания кровати, заказал стандартный дешевый завтрак (оказавшийся вкуснее, чем его прежние любимые блюда), выслушал сообщения и приступил к работе.

Гордясь вновь приобретенными навыками, он приказал индженеру выбрать и запомнить маршрут в подземное безбрежие Американского архивного института. Зеленые указательные стрелки зажигались на полу. Он вышел из комнаты, следуя за стрелками, сел в таксо-лифт, который помимо традиционного вертикального движения был приспособлен и к горизонтальному, и перебрался в соседнее здание. Форрестер пересек фойе, где грохотали машины, сортировавшие устаревшие библиотечные карточки, и оказался в сводчатом зале, в котором хранились архивные документы, к которым его босс проявил явный интерес.

Индженер отрывисто произнес:

— Проинформируйте меня о термине «Космическая экспансия».

Форрестер оторвался от просмотра микрофильма.

— Привет, Эс-Четыре, — сказал он. — Сейчас я занят тем, что просматриваю материалы об основании Общества Нед Луд, как ты просил меня. Весьма интересно. Одно время эти парни крушили компьютеры...

— Ты сворачиваешь исследование Общества Нед Луд и излагаешь по пунктам мотивы, по которым два региона вашей планеты начали соревнование: кто первым доберется до Луны.

— Хорошо. Дай мне несколько минут, и я закончу просмотр материала.

Ответа не последовало. Форрестер пожал плечами и вернулся к микрофильмоскопу. Луддиты в начале своей деятельности были настроены весьма решительно: в то время как Тайко становился в смешные позы и увещевал, его

предшественники вели общенациональный крестовый поход; они разрубали топорами компьютеры и воинственно ворили: «Человеку — работу для человека! Машины в бухгалтерию!»

За чтением он позабыл о звонке босса. Затем:

— Человек Форрестер! — прогремел индженер. — Получено два срочных уведомления о намерениях.

К Форрестеру обращался главный компьютерный центр, а не глубокий, отдаленный, нерезонирующий голос сирианца.

Форрестер застонал:

— Неужели опять!

— Хайнцлихен Джура де Сыртис Майджор...

— Чуяло мое сердце, — пробормотал Форрестер.

— ...заявляет, что он реактивировал охотничью лицензию. Вы уведомлены, человек Форрестер. Действия согласно уведомлению.

— Уведомлен! Уведомлен! — передразнил Форрестер. — Зачитывай следующее сообщение.

— Человек Форрестер, сообщение от Альфарда Четыре Ноль-Ноль Тримата, — сказал индженер; затем, чуть отбросив чопорность, — или Эс-Четыре, как вы называете его. Уведомление о прекращении найма. Гарантии соблюдены, уведомление оплачено. Причина: отказ от приемлемого требования работодателя исследовать вопросы, касающиеся первоначальных разногласий между США и СССР по космическому зондированию.

Форрестер запротестовал.

— Остановись! Это очень смахивает на... Что за бред! Эй, я что, уволен?!

— Человек Форрестер, — заявил индженер, — утверждение истинно. Вы уволены.

Первый шок прошел. Но Форрестер не особенно сожалел, несмотря на чувство обиды. Он не сомневался, что все служебные обязанности выполнялись предельно четко. Учитывая характер работы. Учитывая босса.

Надо отметить, у работы были свои недостатки, включая крайне нелестные реплики Эдне и детей о работе «на врага».

С легким сердцем Форрестер вычеркнул из своего сознания сирианина и проинформировал индженер о желании найти новую работу.

Он получил ее довольно скоро: дубль-слежение за уровнем радиации на подземной атомной станции, расположенной под озером Мичиган. Оплата удивительно высокая, а работа не обременительная. Не прошло и двадцати четырех часов, как Форрестер сделал для себя открытие: премиальные выплаты производились соответственно выбросам жесткой радиации, случавшимся через непредсказуемые временные интервалы. Его предшественник — а точнее все его предшественники — покоились в морозильных подводных отсеках в форме блоков низкотемпературного вещества в ожидании открытия совершенной технологии вывода радиационных отходов из клеток тела. Инджойер откровенно проинформировал, что период вероятного ожидания перед оттаиванием и реставрацией, который зависел от темпа прогнозирования базисных открытий, оценивался, по минимальному приближению, в две тысячи лет.

Форрестер взорвался:

— Спасибошки! — прорычал он. — Увольняюсь! Да и какого дьявола здесь нужен человек?

— На случай отказа электроники, — проворно объяснило устройство. — Органический контролер может сохранить потенциал голосовой связи с центральным компьютером, предусматривая аварийное реагирование...

— Это не более, чем риторический вопрос. Забудь о нем, — сказал Форрестер и вдавил в панель кнопку лифта, который поднимет его на платформу на поверхности озера, а затем довезет до города. — А почему ты не предупредил, что эта работа убьет меня?

— Человек Форрестер, — серьезно сказало устройство, — подобный вопрос не задавался вами. Прошу извинения, человек Форрестер, но вы вызвали лифт. Окончание вашей смены через три часа. Вы не должны оставлять станцию без присмотра.

— Согласен, что не должен. Но я все равно ухожу.

— Человек Форрестер, должно предупредить вас...

— Если я правильно прочел табличку на поверхности, то эта установка функционирует сто восемьдесят лет. Держу пари, экстренные системы контроля ни разу не отка-зали. Я прав?

— Утверждение истинно, человек Форрестер. Тем не менее...

— Хватит кудахтать. Я ухожу. — Двери лифта раздви-нулись; он вошел, и створки замкнулись следом за ним.

- Человек Форрестер, вы ставите под угрозу...
- Заткнись. Опасности нет. Худшее, что может произойти, — кратковременная остановка. А в город пойдет энергия от других генераторов, пока поломку не устранит. Так?
- Да, человек Форрестер, но опасность...
- Ты слишком много препираешься. Разговор окончен. Наверх! — приказал Форрестер. — Да, забыл. Подыщи другую работу.

Инджойер не выполнил приказания.

Шло время, и никаких результатов. Устройство перестало даже говорить с Форрестером.

Возвратившись в квартиру, Форрестер спросил у инджойера.:

— Ну и в чем дело? Компьютеры не подвержены человеческим эмоциям. Если ты обиделся, так и быть — прости.

Ответа не последовало. Инджойер молчал.

Стены обзора не зажглись.

Заказанный ужин подан не был.

Комната стала мертвой.

Форрестер, поборов гордость, отправился к Эдне Бенсен. Дома ее не оказалось, но дети пригласили его войти. Он сказал:

— Дети, у меня проблема. Кажется, я сжег в инджойере предохранитель.

Они в смущении смотрели на Форрестера. Спустя мгновение у него возникло подозрение, что он опять совершил промах.

— В чем дело, Тант? Очередное собрание клуба? Да, Мим?

Дети весело рассмеялись. Форрестер раздраженно сказал:

— Хоть я пришел сюда не смеяться, но все-таки разъясните смысл шутки.

— Ты назвал меня Тант, — смеялся мальчуган. Сестра хихикала громче брата.

— И это не самое смешное, Тант. Меня он назвал Мим! Чарлз, неужели ты совсем ничего не знаешь?

— Я знаю, что у меня неприятности, — натянуто сообщил Флоррестер. — Инджойер перестал работать.

Детские глаза округлились, рты приоткрылись от удивления.

— Ой, Чарлз! — очевидно, масштаб катастрофы пробил бреши в обороне. И все их детские заботы, занимавшие мысли на момент прихода Форрестера, отошли на второй план. Сейчас внимание детей было полностью приковано к Форрестеру.

Он натужно произнес:

— Я хочу знать, что произошло.

— Узнаем! — закричала Мим. — Спеши, Тант! Бедняга Чарлз! — Она смотрела на него, как на прокаженного: с ужасом и с состраданием.

Мальчик знал, какие практические шаги нужно предпринимать или, по крайней мере, он знал достаточно, чтобы вычислить ошибку Форрестера. Через детский индженер мальчик адресовал вопрос в центральный компьютер, выслушал, вытаращив глаза, неразборчивый ответ и повернулся к Форрестеру.

— Чарлз! Великий Пот! Ты без разрешения покинул рабочее место!

— Да, — согласился он, прерывая паузу. — Я поступил непродуманно, а? Я поторопился?

— Поторопился?

— Сглупил, — уточнил Форрестер. — Мне жаль.

— Жаль?!

— Если вы повторите все сказанное мной, — задумчиво произнес Форрестер, — я наверное, просто сойду с ума, так что лучше вообще ничего не говорите. Согласен, я наломал дров. Полнотью это признаю.

— Да, Чарлз, — сказал мальчик. — Но тебе, должно быть, не известно, что ты потерял все свое жалование. У тебя ничего больше не осталось. Возможно, лишь небольшие суммы, автоматически переводимые на будущие расходы по замораживанию, но ни доллара наличных. И, таким образом, ты... — мальчик замялся, губы с трудом выдавили слова. — Ты разорен, — прошептал он.

Возможно, Форрестер за свою жизнь слышал слова и похуже... но... оказаться нищим в век невероятного изобилия и безостановочного потребления? Нищета была равнозначна смерти. Форрестер обреченно развалился в кресле, девочка подбежала к нему и услужливо заказала выпивку. Он отпил с благодарностью, и стал ждать действия алкоголя.

Безрезультатно. Разумеется, это была лучшая «выпивка», которую только могла заказать у детского индженера

девочка. Жаль только, что крепость не превышала уровня лимонада.

Он отставил стакан и сказал:

— Я правильно понял: они отключили индженер потому, что я не заплатил по счетам?

— Можно сформулировать и так.

— Хорошо,— кивнул Форрестер.— Первоочередная задача — восстановить кредит? То есть достать кругленькую сумму денег.

— Да, Чарлз! — закричала девочка.— Это решит все!

— Но как мне сделать это?

Дети беспомощно переглянулись.

— Как мне поступить?

— Великий Пот, Чарлз. Все просто! Найди новую работу.

— Но индженер отказывается искать вакансии.

— Пот! — Мальчик упрямо посмотрел на индженер, взял в руки, потом потряс и положил на стол.

— Плохи дела. Подождем Мим. Вероятно, только она поможет тебе.

— Ты действительно думаешь, что поможет?

— Нет. То есть, я не знаю, каким образом...

— Так что же делать?

Мальчик выглядел озадаченным и немного напуганным. Форрестер был уверен, что сам он выглядел ничуть не лучше. Да и чувствовал он себя погано.

Разумеется, убеждал он себя, Хара еще раз может помочь, опыт у него имелся. Или Тайко, проявив понимание и забыв о гордости, снова пригласит его работать на луддитов.

Но он сомневался в реальности обеих возможностей.

Девочка, не глядя на Форрестера, отошла в сторону и начала говорить с индженером. Наверное, продолжила прерванную его приходом игру, с горечью заключил Форрестер. Но он знал, что несправедлив к ним. Они — только дети, и у него нет права ожидать от детей разрешения проблем взрослых. Тем более в ситуации, когда взрослый человек — сам Форрестер — оказался не в состоянии разрешить проблему. Внезапно мальчик произнес:

— Совсем забыл, Чарлз. Мим сказала, что Хайнци вновь охотится на тебя?

— Как будто я не знаю.— Данная угроза поблекла в сравнении с катастрофой неплатежеспособности.

— У тебя очередная проблема,— «порадовал» маль-

чик.— Отсутствует инджойер: кто предупредит тебя о появлении Хайнци? Возможно, ты не все знаешь о процедуре реверса смерти. Если тебя убьют и нет кредита, тебя не заморозят. Правда, существует шанс, что тебе как-то удастся аннулировать боны. Тогда Хайнци, опротестовывая выплаты, будет иметь большие неприятности. Они не захотят оказаться с неплатежеспособным трупом на руках.

— Я ценю их трудности.

— Мне показалось, что тебе будет небезынтересно узнать об этом.

— Ты, как всегда, прав.— Взгляд Форрестера скользнул в сторону — Мим или как тебя называть. Что ты делаешь?

Девочка отвела взгляд от инджойера, лицо ее раскраснелось от возбуждения.

— Я, Чарлз?

— Да. Я слышал, как ты упоминала мое имя.

— Да, Чарлз. Я выдвинула твою кандидатуру на прием в наш клуб. Да мы же рассказывали о нем.

— Очень мило,— с горечью сказал Форрестер.— Ресторан имеется?

— Это совсем другой клуб, Чарлз. Ты ничего не понял. Клуб поможет тебе. И уже поступило первое предложение.

Он был настроен скептически.

— Рациональное?

— О Пот! Конечно, да! Выслушай, что сказал Тарс Таркас: пусть спустится он на дно мертвых морей и стаинных городов. Пусть придет к призракам старого Джесума.

Форрестер устало пытался расшифровать значение сообщения.

— Абсолютная бессмыслица!— сказал он.

— Ты не прав! Все ясно, как щупальца кокоса обратной стороны Луны. Он считает, что ты должен спрятаться у забытых людей.

Глава 11

Десять минут ходьбы от дома Эдне Бенсен, и он спустился на уровень подземных площадей, переулков и тупиков, туда, где жили забытые люди.

Форрестер шел без провожатого, без инджойера, который бы высвечивал зеленые указательные треугольники. Крадучись, он пересек полосу травы, увернулся от ревущего ховеркара — теперь его жизнь была только в его

собственных руках — и вышел к стоэтажной башне. На встречу смиренно шагнул человек, которого Форрестер смутно припоминал.

— Незнакомец, — сказал мужчина с мольбой в голосе. — У меня была ужасная жизнь. Все началось с закрытия шахт и болезни моей жены Мери.

— Приятель, — спросил Форрестер. — А не ошибся ли ты номером!

Мужчина отступил на шаг и внимательно оглядел Форрестера с головы до ног. Был он высокого роста, худой, с темной кожей и терпеливым интеллигентным лицом.

— Не тебя ли я раскрутил, когда ты приперся сюда с двумя малолетками? — обвиняюще произнес он. — Открыл полташку, кажется.

— У тебя прекрасная память. Но тогда я был при деньгах; а сейчас я разорен. — Форрестер оглядел негостеприимные высотные здания и сквер. — Я буду очень признателен, — добавил он, — если вы скажете, где можно заночевать.

Мужчина настороженно огляделся вокруг, подозревая некий подвох, но затем заулыбался и протянул руку.

— Добро пожаловать в клуб, — сказал он. — Уитлоу. Джерри Уитлоу. Что произошло?

— Уволили, — напрямик вывалил Форрестер и затем представился.

— Такое с каждым бывает, — посочувствовал Джерри Уитлоу. — Смотри, вроде без индюйера, но как-то сразу и не смекнул. Посчитал, о Пот, что очередной зеленый забыл захватить его с собой. Но тебе надо немедленно достать штуковину.

— Зачем?

— О Пот! Ну, удивил! Да ты желанная дичь для любого охотника. Они наезжают в район, замечают твое банкротство... Черт, да тебе и дня не продержаться. — Он отстегнул от ремня индюйер — или то, что Форрестер принял за оный, — и гордо протянул его. — Подделка. Усек? Но как две капли похож на настоящий. Кого хочешь одурачит. Держу пари, ты тоже не разобрался.

Форрестер действительно принял его за настоящий. Но когда поднес к глазам — подделка стала очевидна. Очень легкий — видимо, штамповка из пластика, но раскрашен под настоящий индюйер.

— Конечно же, не фурычит, — улыбался Уитлоу. — Но есть преимущество: можно не платить за аренду! Зато

никто не привязывается. А без него — любой извращенец, оттягивающийся на тотальной смерти, в три секунды уложит меня.

Он ненавязчиво взял жезл из рук Форрестера и, оценивающе прищурившись, поглядел на него.

— Тебе надо достать такой же. И тебе чертовски повезло, прямо с первой попытки. Через два дома живет парень, делающий их на продажу. Он мой друг. Держу пари, он уступит индж за... черт!... за смехотворную сумму в сто баксов!

У Форрестера изумленно приоткрылся рот.

— Восемьдесят? А семьдесят пять?

— Уит, — честно сознался Форрестер. — У меня нет и десяти центов.

— Пот! — с уважением воскликнул Уитлоу. Затем пожал плечами. — А, черт! Нельзя допустить, чтобы тебя шлепнули за паршивые пятнадцать баксов. Так и быть, подсоблю.

— Пятнадцать?

Уитлоу улыбнулся.

— Мои комиссионные. Отдашь, когда накопишь. Топай за мной. Без знакомств ты здесь пропадешь.

Забытые люди жили на задворках Великого Мира, раскинувшись наверху, но Форрестеру показалось, что и внизу не бедствовали. Джерри Уитлоу не шиковал, но и не голодал. Чистая одежда в хорошем состоянии, спокойные манеры. Вероятно, заключил Форрестер, когда освоюсь, такая жизнь может даже нравиться.

Уитлоу оказался первоклассным учителем, хотя имел один недостаток: рот его практически не закрывался. Он провел Форрестера через подземные лабиринты и мосты, о которых даже не подозревал Форрестер, не переставая болтать. В основном — о своей жизни.

— ...уволили с шахты. Оказался я, приятель, без работы. Семья висит на шее. Кое-как перебивались. Потом заболела Мери. Пришлось обратиться к чинушам. Пришел к ним один, направили на курсы переподготовки, закидали тестами, и — Боже Потный! — не поверишь, Чак, набрал я столько баллов, что у них головы ходуном заходили. Затем опять школа и...

Уитлоу остановился и настороженно посмотрел вверх. Они находились на участке, зажатом двумя огромными

зданиями, под крошечным квадратом открытого неба. Он схватил Форрестера за руки и затащил в подвал, где инд-жойерных дел мастер содержал лавку.

— Будь осторожен! — свирепо прошептал он. — На-верху караулит айер.

Смысл слова ничего не сказал Форрестеру, зато он понял все по интонации. Они побежали, каждый своим извилистым маршрутом, но возле лавки индж-мастера, которая находилась в червеобразном отростке внутри зда-ния, оказались практически одновременно.

Некогда в этом аппендиксе хранилось какое-то обо-рудование, потом оно устарело, ыло вывезено, а поме-щение осталось пустовать. Коротышка, торгующий инд-жойерами, занимал три комнаты на трех разных уровнях. Каждая комната имела выход-тоннель в полтора метра шириной. В целом помещения составляли причудливую хитросплетенную сеть. В один из таких тоннелей юркнул Форрестер, следом за ним — Уитлоу.

Было темно. Форрестер бежал по неровному полу, при-гибаясь, чтобы не удариться головой, до тех пор, пока на-ступившая кромешная тьма и выбоина не остановили его и не опрокинули на жесткий каменный пол.

Судорожно дыша, он не осознавал причину бегства, но Уитлоу заразил его своим страхом. Он пробудил в Фор-рестере сотню старых страхов; до этого момента он почти не вспоминал об избиении первого дня... Но бегство и физи-ческие усилия акцентировали полу забытую боль каждой ссадины. Бока ломило, в голове шумело.

С момента, как он стал забытым человеком, прошло ровно два часа.

Форрестер лежал на холодном каменном полу, слушая... Тишина была полной, как и темнота.

А преследователя, кого так опасался Уитлоу, рядом не оказалось. Только человек-горностай способен догнать человека-кролика в этих дебрях, подытожил Форрестер; а в темноте даже у кролика могут вырасти острые когти. Сумасшедшего марсианина хватало ему с избытком. А те-перь...

Он вздохнул и перевернулся на жестком полу. Интересно, что произошло с мебелью и аппаратурой, так необ-думанно купленной для квартиры, уже не принадлежавшей ему, задумчиво размышлял Форрестер. Существует ли ком-пенсация, если он вернет все?

Даже если компенсация существует, необходимого

опыта для ее получения у него нет. Форрестер с интересом подумал, а сможет ли Хара вытащить его из данной передряги. Дабы получить ответ, он решил во что бы то ни стало разыскать доктора. Собственно говоря, в том, что он попал в столь незавидное положение, есть и вина Хары...

— Нет,— сказал Форрестер в темноту громко и отчетливо.

Вины Хары нет и не было. Форрестер сам отвечал за свои поступки. За два часа в шкуре забытого человека он осознал, что должен принять на себя ответственность за происшедшее. Не существует общества, которое охраняет человека. Он попал в мир одиночек; он капитан своей судьбы, хозяин своей души...

И пленник собственных ошибок.

Когда в темноте Уитлоу осторожно произнес его имя, Форрестер уже смирился с фактом одиночества в этом холодном, жестоком и безработном мире.

Он осторожно перебрался через трубы, пересек ховер-трассу, и двинулся к зданию, тысячи несущих конической формы колонн которого вонзались в газон. Свет, контролировавший рост травы, падал из аккуратно спрятанных светильников десятиакровой крыши.

Уитлоу, к которому вернулась уверенность, довел Форрестера до колонны с дверью, на которой красные буквы высвечивали надпись: *Запасный выход*. Он распахнул дверь, подтолкнув Форрестера, и закрыл ее за собой.

— Чудненько,— жизнерадостно произнес он.— Чуть не накрыли, но сейчас все в порядке. Проголодался?

Форрестер предполагал устроить Уитлоу допрос, но встречный вопрос проводника полностью отвлек его внимание.

— Да!— с удивлением для самого себя выкрикнул Форрестер.

— Засветился,— Уитлоу улыбнулся.— И горе твое не останется безутешным. Я крепко связан с одним субчиком, он работал со мной еще в лабораториях той жизни. Сейчас он программирует диеты и всегда из продуктов для эксперимента подкидывает и на мою душу. Поглядим...

Порывшись в шкафу, он вытащил две тарелки в термоупаковке. Они раскрылись от прикосновения, выставив напоказ ароматный ужин.

— Черт, сегодня он в ударе! Это тянет на копченые устрицы по-милански! Рубай от души, Чак. Гарантирую,

такой еды даже и двенадцать апостолов в глаза не видывали.

Поглощая еду, Форрестер изучал обстановку комнаты, в которой они находились. Узкий коридор вел из здания в бомбоубежище, расположенное в подземном парке; его давно не активировали, так как с появлением угрозы нападения сириан на двухсотметровой глубине были построены совершенно новые убежища. Но забытое, полностью оснащенное убежище сохранилось как бесполезное напоминание о прошлом. Уитлоу экспроприировал его. Температура строго контролировалась, электричество и водопровод остались включенными, и, как Форрестер уже заметил, убежище было полностью оснащено оборудованием для хранения пищи. Уитлоу требовалось одно — достать еды и забить ею пустующие объемы хранилищ.

Форрестер в приятном расслаблении откинулся на спинку кресла, собираясь с силами, чтобы прикончить шоколадный мусс, и лишь краем уха улавливал беспрерывный поток болтовни Уитлоу.

— Закончил университет. Но устроиться по специальности горного инженера не удалось. Я вернулся в университет и получил второй диплом по электронике твердых структур. Зазывалы «Белл Компани» подкатились с предложением, я принял его и приступил к работе в их лаборатории. Для начала — за девять тысяч. Пот! Дела повалили в гору. Мери временами толстела, дети были в порядке. Но меня какое-то время мучил кашель, и...

— Уит, — сказал Форрестер, — прервись на минуту. Один вопрос. Почему мы прятались от... репортера?

Уитлоу насторожился.

— Прости, — сказал он через минуту. — Все забываю, что ты зеленчик. Значит, не в курсе об айерах, то есть репортерах?

— Абсолютно.

— Они хуже любой отравы. Вот самое главное, что тебе нужно знать. Они как стервятники, которые, увидев труп, начинают кружить над ним. Свобода прессы. Какой-нибудь идиот, получивший лицензию на убийство, немедленно оповещает репортеров. Он расписывает подробный план действий, чтобы репортеры подоспели к кровопролитию. Пресса запечатлевает убийство на пленку, а потом прокручивает через стены обзора. Особенная для них радость — если убийца участвует в одном из турниров. Один такой на прошлой неделе был здесь. Он участник открытого на-

ционального чемпионата, и, потный Боже, репортеры глязели из каждого облака.

— Кажется, я понял,— сказал Форрестер.— Держась подальше от репортеров, мы избегаем встречи с убийцами.

— В этом есть логика, а?

— Не знаю, есть или нет,— скромно ответил Форрестер. Он начал сожалеть, что так быстро последовал совету детей, не желая выслушивать упреки Эдне. Он ощущал прилив злобы. Как посмел мир так пренебрежительно отнестись к его жизни!

Но ведь именно этот мир подарил ему жизнь. Много веков назад, превратив в труп с сожженными легкими, его не закопали в землю, в которой он давным давно растворился бы. Форрестер вздохнул, устроился поудобней в кресле и позволил Уитлоу убаюкать себя рассказами о его приключениях.

— Сходил я к доктору, работавшему в компании, и он обрадовал меня. Рак. Но компания впихивала в программу замораживания своих сотрудников. Доложил я обо всем медикам.— Черт,— говорят они.— Рак легких, значит? Ложись, будем замораживать твои кости...

Расслабившись, слушая в пол-уха, Форрестер клевал носом. Странный выдался день, подумал он, а затем заснул.

— Чтобы жить припеваючи, следует чрезвычайно тщательно подбирать «клиентов»,— поучал Уитлоу.— Неправильная оценка человека приводит к печальным последствиям. Но, подыскав клиента и правильно обработав его, получаешь шанс наткнуться на богатого бездельника, который нацелился совершить экономическое убийство, но который безропотно оплатит все расходы по замораживанию жертвы. Однако можно напороться на убийцу, который испытывает двойную радость от того, что жертва останется мертвой навеки.

Во избежание «неприятностей» они скрупулезно изучали каждого потенциального клиента. Деловые люди, бизнесмены не совали носа на нижний уровень. Самые выгодные клиенты — разношерстные «туристы». Обычно они приходят парами. Один — «ведомый»,— кому показывали, либо свежеразмороженный новичок, либо только что вернувшийся космонавт. В любом варианте «ведомый» для убийства еще не созрел. Сложнее было оценить компаньона — «ведущего»,— того, кто показывал.

— Поэтому я раскрутил именно тебя, Чак. А мальчик меня не волновал. Хотя напороться на «детский» сюрприз можно элементарно.

«Промысел» считался противозаконным, поэтому приходилось остерегаться полиции.

Полицейские не вмешивались, если только не видели явного нарушения закона или если человек не находился в розыске. И уж тогда начинались серьезные неприятности. Первый контакт Форрестера с полицией произошел, когда он в одиночку попытался обработать женщину. Уитлоу спрятался за кустом сирени и шепотом наставлял приятеля.

— Эй, Чак! Видел? Выкинула хабарик. Десять против одного, что она из 1980-го или того раньше. Обкатай ее, мой мальчик!

Не успел Форрестер пройти и двух шагов, как раздался громкий шепот Уитлоу:

— Фараон!

Двухметровый полицейский в голубой форме недвусмысленно поигрывал дубинкой. Форрестера предупредили, что это индюйер, напичканный сноторвными или слезоточивыми аэрозолями плюс оружием. Полицейский вычислил Форрестера издалека и сразу же подошел к нему, покачивая на ходу дубинкой; он остановился и устремился на Уитлоу, который прятался за сиреневым кустом.

— Доброе утро, человек Уитлоу,— вежливо поздоровался полицейский, повернулся к Форрестеру и молча посмотрел ему в глаза, а затем произнес:— Приятного вам дня, человек Форрестер,— и удалился.

— Но как он узнал?— ошеломленно спросил Форрестер.

— По сетчатке глаз. Не обращай внимания. Он давно бы заграбастал тебя, находясь ты в розыске. Обожди маленько, пусть он отвалит подальше.

Перспективный клиент удалился восвояси быстрее полицейского. Но, как вскоре усвоил Форрестер, не составляло труда подыскать других «лопухов». Тщательно стоянясь полицейских, старательно перенимая опыт и навыки Уитлоу в потенциальной оценке клиента, Форрестер забыл о времени. И нельзя было сказать, что день прошел бездарно. Погода стояла теплая и сухая, зелень, обрызганные эрзац-ароматами, приятно пахла, а «раскрученные» клиенты принесли нормальный среднедневной доход. Форрестер добыл пять долларов у девушки в зеркальном бикини, затем пятьдесят у мужчины, который выгуливал обезьянку

с серебристым мехом; Форрестер получил у него деньги якобы за пользование подземным парком и сразу отдал Уитлоу долг за поддельный индж. С деньгами в кармане и не предвидя особых трат, он снова ощутил себя платежеспособным гражданином.

Орлиные глаза Уитлоу сверкнули, и он напряженно прошептал:

— Шикарно! Глянь туда! Похоже, нам повезло.

Около газона с высокими гладиолусами из ховеркара выбирался мужчина. Отпустив машину, он неспешно, как турист, стал прогуливаться по траве. Его походка была необычна, лицо излучало радость. Он приблизился к ним.

— Погляди на походку! — Уитлоу аж затрясся от возбуждения.

— Гляжу. Ну и что в ней особенного?

— Чак, он после уменьшенной гравитации! Мужик вернулся после длительного перелета. А деньгами он, по самым хилым прикидкам, заряжен немерено. Раскручивай болвана!

Форрестер слепо принял диагноз Уитлоу. Он подошел к астронавту и напрямик сообщил:

— Мое имя Чарлз Д. Форрестер. Вследствие моего незнания обычаев этого времени я потерял все деньги и лишился работы. Я буду глубоко признателен, если вы дадите мне хоть сколько-нибудь...

Уитлоу по мановению волшебной палочки уже стоял рядом.

— Это касается и меня, босс, — печально сказал он. — Мы попали в жуткую передрягу. И если вы любезно поможете нам, то мы будем ненавязчиво, но вечно вам призательны.

Человек остановился, держа руки в карманах, ничуть не удивленный и не обеспокоенный. Повернув к «нищим» лицо, он с серьезной заинтересованностью произнес:

— Как это прискорбно слышать, джентльмены. В чем причина ваших трудностей?

— Моих? Наши судьбы с Форрестером удивительно схожи. Мое имя Уитлоу, Джерри Уитлоу. Все началось в первой жизни. Я работал на шахтах в Западной Виргинии. А когда их закрыли...

Астронавт оказался не только вежлив, но и терпелив. Он внимательно выслушал и длинный рассказ Уитлоу, и исповедь Форрестера, поведавшего отредактированную

Уитлоу версию своих злоключений. Астронавт посочувствовал им, записал имена и пообещал обязательно разыскать их, вновь оказавшись в этих краях. Он оказался идеальным клиентом на перспективу. Он был членом смешанного экипажа спутника связи, вращающегося вокруг Солнца под прямым углом к эклиптике и обеспечивавшего свободную от помех ретрансляционную связь внутри Солнечной системы. Работа оплачивалась превосходно, а экипажи менялись через полугодовые интервалы. Астронавты возвращались с целым состоянием в кармане и ненасытной жаждой общения. Уитлоу и Форрестер долго общались с астронавтом, за что получили по две тысячи каждый.

Вечером они ужинали в ресторане. Несмотря на претензии Уитлоу, угощал Форрестер.

Ресторан был любимым пристанищем забытых, как мужчин, так и женщин, причудливо сочетая интим дома и безличие автоматизированного сервиса. Клиентов обслуживал индженер — опускаешь в специальное отверстие несколько монет и делаешь заказ. Конечно, от цен волосы вставали дыбом, но Форрестер решил, что никакие деньги не заменят налаженных связей и приобретенного опыта. По предложению Уитлоу, они разогрелись веселящей смесью (пятьдесят долларов за выхлоп), затем последовали коктейли (сорок), затем сырный супец (двадцать пять), следующая порция выпивки, после которой Форрестер потерял деньгам счет. Кажется, им подали блюдо, напоминавшее мясо, но в оболочке из ванильного мороженого и с кровью внутри; а уж после него они начали пить одну за одной.

Они «гуляли» не одни. В переполненном ресторане, где Уитлоу, казалось, знал всех, собралась компания людей с семи континентов, нескольких планет и лун; всех их вытащили из заморозки за последние шесть веков.

Форрестер едва не впал в шоковое состояние, увидев громадного, краснолицего мужчину, как две капли воды похожего на Хайнци-убийцу. Они познакомились. Кевин О'Рурк да Солис Ласис тоже оказался марсианином, а по призванию — поэтом. Из принципа он отказывался принимать взятки от государства железноголовых. Расспрашивив Рурка, Форрестер выяснил, что речь шла о государственных стипендиях, предоставляемых любому поэту, но Рурк с гневом отверг ее. На непродолжительное время он связался с обществом Нед Луд. Но в нем было полно таких

же железноголовых, как и в государственных учреждениях. Земля, как он считал, сплошная зона бедствия. Пусть сириане захватывают ее!

— А почему ты не вернешься на Марс? — вежливо поинтересовался Форрестер.

Но марсианин счел вопрос оскорбительным, побагровел и ушел в противоположный угол зала.

— Не обращай на Кевина внимания, — ласково посоветовала миловидная смуглая девушка, которая, прильнув к плечу Форрестера, помогала уничтожать спиртное из его стакана. — Он вернется. *Certainement**.

Атмосфера сбираша несла в себе оттенок интернационализма Объединенных наций. Форрестер отметил, что, за исключением редких чудаков, таких, как поэт-марсианин, забытые в основной своей массе пришли приблизительно из одного с Форрестером временного отрезка. Они тяжело вживались в мир, предложил он, и с трудом зарабатывали на жизнь. Но это касалось не всех. Миниатюрная чешка — смуглая девушка, расстрелянная в 1991 году по обвинению в шпионаже в пользу большевистского Китая, была заморожена с величайшим риском боевиками Хрущевского подполья, потом оживлена, а затем еще семь раз убита самыми разными способами и при самых разных обстоятельствах, но каждый раз ее воскрешали. Но не деньги побудили ее искать прибежище среди забытых людей. Денег у нее было навалом, как прошептал Уитлоу. Она собрала коллекцию золота и драгоценных камней от многочисленных поклонников из самых разных стран и на протяжении веков, так что капиталы ее возрастали в геометрической прогрессии. Но после очередного убийства в ее мозгу произошли необратимые изменения: каждое утро она просыпалась с твердым убеждением, что агенты Сталина выслеживали ее. Она не боялась их. Ее нежелание умирать напоминало Форрестеру посещение дантиста; повода для волнений нет, но процедура сама по себе неприятна. Как человек, переживавший семь веков, она притягивала внимание Форрестера, не говоря уже о ее красоте. Но она очень быстро надралась, и воспоминания пошли путанным и бессвязным потоком.

Форрестер поднялся и, покачиваясь, побрел за очередной выпивкой. Если я пьян, то лишь самую малость, подумал Форрестер и, споткнувшись, пролил содержимое ста-

* Несомненно.

кана на худого лысого старика, который улыбнулся, кивнул головой и сказал:

— *Tenga dura, signore! E preioso! **

— Вы абсолютно правы,— сказал Форрестер, садясь на соседний стул.

Войдя в ресторан, Уитлоу первым делом указал на него. Старик, родившийся задолго до Форрестера, был некой достопримечательностью. Он умер в 1988 году от эмболии в возрасте ста семи лет. С эмболией справились бы еще и в те годы, но не с опустошительным действием старости. Прошло шесть веков черного забытья в жидким гелии, и его капиталы приблизились к отметке, когда директорат морозильника решил оживить его. Денег хватило на хирургическое омолаживание, но не на косметическую операцию.

— Держу пари, что вы прожили интересную жизнь,— торжественно заявил Форрестер, допивая остатки из бокала.

Старик степенно кивнул.

— *Signore,— сообщил он,— durante la vita mia prima del morte, era un homo grande! Nel tempo del Duce — ah! Un maggiore del eserato, io, e dappertutto mon mi dispacciono le donne! ***

Уитлоу похлопал старика по плечу и увел Форрестера.

— Травма передней доли мозга,— прошептал он.

— Но он говорил по-итальянски.

— Конечно, Чак. Учиться он не смог, поэтому очутился здесь. Не слишком много работы существуют для человека, который не может говорить, как все мы.

Марсианин, пошатываясь, прошел мимо, голова была повернута в их сторону. Слышал ли он их разговор, Форрестер сказать не мог, но тот сказал громко и кстати:

— Говори, как все! Живи, как все! Живи ради государства! И оно позаботится о тебе!

Вечеринка набирала обороты. Собравшиеся оживились, повеселели и напились. Человек небольшого роста в зеленом жабо, имитирующем раскраску сириан, закричал:

— И каким же образом? Поптысячелетия назад Адольф Берль спросил: «Что хочет корпорация?» И государство стало корпорацией.

Балерина заикала, приоткрыв остекленелые сердитые глаза.

* Держитесь крепче, сеньор! Осторожно! (итал.).

** Сеньор, во времена моей первой жизни была эпоха Великого человека! Эра Дуче. Я служил в чине майора и не раз доставлял ему депеши.

— Сталинисты,— прошипела она и вновь погрузилась в сон.

Форрестер запустил руку в карман, нащупал стодолларовые бумажки и скормил их индюйерам, заказав выпивку на всех.

Форрестер отдавал себе отчет, что вторая и последняя тысяча таит с устрашающей быстротой. Но ему нравилось транжириТЬ деньги. Он был достаточно пьян, достаточно эйфоризован, чтобы переложить на утро все страхи завтрашнего дня. Сомнительно, что день грядущий окажется хуже дня прошедшего. Он оценил преимущества жизни забытых людей.

Залезть в долг невозможно, ведь у тебя нет даже кредита. Мудрый Тарс Таркас! Прекрасные дети дали прекрасный совет!

— Ешьте!— закричал он, не обращая внимания на предостерегающий шепот Уитлоу.— Пейте! Веселитесь! Ведь завтра мы снова умрем!

— Domani morire!* — пискливо вторил стариk-итальянec, поднимая в честь Форрестера бокал с неизвестно-на-сколько-но-безумно-дорогой-граппой.

Форрестер выпил и за его здоровье.

— Чак, послушай,— тревожно сказал Уитлоу.— Сбавь-ка обороты. Такие клиенты, как астронавт, не каждый день на дороге валяются.

— Заткнись, Уит. Перестань поучать, как старая бабка.

— Что ж. Это твои деньги. Но, оказавшись завтра на бобах, не обвиняй меня.

— От тебя тошнит,— с улыбкой сказал Форрестер.

— Кто бы говорил!— вспыхнул Уитлоу.— Да если бы не я, где бы ты был? Черт подери, я не собираюсь выслушивать подобный базар и...

Марсианин с ирландским именем прервал их.

— Эй, мужики! Завязали!

Уитлоу остыл. Форрестер обернулся и с удивлением разглядывал марсианина.

— Где ты научился так говорить?— спросил он.

— Так — это как? Я что-нибудь неправильно сказал?

— В некотором роде, да.

Но лицо марсианина изменилось, он щелкнул пальцами.

— Погоди! Твое имя, кажется, Форрестер?

* Умрем завтра!

- Да. Но мы обсуждали тебя...
- Невежливо перебивать подобным образом,— упрекнул Кевин О'Рурк да Солис Ласис.— Вот что я хотел сказать. Тебя разыскивал сирианин.
- Сирианин? Зеленый?— Форрестер попытался сконцентрироваться сквозь винные пары.— Эс-Четыре?
- Откуда мне знать его номер? Он был одет в гравитационную накидку, но я распознал сирианина. Их я на своем веку перевидал достаточно.
- Возможно, он подал иск на компенсацию за нарушение контракта,— с горечью сказал Форрестер.— Пусть судится сколько угодно.
- Думаю, дело не в этом, потому что...
- Довольно,— перебил Форрестер.— До омерзения противно, как вы, марсиане, ловко меняете тему. Меня интересует вопрос: почему ты... так вот говоришь? Тот, который собрался прикончить меня, говорил с немецким акцентом. У него было и немецкое имя. Ты говоришь так же, как он. Но ты ирландец.

Кевин О'Рурк неодобрительно посмотрел на него.

— Форрестер, ты пьян. Что, черт побери, означает «ирландец»? Ты хочешь меня оскорбить, да?

Сколько длилась гулянка? Форрестер помнил длинные разглагольствования пьяной балерины, пытавшейся объяснить, что акцент был марсианский, а не немецкий, и что гелиево-кислородный воздух с давлением в шестьсот миллибар делал их невосприимчивыми к некоторым частотам. Он отчетливо помнил, как засунул руку в карман, обнаружил отсутствие денег, и расплывчатое, приправленное ужасом воспоминание о неприятном инциденте.

Но все было несколько туманно и отдаленно — в сознании всплывали только отрывочные воспоминания.

На следующее утро он проснулся в тоннеле невдалеке от индж-лавки, не представляя, как добрался сюда. К тому же, один.

И его мучило грандиозное похмелье.

Форрестер смутно припоминал, что Уитлоу предупреждал и об этом. Общественные инджойеры не оснащались автономными контурами слежения. А момент «торможения» он должен был выбрать сам, индж обслуживал до тех пор, пока в него подкладывали деньги.

Очевидно, он долго «подкармливал» инджойер.

Форрестер печально покачал головой. Движение вызвало водопад боли в затылке.

Произошло что-то неладное?

Он вяло попытался вспомнить, и в сознании возникала мозаика лиц, охваченных массовым ужасом.

Нечто прервало гулянку, разогнало напуганных и подвыпивших посетителей ресторана. Даже итальянец и балерина очнулись от пьяного забытья и дали деру.

Но что это было?

Форрестер не был уверен, но подозревал, что сейчас о вчерашнем лучше не вспоминать.

Пошатываясь, он добрел до конца тоннеля, спустился по металлическим ступенькам и открыл дверь. Он стоял и смотрел на кусты, цветы, траву, недовольно отворачиваясь от ласковых прикосновений теплого ветра. Был уже день. Исключая отдаленный шум ховеркаров, он не слышал больше ни звука.

Нельзя делать выводы, отталкиваясь только от двадцати четырехчасового опыта. Несомненно, все его беды произошли по его же вине. А место среди забытых людей — в этом Форрестер с готовностью признался — явно оказалось не для него. Но существует ли в этом новом мире место для него?

Неожиданно появился Уитлоу, счастливый и довольный, как будто в мире не существовало похмелья. Форрестер посмотрел на него и сделал вывод, что пока ты жив, следует продолжать жить.

— Все в порядке? — радостно подмигнул Уитлоу. — Ну и нагрузился же ты вчера вечером!

— Меня уже известили, — мрачно огрызнулся Форрестер. — И любым подробностям я поверю на слово. Уитлоу, как бы мне снова получить работу?

— Зачем?

— Надоели детские игры, — малодушно сказал Форрестер. — Я никого не осуждаю, но сам не хочу вести такую жизнь.

— Достань денег, — посоветовал Уитлоу. — Иначе никто и слушать тебя не станет.

— Отлично. А стартовый капитал придется зарабатывать жульничеством?

— Точно! — закричал Уитлоу. — И у меня приятное известие, Чак. Астронавт опять ошибается поблизости. Обработаешь его еще разок, а?

Они прошли под пylonами через газон, выискивая открытое небо. Уитлоу заметил, что астронавт в одноместном флипере бесцельно летает по окрестностям. По пред-

положению Уитлоу, астронавт собирается приземлиться и снова погулять по району забытых людей, но сейчас его почему-то уже не было видно.

— Прости,— извинился Уитлоу.— Но я уверен, он где-то поблизости.

Форрестер пожал плечами. Положа руку на сердце, он никому не хотел зла. Даже соратникам псевдореволюционера Тайко, призывавшего к крушению строя. Форрестер решил, что если выбрать работу, найти занятие, которое принесет пользу и доставит удовлетворение...

— Что я говорил, Чак!— вскричал Уитлоу.— Видишь? Там!

Форрестер взглянул вверх. Уитлоу оказался прав. Из кабинны флайера внимательно и прямо на них смотрел астронавт. Он поднес инджойер к губам и отдал команду: флайер пошел на снижение в направлении посадочной площадки.

— Он садится,— отметил этот факт Форрестер.

Уитлоу, потирая подбородок, наблюдал за посадкой флайера.

— Да,— оживленно произнес он. Глаза его тревожно засияли.

— В чем дело?— спросил Форрестер.

— Что?— Уитлоу нахмурился и вновь посмотрел на флаер.— Да ничего, Чак. Дурное предчувствие, вот и все.

— В каком смысле?

— Ну... Ничего, Чак. У летунов порой бывают странные представления о развлечениях и... Чак, пожалуй, надо сматываться.— Он резко повернулся, схватил Форрестера за руку и потянул за собой.

Тревога Уитлоу передалась Форрестеру, и он побежал следом за ним. Уитлоу струсили, анализировал на бегу Форрестер, что типично для этого века трусости, когда надежда на бессмертие инициирует преувеличенный страх перед перманентной — абсолютной, необратимой — смертью.

Но животный страх пришел и к нему, стоило ощутить над головой мощный поток воздуха.

Флаер кружил над ними.

— Это он!— закричал Форрестер.— Ты прав. Он охотится за нами.

Форрестер припустил, как ужаленный. Уитлоу, увертываясь, рванул в другую сторону. А флаер, то снижаясь, то набирая высоту, описывал круги.

Странно, с запозданием осознал Форрестер, но он не заметил в кабине астронавта.

И в этот момент он услышал крик Уитлоу. Астронавта не могло быть в кабине. Он запрограммировал автопилот флайера и сейчас стоял около желтого конусообразного здания на пути Уитлоу и держал в руках кнут.

Уитлоу тщетно попытался свернуть, изменить направление. Астронавт легко потряс ручку кнута, и тот ожила, взвился в небо и с шипением обмотался вокруг шеи Уитлоу, который судорожно захрипел и повалился на землю.

Форрестер развернулся и побежал.

Впереди по ховертрассе, шумно рассекая воздух, пулями мчались машины.

И если он попадет под колеса, то смерть придет так же неминуемо, как и от руки убийцы.

Медлить было нельзя, он ринулся напролом через широкое полотно дороги и к собственному удивлению добрался до противоположной стороны целым и невредимым. Полицейский с любопытством следил, как Форрестер обернулся и посмотрел назад.

Астронавт с выражением восторженной радости повторно взмахнул кнутом. За ревом ховеркаров Форрестер отчетливо рассыпал крик Уитлоу.

Уитлоу пытался вставать, но его вновь и вновь валили наземь удары кнута, которые наносил их благодетель из космоса. После очередной попытки кнут оставил на лице Уитлоу кровоточащую отметину. Еще одна попытка — очередное падение, и Уитлоу затих.

Форрестер отвернулся и заплакал.

«Я имею на это полное право», — отчаянно твердил он себе. Кто может равнодушно наблюдать, как друга забивают насмерть? Особенно, когда ты лишь по счастливой случайности не оказался на месте жертвы.

Но он еще не потерял шанс стать жертвой.

Форрестер побежал и оказался в крепких металлических объятиях полицейского.

— Человек Форрестер, — сказал фараон, неотрывно глядя в его глаза. — Доброе утро. Вам поступило сообщение.

— Отпусти! — закричал Форрестер.

— Зачитываю сообщение, — неумолимо продолжал полицейский. — Человек Форрестер, согласны ли вы принять повторное предложение по найму? Оно поступило от того, кого вы называете Сирианин Четыре.

— Да отпустите же меня, черт подери! — взмолился Форрестер. — Нет. Или да... Я не знаю! Я хочу выбраться отсюда!..

— Ваш перспективный работодатель, человек Форрестер,— сообщил полицейский, разжав лапы,— находится неподалеку. Если вы пожелаете, он готов немедленно встретиться с вами.

— Пусть отправляется ко всем чертям! — прорычал Форрестер, и пошел в единственно возможном направлении, выбранном полицейским, который стоял столбом, указывая на ховеркар сирианина. За ховером Форрестер разглядел нечто среднее между сверкающим грибом и хромовой трубочкой для мороженого. Газовый выхлоп из сопел пригнул головки маков в сторону Форрестера. Аппарат стремительно приближался к нему. Форрестер замер как вкопанный и с явным опозданием увидел скафандр, а за стеклом шлема сверкало кольцо зеленых глаз.

Это был его сирианин. Что-то блеснуло и ужалило Форрестера.

Форрестер очнулся на земле и смотрел на круговые движения скафандра с реактивной тягой.

— Я не обещал вернуться и работать на тебя,— сказал он.

Сирианин молчал, длинное щупальце, ужалившее Форрестера, вяло извивалось сбоку.

— Не слишком уж и нужна мне работа,— пробормотал он, пытаясь закрыть глаза.

Сирианин ввел в тело очень странное вещество, сообразил Форрестер, чувствуя, что не может двигаться. А сирианин начал менять облик.

Он уже не был похож на сирианина...

Глава 12

Через какое-то время он почувствовал, что снова может двигаться.

Форрестер огляделся — он летел в флейере, хихикая без всякой причины над самим собой и наблюдая за пасторальной фермерской идиллией сочных золотистых тонов, которая распростерлась внизу, на земле.

— Дорогой Чарлз,— раздался сзади голос.— Надеюсь, с тобой все в порядке?

— Безусловно,— Форрестер обернулся, улыбаясь,— лишь некоторые моменты вылетели из головы.

— Что конкретно, дорогой Чарлз?

— Например, что произошло с сирианином? — Он

рассмеялся.— Последнее, что я помню,— он вкатил мне изрядную дозу гипнозоля. Потом мы куда-то полетели... Но ты не поверишь, я не помню, как мы оказались во флайере вместе с тобой. И еще. Я не понимаю, почему ты оделась в такое необычное одеяние, Эдне.

Эдне молчала, хитро поглядывая на Форрестера. Глаза ее были подведены ослепительно зеленым.

Форрестер больше не смеялся.

— Все так запутано,— извинился он.— Прости, но я в очередной раз все напутал.

Она промолчала, потому, что была занята: всеми своими глазами она изучала приборную панель флайера, экраны высвечивали сектора зеленой поверхности, а сплошная линия очерчивала маршрут их полета.

— Дорогой Чарлз,— внезапно произнесла она.— Готов ли ты приступить к выполнению запрограммированных задач?

— Каких еще запрограммированных задач?

Вопрос явился ошибкой. Вспышка боли, взорвавшись в голове, разлилась по телу до самых кончиков пальцев рук и ног, отразилась от них и затухающим пульсирующим эхом вернулась в головной мозг. Форрестер завопил; он вспомнил, что зверская боль уже металась в его теле, он вспомнил ее, как вспомнил о своих запрограммированных задачах.

— Ты — Эдне Бенсен. Ты хочешь, шутки ради, чтобы я нелегально провел тебя на космический корабль. Я должен доставить тебя на борт корабля, а затем подсоединить данный тобой командный блок в навигационный контурс, а потом хранить молчание, иначе шутка не удастся и боль вернется.

— Дорогой Чарлз,— прогремел пустотело-резонирующий голос,— ты готов приступить к исполнению запрограммированных задач.

Боль стихла. Форрестер откинулся на спинку кресла, кружилась голова, тошнило. Он был стопроцентно ослеплен и ошарашен. Неужели мозг перешел грань нервного срыва? Хотя это неудивительно — после всего пережитого им.

Шутка Эдне не выглядела смешной. Но в этот момент мозг Форрестера не был чересчур проницательным. Возможно, дело заключалось не в шутке, а в ее оценке.

Форрестеру казалось, что он сходит с ума. Тягучая сонливость переплелась с невыносимой бессонницей. Он

сам себе напоминал человека, который не сомкнул глаз за долгую полярную зиму и с ненавистью смотрит на восходящее солнце. Глаза саднило, но стоило их закрыть, и они раскрывались снова. Это пугало...

Он не ориентировался во времени и в пространстве. Потом с отвращением заметил за бортом флейера чернила ночи. Что же произошло? Время утекало, но сознание не контролировало его течения. Его пугал странный взгляд зеленых глаз Эдне, а мгновение спустя ему мерещилось, что выражение ее лица как никогда нормально. Иллюзии?

Быть может, Эдне сделала ему укол? Но что за мотив побудил ее? Но он помнил, что она неоднократно повторяла свое имя. Зачем? Как будто он не узнал ее! Разве не сохранилось в нем воспоминание, как девушка, натянув нелепый сирианский скафандр, сильно изменившись, беспрерывно повторяла инструкции о том, что он должен сделать в ближайшие часы, подкрепляя наставления вспышками жуткой боли?

Он со стоном закрыл глаза.

Они летели в пространстве над открытой местностью, но уже не во флейере. Сквозь вспышки, чередующиеся дурманом головокружения и тошноты, он видел себя стоящим на горячей, высохшей, мертвой траве; за рокотом лопастей флейера он рассыпал металлический лязг открываемого, люка и шипение пневмозамков. Он пропихнул в люк молчаливое тело в конусообразном скафандре и подсоединил плоский, блестящий предмет к разъемам на приборной панели. Он снова оказался снаружи, под звездами, снова залез во флейер.

Но куда подевалась Эдне?

Он в изнеможении рухнул в кресло. Голова раскалывалась от боли...

— Будь ты проклята, — прошептал он и отключился.

Форрестер проснулся внутри ховеркара, который стоял на обочине ховершоссе напротив конусообразного желтого шпиля. Двигатели были заглушены и молчали. Он находился в том самом месте, где сирианин вколол в него гипнозоль.

Он с трудом вылез из кабины и глубоко вдохнул. До него доносились и свист проносившихся ховеркаров, и визг шин, с другой, лежащей чуть в стороне, дороги. Иных звуков не существовало. Судя по всему, было раннее утро.

— Эдне! — громко позвал он.

Ответа не последовало. Но он и не ожидал ответа, только надеялся.

Двадцать четыре часа были вычеркнуты из его жизни, и он здорово проголодался. Форрестер порылся в карманах в надежде найти остатки подаяний его «друга», кинутогоубийцы.

Пусто. Как он и ожидал. Его финансы показывали абсолютный ноль. Деньги потрачены. Кредит уничтожен. Уитлоу, его ментор в мире забытых людей, мертв, необратимо мертв. Форрестер подумал и отметил в сознании, что эта эпоха стерла в людях инстинкты.

Последняя оставшаяся надежда — Эдне. А может и ее не существует? Форрестер постоял, подумал, плюнул на все и пошел к Эдне. Он превосходно понимал, пробираясь через подземные дороги и увертываясь от флейеров, сколь эфемерны его притязания на Эдне. Ее могло не оказаться дома, она могла не пустить его на порог, она...

Она была дома и пригласила зайти, но без особого энтузиазма.

— Ты выглядишь ужасно, — сообщила она, пряча глаза. — Ну ладно, проходи.

Он вошел, сел, но ему было не по себе. Внимание детей было полностью приковано к стене обзора. Они мельком взглянули на Форрестера и вернулись к просмотру передачи, как, впрочем, поступила и Эдне.

Форрестер откашлялся. Помимо голода и полного банкротства, его мучила страстная мечта — вымыться. Он проигрывал варианты словесного гамбита, чтобы выудить из Эдне приглашение к обеду или, на худой конец, позвание умыться.

— Странный случай произошел со мной, — робко начал он.

— Обожди, Чарлз, — через плечо недовольно сказала она. Эдне чем-то огорчена, подумал он, наблюдая, как она теребила индюйер, не отрываясь от беспрерывно меняющегося изображения.

— Я думал, что вчера ты была рядом со мной, — в отчаянье сказал он. — Но наша встреча явилась то ли сном, то ли сумасшествием. Я обеспокоен. Тебя со мной действительно не было?

— Да погоди же, Чарлз. — Ее внимание было полностью сосредоточено на стене.

Форрестер взглянул...
И увидел знакомую сцену.
Открытая равнина с сухой, опаленной травой.
На земле следы, оставленные тяжелым предметом.
Происходящее комментировал мужской голос, полный нарочито скорбящих интонаций.

— Корабль избежал встречи с орбитальными патрулями и, предположительно, уже летит, держа курс на Сириус. Радарная сеть слежения засекла взлет и послала соответствующие предупреждения. Ответа не последовало.

Форрестер проглотил подступивший к горлу ком.
— Неужели... неужели один из сириан убежал?
— О Пот! — раздраженно бросил мальчик.— Где ты был, Чарлз?

Прошло столько часов!
Форрестер всячески пытался подавить внутреннюю агонию.

Томный голос диктора продолжал:
— Власти крайне обеспокоены происшедшим. Несомненно, что побег осуществлялся не без помощи со стороны людей. Но ни один монитор индойеров не зарегистрировал подобных действий. Мотивация помощи пока не ясна. Альянс «Солнечно-Сирианской дружбы» добровольно предложил зондаж сознания членов своей организации. Восемь нигилистических организаций уничтожения при расспросе об их политическом кредо заявили, но в разных формулировках, что все человечество обязано совершить акт самоуничтожения. Но, отвлекаясь от вопроса вины, возникает обеспокоенность за последствия. Один факт неоспорим: сирианин держит курс к родной планете и, несомненно, располагает информацией, что Земля повинна в уничтожении сирианского космического корабля. Эксперты по сирианской психологии утверждают, что война неизбежна. И весь мир в этот час...

— Он повторяется, Мим,— проворчал мальчик.— Мы слышали это уже дважды. Выключить?

Эдне кивнула, откинулась на спинку кресла. Лицо ее стало напряженным и пустым.

На стене появился декоративный пейзаж джунглей. Форрестер кашлянул.
— О Боже,— сказала Эдне.— Совсем забыла о тебе. Что ты хотел спросить?

— Об одном пустяке, но сейчас это неважно.

— По сравнению с побегом, несомненно,— согласилась она.— Ну, а все же?

— Сущая ерунда. Была ты со мной вчера или нет? Но вопрос отпал сам собой. Я знаю, с кем я провел вчерашний день...

Глава 13

Однажды, много лет тому назад (несколько веков, учитывая время пребывания в замороженном состоянии) маленький Чак Форрестер оказался виновником аварии, в которой разбились три автомобиля, а два человека попали в больницу.

Он лежал в высокой траве, неподалеку от своего дома в Эванстоне, постреливая из рогатки по проезжающим по шоссе машинам. Прицел был точен, выстрелы метки.

Камень угодил в глаз полицейскому.

Потеряв управление и выехав на встречную полосу, полицейский форд вынудил съехать в кювет летящий на полной скорости бьюик, а сам врезался в прицепной фургон.

Никто серьезно не пострадал; полицейскому вылечили глаз, хотя врачи в какой-то момент склонялись к тому, чтобы удалить его. Никто не удосужился допросить соседских мальчишек — больших любителей стрельбы из рогаток. Официальной версией причины аварии, первоначальной и окончательной, стал камень, вылетевший из-под колеса встречной машины. Чак оставался в неведении, и на протяжении последующего года каждую ночь просыпался в поту от страха. А дни проходили в кошмаре неми-нуемого ареста.

Сейчас он испытывал похожее ощущение.

Не оставалось сомнений, что именно он помог сирианину обойти системы электронной защиты, мертвыми узами скрепившими инопланетян с Землей. Форрестер шаг за шагом реконструировал события. Сирианин после долгих поисков нашел достаточно невежественного, податливого и ничего не подозревающего человека. Вколов Форрестеру гипнозоль и внушив образ Эдне Бенсен, он заставил перелететь на стартовую площадку, где находился устаревший, но в рабочем состоянии, космический корабль. Сирианин ухитрился загнать себя в бессознательное состояние, и датчики электронных систем слежения безмолвствовали. Он приказал Форрестеру загрузить его в корабль и про-

извести запуск. И Форрестер, окутанный пеленой гипнотической покорности, исполнил все приказы инопланетянина.

Все ясно как божий день. Теперь Форрестер отчетливо видел каждый свой шаг. Как могли увидеть и все остальные, им надо было только заставить себя подумать. И несомненно, сейчас человечество размышляло о сирианах. Обзорная стена передавала бесконечные информационные выпуски: специальные следственные отряды прочесывали зону запуска, сотни новых зондов отправились охранять периметр солнечной системы. Правительство объявило тревогу желтой категории, и каждый гражданин обязан был находиться вблизи укрытия.

Форрестер ждал, когда тяжелая рука опустится на плечо и голос произнесет:

— Форрестер! Ты арестован!

Но эти слова так и не прозвучали.

Были и положительные стороны в побеге Эс-Четыре. Эдне, с головой окунувшаяся в атмосферу возбужденных эмоций, оттаяла и проявила дружеское участие к Форрестеру. Она накормила его, позволила вымыться, а когда дети вместе со своими сверстниками отправились на учебу, заметила, что Форрестер находится в состоянии, близком к коллапсу, и позволила ему выспаться в детской.

Разбудили его голоса: Эдне и какого-то мужчины.

— ...Только ради детей. Я не так обеспокоена за себя...

— Несомненно, дорогая! Боже! Случилось же такое! На пороге эпохи, когда общество созрело для сексуального раскрепощения.

— Факт сам по себе несущественный, но наводящий на размышления. Как они могли позволить животному убежать?

— И ты спрашиваешь — как? — пробрюзжал мужской голос. — Машины выполняют работу, предназначенную человеку! Отдав нашу судьбу в руки механизмов и микросхем, какого результата следует нам ожидать? Вспомни мой прошлогодний доклад. Я сказал: «Охрана свобод человека — это почетный пост, и занимать его должны достойные люди».

Форрестер сел, узнав голос луддита Тайко Хирониби.

— Я считала, что ты подразумеваешь полицейских.

— Безразлично! Машинам — работа для машин, а человеку — работа для человека... Что это?

Форрестера услышали. Он встал, чувствуя себя дряхлым и измотанным, но все равно гораздо лучше, чем перед сном. Он вышел из комнаты раньше, чем Эдне ответила Тайко.

— Это Чарлз. Выходи же, Чарлз.

Тайко стоял перед стеной обзора с индженером в руках. Большой палец покосился на одной из кнопок, очевидно, он только что принял дозу эйфорика. Но, тем не менее, он сердито посмотрел на Форрестера.

— Перестань, — сказала Эдне.

— Что? — ответил Тайко.

— Если я способна простить его, то ты — тем более. Сделай скидку на век камикадзе.

— Как же! — запротестовал Тайко, но эйфория перевесила. Возможно, ее вызвал индженер, возможно — привкус опасности, нависшей над миром. Тайко пристегнул к поясу индженер, потеребил подбородок, а затем улыбнулся: — А впрочем, почему бы и нет. Сейчас, в критический момент, люди должны сплотиться. Не так ли?

Мужчины торжественно подали друг другу руки. Форрестер чувствовал себя по-дурацки. Он не понимал, чем мог обидеть луддита, поэтому равнодушно отнесся к восстановлению дружественных отношений. Но Тайко когда-то первым предложил Форрестеру работу, напомнил он себе. Он нуждался сейчас в работе. И хотя угроза нападения сириан стала неизбежностью бытия, вопрос — требуются ли Обществу Нед Луд рабочие руки — оставался открытым...

Он ничего не потеряет, если задаст его. И, чтобы не передумать, Форрестер быстро произнес:

— Я много размышлял о сказанном тобою, Тайко. И ты, разумеется, оказался прав.

— В чем? — глаза Тайко широко открылись.

— Об опасности применения машин. Я убежден, что только человек должен выполнять работу, предназначенному человеку, а машины делать то, что уготовано им.

— Да?

— Можно доверять только одному компьютеру. — Форрестер постучал себя по голове указательным пальцем. — Находящемуся вот здесь.

— Конечно, но...

— Меня безумно раздражает, — резко заметил Форрестер, — сама мысль, что охрана планеты вверена микросхемам! Если бы правительство только прислушалось к твоему мнению!

Он услышал, но проигнорировал сдавленный смешок Эдне.

— И знай,— продолжал он,— что за последние дни я стал стопроцентным сторонником Общества Нед Луд. Позволь помочь вам, Тайко! Рассчитывайте на меня!

Тайко озадаченно посмотрел на девушку, а затем обернулся к Форрестеру.

— Я рад слышать это. И, если что-нибудь подвернется, я непременно свяжусь с вами.

Потребовался полный самоконтроль, чтобы Форрестер сохранил доброжелательное и дружеское выражение лица. Но почему Тайко повел себя так? Эдне пришла ему на помощь.

— Тайко, а почему бы не принять Чарлза в Общество? Он прямо жаждет вступить в него.

Тайко задумчиво нахмурился, но Форрестер наращивал инициативу:

— Я хочу присоединиться,— гордо сообщил он.— Все мои слова осознанны. Рад буду принести пользу.

Тайко повел плечами и после паузы ответил:

— Хорошо, Форрестер. Но, к сожалению, деньги будут небольшие.

— Неважно,— вскричал Форрестер.— Это занятие мне по душе! Сколько?

— По базисной шкале — двадцать шесть тысяч.

— В день?

— Разумеется, Форрестер.

— Не существенно,— великодушно бросил Форрестер,— я хочу служить правому делу.— И, ликую в душе, он не отказался отметить событие, приняв бокал с выпивкой.

Эдне снисходительно наблюдала за ним.

Во время их разговора обзорная стена непрерывно показывала сцену повальной паники.

Форрестер не забыл, что предал Землю. Он задвинул на второй план этот крайне неприятный факт, празднуя свое высвобождение из мира забытых людей. Он пил теплый мягкий пенистый напиток, закусывая шариками, вкусом напоминавшими жареную свинину. После разового мимолетного облака из инджойера Эдны вернулось кратковременное ощущение семнадцатилетней юности. Завтра наступит время для раскаяния в содеянном. Но сегодня он будет наслаждаться прекрасной едой и занимаемым положением в сотах общества.

Но тревога вернулась, стоило Форрестеру услышать, как индюк произнес его имя.

— Человек Хирониби. Пожалуйста, разрешите вмешаться. Находитесь ли вы в компании человека Форрестера Чарлза Дэлглиша?

— Да, несомненно,— ответил Тайко, на мгновение опередив просьбу Форрестера не выдавать его присутствие.

— Человек Хирониби, пропросите человека Форрестера произнести вслух свое имя.

— Говори, Форрестер. Это идентификация.

Форрестер поставил на стол бокал с мятным напитком и глубоко вздохнул. И как будто не существовало разового облака радости. Все прожитые годы и века, проведенные в заморозке, навалились тяжелым бременем. В окончательной безысходности, не видя оправданий и отговорок, он произнес:

— Чарлз Дэлглиш Форрестер. Это все?

— Спасибо, человек Форрестер,— быстро ответил индюк.— Акустический образец голоса подтвержден. Выслушаете ли вы сообщение о фискальных изменениях?

Какая быстрота, удивился Форрестер, цепляясь за чувство облегчения. Машина, всего навсего, подтверждала принятую им работу.

— Да,— сказал он.

— Человек Форрестер,— сообщил индюк Тайко,— ваш последний работодатель, в настоящее время удаленный из экосферы, оставил указания распределить свое состояние следующим образом: один миллион долларов Лиге Межпланетарной Дружбы. Один миллион долларов Центральной Шоггской Гильдии Гильберга и Салливана. Пять миллионов долларов Объединенному братству клубов мира. Остаточный баланс в девяносто один миллион семьсот шестьдесят три тысячи и сто сорок два доллара, подтвержденный и зарезервированный,— переводится на счет последнего зарегистрированного наемного работника, каковым вы и являетесь. Сейчас я перевожу указанную сумму, человек Форрестер. Вы уже можете пользоваться счетом.

Форрестер бессильно осел на подушки яркого, воздушного дивана Эдне. На мгновение он лишился дара речи.

— Благословение Божье!— закричала Эдне.— Чарлз, ты опять богат! Ну и повезло же!

— Несомненно,— эхом вторил Тайко, тепло пожимая руку. Форрестер только кивал в ответ.

Но внутренней убежденности, что ему выпала козырная карта, у Форрестера не было. Девяносто один миллион долларов! Большие деньги даже для эпохи больших чисел. Они надолго обеспечат комфортное существование; финансируют разнообразные развлечения, избавят от непредсказуемых капризов Тайко и предотвратят падение на дно, в среду забытых людей. Но что произойдет, мучительно размышлял Форрестер, когда кто-нибудь задаст вопрос: кем был его работодатель? И почему перед возвращением на родную планету, вращающуюся вокруг Сириуса, он так щедро наградил Чарлза Форрестера?

С обзорной стены продолжали поступать новости о все нарастающем потоке опасений и ажиотажа. Форрестер наблюдал за реакцией Эдне и Тайко. И крайне сложно было определять, когда новости вызывали подлинный страх, а когда напускной. Неужели они действительно ожидали, что возмездие сириан уничтожит Землю? Какие меры предосторожности будут предприняты?

Он попытался задавать вопросы, но Тайко только рассмеялся.

— Избавимся от машин,— помпезно заявил он.— А затем откроем огонь по ним, или по Земле, осьминогу, или по иным тварям, расплодившимся в Галактике! Но сперва мы приберемся в собственном доме.

— Присоединяйся к нам и расслабься,— предложила Эдне.

— Каким образом?

— Увидишь,— сказала она.

Испытывая угрызения совести, Форрестер не хотел привлекать лишнего внимания своим интересом к сирианам. Но он все же задал вопрос.

— Но почему не принимается никаких ответных мер?

— Принимаются,— уверил Тайко.— Не стоит волноваться! Сейчас начнется массовый исход струсивших людей в морозильники. Помнишь выражение: «Пусть этим займется кто-то другой, но только не я». Затем, по приходе сириан, соответствующие люди займутся ими. Или нет, кто знает.

— Кстати, у нас с Тайко сеанс кроулинга,— сообщила Эдне.— Идем с нами. Отдохнешь. Поползаешь...

— Ползать?!

— Обязанность каждого — поддерживать форму. Особенно в нынешние времена,— убеждал Тайко.

— Вы так добры ко мне,— с благодарностью признал-

ся Форрестер, мечтая об одном — оставаться в комнате и смотреть обзорную стену. Передавали сообщения со станции слежения, входящей в щит обороны Земли. И хотя повторялось сообщение «Следов беглого сирианина не обнаружено», Форрестер предпочел бы не уходить из комнаты, а дождаться обнадеживающих вестей и убедиться, что Земля в безопасности. И еще... Первым услышать, как пойманный сирианин на допросе рассказывает о со-общнике...

— Мы ушли на кроулинг,— напомнила Эдне.— Мы должны уходить прямо сейчас.

— Обождите,— раздраженно сказал Форрестер.— А что передавали о Грумбридж 1830?

— То же, что и неделю назад, дорогой Чарлз. Это всего лишь комета. Так мы ползаем или нет?

— Чарлз еще не пришел в себя от добычи,— насмешливо сказал Тайко.— Увы, старина, у остальных все-таки бывают дела.

Форрестер оторвался от карты звездного неба, высвечиваемой обзорной стеной, и посмотрел на Тайко, тот подмигнул и добавил:

— Сейчас ты уже в команде. Пора приступать к делу.

— Команда?— не понял Форрестер.— Дела?

— Мне надо выступить от имени Общества,— разъяснял Тайко.— С публичным обращением, как вы называли это раньше. И, так как ты уже получаешь от нас деньги, будет неплохо, если ты посмотришь саму процедуру. Поэтому что, — и он толкнул Чарлза в бок,— совсем скоро ты начнешь заниматься этим сам.

— Но сперва поползаем,— сказала Эдне.— Какого Пота! Пойдем же!

Они потащили с собой рассеянного, бормочущего Форрестера, который через некоторое время понял, что своим поведением он привлекает нежелательное внимание.

Возможно, размышлял Форрестер, самое правильное с его стороны — сдаться властям и признаться во всех смертных грехах...

— Сэр, я совершил дурной поступок и хочу сделать официальное заявление. В состоянии, предположительно, гипноза я помог убежать сирианину, таким образом навечно нарушив безопасность человеческой расы...

Да, вероятно, в другое время так и следовало бы поступить, но только не сейчас.

А пока надо стараться походить на остальных. И если

опасность вторжения сирианской армады и уничтожение Земли вызывало у них как лихорадочное возбуждение, так и пренебрежение, то и он изберет идентичную манеру поведения.

— Неплохо мы погуляли за свои денежки! — весело и беспечно понес Форрестер. — И неплохую планету мы создали! Но пусть победит лучшая раса!

Эдне в недоумении перевела взгляд на Тайко, тот повел плечами и сказал:

— Полагаю, он еще не отошел от потрясения.

Форрестер прикусил язык и сосредоточился на происходящем вокруг. Тайко и девушка привезли его в южную часть города, где он прежде не был — на берег озера, к постройкам, напоминавшим павильоны Всемирной ярмарки. Ховеркар остановился.

Они вышли и смешались с группами и парами людей — все находились в приподнятом настроении. Здания, окружавшие их, имели странный оттенок веселья. Но это касалось не только зданий. Воздух наполнял всеобщий карнавал радости и похотливости. Любовное приворотное зелье, щедро испускаемое индивидуальными индженерами, плотным туманом повисло в воздухе.

Вывески и витрины шокировали откровенностью, но после нескольких глотков живительного воздуха Форрестер уже наслаждался происходящим.

— Так-то уже лучше, — улыбнулась Эдне и одобрительно похлопала его по плечу. — Нам сюда, мимо машины радости.

Форрестер шел следом за ними. Он наблюдал за царившим весельем с нарастающим удовольствием и праздничной расслабленностью.

Королевство цветов! Цветы и травы застилали землю, по которой он шел, росли вдоль тротуаров, свисали с карнизов, склонялись над дорогой, тянулись лозами с изумрудными кистями винограда, с вплетенными в них россыпями ярко-красных светящихся ягод; геометрически точные посадки растений украшали стены домов. Даже прямо на дороге, посреди счастливой толпы, он заметил медленно и неуклюже передвигающиеся кустарники, усыпанные желтыми и оранжевыми плодами.

— Внутрь, — позвала Эдне и взяла его за руку.

— Быстрей! — вскричал Тайко, подталкивая Форрестера.

Они вошли в здание, напоминающее крепость, и опу-

стились по наклонной плоскости, ограниченной мерцающими огоньками. Концентрация аэрозоля была раз в десять выше, чем на свежем воздухе. Форрестер начал проявлять к Эдне повышенный интерес, даже больший, чем к сирианам. Эдне наклонилась и заигрывающе прикусила ему мочку уха. Тайко довольно рассмеялся. Они были не одни. Поток людей с раскрасневшимися возбужденными лицами нарастал и спереди и сзади.

Форрестер всецело отдался празднику:

— Ведь после всего,— крикнул он Эдне,— какое это имеет значение. Нас все равно сотрут в порошок!

— Дорогой Чарлз,— ответила она,— помолчи и раздевайся.

Подсказка почти не удивила Форрестера. Он отметил, что вся процессия принялась сбрасывать одеяния: накидки, платья, прозрачное ажурное нижнее белье полетело на пол, а маленькие металлические машины собирали и выкидывали все в урны.

— Ну а почему бы и нет?— засмеялся он, и швырнул ботинок в автомат-уборщик, который, как котенок, встал на задние колеса и поймал его в воздухе. Толпа спускалась все ниже, с каждым шагом избавляясь от одежды. И вот они очутились в зале с высокими сводами, где шум разговора и смех были громки, как на суде линча.

Дверь закрылась. Липкий аромат исчез. Потоки резкого, холодного вещества обрушивались на обнаженные тела и отрезвляли людей.

Чарлз Форрестер не прожил и четырех десятков лет фактического времени — времени, отмеренного сердцебиением и работой легких. Первая часть жизни, измеренная десятилетиями, протекала в двадцатом веке. Вторая — дни, дарованные чудом,— началась после пяти веков забытая в морозильных камерах.

Но эти пять столетий, незаметно пролетевшие для Форрестера, запечатлелись реальным временем для остального человечества: каждый век — сто лет; каждый год — триста шестьдесят пять дней; каждый день — двадцать четыре часа.

Лиши крупицу истории мог постичь Форрестер из суммы событий, что набежали за эти столетия.

Загадкой оставалось даже могущество, сконцентрированное в аэрозолях.

Экспериментируя с кнопками индойера или следуя причудам друзей, Форрестер испробовал все многообразие

психостимуляторов и эйфориков, тонизирующих и снотворных коктейлей. Но впервые он испробовал смесь, не одурманивающую восприятие, а наоборот — обостряющую. И вот сейчас в зале вместе с Тайко и Эдне, окруженный полусотней мужчин и женщин, он открыл для себя состояние полного пробуждения и впервые в жизни ощутил истинную чистоту восприятия и чувства.

Он обернулся посмотреть на Эдне. Ее лицо было без грима, а глаза впивались немигающим взглядом.

— Ты гадок внутри, — змеей прошипела она.

Слова хлестнули пощечиной, но Форрестер воспринял ее как должное. Очищающий гнев наполнил его сознание и бросился наружу:

— Блудница! — клеймил он. — Твои дети незаконнорожденные! — Он никогда не думал, что способен сказать ей это.

— Заткнись и ползи! — рявкнул Тайко.

Через плечо, небрежно и бесстрастно, Форрестер произнес:

— Да помолчи ты, беспринципная, мягкотелая, продажная шкура.

К удивлению, Эдне ободряюще кивнула и сказала:

— Камикадзе чистой воды. Выросший в грязи и достойный ее представитель, Вульгарный глупец. — Он растерянно молчал, и Эдне с нетерпением воскликнула: — Чего же ты ждешь, камикадзе! Очистись! Ты ревновал?

Не спор витал над залом, а бушующий ураган бранни и жестоких оскорблений. Форрестер едва замечал окружающих: все его внимание было приковано к Эдне, к женщине, которой он собирался подарить любовь, но сейчас все усилия он направил на то, чтобы унизить ее.

— Держу пари, ты даже не забеременела! — изгилялся он.

— Что? — выпад застал Эдне врасплох.

— Какие-то дурацкие намеки на выбор имени! Захотела меня захомутать?

Она непонимающе посмотрела на Форрестера и с отвращением воскликнула:

— Пот! Общее реципрокальное имя! Чарлз, ты говоришь, как тупой идиот!

— Вы, пара идиотов! А ну, ползите! — визгливо вскричал Тайко.

Форрестер удосужился взглянуть на Тайко. Тот стоял на коленях прямо на влажном полу, но тут Форрестер по-

нял, что это не влага, а грязь. Вязкая, мягкая, липкая грязь сочилась из стенных отверстий. Многие бросались на пол, вероятно в тысячный раз после размораживания. Форрестера мучила дилемма: какую загадку решить? Узнать суть происходящего в зале? Или — что Эдне имела в виду, когда несла чушь про какое-то реципрокальное имя?

Она настойчиво тянула Форрестера пасть ниц в кашеобразную субстанцию.

— На пол! — кричала она. — Ты делаешь все бестолково. Падай же на пол, ты, потный камикадзе!

В это время воздух перезарядили на стимулятор, открывший Форрестеру ворота чувств. Действие напоминало ЛСД, заключил Форрестер, или супербензедрин. Он увидел новый спектр цветов, услышал крики летучих мышей и рев ультразвука, изведал запахи, вкус, доселе неведомые ему. Он отчетливо осознал, что находился в гуще организованного ритуала, понимая, что его назначение — выход внутреннего напряжения через мерзкие слова, скопившиеся в подсознании и блокируемые внешним сдерживающим центром. Сдержать эмоции? Остановить их потокказалось невозможным. И, анализируя все сказанное Эдне, он знал, что позже, когда туман рассеется, нахлынет сожаление и отвращение к самому себе. Но он высказал все до последней капли.

Она кивала, отвечая соответствующим образом.

— Ревнивец! — кричала она. — Типичное проявление манипуляционного собственничества! Ты грязен изнутри. Мусор!

— Почему бы и не ревновать! Ведь я любил тебя.

— Гаремная любовь! — насмехался Тайко.

Тайко лежал лицом в грязи. Рядом она — безмозглый сгусток страстей. Но она человек, как ты осмеливаешься овладевать ею?!

— Фальшивка! — взревел Форрестер. — Претендент на звание мужчины! Отправляйся ломать машины! — Он был взбешен, но часть его мозга оставалась трезвой и аналитически мыслящей. И он крайне удивился произнесенным оскорблением в адрес Тайко и Эдне. Это произошло против его воли. Но сознание Форрестера побуждает его изрыгать жестокие, ранящие оскорблении и брань. Оглядевшись вокруг, он обратил внимание на то, что был единственным, кто продолжал стоять на ногах. Остальные извивались и ползали в грязи. Форрестер опустился на колени.

— Зачем вся эта глупая возня? — спросил он.

— Молчи и ползай,— приказал Тайко.— Изгони хоть часть животного начала.

— Отказываясь ползать, ты портишь жизнь окружающим,— врезалась в разговор Эдне.— Прежде чем пойти ногами, ты должен научиться ползать.

Форрестер нагнулся к Эдне.

— Мне претит ползать.

— Ты должен вывести гниль. Секреты, как нарывы... Но, безусловно, камикадзе обожают загнивать.

— Но я не обязан...

Форрестер замолчал, не по добровольной прихоти, а потому что был не в силах вслух произнести заведомую ложь. Он собирался заявить, что у него нет секретов.

У него накопилось бесчисленное множество секретов, а один, самый страшный, почти срывался с языка, сдерживаемый вopiaющим запретом мозга.

И задержись он хоть на одно лишнее мгновение в этом зале, он закричал бы во всеуслышание, что благодаря его сообщничеству сирианину удалось убежать; а пари на любую сумму, что человечество окажется уничтоженным, он считает почти выигранным.

Стирая грязь, задыхаясь и бормоча себе под нос, Форрестер поднялся и заставил себя побежать раскачивающимся бегом футболиста, увертываясь и перепрыгивая через безликие корчащиеся тела, и, продравшись сквозь цепь рук и недовольные выкрики ползающих, выскочил в раздевалку, где смыл грязь душистым аэрозолем, обсох под теплыми потоками воздуха и окунулся в горячий свет. Свежие одежды появились перед ним, но он не испытывал радости. Временное затмение ушло, зато воспоминания вернулись.

Он был тем, кто уничтожил Землю. В любой момент тайна откроется... И он не отваживался думать, каким окажется наказание.

— Человек Форрестер,— раздался голос инджойера,— за промежуток прерванного обслуживания накопилось некоторое число сообщений. Из них следующие три приоритетных звонка относятся к классу срочных.

— Обожди,— настороженно приказал Форрестер. Но нет. Порывшись в складках аккуратно сложенной футболки и турецких шальвар, он обнаружил палицообразные очертания инджа.

— А, всплыл-таки, старый знакомый?

— Да, человек Форрестер,— согласился инджойер,— Зачитать сообщения?

— Да,— ответил Форрестер, но затем осторожно добавил:— Если они действительно безотлагательны. Никто не собирается в данную секунду, подкравшись, разнести мне череп?

— Подобная вероятность неочевидна,— чопорно заметил индойер.— Тем не менее, человек Форрестер, часть сообщений проходит по категории чрезвычайно важных.

Форрестер присел на подогреваемую скамейку, вздохнул и задумчиво произнес:

— Беда заключается в том, индж, что мне не удается найти ответа на вопрос. В поисках разгадки в мозгу возникают лишь новые вопросы, в то время как на первый ответа я так и не получил. Поступим следующим образом. Гони чашку черного кофе и пачку сигарет. Прямо в эту милую, теплую и безопасную комнату. А за кофе с сигаретой я задам несколько вопросов. Выполнимо ли это без риска умереть?

— Да, человек Форрестер. Однако доставка сигарет и кофе займет несколько минут. Данные наименования не входят в ассортимент этого здания. Они доставляются с дальних складов.

— Понятно. Тащи. Немедленно.— Форрестер встал, надел шальвары и задумался. Потом кивнул сам себе.

— Вопрос первый,— сказал он.— Я только что вышел из зала, где Эдне Бенсен с компанией развлекались, ползая в грязи. В чем, собственно говоря, дело? Просьба — поспешно уточнил он,— вкратце охарактеризовать название и мотивацию поступков.

— Функция называется «сеанс кроулинга», человек Форрестер, или просто «ползанье». Функциональное назначение процесса — терапевтическое высвобождение напряженности и сдерживающих факторов. В процессе применяются два главных терапевтических курса. В первом химическая добавка в воздух позволяет устраниТЬ все виды факторов сдерживания, раскрепощая речь и тем самым ослабляя разнообразные категории напряжения. Во втором сам факт многократного обучения с нуля — с действием «ползанья» — несет многочисленные выгоды. Человек Форрестер, у меня есть доступ к тридцати восьми монографиям по различным аспектам процесса ползанья. Зачитать список?

— Ни в коем случае!— отказался Форрестер.— Благодарю. Смысл понят. Перехожу ко второму вопросу.

Раздался глухой звук, и крышка передатчика откину-

лась. Форрестер протянул руку и достал громадную чашку с горячим кофе, закрытую пластиковой крышкой. Он отковырнул крышку, нашарил рукой пачку сигарет и зажигалку. Затем вынул сигарету, прикурил, отпил глоток кофе и сказал:

— Эдне Бенсен упоминала о выборе имени. Я сделал вывод, что она беременна и имя, соответственно, предназначено ребенку. Но я ошибся. Реципрокальные имена. Что обозначают они?

— Реципрокальные имена, человек Форрестер, — наставлял индженер, — обычно выбираются двумя индивидуумами и гораздо реже — большими группами; цель — личная предназначенност. Подобный институт существовал в вашей первой жизни, человек Форрестер, имея форму уменьшительно-ласкательного имени или прозвища как средства обращения к жене, мужу, ребенку или близкому другу. Однако реципрокальное имя используется лицами в обращении между собой.

— Приведи пример, — перебил Форрестер.

— Например, — покорно отвечал индженер, — во вселенной Эдне Бенсен и ее двух детей реципрокальными именами являются «Тант» как форма обращения между детьми и «Мим», когда мисс Бенсен обращается к детям или когда дети обращаются к ней. Как упоминалось ранее, данная ситуация нетипична. Лучшим примером из этой же сферы послужат отношения Эдне Бенсен с доктором Харой. Реципрокальным именем между ними является «Тип» (курносый, курносая). Достаточно ли примеров, человек Форрестер?

— Да. Неужели у Хары и Эдне есть ласкательное имя?

— Да, человек Форрестер.

— Но... Неважно. — Форрестер мрачно отставил в сторону чашку. Даже минимального удовольствия от вкуса кофе он не получил.

— Путаная история, — пробормотал он.

— Что именно, человек Форрестер?

— Если мы выбираем общее имя, то как тогда... Подожди. Понял. Мы выбрали имя. И говоря его, ты имеешь в виду меня. И наоборот.

— Совершенно верно, человек Форрестер. Как показывает практика, путаницы не возникает.

— Ладно, к черту имена. — Форрестер недовольно посмотрел на сигарету. Она вызывала отвращение. И невозможно было понять причину потери потребности в кофе

и сигаретах. Повинно в этом было их низкое качество, или они не соответствовали настроению?

Он утопил окурок в недопитом кофе и раздраженно сказал:

— Вопрос третий. Я богат. Есть ли способ предотвратить случайную потерю денег. Давай разработаем бюджет.

— Безусловно, человек Форрестер. Один момент. Благодарю за ожидание. Получена предварительная схема вложений и прогноз предполагаемых прибылей. Вложив большую часть средств в компанию «Си офф Соуп» с побочными вкладами в энергетику, компьютеризацию и эйфорику, вы получите годовой доход свыше одиннадцати миллионов четырехсот тысяч долларов. Он может выплачиваться еженедельно или ежедневно. По вашей просьбе устанавливаются автолимиты расходных сумм. Таким образом, будет возможно... Человек Форрестер!!!

Форрестер насторожился.

— Что, черт возьми, с тобой произошло?

— Ваши инструкции, человек Форрестер! Срочно — приоритетное изменение ответа. Заявление о безопасности вашей жизни уже более не является истинным. Человек Хайнцлихен Джура де Сыртис Майджор зарегистрировал надлежащие боны и гарантии...

— Нет! — закричал Форрестер. — Только не этот полу-дурок-марсианин.

— Да, человек Форрестер! Он пробирается через зал кроулинга, вооруженный и одетый в броню. И он разыскивает вас...

Глава 14

Форрестер затянул пояс просторных брюк и заправил футболку, обулся в сандалии и пристегнул к ремню инд-жойер.

— Валим! — отрезал он. — В какую сторону?

— Сюда, человек Форрестер. — Стена раздвинулась, как двери лифта, и Форрестер ринулся в образовавшееся отверстие. Зал, наклонная плоскость, открытая двойная дверь — он выбежал на дорогу, в яркое разящее солнце, под небрежные случайные взгляды праздной толпы.

Он огляделся вокруг: Да! Белые борта аэрокрафта реверса смерти сверкали над его головой. Водитель смотрел в пространство, упервшись подбородком в ладонь.

— Где Хайнци? — закричал Форрестер.

— Преследует. Идет по пятам, человек Форрестер. Вы намерены сражаться здесь?

— Черт! Нет!

— Какое место вы тогда предпочитаете, человек Форрестер?

— Болван! Какое к черту сражение! Я хочу смыться от него, и подальше!

Он заметил, что привлекает внимание людей. Отсутствующее выражение лиц сменилось недоумением, а потом откровенной враждебностью.

— Человек Форрестер,— неуверенно попросил индойер.— Уточните высказывание. Вы стремитесь избежать схватки с человеком Хайнцлихеном навсегда?

— Идею ты понял,— с горечью сказал Форрестер.
Но, как любая идея, она быстро устарела.

Марсианин стоял в проеме дверей здания для кроулинга и затем помчался прямо на Форрестера.

— Черт,— констатировал Форрестер.— Легко пришло, легко ушло.

Марсианин, тяжело дыша, врос как вкопанный перед Форрестером.

— Привет,— кивнул он.— Прости, что заставил ждать.

— Да мог бы особенно не спешить,— осторожно уточнил Форрестер. Он сканировал марсианина, искал оружие, но тот на вид был не вооружен.

Джура теперь носил парик — короткие белокурые локоны прилипли к черепу, ушам; свисали до нижней челюсти, спускались до плеч. Но в остальном внешность не изменилась с того дня, когда Форрестер впервые повстречал его. Сейчас марсианин был уже без трости.

Индойер был пристегнут к ремню, а руки свободно висели по бокам.

— Ты оказался среди забытых людей,— сказал марсианин.— Ну а я был занят. Но вот мы повстречались, так что давай закончим все побыстрей, о'кей?

— Я не имею ни малейшего представления о том, что мне надо делать,— откровенно признался Форрестер.

— Драться, болван!— закричал марсианин.— Черт подери, что еще?

— Я пока не спятил,— возразил Форрестер.

— Собачий Пот!— взревел марсианин.— Зато спятил я! Сражайся!— Но руки его даже не шевельнулись.

Форрестер осторожно переменил позу, выкроив секунду, чтобы осмотреться вокруг. Заинтересованная толпа

окружила их плотным кольцом. Форрестеру показалось, что зеваки делали ставки на победителя. Утешает одно, вспомнил Форрестер, в случае смерти его опять заморозят, а позже воскресят. И вероятно, морозильные камеры на некоторое время — пока проблема с сирианами не разрешится — окажутся не таким уж плохим местом...

— Ты собираешься драться или нет? — домогался марсианин.

— Один вопрос, — попросил Форрестер.

— Какой?

— Твоя манера говорить. На днях возникла дискуссия...

— Чем тебе не угодила моя манера говорить?

— Немецкий акцент, как мне показалось. Но другой марсианин с ирландской фамилией говорил точно так же.

— Ирландский? Немецкий? — недоумевал Хайнцлихен. — Форрестер, на Марсе давление около шестисот миллибар. Понял? Теряются некоторые высокие частоты. А что такое «ирландский» или «немецкий», я даже не знаю.

— Как интересно! — возбужденно произнес Форрестер. — То есть, по-вашему, это совсем не акцент?

— По-моему, ты растронжирил слишком много моего времени! — закричал марсианин и бросился на Форрестера, нацелившись на горло. И посреди ярко освещенной дороги со снующими мимо кустарниками и под крики и веселье толпы Форрестер вступил в сражение за свою жизнь. Марсианин был не только крупнее его, но чертов скунс, оказался гораздо сильнее! На мгновение Форрестер вспыхнул во гневе: как посмел марсианин быть сильнее? А как же предположение, что пониженная гравитация уменьшает мускульную силу? Почему бы одним ударом не сокрушить существо меньшей гравитации?

Но он не смог. Марсианин подмял его, нещадно колотя головой о покрытие дороги. К счастью для Форрестера, покрытие было сделано не из бетона, а из упругого, вроде резины, вещества. Но, тем не менее, он начинал ощущать тупую головную боль, сумятицу, смешение и круговорот чувств и восприятия. А к акту физического насилия добавилось и оскорбление.

— Встань и дерись! — кричал марсианин. — Это тебе не развлечение!

Последняя реплика Джуры ликвидировала остатки цивилизованного самоконтроля Форрестера. Он яростно вскричал, отбросил марсианина в сторону и поднялся на ноги. Марсианин бросился бежать. Форрестер нагнал и

повалил его на землю, придавив горло коленом. Он увидел висевший на поясе индюк марсианина, схватил его и принял, как палицей, молотить череп Хайнци. Индюк при каждом ударе издавал глубокий металлический звук...

Даже в ярости Форрестер познал момент изумления. Парик с короткими белокурыми волосами оказался брошенным.

— Подонок! — с утроенной яростью взревел Форрестер.

Марсианин подготовился к этой битве! Форрестер нанес короткий встречный удар в лицо марсианина. Брызнула кровь, сломались зубы. Удар, еще удар. Марсианин тщетно пытался закричать; удар! удар! удар! удар!..

За спиной раздался голос пилота аэрокрафта реверса смерти.

— Достаточно. Теперь он в моем ведении.

Форрестер отпрянул назад и, сидя на камнях, жадно глотал воздух, уставившись на кровавое месиво лица.

— Он... он мертв? — задыхаясь, выдавил Форрестер.

— Мертвее не бывает, — ответил пилот. — Немного отодвиньтесь в сторону. Благодарю. Теперь он мой. Обождите полицейского. Он составит протокол.

Дальнейшее протекало в тумане. Форрестер смутно помнил, как вернулся в зал кроулинга; душ, чистая одежда, клубы стимулирующего газа. Но пелена тумана вернулась, нахлынула на улице. И не физическое истощение помутило рассудок, не свербящая головная боль от ударов Хайнци, а психический шок.

Он раздавил человеческую жизнь.

Но не навечно, сразу же оговорился Форрестер. Короткий отдых в морозильнике, и де Сыртис выйдет как новый!

Сей факт не укладывался в мозгу, шок не проходил. И Форрестер никак не мог решить: померещилось ему или нет, что марсианин без сопротивления дал себя убить?

Эдне и Тайко поджидали его. Они видели драку и остались помочь уладить формальности. Помочь или ему, или марсианину, с горечью подумал Форрестер. Вероятно, это им безразлично. Но, тем не менее, он с благодарностью принял помощь.

Эдне отвезла Форрестера к себе, ненадолго вышла и вернулась с новостью, что его прежняя квартира подготовлена для въезда; затем отвезла его туда и оставила с Тайко, который захотел поговорить.

— Прекрасный бой, Чарлз. Несомненно, ты получил

встряску. Черт, я вспоминаю свое первое убийство. Ничего постыдного в этом нет. Но если ты собираешься работать на общество, мой совет — возьми себя в руки.

Форрестер сел и посмотрел на Тайко.

— Какого хрена ты решил, что я помчусь гнуть спину на луддитов?

— Не горячись, Чарлз. Выпей и успокойся. Зеленая кнопка на ручке и...

— Выметайся-ка. Оставь меня одного.

— О Пот! — с неподдельным раздражением выругался Тайко. — Ты сам вызвался помочь реализовать программу общества. Недопустимо терять время! Перед нами долгожданный шанс! Зациклившись на сирианах, люди во весь опор ринутся в морозильники, и медперсонал не в силах будет справиться с очередями. Шанс прийти к власти появится у людей с реалистическим подходом к жизни. Мы нейтрализуем угрозу нашествия машин раз и навсегда, а потом...

Тайко остановился и в задумчивости посмотрел на Форрестера.

— Впрочем, пока необходимо выяснить главное: ты с нами или против нас?

Перед Форрестером всталая проблема: как объяснить Тайко, что Общество Нед Луд привлекло его элементарной необходимостью зарабатывать на жизнь, а когда сирианин оставил подарок в девяносто три миллиона, то заинтересованность испарилась. Но он не посчитал нужным вдаваться в объяснения.

— Считайте меня противником.

— Чарлз, — сказал Тайко, — меня тошнит от тебя! Кто бы говорил! Ты, с кем эпоха обошлась так жестоко. И ты не хочешь попытаться изгнать зло господства машин? Разве ты...

— Знаешь, чего я хочу? — сощурился Форрестер, приподымаясь. — Я хочу, чтобы ты убрался! Живо! Иначе надеру тебе задницу!

— Ты не в своем уме! — выкрикнул Тайко. — Позвони, когда придешь в норму. Дозвониться будет нелегко, так как... Впрочем, неважно. Я оставлю для тебя специальный канал. Я понимаю тебя, Чарлз. И я уверен, ты решишь, что пора положить конец эпохи трусости и вернуть человеку... Все! Я ухожу!

Дверь закрылась за Тайко, но Форрестер лежал неподвижно не меньше часа, уставившись в одну точку. Затем он

перевернулся на бок и заснул, сожалея только об одном: рано или поздно ему вновь предстоит проснуться.

Глава 15

Форрестер не понимал: почему до сих пор его не арестовали?

А мотивы, по которым преступники добровольно сдаются властям, стали ему яснее ясного. Как невыносимо долго тянулось ожидание! Десять раз в час он брал индж, чтобы сказать: «Я соучастник побега сирианина».

И десять раз в час он останавливал себя. Позже, решал он. Завтра, через час, а вероятнее всего — через несколько минут, но только не в данный момент!

Время от времени индж информировал о поступавших сообщениях — сорок пять за первый день! Форрестер отказался выслушивать их. Он не хотел никого видеть до тех пор... До тех пор...

Вообще, он не хотел видеть никого. Он не мог решить, в какой момент мир раскроется ему, когда в нем возникнет желание снова жить.

Но он знал, что это время еще не подоспело.

Пока же Форрестер изучал квартиру, возможности индженера и собственное сознание. Он заказывал фантастические блюда и пил странные, пеняющиеся напитки вкуса старого пива или топленого молока.

Он слушал музыку и смотрел кинофильмы.

Он отчаянно жаждал колоду карт, но противный индж не понимал описания, так что в пасьянсе ему было отказано.

Желанная анестезия мозга пришла с чтением и перечитыванием того, что оказалось под рукой. Он выучил наизусть письмо жены; руководство по жизни в двадцать шестом веке изучалось им до боли в пальцах от переворачивания страниц.

Во второй день поступило семьдесят сообщений. Форрестер отказался выслушать даже одно.

По его указаниям индженер выбирал и показывал на стене обзора новости. Единственная тема, интересовавшая Форрестера, — развитие событий в сирианском вопросе. После информационного всплеска первого дня ручеек новостей странным образом иссяк: отрицательные сообщения патрульных зондов повторялись из каждого квадрата про-

странства, и почти прекратились прогнозы и оценки предполагаемого нападения сириан. Все обозреватели пришли к консенсусу: не раньше, чем через несколько недель.

Форрестер ничего не понимал.

Он ясно помнил, что Сириус находился на расстоянии около пятидесяти световых лет, а индж подтвердил, что способ преодолевать барьер скорости света пока не открыт. В конце концов Форрестер склонился к мнению, что сириане могли посыпать сообщения со скоростью, превышающей скорость света, как это было на Земле, и даже если улетевший сирианин не возвратится на родную планету, то наверняка пошлет сообщение. Существовала вероятность того, что сирианский военный патруль курсирует в непосредственной близости от Солнечной системы. Но патруль так и не объявился. На третий день поступило с дюжину сообщений, и Форрестер отказался заслушивать их.

Большую часть времени он спал.

Он владел девяносто тремя миллионами долларов и имел идеальное здоровье. А лучшего способа распорядиться своими достоинствами он не знал.

— Инджойер! Объясни, в чем я провинился перед Эдне?

— Разъясните понятие вины, человек Форрестер. В мою память не вводились данные о ваших антисоциальных актах.

— Перестань паясничать. Почему после нескольких дней знакомства я не понравился Эдне?

Индж принялся объяснять категориями гормонального баланса, рассказал о модуляционной вариативности подкорки, о полярных компонентах эмоций и псевдоэмоций...

Форрестер прервал его:

— Подай пиво! — приказал он. — И отвечай по существу. Ты полностью регистрируешь происходящее?

— Да, человек Форрестер. За исключением случая получения обратного приказа.

— Хорошо. Я оскорбил ее. Чем?

— Мне не под силу оценить величину оскорблений из-за отсутствия калибровочных шкал. Но я укажу перечень актов, имеющих большую значимость в сравнительном отношении и выражении. Пункт. Отказ от предложения в выборе реципроканального имени.

— Это серьезно?

— Исходя из социальных условий — да, человек Форрестер.

Стакан с пивом появился рядом с диваном. Форрестер отпил глоток и состроил мину.

— Пойло,— диагностировал он.— Как обзываюсь то пиво с малиновым привкусом?

— Berlinerweisse, человек Форрестер.

— Да, подай его и продолжай.

— Пункт. В некоторых аспектах ваши действия после того, как человек Хайнцлихен Джура де Сыртис Майджор зарегистрировал намерение убийства, по некоторым аспектам отнесены к категории недостойных.

— Да разве она не понимает, что я не привык еще к этой жизни?

— Она поняла все, человек Форрестер. Но, между тем, она посчитала ваше поведение недостойным. Пункт. Вы позволили себе скатиться до нищеты. Пункт. Вы критиковали ее отношения с другими мужчинами.

Рядом с Форрестером появился высокий стакан со светлым пивом и фляжка с красным сиропом. Форрестер смешал сироп с пивом и отпил глоток. Омерзительно! Но перечень известных напитков закончился, и он довольствовался этим.

— Я любил ее, вот и все,— раздраженно сообщил он.

— Некоторые неизбежные психодиагностические аспекты синдрома «любви» не поддаются моделированию и определению, человек Форрестер.

— Не удивительно! Ты — машина. Но я считал, что Эдне — женщина.

— Анализируя ее ответы, можно сделать вывод, что она не понимала и не принимала вашего поведения в целом, человек Форрестер.

— Доля истины в выкладках есть,— вздохнул Форрестер и отставил в сторону стакан с пивом. Потом встал и зашагал взад-вперед по комнате.— Что, впрочем, несущественно.

Он задумчиво потер подбородок, затем сделал характерный жест. Появилось зеркало, и он принял внимание изучать изображение. Он выглядел, как ярый бродяжка: нерасчесанные волосы, клочья нарастающей бороды...

— О черт! — выругался он.

Индже безмолвствовал.

Форрестера мучил ответ на вопрос, который он не осмеливался задать: «Подозревают ли меня как сообщника сирианина или нет?» Он задал другой вопрос и получил

несколько малопонятных ответов. Неужели простые с первого взгляда вопросы так неоднозначны в жизни?

Он спросил о друге среди забытых людей, о Джерри Уитлоу. Он не удивился сообщению о его смерти, ведь Уитлоу на глазах у Форрестера захлестали до смерти. Не удивлен он был, узнав о проблематичности воскрешения. Но ссылка инджа на «возвращение в резерв» оказалась малопонятной Форрестеру. Подразумевалось ли, что тело Уитлоу использовалось в качестве сырья? Вероятно, в одном из органических озер, как кормящее Море супа компании «Си оф Соуп», из которого создавались продукты, потребляемые человечеством. Лишь из отвращения Форрестер не стал задавать новые вопросы, хотя «проблематичность» оживления Уитлоу оставалась для него загадкой.

— Индж, сколько поступило сообщений? — праздно поинтересовался он.

— Сегодня не зарегистрировано ни одного сообщения, человек Форрестер.

Форрестер обернулся и удивленно посмотрел на устройство. Приятный сюрприз, как приятны любые изменения! Но одновременно информация вызвала беспокойство. Неужели все позабыли о нем?

— Значит, сообщений нет?

— Вы отказали всем, человек Форрестер.

— Кто-нибудь хочет поговорить со мной?

— По сверке с формуляром заносимых сообщений, человек Форрестер, только человек Хиронибе изъявил желание переговорить с вами. Он оставил указания о пересадке связи. Но это было шесть дней назад.

— И сколько, черт подери, я проваландался здесь? — настороженно спросил он.

— Девятнадцать дней, человек Форрестер.

Он сделал глубокий вдох.

Девятнадцать дней! Как невнимательны оказались его псевдодрузья! — с самомнением думал он. Друзья бы в случае необходимости давно высадили дверь.

Но так ли все плохо? Девятнадцать дней! О'кей. Вряд ли столько времени потребовалось бы для ареста по обвинению в сообщничестве. Означало ли это, что розыск прекратили и он может безбоязненно вернуться в мир людей?

Он принял решение и, опасаясь передумать, приказал:

— Инджойер! Бритву, ванну, новую одежду. Я выхожу на люди.

Решительность сопутствовала процедуре туалета, но

после спуска в вестибюль здания начала потихоньку таять.

В вестибюле было безлюдно и тихо. Но для Форрестера он был сравним с тропою в джунглях, где неизвестная опасность подстерегала с любой стороны. Он заказал лифт-такси, чтобы добраться до уровня с самоходной дорогой. Двери такси распахнулись, и он осторожно забрался внутрь, словно опасаясь притаившихся врагов.

Кабина была пуста. Как и ховертрасса.

Ни единой машины на всем протяжении полотна дороги.

Форрестер озирался вокруг, не веря своим глазам. Отсутствие пешеходов объяснимо и понятно: они всегда были редкостью на улице. Форрестер не знал, который сейчас час. Но ховеркары? Их отсутствие воспринималось сложнее. В любом случае, он должен был услышать отдаленный свистящий рокот пролетающих по городу ховеркаров.

Отсутствие ховеркаров, отсутствие признаков жизни вообще казалось абсурдом!

Где все люди!

— Вызовите таксоховер,— дрожащим голосом приказал он.

— Время прибытия одна-две минуты, человек Форрестер.

Машина, стандартный ховеркар, приземлилась точно через указанное время. На улицах по-прежнему ни души. Он поспешно взобрался в кабину, закрыл дверь и, не указав конкретного адреса, приказал подняться повыше, чтобы осмотреться во всех направлениях.

Никаких признаков жизни.

— Инджик!— непроизвольно вырвалось из Форрестера.— Что стяслось?

— Уточните, человек Форрестер,— снисходительно попросило устройство.

— Где люди? Эдне? Дети?

— Эдне Бенсен с детьми, человек Форрестер, в настоящее время проходят предварительную подготовку к хранению в Девятом центре неотложной помощи. Однако вопрос постоянного места хранения остается открытым. И данное местонахождение впредь до открытия дополнительных комплексов должно считаться временно-постоянным.

— Они мертвы?

— Клинически мертвы, человек Форрестер.

— А... — Форрестер задумался. — Марсианин? Не

Хайнци, а тот, с ирландским именем, Кевин О'Пурк. Он мертв?

— Да, человек Форрестер.

— А старый макаронник и чешская балерина, те, из ресторана, где собирались забытые люди?

— Мертвы, человек Форрестер.

— Так что, черт возьми, произошло? — заорал он.

— Говоря объективно, человек Форрестер, — тщательно подбирая слова, отвечал индюйер, — произошло непредвиденное и незапрограммированное увеличение числа заявок на замораживание. В криогенные хранилища на момент вашего запроса заложено девяносто восемь и одна десятая процента человеческой расы. В субъективной терминологии причины однозначны и неопределены. Но они со-поставимы с вероятностью вторжения внеземных существ, предположительно сириан.

— Люди совершили массовое самоубийство?

— Нет, человек Форрестер. Большинство предпочло смерть от руки другого человека. Например, человек Хайнци-лихен Джура де Сыртис Майджор. Он, как вы, возможно, помните, избрал вас своим палачом.

Форрестер откинулся на спинку сидения.

— Потные небеса, — пробормотал он.

Мертвы.

Практически вся человеческая раса мертва.

Факт не укладывался в его сознании.

Он сидел, молча глядя перед собой.

— Человек Форрестер, — извиняющимся, любезным тоном сказал индюйер, — вы готовы указать направление полета?

— Нет, подожди. Да! Возможно. Значит, девяносто восемь процентов человеческой расы мертвы.

— Девяносто восемь и одна десятая, человек Форрестер.

— Но кто-то ведь остался жить. Среди них остались мои знакомые?

— Да, человек Форрестер. Большой процент в определенных группах находится в состоянии активной жизни, вследствие специальных запросов на их услуги. Например: медперсонал, обслуживающий станции замораживания и другие подобные службы. Вы знакомы с человеком Хирониби? Он находится не только в состоянии активной жизни но, как вам уже известно, оставил специальные инструкции на случай ваших к нему сообщений.

— Превосходно! — воскликнул Форрестер. — Немедленно вези к Тайко. Я хочу увидеть живого человека.

Потому что — и здесь действовал логический ограничитель — он не хотел видеть руины, оставленные мертвыми. До тех пор пока он не убедится, что он сам и есть тот человек, который убил человечество.

Глава 16

До Тайко он так и не долетел.

Такси, безукоризненно следуя инструкциям индженера, остановилось перед зданием из рубинового стекла с надписью: «Общество Нед Луд».

Форрестер зашел в современный эквивалент офиса: теплое, немного сырое помещение, с декоративным фонтаном среди растений, напоминающих мох.

Ни души.

— Что случилось, индж? — спросил Форрестер. — Где Тайко?

— Человек Форрестер, — сказал индженер. — Отмечена аномалия. База данных свидетельствует о присутствии человека Хирониби, но, очевидно, произошла ошибка. Хотя подобная ошибка ввода информации произошла впервые...

— Я хочу переговорить с ним. Он ведь оставил специальные указания, не так ли?

— Да, человек Форрестер.

Пауза. Затем раздался голос Тайко.

— Это ты, Чарлз? Рад слышать тебя. Сейчас я занят, но непременно свяжусь с тобой при первом удобном случае. Только, ради Пота, выслушай на сей раз мое сообщение.

И это было все.

— Обожди, — закричал Форрестер. — Тайко!

— Человек Форрестер, — прервал его индженер. — Это была запись.

Форрестер непечатно выругался. Он побродил по офису, безуспешно пытаясь найти мало-мальскую зацепку к местонахождению Тайко.

— Черт с ним, — сказал он. — Остались ли в живых еще знакомые?

— Человек Форрестер, Эдвардино Рай доступен для общения. Считаете ли Вы его своим знакомым?

— Сомневаюсь, впервые слышу об этом сукином сы... Обожди. Он один из тех, кто избил меня?

— Да, человек Форрестер.

— Встречаться с ним я не хочу. Забудь это имя, индж. Навсегда забудь,— посоветовал Форрестер.— Я дождусь Тайко.

Раза три-четыре ему казалось, что он видел людей. Наконец, он приблизился к одному и услышал...

— Мы не люди, человек Форрестер. Мы — подразделение специального назначения, переброшенное на обслуживание криогенных установок.

Такой робот в обличье блондинки в бикини вполне мог быть официанткой в каком-нибудь ресторане, прокинул Форрестер. Поэтому не стал расспрашивать «машину».

Кроме роботов, в Шогго он больше никого не повстречал.

Он бесцельно бродил по городу, недоуменно качая головой.

Чувство вины улетучилось за длинные дни добровольного заточения. Он уже не опасался ареста и унижений. Сирианин воспользовался им, как инструментом. И в любом случае он бы выбрал вместо Форрестера другого сообщника.

Форрестера волновал окружающий мир.

Год 2527-й разочаровал Форрестера. Реакция населения на угрозу смерти не укладывалась ни в какие рамки. Это было тотальное сумасшествие...

Год 2527-й, по мнению Чарлза Д. Форрестера, стал годом повальной трусости.

Форрестер набрал в легкие побольше воздуха и закричал:

— Вы все трусы! Очистился ли мир без вашего присутствия? — Гулкое эхо покатилось меж высоких фасадов домов.

— Человек Форрестер,— спросил индкойер,— вы обратились ко мне?

— Нет. Заткнись! — рявкнул Форрестер.— Нет. Отмена команды. Вызови такси.

Когда оно пришло, он приказал отвезти себя на широкую ховертрассу, где Джерри Уитлоу прятался с ним во время пребывания среди забытых людей. Но забытых людей, похоже, тоже не существовало. Все поиски не принесли результата.

— К дому Эдне Бенсен,— приказал он, и ховеркар залетел в причальное отверстие среднего уровня здания,

в котором они жили. Но ни на улицах, ни в вестибюлях людей не было.

Форрестер приказал индженеру впустить его в квартиру Эдне.

Он заказал еду, присел на диван в детской, чувствуя грусть и печаль. Он пообедал и сказал:

— Индженер, попытайся еще раз связаться с Тайко.

— Да, человек Форрестер... Вы измените или дополните сообщение?

— Отстань. Укажи на приоритетность. Ты обещал закидывать меня подобными заставками.

— У вас нет права классификации приоритетности сообщения, человек Форрестер.

— Право существует в случае намерения убийства,— хитро выкрутился Форрестер.— И тебе придется уведомить Тайко о моих намерениях.

— Да, человек Форрестер, но после регистрации соответствующих бон и гарантов. Без них ваше уведомление юридической силы не имеет. Вы желаете зарегистрировать, человек Форрестер?

— Пожалуй нет.— В сознании всплыла муторная процедура заполнения форм и подписания документов.— Есть ли иной способ связаться с Тайко?

— Визуальное сообщение от Тайко перенесено на пленку. Вывести изображение на стену обзора?

— Крути кино,— приказал Форрестер.— Да поживей.

— Да, человек Форрестер.

Стена обзора покорно зажглась, но вместо Тайко Харониби появилась высокая, крупная женщина начальственного вида. Она произнесла:

— Девочка Голдилокс и ужасные медведи.

— Сбой системы, человек Форрестер. Выясняю причину неисправности.

Форрестер насторожился.

— Какого дьявола!— закричал он.

Голос продолжал.

— Медведи! Подумай о медведях. Громадные косматые жестокие существа, пропахшие потом и загниванием. Медведь может убить человека: хлоп! голова раздавлена! хрясы! спина сломана; зипп! кожа и ребра разъехались молнией и сердце вырвано!

При каждом уточнении женщина наглядно показывала раздавливающие, ломающие и вырывающие движения.

— Эй! — воспротивился Форрестер. — Я не заказывал вечерних сказок.

— Человек Форрестер, — тем же извиняющимся тоном произнес индж, — идет анализ технических неполадок. Предлагаю разрешить показ пленки.

— Маленькая девочка, такая же маленькая, как и вы, — продолжала декламировать женщина. — Даже еще меньше. Меньше чем ты, когда ты была маленькой. Назовем девочку... какое имя мы выберем?.. Назовем ее Голдилокс. Золотистые локоны, нет — золотые локоны. Маленькая, хорошенская и беззащитная девочка.

— Да выбери ты эту хреношину! — прорычал Форрестер.

— Человек Форрестер, — признался индж. — Я не могу. Проявите терпение...

Представь, что девочка сделала нехороший поступок! — восклицала женщина. — Представьте, что она пошла туда, куда ей нельзя было ходить, туда, куда ее мать/отец (нужное подчеркнуть) запрещали ходить. Представьте, что она ослушалась их мудрого совета. Представили?!

Форрестер прилег на диван и мрачно сказал:

— Если не можешь отключить, то хотя бы подай виски.

— Да, человек Форрестер.

На стенке обзора показывали настоящих медведей: огромных и свирепых гризли.

Речитатив продолжался:

— И забралась Голдилокс в логово к медведям, у которых были хриплые голоса, острые зубы и заточенные ногти! Но их не было дома. Их нет дома, и она ест их зимние припасы. Она сидит там, где сидят они, потом прилегла там, где они обычно лежат, и уснула. Она спит, а медведи вернулись домой!

Появился стакан с выпивкой, Форрестер отпробовал его и нахмурился. Это было не виски.

Вкус напоминал подсоленную яблочную водку.

— Медведи вернулись домой! Медведи вернулись домой! С пеной у рта! Медведи вернулись домой, они готовы напасть; медведи входят в логово, их пасти широко открыты, а глаза налиты кровью! (Она спит, ничего не ведая.) Когти, которые разрывают (это конец?), лапы, которые крашат (она начинает просыпаться), зубы, которые впиваются... — голос на секунду оборвался... — И открыла Голдилокс глаза, кромко закричала, вскочила на ноги и бросилась бежать.

Женщина на экране печально посмотрела в глаза Форрестеру. Поза оратора ослабла, глаза утратили драматический блеск, и вялым голосом она произнесла:

— Вот видите. Какие ужасные вещи случаются с девочкой, не послушавшейся родителей. Она бежала, бежала, бежала долго-долго, а когда вернулась к отцу/матери (нужное подчеркнуть), пообещала всегда слушаться их и вести себя хорошо. Приготовьтесь отвечать на вопросы по теме: Благоразумно или нет посещать места, которые не одобряет ваш отец/мать? — Она улыбнулась, поклонилась и исчезла.

— Человек Форрестер, — просипел индюйер. — Благодарю вас за ожидание. До настоящего времени сетевая неполадка все еще не устранена. Мы сожалеем о допущенных неудобствах.

— Что это показывали? Вечернюю сказку для детей Эдне?

— Совершенно верно, человек Форрестер. Приносим наши извинения. Попытаться вывести на экран пленку Тайко?

— Кажется, — с ощущением предчувствия сказал Форрестер, — мне становится одиноко.

— Это не следствие неполадок с нашей стороны, человек Форрестер, — гордо отметил индж. — Причина тому... Молчание.

— Что ты сказал? — спросил Форрестер.

— Причина тому... Причина тому... — индюйер издал страннобулькающий сдавленный звук. — Причина тому побег многих во фризариумы.

— Кажется, ты выходишь из строя, машина? — настороженно спросил Форрестер.

— Нет, человек Форрестер! Вышли из строя некоторые контуры, вызвавшие алгоритмические сбои. Но это несложная техническая поломка.

Машина замолчала, а затем уже другим тоном произнесла.

— Поломка повлекла временное несоблюдение исполнения приоритетных программ. Мои извинения, человек Форрестер.

— За что?

— За неоглашение приоритетного уведомления о вашем немедленном аресте.

Форрестер остыл, —

— Врешь!

— Нет, человек Форрестер. Сообщение истинно. Полицейские уже едут за вами.

Глава 17

Дверь распахнулась, и в комнату ворвались двое полицейских. Один из них достаточно грубо схватил Форрестера и, посмотрев ему в глаза, закричал:

— Вы арестованы на основании вполне достаточных обвинений! Вам не обязательно делать никаких заявлений!

Как будто он мог, подумал Форрестер. Полицейские схватили его за руки, выволокли в коридор и дотащили до полицейского флайера.

Он обратился к ним:

— Обождите? На каком основании?

Они не ответили, запихнули его в кабину и закрыли дверь флайера. «Наверняка из-за сирианина!» — тоскливо решил Форрестер, наблюдая за стоящими на площадке полицейскими. Но почему сейчас?

— Я ничего не сделал! — выкрикнул он заведомую ложь.

— Сие будет определено, человек Форрестер, — сказал голос из зарешеченного громкоговорителя над его головой. — А пока, пожалуйста, поедемте с нами.

Слово *пожалуйста* было абсолютно лишено смысловой нагрузки. Но у Форрестера не имелось выбора.

— Но что я сделал? — умолял он.

— Человек Форрестер, вы арестованы в приказном порядке, — говорил тихий, бесстрастный голос центрального компьютера. — Изложить ли вам основные пункты обвинения?

— А пари не хочешь! — Форрестер испуганно озирался по сторонам. Он не обнаружил приборного щитка. Но в нем, по-видимому, не было надобности. Флайер быстро летел по направлению к озеру.

— Человек Форрестер, вы арестованы в приказном порядке, — повторил компьютер. — Изложить ли вам основные пункты обвинения?

— Черт побери! Я же сказал, что да.

Они быстро пролетали над глубокой поверхностью озера.

Форрестер безуспешно попытался тыльной стороной

ладони высадить окно. Возможно, на свое счастье. Все равно бежать было некуда.

— Человек Форрестер,— спокойно сказал компьютер,— вы арестованы в приказном порядке. Изложите ли вам основные пункты обвинения?

Форрестер безнадежно и яростно выругался.

Они приближались к металлическому острову посередине озера. Флайер пошел на снижение.

— Я хочу узнать,— настаивал Форрестер,— что, к чертам собачьим, происходит? Индж? Разъясни ситуацию.

Но пристегнутая к поясу палица ответила:

— Мы одно целое, человек Форрестер. Изложить ли вам основные пункты обвинения...

К Форрестеру вернулось самообладание, когда флаер произвел посадку. Очевидно, неполадка затронула и центральный компьютер, но также очевидно, Форрестер бессилен в данной ситуации. А когда двое полицейских, поджидавших флаер, схватили его за руки и вытащили из кабины, он не сопротивлялся. Полицейская хватка была минутной, они превосходили его силой.

Он не увидел ни одного человека или робота на всем протяжении пути. Его, как скотину, ведомую на бойню, протащили по подземным переходам, толкнули в камеру и заперли дверь.

Он оглядел камеру. Кровать, стул, стол и больше ничего, видимого глазу, за исключением начиненных электроникой стен. Голос не замедлил себя ждать.

— Человек Форрестер, сообщение,— прогнусавил динамик.

— Вылечись, чахоточный,— посоветовал Форрестер.— Нет, не надо излагать основные пункты обвинения.

Но последовавшее сообщение не было набившим оскомину монотонным повтором неисправной машины. Он услышал голос Тайко. Стена камеры зажглась и высветила его лицо.

— Привет, Чак,— сказал он.— Ты хотел видеть меня?

— Хвала Господу,— резко выдохнул Форрестер.— Тайко, машины спятили, и я в тюрьме!

— Первое,— лицо расплылось в улыбке,— с машинами все в порядке. Так и должно быть. Второе. Безусловно, ты в тюрьме. Кто по-твоему привез тебя сюда?

— Сюда? Ты?!

Тайко заулыбался и кивнул головой.

— Я в пятидесяти метрах от тебя, приятель. Учитывая компьютерные сбои, арест был наиболее простым путем доставить тебя сюда. Так я и поступил. Перейду к сути дела. Ты противник или сторонник Общества Нед Луд? Наш час пробил. Мир трусливо дрожит от страха перед вторжением сириан, он в сумятице, и, круто проведя нашу линию, мы восстановим порядок. Ты понимаешь, что я вкладываю в понятие «нашей линии»?

— Уничтожение машин? — сделал догадку Форрестер. — То есть — я и ты — мы сломаем центральный компьютер?

— Не только ты да я, — триумфально сообщил Тайко. — К нам недавно присоединились помощники. Не желаешь ли взглянуть на них?

Тайко дотронулся до индикатора, и угол обзора расширился. Форрестер увидел довольно просторную и людную комнату.

У Тайко действительно было много помощников. Около дюжины. Но Форрестер не стал подсчитывать точное количество. Он был нокаутирован, когда обнаружил, что из дюжины «помощников» только двое — люди.

Остальные смотрели на Форрестера многочисленными глазами, вернее кругами зеленых блестящих точек. Это были сириане!

— Вот видишь, старина, — непринужденно сказал Тайко. — Признаю, наши друзья странноваты на вид. Но они из органики, как и мы.

Форрестер смотрел широко открытыми глазами. Сириане, одетые в конусообразные скафандры, как две капли воды походили на его друга и благодетеля Эс-Четыре. И мысль о союзничестве не укладывалась в голове. Не из-за того, что они были потенциально опасными врагами, а потому что контакт с Эс-Четыре оставил его в непоколебимом убеждении, что люди и сириане не способны общаться на разумном уровне.

— Впечатлен? — засмеялся Тайко. — Это был очевидный ход. Но не каждый мог додуматься до него. Эти парни — гении в электронике. Абсолютные гении! Они дали нам шанс воплотить на практике идеалы Общества Нед Луд... Так ты заинтересован или нет? Я ведь с легкостью могу отослать тебя туда, откуда ты пришел.

— Заинтересован, — сказал Форрестер.

Тайко был достаточно проницателен, чтобы уловить подтекст.

— Заинтересован в работе с нами? Или заинтересован навредить нам? — Но он не стал дожидаться ответа. — По большому счету, это не имеет значения, — весело сообщил он. — Что ты можешь сделать? Поднимайся наверх, и мы все обсудим...

Раздался слабый щелчок, дверь камеры распахнулась настежь, а вспыхнувшая линия зеленых стрелок указывала дорогу.

Как жаль, подумал Форрестер, что нельзя поговорить с Эдне.

Эдне лежала в жидким гелиевом сне смерти вместе с детьми, рядом со всеми, с кем Форрестер повстречался в этом веке. И никто не мог дать совет, как ему поступить.

Он следовал за указателями, появляющимися перед ним в четком ритме танца. Способ изменения мира с помощью существ с другой планеты представлялся ему невероятным. Он нарушал принципы равноправия и прав человека.

С другой стороны, в поступках Тайко ощущался смысл. Правильно ли вверять судьбу человечества горстке компьютеров?

Здесь Форрестер призадумался. Была ли верна изначальная предпосылка? Являются ли компьютеры властелинами мира? И кто принимает фундаментальные решения?

Достижло ли общество той стадии, когда фундаментальные решения принимались не законодательным путем, а совокупным мнением каждого человека?

Он покачал головой. Бесполезно в данных обстоятельствах размышлять о глобальных вопросах. Он находится под озером на глубине нескольких сот метров, в мире, который несколько раз отвергал его и который сейчас рассыпался карточным домиком.

Стрелки уперлись в дверь, открывшуюся по его приближении, и он вошел в комнату, знакомую по стене обзора.

— Ты вовремя! — радостно произнес Тайко, похлопывая его по плечу. — Чарлз, тебе стоило довериться мне. И если бы не мои друзья, — он показал на сириан в конусообразных скафандрах, — я никогда не узнал бы о твоем громадном вкладе в наш успех. Ха! Ты говорил, что поможешь обществу, если я приму тебя в его ряды. Но я и не подозревал о такой грандиозной помощи!

— Эс-Четыре обвел меня вокруг пальца, — признался Форрестер.

— Не скромничай! Это был благородный поступок! Даже если он слегка и переусердствовал, вынуждая тебя

совершить его. Интересно,— продолжал скромняга Тайко,— почему я не додумался первым? Очевидно, воплощение идеалов Нед Луд лежит через повальную человеческую трусость, вынуждающую совершать бегство в морозильники и перекладывать заботу о сохранении цивилизации на чужие плечи. Но таких плеч осталось крайне мало! Мы появились лишь в тотальном беспорядке!

Один из сириан беспокойно заерзal.

Окружность зеленых глаз переливалась блеском драгоценностей, немного затуманенным стеклом скафандра, который защищал существо от корродирующей атаки земного воздуха.

— Они отрицательно реагируют на твое присутствие,— сказал он, указывая большим пальцем на сирианина.— Их нельзя назвать неблагодарными существами, ведь они уже выразили свою благодарность. Но они не хотят рисковать.

— Мне следует дать обещание о невмешательстве?— спросил изумленный Форрестер.

— Нет! Кто поверит, что ты сдержишь обещание? Оно излишне. Да и что ты можешь сделать?

— Не знаю.

— Ничего! Мы набрали рекрутов из Главного компьютерного центра. И связи уже нет. За исключением полиции — она полностью контролируется нами — и аэрокрафтов реверса смерти. На этом настаю я,— отметил Тайко,— ведь я любыми силами предотвращу вред, наносимый человеку. Пот! Я хочу спасти их!

— А как же твои друзья?

— Забудь о них, Чарлз,— беспечно сказал Тайко.— Не дергайся. Они обычные технические советники. Парадом командую я, а когда мы уничтожим машины, они улетят домой.

— Откуда ты знаешь?— спросил Форрестер.

— О Пот!— вздохнул Тайко. Он задумчиво посмотрел на сириан, покачал головой, взял Форрестера под руку, подвел к стене обзора и показал на нее. — Изображение нечеткое,— извинился он,— ведь центральный компьютер не следит более за контурами. Но посмотри, как выглядит сейчас мир!

Форрестер увидел безлюдную ховертрассу и застывшую поперек дороги машину. Изображение сменилось. Нейтральный серый перешел в яркий желто-красный цвет пламени, пожирающего центральную часть города! Кажется, это был не Шогго.

— Думаешь, Земля без центрального компьютера будет беспокоить сириан? — спросил Тайко. — Пот! Конечно нет! Когда установки компьютерного обеспечения будутнейтраглизованы раз и навсегда, они с радостью улетят домой. Земная угроза исчезнет. А они по натуре существа не воинственные.

— Откуда ты знаешь?

— Перестань, Чарлз! Некоторые вещи приходится принимать на веру.

— А ты прекрасный знаток сирианского характера, — осторожно заметил Форрестер. — Я ничуть не стараюсь принизить тебя. Но мне любопытно, откуда такая уверенность?

— Здравый смысл! — отрезал Тайко. — Чарлз, я знаю, о чем ты думаешь. Ты считаешь меня идиотом, клоуном, зациклившимся на мысли, что из ста тысяч ни один человек не воспринимал предостережение об опасности того, что человечество считало наслаждением... Но я не так уж глуп. Я действовал быстро и решительно с твоей помощью. Я проявил расторопность и воспользовался предоставленным шансом. Доверясь мне. Я достаточно проницателен. Сирианам не нужна Земля. Зачем завоевывать планету? Они не могут жить на Земле без скафандров. Тысячи других планет представляют больший интерес для них, но только не Земля!

Из модулятора голоса одного из сирианцев раздался сигнал. Тайко вздрогнул, обернулся и сказал:

— Одну минуту. — А затем обратился к Форрестеру. — Вот так. Я сентиментальный болван. Я хотел бы видеть тебя в наших рядах, ведь ты, сам того не ведая, оказал обществу большую услугу. Решение за тобой. Да или нет?

— Не знаю, — честно ответил Форрестер.

— Подумай на досуге, — Тайко улыбнулся. — Тюрьма в твоем распоряжении. Но, помни, ты ничем не сможешь навредить нам. Тебе отказано в связи, передвижении и, естественно, в общении.

Форрестер вышел в залитый светом пустынnyй коридор Шоггской подводной тюрьмы. Никто не остановил его.

Не было и зеленых указательных стрелок. Он свернул направо. Он размышлял. Прав ли Тайко? Исходя из собственного недолгого опыта, Форрестер заключил, что это странное общество, наполненное неожиданной жестокостью и трусостью. Но почему именно Тайко должен вершить судьбы мира?

Впереди он увидел яркий свет и приблизился к нему. Солнце! Солнечный свет заливал тоннель, а вдали виднелся белый аэрокрафт реверса смерти.

Пилот — на какое-то мгновение Форрестер принял его за человека, — поднял голову, глядя в глаза Форрестеру, и с вызовом в голосе произнес:

— Человек Форрестер. Вы арестованы в приказном порядке. Изложить ли вам основные пункты обвинения?

— Машина, — сказал он, — ты — заезженная пластинка! — Затем у него возникла мысль. — Уведи меня отсюда! — приказал он, садясь в аэрокрафт.

— Человек Форрестер. Вы арестованы в приказном порядке. Изложить ли вам основные пункты обвинения?

Безусловно, глупо и безнадежно. Но он, тем не менее, надеялся. Он сел, робот-пилот, не отрываясь, смотрел на него, а аэрокрафт оставался без движения. Форрестер вздохнул, встал и пошел прочь.

— А может, стоило согласиться? — вслух спросил он.

Но он не хотел. И это не было пассивным желанием, он активно и страстно стремился помешать планам Тайко. И как только неизбежность единственного выбора стала очевидной, он возненавидел его.

Но он ничего не мог сделать. Он просчитал один за другим все возможные варианты. Ни один из них не был приемлем. Его индж безмолствовал. Выбраться из тюрьмы невозможно. А РС-аэрокрафт вывезет его только в случае смерти...

Смерти?

Он глубоко вздохнул и быстрым шагом вернулся к РС-аэрокрафту. Как он и предполагал, на борту под рубиновой эмблемой было написано: *Западный филиал*.

— Человек Форрестер! — глядя в глаза Форрестеру, затянул робот. — Вы арестованы в приказном порядке. Изложить ли вам основные пункты обвинения?

— Страховка бы не помешала, — твердо сказал Форрестер, — но придется рискнуть и обойтись без нее. Надеюсь, ты страдаешь только расстройством речи.

Искомый предмет находился в ховеркаре. Форрестер взял аптечку, перерыл ее. Острый четырехдюймовый скальпель лежал в первой же открытой наугад коробке. Он мрачно оглядел его и, поколебавшись, нашел ручку и кусок картона. Крупными печатными буквами он написал:

Немедленно ОЖИВИТЕ МЕНЯ!

Я знаю о планах сириан.

Он аккуратно приколол записку к переду рубашки.
Затем...

— Машина! — вскричал он. — Исполняй свой долг!
И резким быстрым движением он перерезал себе горло.
Неистовство боли длилось мгновение... А затем отголоски и образы мира стихли и ускользнули из сознания.

Глава 18

— Мне приснился сон, — бормотал Форрестер в теплой, уютной темноте, — что я совершил самоубийство. Перерезал горло. Но я ведь так хотел жить.

— Ты будешь жить, Чак. — произнес знакомый голос. Форрестер открыл глаза и увидел перед собой Хару. Форрестер резко привстал.

— Тайко! — вскричал он. — Сириане! Я должен рассказать о том, что они делают!

Хара силой уложил его обратно на кровать.

— Ты все рассказал, Чак. О них уже позаботились. Разве ты не помнишь?

— Помню? — Но воспоминание вернулось.

Он вспомнил пробуждение, кошмарную боль в горле и попытки объясняться жестами, до тех пор пока кто-то не догадался принести бумагу и ручку. И он написал все.

Он громко рассмеялся:

— Забавно. Никогда не думал, что так тяжело говорить с перерезанным горлом.

— Ты говорил, Чарлз. Сириане находятся под персональной охраной людей. Каждый из них лишен права передвижения и связи. Тайко с чудовищной скоростью дает показания компьютерной группе, чтобы они могли устранить все его поломки. Основные системы уже полностью восстановлены. — Хара поднялся, пошарил в карманах и с гордостью вытащил пачку сигарет. — Прошу, — сказал он. — Посмотрим, как отреагирует твое новое горло.

Форрестер с благодарностью прикурил. Он с блаженством затянулся, все было в порядке. Он ощупал пальцами горло и обнаружил, что оно покрыто пластиковой пленкой.

— Повязку снимем сегодня, — пообещал Хара. — Ты полностью готов вернуться к людям. Мы оживили двадцать пять процентов недавно замороженных. Они будут заинтересованы в тебе.

— О? — угнетенно сказал Форрестер. — Полагаю, что это неизбежно. Какое наказание полагается за сообщничество в побеге сирианина?

— Равное награде за информацию о Тайко, — весело сказал Хара. — Пусть это не тревожит тебя.

— Ну, а если меня все-таки беспокоят дальнейшие действия сириан?

— Тогда я бессилен, — сказал доктор, небрежно махнув рукой. — Только учти, что во время вывода Центрального компьютера из строя маленькие друзья Тайко были на подъеме, но сейчас их ожидает длительный спад. И я не думаю, что Земля окажется легкой добычей.

Он направился к двери.

— Выписывайся, — приказал он. — А затем нам надо поговорить.

— О горле?

— О твоей девушке, — сказал Хара.

Спустя несколько часов Форрестер уже стоял у входа в Западный филиал Центра выписки. Отдавая дань прошлому, он отшвырнул окурок и наблюдал, как блестящий металлом робот-уборщик схватил его.

Очевидно, центральный компьютер восстановил свои функции.

Он обернулся к подошедшему Харе.

— Что ты говорил о моей девушке? — спросил он.

— Ну... — Хара замялся. — Тяжело и непросто разговаривать с людьми эпохи камикадзе, — сказал он. — Вы чувствительны к странным понятиям. Например, Эдне говорила, что, как ей показалось, тебе неприятен факт, что я отец одного из ее детей.

— Одного! — закричал Форрестер, испытывая на прочность голосовые связки. — Пресвятая Богоматерь! Я считал, что у них один отец!

— Почему, Чак?

— Почему? Как понять почему? Да она проститутка!

— Что такое проститутка? — Форрестер замешкался с ответом, и Хара продолжил: — В твоё время данное понятие имело дурное нарицательное значение. Скорее всего, так и было, хоть я и не специалист по античной истории. Но ты живешь в другой эпохе, Чак.

Форрестер внимательно всмотрелся в усталое, терпели-

вое лицо Хары. Но разум отказывался принимать сказанное доктором.

— Мне безразлично,— злобно выпалил он.— Как тут не согласиться с Тайко! Человеческая раса где-то совершила ошибочный поворот!

— Чак,— начал Хара,— собственно об этом я и хотел поговорить. Не существует понятия ошибочного поворота. Нельзя переписать историю человечества. Она уже произошла. Ее результат — вокруг тебя. Но если он тебе не по душе, то почему бы не попытаться убедить мир, что необходимо изменить его. На что-то новое, отличное от этого! На то, что ты захочешь! Но вернуться в прошлое невозможно!

Он похлопал Форрестера по плечу.

— Размышляй,— посоветовал он.— Пусть твой мозг решает вопросы правоты, а не подчиняется остаточным вбитым с детства догмам. Они мертвы в моем мире... Да. Еще одна вещь,— вспомнил Хара.— Я ознакомился с расписанием... Процесс оживления проходит интенсивно. И через два дня придет очередь Эдне.

Хара ушел.

Форрестер долго смотрел ему вслед. «Будет невыносимо тяжело,— размышлял он.— Но есть ли у меня иной выбор?»

Форрестер вызвал флайер и приказал доставить его в подходящую квартиру в Шогго. Он был готов ко всем тяготам будущего. И он принял верное решение. У него были блестящие перспективы. Ему предстояло жить не дни и годы, а с помощью фризариумов — многие тысячиелетия. И в каждом он будет здоровым, активным, обеспеченным.

И прожил он долго и счастливо. Как и все человечество.

Фредерик Пол
РАССКАЗЫ

ЧУМА МИДАСА*

Итак, они поженились.

Жених и невеста были прекрасной парой; она — в своих двенадцати ярдах белоснежных кружев, и он — в строго-серой гофрированной блузке и панталонах в складку.

Свадьба была небольшая — лучшая из того, что он мог себе позволить. Из гостей — только ближайшие родственники и несколько друзей. Всего было двадцать восемь лимузинов (в двадцати ехали роботы-слуги) и три машины с цветами.

— Благословляю вас, дорогие мои,— с сентиментальной слезой проговорил старый Элон.— Тебе, Мори, досталась самая красивая девушка, наша Шерри...— Он с чувством высыпал нос в мятый квадратик батиста.

Старики держатся прекрасно, подумал Мори. На вечеринке, окруженные грудой свадебных подарков, они пили шампанское и ели крошечные очаровательные канапе, вежливо слушали оркестр из пятнадцати инструментов, и Шеррина мать даже станцевала с Мори один танец. Видимо, сентиментальности ради, потому что всем было ясно, что не о таком партнере она мечтала. Шерри и Мори изо всех сил старались развеселить гостей, но все равно — две пожилые фигуры в скромной, возможно даже взятой напрокат, одежде обескураживающе бросались в глаза посреди четверти акра гобеленов и звенящих фонтанов — главного украшения загородного дома Мори Фрай.

Когда подошло время гостям расходиться по домам, а молодым начинать совместную жизнь, отец Шерри пожал Мори руку, а мать поцеловала в щеку. Они сели в свой крошечный двухместный автомобильчик, отъехали, и лица их потемнели от нехороших предчувствий. Разумеется,

* Мидас — в греческой мифологии царь Фригии, славившийся своим богатством. (Прим. перевод.)

они не имели ничего против Мори, но все же не пристало бедным людям жениться на богатых невестах.

Конечно, Мори и Шерри любили друг друга. И это помогало. Они говорили это друг другу по десять раз в час весь свой медовый месяц. Им нравилось ходить за покупками — они толкали тележку по великолепным сводчатым коридорам супермаркета. Мори отмечал покупки в списке, а Шерри выбирала лучшее. Было очень весело.

Но недолго.

Их первая ссора случилась именно в супермаркете — между секциями «Продукты к завтраку» и «Товары для ухода за полами», как раз там, где недавно открылся новый отдел «Драгоценные камни».

Мори поднял голову от списка.

— Бриллиантовое ожерелье, кольца, серьги.

— У меня уже есть ожерелье, ну пожалуйста, Мори, дорогой, — капризно сказала Шерри.

Мори неуверенно перевернул несколько страниц. Действительно, ожерелье там значилось, выбора не было.

— Может, купим браслет? — спросил он. — Посмотри, прекрасные рубины, они замечательно подойдут к твоим волосам, дорогая.

Он кивком подозвал сновавшего вокруг робота, и тот протянул Шерри шкатулку с браслетами.

— И мы не будем брать ожерелье? — спросила Шерри.

— Конечно, нет. — Мори взглянул на этикетку. О! Как раз несколько пунктов. — Просто замечательно! — воскликнул он, когда Шерри надела браслет.

И пока она колебалась, бодро добавил:

— А теперь пошли в другой отдел. Я там присмотрел пару отличных бальных туфелек.

Шерри не возражала ни тогда, ни потом, когда они отдыхали после похода по супермаркету. И только в конце, дожидаясь в вестибюле, пока робот-бухгалтер составит счет, а робот-кассир поставит печать в их чековые книжки, Мори вспомнил про браслет.

— Не стоит посыпать его вместе с остальными вещами, дорогая, — сказал он. — Хочу, чтобы ты его надела прямо сейчас. Честно говоря, я и не припомню, чтобы что-то другое так тебе шло.

Шерри выглядела взволнованной и счастливой. Мори был доволен собой; вряд ли кто-нибудь еще мог бы так хорошо справиться с этой маленькой семейной проблемой.

В таком приподнятом настроении Мори пребывал всю дорогу домой, пока Генри, их робот-компаньон, развлекал их веселыми историями про завод, на котором его собирали и воспитывали. Шерри редко пользовалась услугами Генри, хотя этого робота трудно было не любить. Шутки и смешные рассказы, когда вам нужно развлечься, участие, когда вы не в духе, неиссякаемый запас новостей и информации о любом предмете — все это был Генри. В тот день Шерри даже попросила Генри составить им компанию во время обеда и смеялась над его остротами не меньше Мори.

Но потом, в оранжерее, когда Генри тактично оставил их одних, ее веселье иссякло. Мори ничего не заметил; он спокойно смотрел три-ди, выбирал послеобеденный ликер и проглядывал вечерние газеты.

Шерри вдруг закашлялась, и Мори оторвался от своих занятий.

— Дорогой, — сказала она, — я сегодня чувствую себя совсем разбитой. Может, нам... я хочу сказать, что... может, мы сегодня останемся дома?..

Мори посмотрел на нее с легким беспокойством. Шерри полулежала в кресле, глаза были полузакрыты.

— Что-нибудь серьезное, дорогая?

— Нет, милый. Просто не хочется никуда сегодня идти. Настроение не то.

Мори сел в кресло и машинально зажег сигарету.

— Вижу, — сказал он. По три-ди показывали комедию, и некоторое время Мори пытался ее смотреть.

— Мы собирались сегодня вечером в клуб, — напомнил он.

Шерри переменила позу; ей явно было не по себе.

— Я помню, — сказала она.

— И еще у нас билеты в оперу. Я не хочу придираться, дорогая, но мы просто обязаны их использовать.

— Мы можем все отлично увидеть по три-ди, — ответила Шерри тихим голосом.

— Ничего не поделаешь, любимая... Я не хотел тебе говорить, но Уэйнрайт вчера — в офисе — кое-что мне сказал... Он сказал, что накануне вечером был в цирке и расчитывал встретить там меня. Но нас там не было, и, если мы не пойдем сегодня в оперу, один Бог знает, как я буду оправдываться перед ним на следующей неделе.

Он подождал ответа, но Шерри молчала. Мори продолжил тем же взвешенным тоном:

— Так что, если б ты взяла себя в руки и все-таки решила пойти сегодня...

Он вдруг замолчал с открытым ртом: Шерри плакала, тихо и безутешно.

— Дорогая...— проговорил он невнятно. Он порывисто потянулся к ней, но она отстранилась, и ему оставалось только беспомощно стоять рядом и смотреть, как она плачет.

— В чем дело, дорогая? — не выдержал, наконец, Мори. Но Шерри только затряслась головой.

Мори покачался на каблуках. Это был не первый раз, когда он видел слезы Шерри. В прошлом осталась мучительная сцена, когда они чуть было не *расстались*, решив, что слишком многое их разделяет; это произошло еще до того, как они поняли, что должны принадлежать друг другу несмотря ни на что... Но на этот раз ее слезы заставили его почувствовать себя виноватым.

И он чувствовал себя виноватым. Он стоял и молча глядел на нее, не зная, что предпринять.

Потом он повернулся и побрел к бару. Проигнорировав целую батарею бутылок с ликерами, налил в два стакана неразбавленного виски, вернулся к Шерри, сел напротив и сделал большой глоток.

— И все-таки, что случилось? — спросил он теперь уже совершенно спокойным тоном.

Нет ответа.

— Ну же? В чем дело?

Шерри взглянула на него и вытерла глаза. Почти беззвучно она прошептала:

— Прости...

— Что «прости»? Ведь мы же любим друг друга. Давай поговорим спокойно.

Шерри схватила стакан и, подержав, поставила обратно, даже не пригубив.

— Зачем, Мори?

— Пожалуйста. Давай попытаемся.

Она пожала плечами. Мори безжалостно продолжал:

— Ты несчастна, верно? И это потому, что... все это,— он обвел рукой роскошно обставленную оранжерею, ворсистый ковер, множество механизмов и приспособлений, создающих комфорт, которые только и ждали, чтобы к ним прикоснулись. Подразумевалось еще двадцать шесть комнат, пять машин, девять роботов. Мори сказал с нажимом:— Ты не привыкла к такой жизни, правда?

— Я ничего не могу поделать,— прошептала Шерри.— Ты же знаешь, Мори, я пыталась. Но когда я жила дома...

— Проклятье!— вспыхнул он.— Твой дом здесь! Ты больше не живешь со своим отцом в пятикомнатном коттедже! Ты больше не копаешься в саду вечерами! Ты больше не играешь в карты с мамой и папой! Ты живешь здесь, со мной, своим мужем! Ты знала, на что идешь! Ведь мы обо всем договорились задолго до свадьбы...

Слова иссякли — слова были бесполезны. Шерри снова заплакала и уже не так тихо, как раньше. Сквозь слезы она причитала:

— Милый, я же старалась... Ты даже не знаешь, как я старалась. Я носила все эти дурацкие платья и играла во все эти дурацкие игры и ходила с тобой повсюду, сколько могла, и ела эту ужасную еду, слишком жи-и-ир... Я думала, я надеялась, что смогу это выдержать... Но я не могу это любить, меня от этого тошнит... Я... я люблю тебя, Мори, но я сойду с ума, если буду жить вот так... Я ничего не могу с собой поделать, Мори. **Я УСТАЛА БЫТЬ БЕДНОЙ!..**

Наконец, слезы высохли, размолвка канула в прошлое, влюбленные поцеловались, и все наладилось. Но Мори всю ночь лежал без сна, вслушиваясь в легкое дыхание жены, доносившееся из соседней комнаты и вглядываясь в темноту так пристально и трагически, как этого не делал до него ни один нищий.

Блаженны нищие, ибо они унаследуют Землю.

Блажен Мори, наследник всех мировых благ, которые он просто не в состоянии переварить.

Мори Фрай, погрязший в изнуряющей бедности, никогда в своей жизни не испытывал недостатка ни в чем, что только могло пожелать его сердце, будь то пища, одежда или крыша над головой. В этом мире вообще никто не испытывал недостатка ни в чем. Никто и не смог бы.

Мальтус* был прав — но правота его относилась к цивилизации, которая не знала машин, автоматических фабрик, гидропоники, пищевой синтетики, ядерных заводов, океанской добычи руды и минералов и постоянно растущих резервов рабочей силы, архитектуры, которая взметнулась высоко в небо, спустилась глубоко под землю и уплыла далеко в океан сооружений, которые возводились

* Мальтус Томас Роберт (1766—1834) — английский экономист.
(Прим. перевод.)

буквально за один день... И наконец, та цивилизация не знала роботов.

Прежде всего роботов, роботов, которые роют и возят, плавят и собирают, строят и пашут, ткут и шьют.

Все, в чем нуждалась суша, в изобилии поставляло море, остальное изобретали лаборатории; промышленность превратилась в трубу изобилия, из которой сыпалась еда, одежда и дома для дюжины колонизованных миров.

Невероятные открытия в науке, бесконечная сила атома, неутомимый труд людей и роботов, механизация, которая уничтожила на Земле джунгли, болота и льды и возвела на их месте города, промышленные центры и межпланетные порты... Из этой трубы сыпалось изобилие, которого во времена Мальтуса никто не мог себе даже вообразить.

Но у всякой трубы имеются два конца. Богатство, потоком льющееся из одного конца, должно было каким-то образом черпаться на другом.

Счастливчик Мори, скромная единичка общества, утопающего в половодье материальных благ, мужественно пытался съесть, выпить и сносить свою часть непрерывно плавающего изобилия.

Сам Мори чувствовал себя отнюдь не блаженным, ибо блаженство нищеты лучше всего оценивать издалека.

Квоты терзали его сон, пока он не проснулся на следующее утро в восемь часов — измученный, с красными глазами, но преисполненный решимости. Отныне он начинает Новую Жизнь.

Утренняя почта была ужасна. И хуже всего — письмо из Национального министерства потребления.

«С сожалением сообщаем, что следующие предметы, возвращенные Вами в соответствии с августовской квотой как использованные и непригодные к употреблению, были проверены и признаны недостаточно изношенными». Приложенный список был такой длинный, что у Мори закружилась голова. «В этой связи сообщаем также, что Вам отказано в кредите. Дополнительная потребительская квота на текущий месяц составляет 435 пунктов, из которых 350 должны быть использованы по категориям текстиля и домашних приспособлений».

Мори швырнул письмо на пол, но робот невозмутимо поднял его, сложил и положил на стол.

Это несправедливо! Ладно, может быть, всеми этими купальными штучками и пляжными зонтиками в самом деле пользовались не слишком долго,— хотя, какого черта,

горько спрашивал он себя, я буду пользоваться снаряжением для плавания, если просто некогда плавать? И между прочим, спортивные штаны он использовал! Носил их три полных дня и целое утро четвертого. Чего они хотят? Чем бы он ходил в отрепьях?!

Мори с ненавистью посмотрел на кофе и тосты, которые робот-лакей принес вместе с почтой, и укрепился в своем решении. Справедливо это или нет, но он должен играть в эту игру по своим правилам. Если не ради себя, то ради Шерри. И единственный способ начать новую жизнь заключался в том, чтобы ее начать.

Он будет Потреблять За Двоих.

— Забери эту дрянь обратно,— сказал Мори роботу.— Я хочу к кофе сливки и сахар — много сливок и сахара! А еще — тосты, взбитые яйца, хрустящий картофель, апельсиновый сок... нет, принеси лучше половинку грейпфрута. Ладно, апельсиновый сок тоже давай...

— Будет сделано, сэр,— сказал робот.— Вы будете после этого завтракать в девять часов, сэр?

— Разумеется, буду,— ответил Мори.— Двойную порцию.— И, когда робот уже закрывал за собой дверь, крикнул вслед:— Не забудь к тостам масло и мармелад!

Он двинулся в ванную с твердым намерением воспользоваться всем, что стояло на многочисленных полках. Под душем он три раза тщательно намылился, затем, смыв мыло, стал открывать пробки и крышки — три лосьона, обычный тальк, ароматизированный тальк и тридцать секунд ультрафиолета. Затем снова помылся и вытерся полотенцем, хотя только что пользовался горячим воздухом. Большинство ароматов исчезли после второго мытья, но, если Министерство потребления обвинит его в расточительности, он всегда может отговориться, что экспериментировал. И между прочим, эффект получился не такой уж плохой.

Он вышел из ванны, преисполненный бодрости. Шерри уже проснулась и теперь молча и с отвращением глядела на поднос, который принес робот-лакей.

— Доброе утро, дорогой,— сказала она наконец.— Ах...

Мори поцеловал ее и погладил по руке.

— Хорошо!— воскликнул он, взглянув на поднос и изобразив на лице широкую притворную улыбку.— Еда!

— Но этого много даже для двоих!

— Для нас двоих?— переспросил Мори жизнерадостно.— Чепуха, моя дорогая. Я съем все это сам.

— Ах, Мори! — воскликнула Шерри и послала ему такой призательный взгляд, что он мог бы быть достаточной платой за дюжину подобных завтраков.

И все же его не оставляли сомнения. Побоксировав с роботом, спарринг-搭档ом, и усевшись, наконец, за главный завтрак, состоявший из копченой селедки, чая и пышек, он решил обсудить свои планы с Генри.

— Мне понадобится кое-какое оборудование, Генри. Три часа в неделю гимнастики, но не простой, а чтобы как следует похудеть. Думаю, мне это не повредит. Тренажеры выбери на свой вкус. И подходящую одежду — на эту неделю у меня есть, а на следующую нет. Теперь по поводу врачей. Про дантиста я помню, а когда там у меня визит к психиатрам?

— О да, сэр! — сказал робот с чувством. — Вы должны быть у них сегодня утром. Я уже дал распоряжения шоферу и сообщил в ваш офис.

— Отлично! А теперь, Генри, выдай что-нибудь повеселее.

— Да, сэр, — сказал Генри и, напустив на себя вид диктора ОРС — агентства Один Робот Сказал, — принялся развлекать своего господина.

Мори молча закончил завтрак и порадовался собственной добропорядочности. Оказывается, совсем нетрудно быть в мире со всем миром; есть даже что-то приятное в усердном потребительстве — если ты над этим как следует поработал, размышлял он. И только одна мысль омрачала обретенное благодушие — а ведь кто-то может себе позволить не приспособливаться к окружающему миру, кто-то, не он... Ну и ладно, подумал Мори со спокойной грустью, кому-то, значит, суждено страдать, нельзя сделать омлет, не разбив яйца. И потом, его решимость стать добро-порядочным потребителем вовсе не была демонстративным вызовом общественному порядку или протестом против несправедливости, она была продиктована единственno заботой о своей жене и своем доме.

Жалко, что как раз сегодня он никак не мог вплотную заняться потреблением — сегодня у него был рабочий день — но ничего, он наверстает свое в те четыре дня, которые отведены исключительно для потребления и ни для чего другого. А сегодня его ждет терапия, и — сказал себе Мори — теперь, когда он посмотрел своим проблемам в лицо, психоанализ может дать лучшие результаты.

Рассеянно поцеловав на прощание Шерри, Мори, все

еще в плену своих мыслей, направился к машине. И он совсем не обратил внимания на маленького человечка в огромной мягкой шляпе и ярких мятых брюках, который стоял, почти спрятавшись за кустами.

— Эй, Мак! — громким шепотом позвал человек.

— А? Что такое?

Человечек воровато огляделся вокруг.

— Слышь, приятель, — заговорил он быстро, — ты, похоже, культурный малый, не откажешься помочь бедняге. Трудные времена настали, но ничего, — ты помогаешь мне, я — помогу тебе. Хочешь уговор на талоны? Шесть против одного. Один твой на шесть моих, лучшее предложение во всем городе. Они, конечно, не настоящие, но никто не заметит, дружище, вот увидишь...

Мори прищурился.

— Нет! — сказал он яростно и оттолкнул человека в сторону. Еще и вымогатель на мою голову, подумал он с горечью. Соседство с трущобами и бесконечная грязная возня с пайковыми талонами не могли не расстроить Шерри, но иногда назойливость всяких темных личностей становилась просто нестерпимой. Разумеется, к Мори не впервые приставали мошенники с фальшивыми потребительскими талонами, но чтобы под его собственной дверью — такого еще не бывало!

Садясь в машину, Мори даже подумал, не вызвать ли ему полицию, но потом решил, что аферист все равно успеет удрать до ее прибытия и сбудет с рук свои фальшивки где-нибудь в другом месте.

Конечно, было бы здорово получить шесть талонов за один.

Вот только если он на этом попадется, подумал Мори, это будет совсем не здорово.

— Доброе утро, мистер Фрай, — звякнул робот-регистратор. — Не угодно ли пройти направо? — стальным пальцем он указал на дверь с табличкой «ГРУППОВАЯ ТЕРАПИЯ».

Мори много раз клялся себе, что обязательно заведет личного психоаналитика. Но всякий раз пасовал, подчиняясь общепринятым нормам. Групповая терапия помогала снимать постоянные стрессы современной жизни; без нее человек запросто мог докатиться до участия в истерических пайковых бунтах или вообще стать «фальшивомонетчи-

ком» — подделывателем талонов. Но ей не хватало человеческого тепла. Психоанализ — интимное дело, подумал Мори, а групповой психоанализ напоминает попытку жить счастливой семейной жизнью в доме, где постоянно толчется десяток угодливых роботов...

Он вдруг испугался. Как, откуда прокралась эта мысль?.. Входя в комнату и приветствуя свою группу, Мори заметно волновался.

Их было одиннадцать: четыре фрейдиста, два ришеиста, — два юнгианца, гештальтник, шокотерапевт и пожилой тихий салливенист*. У каждого из них имелись различия в подходе к пациенту, но Мори, даром что четыре года общался с группой, так и не смог запомнить, в чем эти различия заключаются. Я знаю, как их зовут, думал он, и этого достаточно.

— Доброе утро, эскулапы,— поздоровался он.— Что у нас на сегодня?

— Доброе утро,— мрачно ответил доктор Зиммельвайс.— Если вас что-нибудь беспокоит, вы пройдете в комнату первичного осмотра, а если нет, то тогда по расписанию у нас психодрама. Доктор Файлресс,— обратился он к коллеге,— по-моему, лучше сразу приступить к делу — мистер Фрай сегодня явно не в себе. Пора начинать раскопки. Ну а ваша психодрама может подождать до следующего раза, как вы считаете?

Файлресс степенно наклонил старую лысую голову.

— Что касается меня, то мне все равно, но вы знаете правила, доктор.

— Правила, правила,— язвительно проворчал Зиммельвайс.— Какой с них толк? Перед нами пациент в состоянии повышенной тревожности — и даже я это вижу, а могу вас заверить, вижу я отлично — а мы, значит, должны проигнорировать это только потому, что так велят правила? Это вот так лечат пациента?

Маленький доктор Блейн холодно сказал:

— Видите ли, коллега Зиммельвайс, существует мно-

* Фрейд Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, создатель психоанализа. Рише Шарль (1850—1935) — французский физиолог, психолог, гипнотерапевт. Юнг Карл-Густав (1875—1961) — швейцарский психиатр, психолог, основатель аналитической психологии. Салливен Гарри Стэк (1892—1949) — американский психиатр и психолог, представитель неофрейдизма. Гештальтпсихология (от нем. Gestalt — образ, форма) — направление в психологии, рассматривающее психику человека с точки зрения целостных структур. (Прим. перевод.)

жество способов лечения, и лично я не вижу необходимости отступать от правил. Я сам, видите ли...

— Что «вы сами»?!— скрчил гримасу Зиммельвайс.— Вы сами ни разу в жизни еще не вылечили ни одного пациента. Когда вы собираетесь покинуть нашу группу, Блейн?

Блейн разъяренно повернулся к Файрлессу.

— Доктор Файрлесс, обратите внимание, я не намерен выслушивать подобные оскорблени! Неужели только потому, что к доктору Зиммельвайсу раз в неделю приходят два персональных пациента, он думает...

— Джентльмены,— примиряюще сказал Файрлесс,— прошу вас, давайте вернемся к работе. Мистер Фрай пришел к нам за помощью, а не для того, чтобы слушать наши препирательства.

— Прошу прощения,— коротко бросил Зиммельвайс.— Однако я по-прежнему призываю не возводить правила в догму.

Файрлесс снова наклонил голову.

— Прошу проголосовать, кто за прежний порядок ведения наших собраний? Девять. Против только вы, коллега Зиммельвайс. Посему мы сейчас приступим к психодраме, если секретарь напомнит нам заметки с прошлого сеанса... Прошу.

Секретарь, толстый, приземистый молодой человек по фамилии Спродж, перелистнул назад несколько страниц своего журнала и прочитал нараспев:

— Протокол сеанса от двадцать четвертого мая, объект — Мори Фрай; присутствовали доктора Файрлесс, Билек, Зиммельвайс, Каррадо, Вебер...

Файрлесс вежливо прервал:

— Если не трудно, давайте сразу следующую страницу, то есть, последнюю, коллега Спродж, будьте так добры...

— Гм... Да. Так вот. После десятиминутного перерыва для проведения дополнительного теста Роршаха* и энцефалограммы, группа, собравшись, провела ассоциативный словарный эксперимент**. Результаты были сведены в таблицу и сопоставлены со стандартными значениями, после

* Роршах, Герман (1884—1984) — шведский психиатр. Изобрел названный его именем тест, заключавшийся в интерпретации испытуемым чернильных пятен определенной конфигурации. (Прим. перевод.)

** Проективный тест, предложенный К.-Г. Юнгом для выявления скрытых аффективных комплексов. Тест требует от испытуемого возможно более быстрой реакции на предъявляемое слово первым пришедшем на ум словом. (Прим. перевод.)

чего было отмечено, что значительная часть психических травм объекта, соответственно...

Мори почувствовал, что его внимание уплывает. Терапия была *полезной*, это знал каждый, но всякий раз она казалась ему немного скучной. Хотя, если бы не терапия, неизвестно, что могло случиться. Вдруг он тоже поджег бы свой дом и стал бы хохотать над роботом-пожарным, как тот бедняга Невилл из соседнего квартала, когда его старшая дочь развелась с мужем и вернулась в отчий дом вместе со своей потребительской квотой. У Мори ни разу не возникло соблазна сотворить что-нибудь этакое, противозаконное и безнравственное, например *уничтожить* или *испортить* вещь — хотя, нет, честно признался он себе, был однажды грешок, маленький совсем соблазн, единственный за долгое время. Но ничего такого, из-за чего стоило бы волноваться. Он был здоров, совершенно здоров.

Вздрогнув, он поднял глаза. На него изумленно смотрели доктора.

— Мистер Фрай,— повторил Файрлесс,— вы займете свое место?

— Конечно,— поспешил ответил Мори.— А где?

Зиммельвайс захотел.

— Скажите на милость! Ничего, Мори, вы пропустили совсем немного. Мы сейчас прогоним одну важную сцену из вашей жизни, ну, одну из тех, о которых вы нам поведали в прошлый раз, помните? Вам четырнадцать лет, Рождество, ваша мать кое-что вам пообещала...

Мори проглотил комок в горле.

— Помню,— сказал он грустно.— Помню. Где мне встать?

— Лучше сюда,— сказал Файрлесс.— Вы — это вы, Карадо — ваша мать, а я — ваш отец. Коллеги, которые не участвуют, прошу отойти назад. Отлично. А теперь, Мори, у нас здесь рождественское утро. Веселого Рождества, Мори!

— Веселого Рождества,— сказал Мори вполголоса,— Ах, папа, дорогой, где же мой — ах! — мой щенок, которого мне обещала мама?

— Щенок?— сердечно переспросил Файрлесс.— Мы с мамой приготовили для тебя кое-что получше. Ну-ка, посмотри, что это там, под елкой? Ба! Да это же робот! Да, Мори, твой собственный тридцативосьмипроцессорный робот, твой личный компаньон! Давай, Мори, не бойся,

подойти к нему, поговори с ним. Его зовут Генри. Ну, давай, мальчик, иди!

Мори внезапно почувствовал неприятное пощипывание в носу.

— Но я... я вовсе не хотел робота,— проговорил он неуверенно.

— Конечно, ты хочешь робота,— настойчиво сказал Карадо.— Ты всегда хотел робота. Ну же, детка, пойди поиграй со своим милым роботом.

— Я ненавижу роботов!— воскликнул Мори яростно. Он оглянулся на докторов, на серые стены и с вызовом добавил:— Вы слышите меня, вы все? Я их терпеть не могу!

Возникла секундная пауза, а затем начались вопросы.

Примерно через полчаса в комнату вошел робот-регистратор и объявил, что пора закругляться. За эти полчаса Мори бросало то в жар, то в холод, у него перехватывало дыхание от гнева, но все же он вспомнил то, что было забыто целых тринадцать лет назад.

Он ненавидел роботов.

Ничего удивительного не было в том, что в молодости Мори испытывал к роботам отнюдь не лучшие чувства. То был «роботовый бунт» — последний отчаянный протест плоти против железа, битва не на жизнь, а на смерть между человечеством и машинами — его собственным порождением... Битва, так никогда и не произошедшая. Маленький мальчик, ненавидевший роботов, становясь мужчиной, учился работать и жить с ними рука об руку.

Всегда и во все времена конкурент на работу, особенно новичок, ставился вне закона. Конкуренты вытеснялись волнами — ирландцы, негры, евреи, итальянцы; каждая волна загонялась в свое гетто, варилась там и кипела, пока не рождалось на свет поколение, готовое жить с соседями в мире.

Работы национальности не имели; по крайней мере, с этой стороны их обвинить было не в чем. Схемы с обратной связью, начав с систем наведения ПВО, стали затем расползаться повсюду, обрасти тысячами приводов, рычагов, мощными источниками питания и прочими конструкторскими ухищрениями.

И наступил, наконец, момент, когда на выставке прозвякали первые роботы.

Но они не значили ничего, они лишь мостили дорогу.

Сотни и сотни моделей отправились в утиль и на слом, прежде чем десятки других не начали работать всерьез, а потом их вдруг стало много — миллионы, несметные миллионы...

И по-прежнему никто не протестовал.

Потому что роботы приходили, неся с собою дары, и имя дарам было «ИЗОБИЛИЕ».

А со временем даже самые упорные недруги роботов поняли, что время бунтов безнадежно прошло. Изобилие оказалось отличным лекарством. Сперва вы принимаете его с охотой, затем оно слегка приедается, и вы хотите уменьшить дозу, и вот, наконец, вас уже тошнит, но — поздно. Яд проник в организм и отравил его — сразу и на всегда.

Наркоман, который нуждается в ежедневной порции белого порошка, вовсе не ненавидит его, так же, как он не навидит торговца, который этот порошок продаёт. И если Мори-мальчишка мог возненавидеть робота, из-за которого он лишился щенка, то Мори-мужчина прекрасно понимал, что на самом деле роботы — его слуги и друзья.

Но в каждом мужчине живет мальчишка, и тот, маленький Мори, так и остался при своем мнении.

Обычно Мори с радостью предвкушал наступление своего единственного рабочего дня, когда он мог сделать что-то полезное, а не просто потреблять, потреблять, потреблять — до одурения. Вот и сегодня он вошел в испытательный зал КПБ (Компания развлечений Бродмури) с отчетливым ощущением душевного подъема.

Но пока он менял уличную одежду на рабочий халат, в зал вошел Хауленд из отдела комплектации. Вид у него был многозначительный.

— Тебя хотел видеть Уэйнрайт, — прошептал он. — Иди лучше прямо сейчас.

Мори, нервно кивнув, согласился, что — да, так будет лучше.

Кабинет Уэйнрайта был размером с телефонную будку и гол, как антарктический лед. Каждый раз, когда Мори бывал здесь, он чуть не лопался от зависти. Подумать только! Пустой стол — ни часов-календаря, ни диктофонов, ни подставки для карандашей двенадцати цветов...

Он весь сжался и сел, дожидаясь, пока Уэйнрайт закончит телефонный разговор. Мысленно Мори перебирал возможные причины, по которым Уэйнрайт захотел поговорить

с ним лично, а не по телефону, или вообще бросить пару фраз, проходя через чертежный зал. Пожалуй, ничего хорошего ждать не приходится, подумал он.

Уэйнрайт опустил трубку, и Мори выпрямился на стуле.

— Вы меня искали? — спросил он.

В современном пышнотелом круглоголицем мире Уэйнрайт был аристократически худ. Главный управляющий отделом дизайна и развития КРБ, он обретался в высших сферах зажиточной части общества.

— Искал — это не то слово, — проскрежетал Уэйнрайт. — Черт возьми, Фрай, что вы себе думаете?

— Не понимаю, мистер У-уэйнрайт, — чуть запинаясь, проговорил Мори, вычеркивая из списка возможных причин этого вызова все мало-мальски привлекательные.

Уэйнрайт фыркнул.

— Я догадываюсь, что не понимаете. Но не потому, что вам не было сказано, а потому, что не хотите понять. Это разница. Вспомните, неделю назад я сделал вам выговор. За что?

— За мою потребительскую ведомость. Видите ли, мистер Уэйнрайт, я понимаю, что истратил маловато, но...

— Маловато! Ничего себе! Как вы думаете, что по этому поводу скажет Комиссия? Они получили претензию из Министерства потребления. Естественно, они переслали ее мне. И, естественно, я вызвал к себе вас. Вопрос в том, что вы намерены с этим делать. Боже милостивый! Вы только посмотрите на эти цифры! Одежда — пятьдесят один процент, продукты — шестьдесят семь процентов, развлечения и прием гостей — тридцать процентов! Вы хоть в чем-нибудь за этот месяц истратили свою норму?

Мори с удрученным видом уставился на листок бумаги.

— Видите ли, мистер Уэйнрайт, мы — я и моя жена — как раз вчера вечером обсуждали этот вопрос. Можете мне поверить, мы исправимся. Засучим рукава и... я думаю, все будет нормально, — закончил Мори не очень уверенно.

Уэйнрайт кивнул, и в его голосе появились нотки симпатии.

— Ваша жена. Дочь судьи Элона, не так ли? Хорошая семья. Я много раз встречался со старым Элоном. — Затем он резко добавил: — Ладно, Фрай, я вас предупредил. Меня не волнует, как вы выкрутитесь из этой истории, но я не потерплю, если Комиссия снова мне о ней напомнит, вы поняли?

— Да, сэр!

— Отлично. Вы закончили схему нового К-50?

Мори вспыхнул.

— Почти, сэр! Сегодня я дописываю на ленту первую секцию. Я очень доволен, мистер Уэйнрайт, честно, очень доволен. У меня получилось больше восемнадцати тысяч подвижных элементов, и это без...

— Ладно, ладно,— Уэйнрайт опустил глаза на свой пустынный стол.— Возвращайтесь к работе. И исправляйте все остальное. Вы это можете, Фрай. Потребление — долг каждого из нас. Имейте это в виду.

Хауленд встретил Мори в испытательном зале.

— Плохи дела? — сочувственно осведомился он. Мори хмыкнул. Кого-кого, а Хауленда это не касалось.

Он уселся за пульт управления; Хауленд остался стоять за его спиной. Мори изучил матрицу параметров, сверяя их со схемой, затем включил установку и принялся прогонять ленту с тестами. Хауленд хранил молчание. Тесты шли безупречно, без единого сбоя, и Мори позволил себе отойти от пульта и с удовольствием зажечь сигарету. Теперь оставалось только нажать кнопку.

— Давай, жми,— сказал Хауленд.— Ужасно хочется посмотреть.

Мори усмехнулся, затем аккуратным движением вдавил кнопку «ПУСК». На пульте пробежали огоньки, запикал крошечный метроном — и это было все. Мори знал — на другом конце четвертьмильного ангара несколько роботов собирают модель К-50 — новый игровой автомат фирмы КРБ. Но с того места, где находились они, видеть это было нельзя. Мори взглянул на часы и записал в журнал время запуска конвейера. Хауленд быстро перепроверил его программу.

— Все в порядке,— торжественно провозгласил он наконец и с силой хлопнул Мори по спине.— Зови на праздник! Как-никак, твоя первая работа, верно?

— Да, моя первая самостоятельная...

Хауленд уже выуживал из своего стола бутылку, которую держал специально для таких случаев.

— За Мори Фрай! — с чувством воскликнул он.— Нашего великолепного разработчика! Поднимем бокалы за отличного парня!

Мори выпил. Обычно он добросовестно уничтожал минимальную годичную норму выпивки, так что лишняя рюмка погоды не делала. Все хорошо в меру, подумал Мори и почувствовал, как во рту, в горле, в груди разливается теп-

ло, а приятный жидкий огонь начинает тлеть где-то в самой глубине. И когда Хауленд, продолжая расхваливать К-50, предложил выпить еще, Мори — к своему удивлению — не возразил.

Хауленд осушил рюмку.

— Может, ты удивляешься, почему я так тобой доволен, Мори Фрай? — спросил он ясным голосом. — Так я могу тебе сказать.

Мори ухмыльнулся.

— Ну, скажи.

Хауленд кивнул.

— Вот я и говорю. Потому, Мори Фрай, что я доволен всем на свете. Вчера вечером от меня ушла жена.

Мори был шокирован, как только недавний жених может быть шокирован новостью о крушении семьи.

— Быть не может! В самом деле?

— Да, она покинула мою постель, мой дом, пятерых роботов, и я счастлив видеть, что ее больше нет. — Он налил еще по рюмке. — Женщины... Невозможно жить с ними и невозможно жить без них. Сперва вы вздыхаете, страдаете, добиваетесь, а потом... Ты любишь стихи? — спросил он неожиданно.

— Некоторые, — ответил Мори осторожно.

— «Доколе, о любовь моя, я буду биться головой о стену между нашими садами, моим из дивных лилий и твоим из роз...» Нравится? Я написал это Джоселин — моей жене, тогда невесте, — когда мы только познакомились.

— По-моему, здорово, — сказал Мори.

— А она со мной два дня не разговаривала. — Хауленд опрокинул рюмку в рот. — Эта девушка была сплошной характер. Я охотился за ней, как тигр. А потом я ее поймал. Дерьмо!

Мори сделал глоток.

— Что значит «дерьмо»?

— Дерьмо, — Хауленд ткнул в Мори пальцем. — Дерьмо значит дерьмо. Мы поженились, и я взял ее в свой дом — дерьмо! — а вышел один обман... Дерьмо, я же говорю! После рождения ребенка случились у меня кое-какие передряги с Министерством потребления, так, ерунда, ничего особенного, но кончилось все дракой, дерьмовой дракой... С самого начала все шло к драке, понимаешь? Она сперва слегка придралась, и я, конечно, ей ответил, а потом — удар! — и мы готовы. Бюджет, бюджет, бюджет! Я, наверное, сдохну, если еще раз услышу слово «бюд-

жет». Мори, ты женатый человек, знаешь, на что это похоже, скажи мне правду. Скажи, у тебя встали бы волосы дыбом, если бы ты поймал свою жену на жульничестве с бюджетом?

— Жульничество с бюджетом? — поразился Мори.— Каким образом?

— Ха, способов куча. Например, твои сношенные рубашки жена вдруг берет и вписывает в свою квоту. И ты остаешься с носом и с полной квотой на рубашки. Ну, ты понимаешь...

— Проклятье! — воскликнул Мори.— Я об этом и не думал! Но Шерри никогда так не сделает.

Несколько секунд Хауленд тупо на него смотрел.

— Ну конечно, нет,— проговорил он наконец.— Да-вай-ка лучше еще по чуть-чуть.

Поморщившись, Мори протянул рюмку. Шерри не из тех, кто жульничает, подумал он. Конечно, не из тех. Красивая, любящая девушка из хорошей семьи, ей такое и в голову не придет.

Хауленд говорил чуть нараспев:

— Нет больше бюджета. Нет больше драк. Нет больше «папа никогда так со мной не обращался». Нет больше придиорок. Нет больше дополнительной квоты семейного потребления, ха-ха... Нет больше... Мори, что ты скажешь, если мы смоемся отсюда и немного выпьем? Я знаю одно местечко, где...

— Извини,— сказал Мори.— Мне нужно еще поработать.

Хауленд захотел и протянул вперед руку с часами. Пока Мори над ними склонялся, чтобы разглядеть, часы пропидали час. Офис закрывался через несколько минут.

— О! — сказал Мори.— А я и не представлял, что уже... Но все равно, Хауленд, спасибо, я не могу. Жена будет волноваться. Прости.

— Конечно, будет волноваться,— хихикнул Хауленд.— Вдруг ей придется съесть вечером ужин на двоих...

— Хауленд! — веско сказал Мори.

— О, пардон, пардон! — Хауленд замахал руками.— Я ничего не имею против твоей жены. Просто, мне кажется, что Джоселин отшибла у меня охоту ко всем женщинам подряд. Знаешь, как это местечко называется? «У Дяди Пиготи в погребке, в Старом городе». Туда странные личности заходят, ты понимаешь, Мори, пару раз за последнюю неделю они устраивали... Я не хожу туда каждый день, как некоторые, но по случаю всегда рад, честное слово...

Мори твердо прервал его.

— Спасибо за приглашение, дружище. Мне нужно домой. Жена ждет. Желаю от души повеселиться. Увидимся.

Он, пошатываясь, побрел прочь, у двери повернулся, чтобы отвесить вежливый поклон и, поворачиваясь обратно, с треском врезался лбом в дверной косяк. Удар, однако, был едва ощутим сквозь приятное оцепенение, охватившее все тело, и он с трудом воспринимал Генри, который хлопочал вокруг, без умолку трещал, рассказывая анекдоты, а потом Генри вдруг застыл, и Мори заметил, наконец, что по одной стороне его лица стекает струйка крови. С достоинством он вытер ее рукавом.

— Это, черт подери, настоящая рана,— проговорил Мори с гордостью.— Кровь, Генри, крови! Но уж тебе-то, робот, пугаться нечего. Спрячь свою жестянную рожу. Я хочу думать. Понял?

И он проспал в машине всю дорогу домой.

Это было не просто похмелье, это было во много раз хуже.

Казалось бы, ничего сверхъестественного — вы немного выпили, потом немного поспали; после этого полагается проснуться и с новыми силами браться за дело. Но нет ничего хуже, чем перепить, а потом недоспать. В голове стучит, во рту словно нагадил медведь и вообще кренит, как при шторме.

Есть только одно лекарство.

— Сделай-ка коктейль, дорогая,— хрипло проговорил Мори.

И Шерри с удовольствием разделила с ним предобеденный коктейль. Шерри, нежно подумал Мори, как она прекрасна, прекрасна, прекрасна...

Он вдруг заметил, что качает головой в такт мыслям, и это движение заставило его вздрогнуть. Шерри тут же подлетела сбоку и нежно притронулась к его виску.

— Очень больно, дорогой? — спросила она сочувственно.— Наверное, ты где-то налетел на дверь?

Мори посмотрел на нее пристальным взглядом, но ничего, кроме обожания, на ее открытом лице не прочел.

— Да, слегка. Ерунда,— постарался он ответить как можно более бодро.

Робот-дворецкий подал стаканы и удалился. Шерри

подняла свой стакан, Мори взял свой... и тут до него донесся запах содержимого. Пальцы чуть было не разжались сами собой. Усилием воли он заставил себя сделать глоток.

Как ни странно, это оказалось приятно, и коктейль, попав в желудок, не попросился обратно, и удивительный феномен разлившегося тепла начал свой второй круг... Мори допил залпом, махнул роботу, чтобы тот наполнил стакан снова, и попробовал улыбнуться. Лицо почему-то не слушалось.

Следующий глоток исправил положение. Мори почувствовал, как на него нисходит счастье и покой, но не только выпивка была тому причиной. В прекрасном расположении духа он и Шерри сели за обеденный стол; они жизнерадостно болтали друг с другом и с Генри, и Мори даже несколько раз сентиментально посочувствовал бедному Хауленду, у которого не сложилась семейная жизнь, потому что на самом деле семейная жизнь — это просто уют, тепло, покой и доверие...

Вздрогнув, он переспросил:

— Что?

— Это самый умный план, который я слышала,— повторила Шерри.— Он был такой смешной, этот коротышка, и какой-то нервный, ты понимаешь, милый? Он все время озирался на дверь, как будто ждал, что кто-нибудь придет. Вот глупость, верно? Зачем его друзьям следить за ним в нашем доме?

— Шерри, пожалуйста,— настойчиво сказал Мори.— Повтори, что ты говорила о потребительских талонах?

— Ну-у, дорогой!— протянула Шерри.— Это было утром, сразу, как ты ушел. Явился этот смешной коротышка и даже не сказал, как его зовут. Я с ним поговорила, я подумала, что это наш сосед, а с соседями никогда нельзя быть грубой, ты же сам говорил, дорогой, помнишь...

— Потребительские талоны!— взмолился Мори.— Я не ослышался? Ты сказала, что он предлагал фальшивые талоны? Да?

— Ну, в общем-то, да,— неуверенно проговорила Шерри.— Они действительно в некотором смысле фальшивые, ну, не совсем такие, как обычные, тот коротышка так и сказал. Но зато четыре за один, дорогой. Четыре его талона за один наш, представляешь, как выгодно?! Так что я взяла нашу книжку и оторвала парочку недельных талонов...

— Сколько?!— прорычал Мори.

Шерри заморгала.

— Примерно... около двухнедельной квоты,— сказала она тихонько.— Что-нибудь не так, милый?

Мори ошеломленно закрыл глаза.

— Двухнедельная квота,— повторил он.— Четыре за один. Да будет тебе известно, ты продешевила.

— А откуда я могла знать?— запричитала Шерри.— Когда я жила дома, мне ничего подобного не предлагали! Я не знала, что такое трущобы, не знала, что такое обжорные бунты, не знала, что такое эти ужасные роботы и отвратительные, грязные, маленькие человечки, которые нагло лезут в твой дом!

Мори вяло посмотрел на нее. Шерри снова плакала, но на этот раз ее слезы не производили никакого впечатления на грубую броню, которой неожиданно обросло его сердце. Робот Генри издал звук, который, будь он человеком, означал бы предупредительный кашель, но Мори приморозил его взглядом побелевших глаз.

Угрюмым монотонным голосом, едва слышным сквозь рыдания Шерри, Мори проговорил:

— Ладно, я тебе объясню, что ты наделала. Пусть даже эти несчастные талоны — обычная подделка, а не провокация. Лучшее, что можно с ними сделать — выбросить, пока нас с ними не поймали. Но что получилось? А получилось, что ты осталась на руках с двухмесячной нормой по фальшивым талонам. Может, ты еще не до конца уяснила, что пайковые книги — не просто украшение, так вот, я тебе говорю,— это не просто украшение. Каждый месяц их положено сдавать на проверку, чтобы доказать, что мы истрастили свою месячную потребительскую квоту. Каждая книга, как минимум, просматривается инспектором, а выборочно их проверяют ультрафиолетом, инфракрасными и рентгеновскими лучами, радиоизотопами, хроматографами, кислотами и щелочами и кучей других проклятых способов, которые изобрело проклятое человечество!!!— Его голос поднимался крещендо.— Если нам повезет и мы проскочим с одним таким талоном... Да мы просто не осмелимся — слышишь! Мы просто не осмелимся!— использовать больше одного-двух таких талонов на дюжину настоящих! И это значит, Шерри, что ты купила не двухмесячный запас, а, в лучшем случае, двухлетний. Но поскольку ты, конечно, этого никогда не замечала,— срок действия талонов ограничен, мы сможем использовать не больше половины этих бумажек!— Временами Мори казалось, что сейчас он вытащит из-под себя стул и обрушит Шерри на

голову.— Более того,— продолжал он,— те талоны, которые ты отдала этому ублюдку, нужны были мне прямо сегодня, прямо сейчас, потому что, так уж получилось, и мне дали это понять, нам две недели придется жить на двойной норме. Как это ни печально. Но даже не это самое главное. О самом главном ты и не подумала. *Иметь фальшивые талоны противозаконно.* Да, Шерри. Я бедный, Шерри; я живу в трущобе и знаю это. Мне еще предстоит долгий путь, прежде чем я достигну такого богатства и уважения, каких достиг твой отец, о котором я уже начинаю уставать слышать. Но я могу сказать тебе со всей определенностью — по крайней мере до сих пор я был честен. Всегда.

Слезы у Шерри остановились, и к тому времени, когда Мори замолчал, она сидела с бледным лицом и сухими гла-зами. Мори иссяк, но раздражение его не покинуло. Некоторое время он мрачно смотрел на жену, потом встал, развернулся и выбежал из дома, хлопнув дверью.

«Семейная жизнь! — подумал он на ходу.— Тьфу!»

Он шел почти час, не разбирая дороги.

И вдруг почувствовал... Не может быть, сказал себе Мори, наверное, это от похмелья. Хотя... И он признался себе, наконец, что да, похоже, он испытывает сейчас то самое чувство, которого не испытывал больше десятка лет. Он был голоден, просто голоден.

Мори оглянулся вокруг. Он находился в миle от дома, в Старом городе, где жила, в основном, беднота. Отвратительные трущобы, Мори таких еще не видел — китайские пагоды, часовни в стиле рококо вокруг Версальского дворца... На каждом фасаде налипали пышные украшения; не было ни одного здания, которое не блестело бы и не сияло.

Через улицу он заметил ослепительно изукрашенное заведение, в котором можно было поесть. «Проворная пчелка бюджета Билли» — так оно называлось. Уворачиваясь от сплошного потока машин, Мори пересек улицу. Вблизи заведение оказалось жалкой пародией на ресторан, но Мори чувствовал, что сейчас ему все равно. Он нашел место под пальмой в кадке — подальше от журчащих фонтанов и струнного ансамбля из роботов, устроился поудобнее и потребовал ужин, даже не поинтересовавшись ценами. И только, когда официант, приняв заказ, незаметно исчез, он вдруг вспомнил, что его потребительская книжка оста-

лась дома. На душе стало еще противнее. Мори вздохнул. Отменить заказ? Нет, уже поздно. Ну и черт с ним! Подумаешь, еще один ужин сверх нормы. Делов-то!

Поев, он почувствовал себя лучше. Покончив с profiterole au chocolat и оставив на тарелке примерно треть, что, в принципе, дозволялось, он заполнил чек, и, когда робот-кассир протянул клешню за его потребительской книжкой, Мори испытал момент торжества.

— Нету! — сказал он громко. — Нету книжки.

У роботов не было подходящего устройства, чтобы выразить удивление, но он попытался. Человек, сидевший позади Мори, подавился и пробормотал что-то о «трущобниках». Мори счел это за комплимент и покинул «Проворную пчелку» в почти хорошем настроении.

Настолько хорошем, чтобы идти домой к Шерри? Секунду Мори думал об этом всерьез. Но он не собирался признаваться, что был неправ, да и Шерри тоже не готова, конечно, к тому, чтобы признать свою глупость. Да и вообще она уже спит, хмуро сказал себе Мори. Такова уж Шери: ничто не могло лишить ее сна. Она даже не использовала свою квоту на снотворное, хотя Мори не раз ей об этом говорил. Конечно, напомнил он себе, он был не так уж и вежлив с ней, как положено молодожену. Но ведь и она, похоже, даже не поняла, из-за чего разгорелся весь сыр-бор. Ладно, сказал себе Мори, когда-нибудь это все равно кончится!

Мужественный человек Мори Фрай, собственноручно надевший на себя богато изукрашенный хомут, решительно вышагивал по улицам Старого города.

— Эй, Джо, хочешь провести время?

Мори поймал вопросительный взгляд.

— Опять ты?! — прорычал он.

Коротышка уставился на него с неподдельным удивлением. Затем слабый отблеск узнавания промелькнул в его глазах.

— Ага, — проговорил он. — Сегодня утром, да? — И он сочувственно закудахтал: — Как жаль, что ты не стал заключать со мной сделку, ах, как жаль! Но ничего, твоя жена оказалась сообразительнее. Конечно, ты меня малость расстроил, Джек, так что пришлось соответственно повысить цену...

— Ты, подлец, ты обманул мою бедную, доверчивую

жену! Мы вместе пойдем сейчас в ближайший полицейский участок, и ты все расскажешь им, понял?

Коротышка поджал губы.

— Мы... чего?

Мори энергично тряхнул головой.

— Ах ты, ублюдок! Я тебе скажу... — он замолк на полуслове, потому что на плечо ему легла огромная ручища.

Хозяин оказался ей под стать, и странно было слышать от такого громилы вежливые, спокойные слова:

— Этот джентльмен беспокоит тебя, Сэм?

— Не очень, — ответил коротышка. — Но, по-моему, он чего-то хочет, так что не уходи.

Мори высвободил плечо.

— Не думайте, что сумеете меня запугать! Я немедленно иду в полицию!

Сэм недоверчиво покачал головой.

— Ты думаешь, закон будет на твоей стороне?

— А как же иначе!

— Что скажешь, Уолтер? — Сэм печально вздохнул. —

Бедная женщина... Такая красивая леди.

— Что это ты болтаешь? — потребовал Мори; коротышка задел его больное место.

— Я болтаю о твоей жене, — объяснил Сэм. — Сам я, конечно, не женат. Но сдается мне, что если бы я был женат и моя жена вляпалась бы в какую-нибудь историю, то я не стал бы звать полицию. Нет, сэр, я бы постарался выкрутиться сам. Почему бы тебе просто с ней не поговорить? Заставить ее понять ошибку...

— Погоди минуту, — прервал его Мори. — Ты хочешь сказать, что впутал в это дело мою жену?

Коротышка расстроенно развел руки.

— Это не я ее впутал, приятель, — сказал он. — Это она сама впуталась. Преступление ведь совершают двое, верно? Ладно, я продаю, не отрицаю. Но как бы я мог продавать, если бы никто не покупал, а?

Мори угрюмо уставился на него, потом посмотрел на верзилу Уолтера. С тех пор, как он увидел Уолтера впервые, тот никак не уменьшился. Мори задумался. Драка отпадала, полиция отпадала, оставался не самый почетный путь — воспользоваться удобным моментом и удрать от коротышки снова.

— Ну вот, — сказал Сэм, — рад видеть, что ты кое-что понял. Давай теперь вернемся к моему первому вопросу, Мак. Так как, хочешь неплохо провести время? Мне ка-

жется, ты ловкий парень, мне кажется, тебя бы заинтересовало одно местечко, тут, рядышком, в конце квартала, а?

— Так ты еще и местный зазывала,— горько сказал Мори.— Да уж, ты настоящий талант.

— Спасибо,— кивнул Сэм.— По моему опыту, талонный бизнес затухает к вечеру. Люди лучше соображают в светлое время суток. Но я, можешь мне поверить, и в темное время в грязь лицом не ударю. Взять хотя бы то место, про которое я толкую, оно называется «У дядюшки Пиготи», совершенно необычное местечко, сказал бы я. А ты что скажешь, Уолтер?

— Согласен с тобой на все сто,— пророкотал Уолтер.

Но Мори уже думал о другом.

— «У дядюшки Пиготи», говоришь?— спросил он.

— Ну да,— ответил Сэм.

Мори помолчал, переваривая идею. Уж не об этом ли кабаке говорил сегодня днем Хауленд? И если так, то это может быть интересно.

Пока он обдумывал эту идею, Сэм и Уолтер обняли его с двух сторон, и Мори вдруг обнаружил, что куда-то идет.

— Тебе понравится,— успокаивающе пообещал Сэм.— Ты на меня больше не злишься за утром? Конечно, нет. Ладно, вот взглянешь разок на Пиготи, и все твои проблемы улетучатся. Пиготи — это кое-что особенное. Клянусь, хоть они и платят мне за то, что я кого-нибудь привожу, но я не водил, если бы не *верил*.

— Эй, Джек, потанцуем?!— сквозь шум бара прокричала какая-то девица. Она отступила назад, подняла колышащиеся юбки на высоту лодыжек и исполнила ловкий найнстеп.

— Меня зовут Мори!— завопил Мори в ответ.— И танцевать я не хочу!

Девица пожала плечами, хмуро и многозначительно посмотрела исподлобья на Сэма и протанцевала прочь.

Сэм сделал знак бармену.

— Первый круг для нас,— объяснил он Мори.— Это чтобы потом не суетиться. Будешь пить, пока пьется. Ну, нравится это местечко?— Мори заколебался, но Сэм и не ждал ответа.— Отличное местечко!— прокричал он и опрокинул в глотку стакан, который поставил перед ним робот-бармен.— Ну ладно, обывай тут!

И он куда-то исчез вместе с громилой Уолтером. Мори неуверенно осмотрелся. Пожалуй, раз уж он сюда попал, надо бы выпить. Он сделал заказ.

Погребок дядюшки Пиготи оказался третьеразрядной забегаловкой с претензией на деревенский клуб для высшего света. Бар, например, был отделан якобы деревянными рейками, прибитыми гвоздями, но, приглядевшись, Мори обнаружил в отделке расслоение, типичное для пластика. То, что для неискушенного посетителя должно было изображать холщовые портьеры, на самом деле было тщательно обработанной тканой синтетикой. Фальшь, повсюду фальшь, подумал Мори.

На возвышении продолжалось какое-то представление, но, казалось, никто на него не обращал внимания. Мори напряг слух, стараясь уловить слова конферансье, и поморщился, шутки у того были плоские, как гладильная доска. А еще на сцене маялся унылый кордебалет красавиц в длинных панталонах с оборками и прозрачным верхом; Мори подумал, что девица, которая порывалась с ним станцевать пару минут назад, тоже наверняка там.

Рядом с ним какой-то мужчина с чувством читал стихи женщине средних лет:

Повсюду дрянь, повсюду грязь,
Повсюду сволочь развелась,
Повсюду мерзость правит бал...

— Эй, да это же Мори! — воскликнул вдруг мужчина. — Что ты здесь делаешь?

Он повернулся, и Мори узнал его.

— Привет, Хауленд, — отозвался он. — Так, знаешь, случайно оказался свободный вечер, я и подумал...

Хауленд захихикал.

— Ладно, ладно, догадываюсь, что у твоей жены предрассудков поменьше, чем было у моей. Давай выпьем! Работ!

— У меня есть, спасибо, — сказал Мори.

Женщина, бросив на него тигриный взгляд, потеребила Хауленда по руке.

— Не останавливайся, Эверет! Это же одна из самых прекрасных твоих вещей!

— Да, Мори, верно, послушай мою поэму. Между прочим, я хочу представить тебя очаровательной, юной и талантливой леди Тэнквилл Байглоу. Мори работает со мной в одном офисе, Тэн.

— Понятно, — сказала Тэнквилл Байглоу холодно, и Мори поспешил отдернуть руку, которую начал было протягивать.

Разговор не клеился; Хауленд, пораженный холодно-

стью Тэнквилл, растерялся, и тут Мори показалось, что в голову ему пришла хорошая идея. Поймав взгляд робота-бармена, он заказал на всех троих выпивку и училиво попросил записать ее на потребительскую книжку Хауленда. Пока робот готовил напитки, Мори успел подумать, что идея так и не сработала, но вдруг Тэнквилл Байглоу стала оттаивать.

— По-моему, вы из тех людей, которые умеют думать, Мори, — сказала она. — Мне нравятся такие люди, с ними приятно разговаривать. А то я совсем потеряла всякое терпение с этими тупицами, которые днем работают до упаду, а вечером едят и едят, потребляют и потребляют, как сумасшедшие, и откуда они только берутся такие? Правильно, я вижу, вы все понимаете. Каждый псих, едва родившись, уже несется потреблять, и потребляет, пока его — хрясы! — не похоронят. И кто в этом виноват, если не роботы?

По поверхности расслабленного умиротворения пробежала рябь беспокойства:

— Тэн, — проворчал Хауленд, — может, Мори не интересуется политикой.

Политика, подумал Мори, ладно, пусть будет политика. У него кружилась голова. Слушая эту женщину, он чувствовал себя словно шарик в игральном автомате, который он испытывал сегодня утром. И еще неизвестно, сколько углов, столбов и поворотов ждут его впереди.

Он сказал почти искренне:

— Нет, пожалуйста, продолжайте, миссис Байглоу. Мне очень интересно.

Она улыбнулась, но затем вдруг нахмурилась. Мори напрягся, но почти сразу сообразил, что вовсе не он причина этой метаморфозы.

— Роботы! — громко прошипела Тэнквилл. — Вы думаете, это они работают на нас?! Ха! Это мы их слуги, это мы работаем на них — каждую секунду каждого дня нашей жалкой жизни! Люди — рабы! Мори! Хотите присоединиться к нам и стать свободным?

Мори прикрыл бокалом и сделал свободной рукой выразительный жест. При желании его можно было расшифровать двояко, но женщину это, кажется, удовлетворило. Она заговорила обвиняющим тоном:

— Знаете ли вы, что больше трех четвертей населения в этой стране за последние пять с половиной лет получили нервные расстройства? Что больше половины находятся

на постоянном учете у психиатров по поводу психозов? И это не считая неврозов, которые есть и у моего мужа, и у Хауленда, да и у вас, уверяю. Можете мне поверить, у меня они тоже есть. Так вы знаете это? Знаете, что минимум сорок процентов населения подвержены маниакальной депрессии, тридцать один — шизофрении, что у тридцати восьми процентов психические расстройства имеют комбинированный характер, а у двадцати четырех...

— Остановись на минутку, Тэн, — прервал ее Хауленд. — Слишком ты сыплешь процентами. Начни снова.

— Ах, да провались все оно к дьяволу, — грустно сказала женщина. — Был бы тут мой муж, он гораздо лучше меня это излагает... — Она залпом выпила половину стакана. — Пока вы еще не совсем окосели, — неприятным тоном обратилась она к Мори, — как насчет еще одного круга, на сей раз в счет моей потребительской книжки?

Мори согласно кивнул. В его ситуации это было проще всего. Выпив, он сделал еще один заказ — снова на книжку Хауленда.

Насколько он мог судить, Тэнквилл Байглоу, ее муж и, вполне возможно, Хауленд принадлежали к некоей антироботной группе. Мори слышал о таких; они имели полулегальный статус, не одобрялись, но и не запрещались. Но сам он никогда прежде с ними не сталкивался. Вспомнив вдруг ненависть, которую он так мучительно переживал на сеансе психодрамы, Мори озабоченно подумал, что, быть может, он тоже принадлежит к таким людям — по духу. Другое дело, что, насколько он помнил, ни в какой организации он не состоял.

Наконец, Тэнквилл надоело объяснять про проценты, и она отправилась искать своего мужа, а Мори и Хауленд, заказав по новой порции виски, затянули обычную перебранку двух пьяниц о том, кто заказывает следующий круг. Каждый пытался предложить свою книжку, но потом Мори, в очередной раз, вспомнил, что своей книжки у него при себе нет, и подумал, что Хауленд наверняка получит кредит по спиртному, если учесть, сколько Мори выпил сегодня по его квоте.

Потом вернулась Тэнквилл Байглоу, и с нею был тот самый великан, с которым Мори уже встречался в компании Сэма-фальшивомонетчика и предводителя всех прохвостов в Старом городе.

— Ха, тесен мир, верно! — прогудел Уолтер Байглоу, в меру сжимая руку Мори в своей лапище. — Да, сэр, моя

жена сказала мне, что вы интересуетесь философскими основами нашего движения. Я с удовольствием обсудил бы их с вами. Для начала, сэр, ответьте, размышляли ли вы когда-нибудь над принципом Двойственности?

— Как? — переспросил Мори.

— Ничего страшного, — сказал Байглоу учтиво. Он прочистил горло и продекламировал:

В далеком Китае сие родилось,
Ярче солнечной вспышки в небе зажглось,
И закружилось в душе человечьей
Истины вихрем супротив и вечным —
Янь и
Инь.

— Это только первый станс, — он пожал плечами. — Правда, может быть, вы их знаете?

— Нет, — сказал Мори.

— Тогда — второй станс, — решительно объявил Байглоу.

Гегель видел все отлично;
Кое-какер Карл Маркс,
Оседлав чужие плечи,
Взял —
И вывернул вверх дном:
Инь
И янь.

Воцарилась выжидательная пауза.

— М-да, — сказал Мори.

— Ах, правда, как здорово это все объясняет? — требовательно спросила Тэнквилл. — О, если б только другие могли видеть это так же ясно, как я! Опасность в роботах и спасение в роботах! Голод и пресыщение! Везде Двойственность, везде!

Байглоу похлопал Мори по плечу.

— Следующий станс объяснит еще лучше, — сказал он. — Это потому, что он глубже, понимаете? Между прочим, там больше Хауленда, чем меня. Он помогал мне с поэзией. — Мори бросил взгляд, но Хауленд прочно смотрел в сторону. — Третий станс, — объявил Байглоу. — Слушайте внимательно, он длинный.

Справедливость — тех невидимых весов
Мера;
Одна чаша — вниз, другая —
Вверх.

— Хауленд, — прервал он себя, — дружище, я верно пе-

редаю ритм? А то я всегда на этом месте спотыкаюсь. Ну ладно, поехали дальше...

К А или к Б
Сколько хочешь прибавь,
Если вместе они,
Не изменишь их никак.
В токе электрическом
Ты Двойственность найдешь;
Синусоида, как волны,
То наверх течет, то вниз.
В каждой вещи, в каждой твари
Двойственность присутствует:
День и ночь, мужик и баба —
Все друг друга дополняют —
Янь и
Инь.

— О, дорогой! — вскричала Тэнквилл Байглоу. — Это великолепно!

Раздался всплеск аплодисментов, и Мори вдруг осознал, что почти половина посетителей бара, оставив шумное веселье, слушали стихи. Судя по всему, Байглоу был здесь фигурой значительной и хорошо известной.

— Никогда не слышал ничего подобного, — едва слышно проговорил Мори. Он нерешительно повернулся к Хауленду, и тот моментально откликнулся:

— Выпить! Немедленно! Что нам всем сейчас нужно, так это выпить!

И они выпили, отнеся счет на книжку Байглоу.

Отозвав Хауленда в сторонку, Мори спросил:

— Слушай, может ты меня просветишь? Что это за придурки?

Хауленд, казалось, обиделся.

— Никакие они не придурки.

— Но что это за стихи? Что это за Двойственность? Что она вообще означает?

Хауленд пожал плечами.

— Могу тебе сказать, Мори, что если она что-то значит для них, то она что-то значит вообще. Эти люди философы, Мори. Они смотрят в корень, в глубь вещей. И ты представить себе не можешь, как я горжусь тем, что принадлежу к их кругу.

И они выпили снова. Разумеется, на книжку Хауленда.

Мори вежливо вернул Уолтера Байглоу с небес на землю.

— Послушайте, давайте оставим на минуту эту вашу Двойственность. Что там насчет роботов?

Байглоу взглянул на него округлившимися глазами.

— Неужели вы не поняли стихи?

— Да нет, понял. Только вы растолкуйте мне простыми словами, чтобы я потом мог жене пересказать.

Байглоу просиял.

— Так что же обычная дихотомия,— объяснил он.— Ну, как будто маленький мальчик соорудил соляную мельницу, а она стала молоть и молоть и молоть... Ему нужна была соль, но не столько. Уайтхед* это ясно показал...

Они выпили еще — на книжку Байглоу. Наклонившись к Тэнквилл Байглоу, Мори сказал заплетающимся языком:

— Послушайте, вы, миссис Уолтер Тэнквилл Байглоу Крепкая Рука, послушайте меня...

Тэнквилл осклабилась.

— С каштановыми волосами,— добавила она кокетливо.

Мори тряхнул головой.

— Неважно это, какие волосы,— отрезал он.— Неважно, все это, стихи всякие... Скажите мне просто и ясно, как можно проще, что плохо в сегодняшнем мире?

— Мало каштановых волос,— быстро ответила она.

— К черту волосы!

— Ладно, скажу,— согласилась Тэнквилл.— Слишком много роботов. Слишком много роботов делают слишком много вещей.

— Ха! Так надо выкинуть их! — торжествующе восхликал Мори.— Надо просто от них избавиться!

— Нет! Нет! Ни за что! Нам нечего станет есть. Все механизировано. От роботов нельзя избавиться, нельзя замедлить производство. Замедление — это смерть, остановка — мгновенная смерть. Принцип двойственности — вот та концепция, которая все объясняет...

— Что же нам делать? — спросил Мори отчаянно.

— Что делать? Я скажу вам, что нам нужно делать, если вы хотите, чтобы я вам сказала... Я могу вам сказать. Запросто.

— Тогда скажите.

— Что нам нужно делать... — Тэнквилл изящно икнула.— Нам нужно взять еще выпить.

Они выпили еще. Разумеется, он галантно отказался

* Уайтхед Альфред Норт (1861—1947) — англо-американский логик, математик, философ. (Прим. перевод.)

платить, а она — весьма негалантно — заспорила с барменом насчет причитающихся ей потребительских талонов.

Мори держался долго. Во всяком случае, он честно пытался. И не его вина, что зеленый змий в конце концов его одолел. Он заплатил за все сполна.

Сознание померкло раньше, чем перестали шевелиться руки и ноги. То был настоящий провал в памяти, но, несмотря на провал в памяти, он все же ухитрился запомнить целый калейдоскоп мест, где успел побывать, и людей, которых успел повидать. В этом калейдоскопе был Хауленд, позорно напившийся в хлам, правда Мори вспомнил, как он смотрит на Хауленда почему-то снизу вверх — наверное, с пола... Еще в калейдоскопе мелькали двое Байглоу. И Шерри — его жена — заботливая и непонятно почему веселая. И еще там был Генри — совершенно лишнее дополнение.

Чтобы восстановить ход событий, Мори напряг все свои похмельные силы. Это было очень трудно — восстановить ход событий — и в то же время очень важно. Почему это важно, Мори никак не мог вспомнить, и наконец оставил тщетные попытки, удовлетворившись тем, что знает теперь про двойственность роботов, а незаурядная женщина Тэнквилл Байглоу на самом деле ему не приснилась.

Каким образом он проснулся утром в своей постели, Мори вспомнить не мог. Память была пуста. И только после долгих трудов всплыл момент, когда они с Хауленом после двенадцатого стакана, обняв друг друга за плечи, сочинили новый станс о Двойственности и на мотив старого марша орали его сквозь шум и галдеж бара.

На сцене Двойственность застыла,
Забравшись в холодильник.
Скорей согрей свой дом!
Жратву — быстрее в морозильник!
И, чтоб не помирать,
Хватай скорей красильник
И крась заиндевевший змеевик.
О холоде в тепле и о жаре в морозе
Священные каракули твердят.
И Двойственность — везде!
Янь и
Инь.

Пожалуй, в тот момент он действительно все понимал...

Но если алкоголь открыл Мори глаза на существование Двойственности, то, быть может, именно алкоголь ему и нужен?..

Ладно, назовем это дихотомией, если это слово больше подходит. Вид борьбы, состязание двух неутомимых бегунов на бесконечной дистанции. Например, холодильник в доме. Вот он стоит, и воздух кипит вокруг него, то нагреваясь, то охлаждаясь, и так без конца. Назовем тепло — Янь, назовем холод — Инь. Янь настигает Инь. Затем Инь уступает Янь. Затем Янь уступает Инь. Затем...

Назовем их иначе. Пусть Инь будет рот, рука будет Янь.

Если рука отдыхает, рот голодает, но, если остановился рот, рука просто умрет.

Но и Инь не может вечно тащиться сзади.

А теперь назовем робота — Янь.

И вспомним, что трубы имеют по два конца.

Как всякий человек, который напивается чрезвычайно редко, можно сказать раз в жизни, Мори попробовал переключиться и поскорее забыть об этом, но с ужасом понял, что это сделать ему не дадут.

Шерри была странно возбуждена.

— Ты был таким веселым... — хихикнула она. — И таким романтичным...

Он допил кофе. Руки у него дрожали.

В офисе все хохотали в голос и хлопали его по спине.

— Кауленд нам рассказал, что в последнее время ты живешь на широкую ногу, парень!

— Эй, послушайте! Вы слышали, какой номер отмочил Мори Фрай? В первый раз в жизни, наверное, решил покутить ночь, так умудрился забыть дома потребительскую книжку!

И все думали, что это была замечательная шутка.

Но скоро все наладилось. Правда, Шерри не исправилась — она по-прежнему ненавидела выходить куда-нибудь по вечерам, и Мори не замечал, чтобы она стала есть больше, чем раньше; но однажды вечером, разбирая счета, он обнаружил, что они очень даже неплохо справляются со своей потребительской квотой. По некоторым пунктам они потратили всю месячную норму и даже залезли вперед!

Не нужны даже фальшивые талоны. Мори потихоньку их собрал и, улучив удобный момент, тайком от Шерри сжег. Поначалу, едва лишь обнаружив перерасход потребительской квоты, он хотел бежать к Шерри и поздра-

вить ее — еще бы, такой успех! Но осторожность взяла верх. Эта тема была для Шерри больной. И Мори сдался, подавил в себе желание поделиться радостью. Пусть все остается как есть.

И добродетель его была вознаграждена.

Его вызвал Уэйнрайт. Начальство улыбалось.

— Ну, Мори, для вас добрые вести! Мы оценили вашу работу, и теперь у нас появилась возможность показать это более осозаемым образом, чем просто комплиментом. Я не хотел ничего говорить раньше времени, но теперь могу сказать — ваш статус пересмотрен квалификационной комиссией Министерства потребления. Теперь вы больше не в Четвертом классе «А»!

— Неужели Четвертый «Б»? — спросил Мори робко, с трудом справляясь с нахлынувшей надеждой.

— Пятый класс, Мори! Пятый! Когда мы что-нибудь делаем, то делаем это до конца. По справедливости. Мы просили специальной санкции от Министерства потребления — и получили ее, и вы перескошили в следующий класс. Но если честно, — добавил Уэйнрайт, — дело не только в нашей поддержке. Очень помогло ваше недавнее замечательное достижение в потреблении. Я же говорил вам, что вы можете этого добиться...

Мори пришлось сесть. Уэйнрайт говорил что-то еще, но он не слышал его. Да это и не имело значения. Вскочив, Мори выбежал из офиса, уклонившись от толпы сослуживцев, которые стремились его поздравить, и схватился за телефон.

На другом конце провода Шерри впала в экстаз и косноязычие.

— Ох, дорогой! — только и смогла она вымолвить.

Тогда Мори решился.

— Между прочим, — проговорил он, — без тебя я ничего бы не добился... Уэйнрайт мне так и сказал. Если бы мы не... ты не справилась с нормой, дорогая... Я давно хотел тебе это сказать, и что я очень это ценю... Алло?!! — В трубке вдруг возникла подозрительная тишина. — Алло? — повторил он встреможенно.

И Шерри ответила. Голос ее звучал резко, с нажимом.

— Мори Фрай, подлый ты человек. Конечно, ты не мог не испортить мне настроение. — И она повесила трубку.

Открыв рот, Мори уставился на телефон. Из-за спины послышалось хихиканье.:

— Женщины! — сказал Хауленд. — Никогда не пытайся

понять их. Все равно не поймешь. Во всяком случае, прими поздравления, Мори.

— Спасибо,— промямлил виновник.

— Кстати, Мори, теперь-то, после повышения, надеюсь, ты не скажешь Уэйнрайту, что я вчера говорил... Ну, о том, что...

— Извини,— сказал Мори и, не дослушав, отодвинул Хауленда в сторону. На миг ему захотелось позвонить Шерри снова, а еще лучше — бежать домой, чтобы не стоял между ними этот ее резкий тон, но он взял себя в руки. Конечно, ничего страшного, просто он задел ее больное место.

И в тот момент, когда он так решил, часы напомнили ему, что подошло время, отведенное на этой неделе для психиатров.

Мори вздохнул. День дал — и день отнял. Блажен тот день, который приносит с собой только хорошее.

Если такое бывает.

Сеанс шел плохо. В последнее время почти все сеансы шли плохо. Доктора перешептывались, переглядывались, словно бы блуждая в темноте вместо того, чтобы точно, резко и правильно делать свое дело — корректировать его, Мори, психику. Что-то тут не так, подумал он.

Пожалуй, так оно и было. И подтвердил это сам Зиммельвайс, прервав групповую терапию. Когда остальные доктора вышли, он пригласил Мори сесть напротив — для личной беседы. И за свое собственное время; он даже не заикнулся о вознаграждении, и Мори почувствовал нервный холодок — значит, дело действительно важное.

— Мори,— сказал Зиммельвайс,— по-моему, вы что-то скрываете.

— Я вас не понимаю, доктор,— серьезно ответил Мори.

— А вот за это я не поручусь. Мы изрядно покопались в вашем сознании, мистер Фрай, мы проникли довольно глубоко и обнаружили там кое-что интересное. Правда, об окончательном диагнозе говорить рано... Видите ли, мы исследуем человеческое сознание так, как если бы посыпали разведчиков через территорию людоедов. Сами вы не можете увидеть этих людоедов, иначе вы больше ничего и никогда не увидите. Но вот вы посыпаете разведчиков сквозь джунгли, и если он не появляется на другой стороне, то это явно означает, что он встретил на пути какие-то пре-

пятствия. Забрел, так сказать, в людоедскую деревню. Приметально к человеческому сознанию такая деревня называется травмой. Что это за травма? Как она влияет на поведение? Вот что мы должны понять, а поняв, принять меры.

Мори кивнул. Все это было давно известно. Но он никак не мог взять в толк, куда клонит Зиммельвайс. А тот продолжал, разглядывая Мори в упор:

— По сути, работа психиатра заключается в том, что он должен проникнуть сквозь психические блоки и залечить эту самую травму, избавив тем самым человека от болезненного состояния. Беда лишь, что мы не знаем, где остановиться. Закомплексованный человек находится как бы под напряжением. Мы пытаемся снять напряжение, но если мы добьемся полного успеха, оставив человека вообще без тормозов, то рискуем получить уголовника. Следовательно, торможение — социально необходимый фактор. Но представим на минуту, что у обычного человека не было бы сдерживающих центров. Предположим, что вместо того, чтобы использовать свою потребительскую квоту естественным и законопослушным образом, этот человек, например, поджигает свой дом или топит в реке продукты. Когда так поступают отдельные индивидуумы, мы этих индивидуумов лечим. Но если бы это совершилось в массовом порядке, это означало бы конец, крах нашего общества. И без того в каждой газете можно найти описание полного набора антиобщественных акций. Муж избивает жену, жена превращается в мегеру, подросток бьет стекла, имярек спекулирует на черном рынке потребительскими талонами. И в каждом таком человеке можно проследить основополагающую причину, которая привела их к грани, — это недостаток потребления...

Мори вспыхнул.

— Это несправедливо, доктор! Это все было несколько недель назад! С тех пор я начал действовать — и вполне успешно, я даже получил похвалу от Министерства потребления!.. Я не...

— Зачем же так волноваться, Мори, — мягко сказал Зиммельвайс. — Я позволил себе лишь общие рассуждения.

— А, по-моему, это вполне естественно — возмущаться, когда тебя обвиняют.

Зиммельвайс пожал плечами.

— Мы никогда не обвиняем пациента, мистер Фрай. Мы стараемся ему помочь. — В знак окончания сеанса он

закурил сакриментальную сигарету.— Пожалуйста, подумайте над этим, мистер Фрай. Жду вас на следующей неделе.

Шерри встретила его в дверях, храня неприступный вид. Холодно чмокнув его в щеку, она объявила:

— Я разговаривала по телефону с мамой. Рассказала ей наши новости. Они с папой приедут к нам сегодня отпраздновать.

— Хорошо,— кивнул Мори.— Дорогая, скажи, ты не обижаешься на меня за тот звонок? Я что-нибудь не то ляпнул?

— Они приедут около шести.

— Хорошо, хорошо! Скажи, ты обиделась на меня из-за этих норм? Если ты обиделась, то, клянусь, я не понимаю — за что!

— Я обиделась, Мори.

— Прости,— сказал он отчаянно.— Я даже...

Повинуясь внезапному импульсу, он поцеловал ее.

Сначала Шерри не отвечала, но так продолжалось недолго. Когда он оторвался от ее губ, она оттолкнула его, но Мори уже видел — она смягчилась. Он перевел дух.

— Хочу переодеться к ужину,— сказала Шерри.

— Конечно, дорогая. Прости меня, я был просто...

И он замолчал, потому что она прижала палец к его губам.

Успокоенный, Мори побрел в библиотеку. Там уже ждали вечерние газеты. Просмотрев наполовину «Уорлд телеграм сан пост энд ньюс», он позвонил Генри. Прежде, чем робот явился, Мори успел пробежать раздел происшествий в «Тайм теральд трибюн миррор».

— Добрый вечер,— сказал робот вежливо.

— Почему так долго?— поинтересовался Мори.— И где все роботы?

Обычно роботы не запинаются, но Генри явно помедлил с ответом.

— В подвале, сэр. Они зачем-то вам нужны?

— Нет. Просто я их не вижу вокруг. Дай мне выпить. Генри снова заколебался.

— Скотч, сэр?

— Перед ужином?! Принеси «Танхэттен».

— У нас кончился вермут, сэр.

— Как кончился? Что ты имеешь в виду?

— Он весь выпит, сэр.

— Ты что, издеваешься? — резко сказал Мори. — Да нам за целую жизнь не выпить столько пойла, и ты это отлично знаешь. Боже мой... — он вдруг запнулся, и в глазах его появился проблеск ужасной догадки.

— Боже мой — что, сэр? — напомнил Генри.

Мори проглотил комок в горле.

— Генри, я... я что-нибудь сделал такое... чего нельзя делать?

— Я этого совершенно не могу знать, сэр. Это вообще не мое дело — говорить вам, что можно делать, а чего нельзя.

— Да, конечно, — мрачно согласился Мори.

Он сидел прямо, с несчастным видом уставившись в пространство и вспоминая. И то, что он вспомнил, не доставляло ему никакого удовольствия.

— Генри, — сказал он наконец. — Пошли. Пошли в подвал. Немедленно!

Эти слова принадлежали Тэнквилл Байглоу. *Слишком много роботов делают слишком много вещей.*

В этих словах было зерно, и оно проросло в доме Мори. Больше, чем обычно, выпив и контролируя себя меньше, чем всегда, он посчитал задачу немудреной, а ответ простым. И вот теперь со все возрастающим беспокойством он озирался вокруг, а его собственные роботы, следя его собственному приказу, отданному всего несколько недель назад...

— Все в точном соответствии с вашими указаниями, сэр, — сказал Генри.

Мори застонал. Он смотрел прямо перед собой, и от того, что он видел, его колотила дрожь и по спине бежали муряшки.

Робот-дворецкий старался изо всех сил, но блестящее его лицо не выражало ничего. Одетый в бриджи и туфли для гольфа, робот с важным видом лупил клюшкой по мячу, мяч летел в стену, затем робот ловил его, снова бил, и так без конца, пока от мяча не отлетали лохмотья, клюшка не сгибалась от ударов, и на одежде не расползались швы. И тогда все это заменялось новым.

— Боже мой! — проговорил Мори растерянно.

Роботы-горничные, облаченные в лучшие Шеррины наряды, сгибались, наклонялись, садились и вставали... Робот-

повар готовил обед, перед которым не устоял бы сам Дионис*...

— Вы... вы... давно это... — проговорил Мори с трудом. — Так вот почему исчерпалась квота...

— О да, сэр! Все, как вы сказали, сэр, — ответил Генри.

Мори пришлось сесть. Один из роботов-слуг почтительно подал ему стул.

Растрата.

Мори повертел это слова на языке.

Растрата.

Вы никогда не портили вещи. Вы ими пользовались. Вы доводили себя до изнеможения, чтобы использовать их вовремя. Вы превращали каждый вдох и каждый час в мучение, стараясь использовать их на максимальное количество процентов — и так до тех пор, пока за прилежное потребление и/или профессиональные заслуги вас не переводили в следующий, более высокий класс, позволяя потреблять не так страстно и напряженно. Но вы никогда не разрушали бессмысленно вещи и никогда не выбрасывали их неиспользованными. Вы потребляли.

Не дай Боже, это дойдет до Министерства, подумал Мори с ужасом.

Правда, напомнил он себе, пока это до Министерства не дошло. И пока еще никто из людей не видел, что здесь происходит. И надо сделать так, чтобы никто сюда и не входил. Это не противоречит ни законам, ни обычаям, и устроить это будет тоже несложно. Ведь даже когда случаются поломки, что бывает очень редко, роботы управляются сами. Хозяева их даже не догадываются, что произошло, потому что для вызова ремонтной команды роботы пользуются собственной РПС-связью, и все происходит автоматически.

— Генри, ты должен был мне сказать, — проговорил Мори с упреком. — Хотя бы напомнить мне об этом.

— Но, сэр, — запротестовал Генри, — вы же сами приказали мне... Вы сказали: «Не говори не единой живой душе».

— Хм. Ладно. Продолжай в том же духе. Сейчас мне надо идти. А роботы пусть пока приготовят ужин.

Мори покинул подвал с тяжелым чувством.

Ужин проходил трудно. Мори всегда нравились Шеррины родители. Старый Элон после обязательного досвадебного расследования, которое он, как отец, непременно

* Дионис — Бахус, Вакх — в древнегреческой мифологии бог плодородных сил земли, земледелия, виноградарства, виноделия. (Прим. перевод.)

должен был учинить жениху своей дочери, целиком погрузился в свою работу и больше их не тревожил. Но Мори не мог сказать, что старики совсем их забыли, наслаждаясь своим высоким социальным статусом. Они помогали молодым, по меньшей мере раз в неделю приезжая обедать, и миссис Элон не раз перешивала Шеррины платья для себя, присовокупляя к ним Шеррины же украшения.

И они сделали богатые подарки на свадьбу. Родные Мори не пошли дальше серебряной посуды и хрусталия, но Элон обещал забрать машину, павлиний загон для своего сада и полный набор мебели для гостиной! Конечно, они могли себе позволить делать такие подарки, имея высокий статус и мизерную квоту потребления. И Мори знал, что без их помощи в первые месяцы семейной жизни у них с Шерри было бы гораздо больше проблем.

Но в этот вечер Мори было трудно, как никогда. Поглощенный своими мыслями, он однозначно отвечал на вопросы и еле что-то пробормотал, когда Элон произнес тост за его повышение и блестящее будущее.

Просто Элон ничего не знал...

Именно так. Храбрясь в глубине души, Мори, тем не менее, думал лишь о том, какое наказание ждет его впереди. Он пережевывал и пережевывал в уме ситуацию и, к тому времени, когда с обедом было покончено, и он со своим свекром перешел в кабинет выпить бренди, довел себя почти до беспамятства.

В этот раз, впервые с тех пор, как они познакомились, Элон предложил Мори одну из своих сигар.

— У тебя теперь пятый класс, сынок, положено покурить чужие сигары, верно?

— Верно,— хмуро кивнул Мори.

На несколько мгновений повисла неловкая пауза, но затем Элон, корректный, как робот-компаньон, кашлянул и попробовал снова:

— Ведь я отлично помню, как сам добивался пятого,— сказал он задумчиво.— Потребление преследует человека всю жизнь, это уж точно. Вещи дома, вещи в офисе, в машине, вещи, вещи... Ни на минуту нельзя расслабиться, ни на минуту нельзя забыть о вездесущих потребительских талонах. И это правильно, потому что потребление — главнейший гражданский долг. Мы с мамой немало хлебнули в свое время, но, я думаю, каждая пара, которая хочет совместить семейную жизнь и гражданский долг, должна быть к этому готова, верно?

Мори подавил дрожь и снова кивнул.

— Самое приятное в повышении,— продолжал Элон как ни в чем ни бывало,— то, что можешь не тратить столько времени на потребление и заняться работой. Эх, хотел бы я снова стать молодым! Пять дней в неделю в суде — вот и все, что у меня есть. Я бы мог и шесть, но врач не разрешает. Говорит, нельзя перебарщивать с удовольствиями. А ты, значит, будешь теперь работать два дня в неделю, верно?

Мори изобразил еще один кивок.

Элон глубоко затянулся сигарой, глаза его вспыхнули и уставились на зятя. Он явно что-то почуял, и Мори, даже сквозь свое смущение, смог точно уловить момент, когда Элон потянул за ниточку. Но не за ту.

— У вас с Шерри все нормально? — дипломатично спросил он.

— Прекрасно! — очнувшись, воскликнул Мори. — Лучше не бывает.

— Хорошо, хорошо,— Элон моментально сменил тему.— Расскажу тебе о суде. Недавно был интересный случай. Молодой парень — на год-два моложе тебя. Статья девяносто седьмая. Знаешь, что это такое? Кража со взломом!

— Кража со взломом? — удивленно повторил Мори, против поли заинтересовавшись. — Как это?

— Старый термин. В законах их полно. Обычно люди крали вещи.

— И он крал *вещи*? — спросил Мори недоверчиво.

— Именно! Крал! Я сам совершенно случайно наткнулся на эту формулировку. Потом я поговорил с одним из его адвокатов; для него это тоже был сюрприз. Оказывается, у мальчишки была подружка, симпатичная крошка, только чересчур полновата. Она интересовалась искусством.

— Но в этом нет ничего предосудительного,— сказал Мори.

— Ну да, она-то ни в чем не виновата. Правда, парень не очень ей нравился, она все не соглашалась идти за него замуж. Ему пришлось поломать голову, как бы ее переубедить... Ты знаешь большую картину Мондриана* в Музее?

— Никогда там не был,— признался Мори смущенно.

* Мондриан Питер Корнелис (1872—1944) — нидерландский художник-абстракционист. (Прим. перевод.)

— Гм. Когда-нибудь стоит попробовать, сынок. Короче, однажды перед закрытием Музея парень пробрался внутрь и украл картину. Да-да, украл. Спер ее и отнес своей девочонке.

— В жизни не слышал ничего подобного,— Мори озадаченно покачал головой.

— Это еще не все. Девчонка картину не взяла! Она просто перепугалась, когда ее увидела. То ли она сама позвонила в полицию, то ли кто-то еще. Но неважно. Им понадобилось почти три часа, чтобы найти картину, хотя она просто висела на стене. Бедный ребенок. Он еще так молод. Сорок две комнаты в доме.

— И против кражи вещей был закон?— спросил Мори.— По-моему, это все равно, что издать закон против дыхания.

— Ну, это старый закон, разумеется. Мальчишку понизили сразу на два класса. Ему дали бы и больше, но — мой Бог!— он был всего в третьем классе.

— Да уж,— произнес Мори, облизнув губы.— Скажите, папа...

— М-м?

Мори прочистил горло.

— Скажите, а какое наказание... ну, например, за... за то, что человек, например, что-нибудь сделает со своими квотами?

— То есть?— брови Элона поползли вверх.

— Ну, например, у вас есть норма на выпивку, а вместо того, чтобы эту выпивку выпить, вы ее выливаете... или еще что-нибудь...

Голос его совсем потерялся. Нахмутившись, Элон сказал:

— Веселенькое дельце! Даже не припомню, чтобы я когда-нибудь задумывался о таких вещах. Во всяком случае, ничего приятного преступника не ждет, это я могу гарантировать.

— Виноват...— еле слышно прошептал Мори.

Так оно и было.

Может, это и было нечестно, может, это и был грех, но — проходили дни, а радость, поселившись в доме Мори, не спешила его покидать. Равно как и процветание. Шерри была просто счастлива, а Уэйнрайт то и дело находил повод похлопать его по плечу.

Неприятный момент возник однажды, накануне переезда в новый дом, больше подходящий для семьи новоиспеченного потребителя пятого класса. Застав Шерри наблюдающей за колонной роботов-грузчиков, уже прибывших за имуществом, Мори едва успел приказать своим роботам замести все следы... Но — обошлось.

Новый дом показался Мори настоящей роскошной находкой. В нем было всего пятнадцать комнат; Мори предусмотрительно оставил за собой на одного робота больше, чем полагалось для пятого класса, и это позволило — в порядке компенсации — уменьшить размеры дома.

Правда, роботы слишком шумели — в новом доме было куда меньше простора для них, занятых безостановочным потреблением. Прижавшись к мужу в уютной интимности их общей кровати в единственной спальне, Шерри не раз говорила с затаенным любопытством:

— Чем они там занимаются? Хочу, чтобы они перестали так шуметь...

И всякий раз Мори обещал поговорить утром с Генри. Разумеется, ему нечего было сказать Генри, кроме как отдать приказ прекратить круглосуточное «потребление», единственно благодаря которому они могли выдерживать изнурительную гонку с безжалостными месячными квотами.

Мори был уверен, что, несмотря на приступы любопытства, Шерри вряд ли догадается о том, чем именно занимаются роботы. Она выросла в богатой семье, вот в чем все дело. И она слишком мало, почти ничего не знала о том, что такое тоска, тоска и тоска потребления, которая была уделом лишь низших классов. Шерри была выше этой тоски.

Временами Мори позволял себе расслабиться, придумывая для роботов новые и новые задания, и они моментально и беспрекословно их исполняли.

Мори везло.

Но горизонт не был безоблачным. Приближался неприятный момент, когда Министерство потребления пришлет ежеквартальный отчет о степени износа возвращенных вещей. Вещи же, которые Мори сдавал как изношенные, были изношены до предела. Это касалось всего — одежду, мебели, домашней утвари. С одной стороны это было неплохо, но с другой... Ни один нормальный человек ни единой лишней минуты не стал бы держать в доме пропертые до дыр брюки; больше того, он не стал бы дожидать-

ся, пока брюки прутятся до дыр. Заподозрит ли Министерство, что здесь не все чисто?

Кроме того, Мори мог разоблачить сам характер потребления роботами вещей. Анатомия человека и строение роботов, естественно, не совпадали, а места износа, например, на одежде были характерны именно для последнего.

Но беспокойство оказалось напрасным. Когда отчет пришел, Мори не сдержал облегченного вздоха — ни одного неутверженного пункта!

Да, Мори везло — система работала.

Удачливому человеку за успех достается награда. Однажды вечером, после трудного дня в офисе, усталый Мори подъезжал к своему новому дому. Заметив на дорожке припаркованную чужую машину, он встревожился. Машина была не простая — двухместный седан, престижная модель, из тех, на которых ездят высшие чиновники и зажиточные люди.

К этому времени Мори уже успел усвоить первую половину урока растратчика: *любые перемены опасны*. Входя в дом, он приготовился к тому, что сейчас на него набросится с вопросами какой-нибудь чин из Министерства потребления.

Но встретила его сияющая Шерри.

— Мистер Порфирио журналист, он хочет написать о нас статью для «Выдающихся потребителей!» — выпалила она. — Ах, это так почетно!

— Спасибо, — сказал Мори хмуро. — Привет.

Мистер Порфирио тепло пожал ему руку.

— Я не совсем из газеты, — поправил он. — «Транс-видео-пресс» — вот как это называется. Мы — это самые свежие новости. Мы поставляем в сорок семь газет новостями и комментарии к ним, — сказал он самодовольно, — и их потребляют все, с первого класса по шестой. Мы выпускаем воскресное приложение — о том, как помочь самому себе в потреблении, — и наш девиз — «Воспитание примером». Вы установили завидный рекорд, мистер Фрай. Было бы просто отлично, если бы мы смогли рассказать об этом читателям.

— Гм, — проговорил Мори. — Давайте для начала пройдем в гостиную.

— Ну нет! — воскликнула Шерри. — Я тоже хочу послушать! Мори такой скромняга, мистер Порфирио, вы не представляете! Я — его жена — и то понятия не имею, как ему удалось добиться такого потребления. Он просто...

— Хотите выпить? — спросил Мори, нарушая разом все правила этикета. — Ром? Скотч? Джин с тоником? Бурбон? Бренди Алессандер? Мартини? Что угодно? — Он начал осознавать, что разболтался, как последний дурак.

— Все равно, — сказал журналист. — Ром — это замечательно. Мистер Фрай, я хочу сказать, что у вас великолепный дом. И место отличное. Ваша жена говорит, что загородный ваш дом еще симпатичнее. Но я, как только вошел, сразу сказал себе: «Вот прекрасный дом! Ничего лишнего! Шестой класс. Может быть, даже седьмой». Но миссис Фрай говорит, что загородный дом еще...

— Да, да, — резко отозвался Мори. — Могу вам сказать, мистер Порфирио, что на моей мебели сосчитана каждая царапина. Не знаю, на что вы намекаете...

— Что вы! Я ни на что не намекаю! Я просто хочу получить от вас информацию, которую затем передам своим читателям. Ведь вы владеете секретом, мистер Фрай, и мои читатели наверняка хотели бы его узнать. Как вы достигли такого уровня потребления, мистер Фрай? Каким образом?

Мори кашлянул.

— Мы... просто мы стараемся, — сказал он. — И это тяжелый труд.

— Тяжелый труд! — повторил Порфирио восхищенно. Из кейса он выудил блокнот для записей и раскрыл. — Я так понял, мистер Фрай, что каждый может достичь таких же успехов, если целиком посвятит себя этой цели? Что вы скажете, например, о строгом графике и еще более строгом его соблюдении?

— О да, — сказал Мори.

— Другими словами, вы должны делать то, что вы должны делать, и так — каждый день?

— Точно. В нашем доме я веду бюджет, у меня больше опыта, чем у моей жены. И вы видите результат. Но я не вижу причин, которые мешали бы женщине заниматься тем же.

— Бюджет, — одобрительно кивнул Порфирио. — Бюджет — это важно.

Интервью получилось не таким уж страшным, как казалось сначала. Мори выкрутился даже тогда, когда Порфирио обратил внимание на тонкую талию Шерри. «Вы знаете, миссис Фрай, многие домохозяйки считают, что очень трудно удержаться от — ну, как бы это сказать, — им очень трудно сохранить фигуру...» Не обращая внимания на изумленный взгляд Шерри, Мори просто наплел что-то про

специальный тренажер для гимнастики. Шерри — умница и хорошая жена — протестовать не стала.

Однако из интервью Мори извлек вторую половину урока растратчика. И, дождавшись, когда Порфирио уйдет, он подошел к Шерри и сказал чуть тверже, чем нужно:

— И верно, дорогая, все дело в упражнениях. Мы действительно должны этим заняться. Не знаю, заметила ли ты сама, но я-то вижу — ты набрала вес за последнее время. Ведь мы этого не хотим, верно?

До следующего ужасного и никому не нужного душевного стриптиза с одиннадцатью детекторами лжи Мори успел как следует усвоить этот урок. Ведь от украденной шкатулки с драгоценностями гораздо меньше проку, чем кажется, если у вас не хватает смелости наслаждаться ее содержимым.

Справедливости ради скажем — некоторые из сокровищ Мори заработал честно.

Новый бредмурский игральный автомат К-50 был целиком и полностью его собственным детищем. Он сам спроектировал его и создал. Но ему повезло в главном — в том, что ему разрешили потратить столько усилий именно во имя и ради общественной пользы. Во имя роста потребления.

Для этой цели К-50 был почти совершенной машиной.

— Великолепно! — сказал Уэйнрайт, когда автомат прошел первую серию испытаний. — Никто не скажет, что я не умею выбирать талантливых людей. Я всегда знал, что вы сможете это сделать!

Даже Хауленд расщедрился на поздравления. Пока шли испытания, он с чавканьем пожирал полную тарелку птиц-фюров (у Хауленда по-прежнему был только третий класс), но потом, в конце концов, сказал с энтузиазмом:

— Отлично, Мори! Такая скорость изнашиваемости — это же просто сенсация! Вот бы все механизмы были такие!

Мори вспыхнул от удовольствия.

Уэйнрайт ушел, расточая поздравления, и Мори с чувством похлопал по корпусу модель своего К-50. Он даже залюбовался ее совершенством, разноцветьем и блеском хромированных деталей. Внешний вид любой машины, вспомнил он поучения Уэйнрайта, не менее важен, чем ее работа. Воистину так.

— Вы должны заставить их захотеть с ней играть,

дружище. Они не захотят с ней играть, если не будут ее видеть. Понимаете?

И вся серия автоматов с индексом К создавалась с обязательными радужными световыми табло, из динамиков лилась зазывающая музыка, и каждого прохожего преследовал сладостный аромат, обладающий неодолимым действием.

Мори вспомнил старые шедевры игорного дизайна: однорукий бандит, кегельбан, джук-бокс... Вот вы ставите свою потребительскую книжку на кон, выбираете игру, в которую хотели бы сыграть с машиной, и затем начинаете жать на кнопки, крутить ручки или пускаете в ход еще какой-нибудь из трехсот двадцати пяти способов противопоставить свое человеческое мастерство запрограммированному мастерству машины.

И вы проигрываете. Конечно, у вас есть шанс выиграть, но неумолимая и выверенная статистика гласит, что если вы будете играть достаточно долго, то проигрываете наверняка. Да, можно сорвать банк и погасить сразу тысячу потребительских талонов, что позволит вам сделать недельный перерыв в безостановочном потреблении; но такое случается редко. Более вероятно, что вы проигрываете и не получите ничего.

Так было всегда. Но главным достоинством автоматов, придуманных Мори, было то, чего не было никогда. Выпал вам выигрыш или проигрыш, но вы *всегда* получите приз — витаминизированную, сладкую, гормональную с антибиотиками жевательную резинку. Вы играете свою игру, выигрываете или проигрываете свою ставку, получаете приз, кладете его в рот и — начинаете следующий кон. Пока длится игра, вкус растворяется. Но вы получаете новый приз — и начинаете снова...

— Это то самое, что больше всего понравилось человечку из Министерства потребления, — шепнул Хауленд на ухо Мори. — Он забрал с собой документацию. Они собираются вставить эти блоки во все автоматы подряд. Да, скажу тебе, голова у тебя варит!

Это была хорошая весть. Мори немедля помчался звонить Шерри, чтобы рассказать о такой удаче. Похоже, Министерство заинтересовалось всерьез. Он нашел Шерри у матери, которой она наносила обычный визит и, удостоверившись, что она оценила его успех, вернулся к Хауленду.

— Давай, может, выпьем? — несмело предложил Хауленд.

— Конечно,— ответил Мори. Вот уж чего-чего, а выпить за счет Хауленда он может себе позволить. Бедный малый крепко застрял в третьем классе. А всего-то и надо человеку — просто чуть больше везения, хоть иногда.

И когда Хауленд, узнав, что Шерри оставила Мори на вечер холостяком, предложил снова пойти к «Дяде Пиготи», Мори почти не колебался.

Байглоу были рады его видеть. Мори нисколько не удивился, встретив их снова за тем же столиком. В самом деле, не похоже было, что Уолтер и Тэнквилл много времени проводили у домашнего очага.

В конце концов, когда Мори заявил, что зашел в кабачок пропустить пару рюмок перед обедом, а Хауленд вывел его на чистую воду, объяснив, что он свободен на целый вечер, Байглоу захватили Мори в плен и пригласили к себе домой.

Тэнквилл не преминула выпустить отправленную стрелу:

— Не уверена, что наш дом похож на дом мистера Фрая,— сказала она своему мужу прямо через голову Мори.— Что ж, *пока* это наш дом.

Мори что-то вежливо промычал в ответ. На самом деле его чуть не стошило от одного вида обиталища Байглоу. Это был огромный, яркий, новый особняк, куда больший, чем даже прежний дом Мори, до отказа набитый встроенными диванами, роялями, тяжелыми стульями красного дерева, аппаратурой три-ди, ванными, кабинетами, столовыми и детскими комнатами.

Именно детские комнаты привели Мори в великое изумление; он никак не ожидал, что у Байглоу могут быть дети. Но так оно и было, и, несмотря на поздний час и ранний возраст — пять и восемь лет,— дети все еще не спали и играли под присмотром двух роботов-нянь.

— Вы даже не представляете, как это здорово, что у нас есть Тони и Дик,— сказала Тэнквилл Байглоу.— Они потребляют гораздо больше своей потребительской нормы. Уолтер говорит, что каждая семья должна иметь минимум двоих или троих детей. Они отличные помощники! Уолтер такой умный в этих делах, так приятно слушать, что он говорит. А вы слышали его поэму, Мори? Он ее называет «Двойственность».

Со всей возможной поспешностью Мори заверил Тэнквилл, что уже слышал поэму. Он уже примирился с потерей целого вечера — Байглоу были экстравагантны, пока находились в объятиях дедушки Пиготи. На своей территории

они сбросили маскировку, превратившись в обыкновенных скучных бедняков. Ужин, конечно, был отвратительный; Мори уже успел вкусить прелест спартанского образа жизни, чтобы это оценить. Но он помнил об этикете и, нацепив маску завзятого консерватора, добросовестно пробовал все блюда подряд. И под бесконечную череду вин и ликеров ужин закончился вполне мирно; во всяком случае, Мори не почувствовал, что его желудку что-то не понравилось.

После ужина приятная компания собралась в разукрашенном кабинете Байглоу. Тэнквилл, посовещавшись с детьми и проверив их потребительские книжки, заявила, что сейчас состоится концерт: двое роботов-танцоров выступят под аккомпанемент струнного квартета роботов-музыкантов. Мори напрягся, приготовившись к жуткому зрелищу, но потом вдруг обнаружил, что ему нравится. Это тоже был урок: когда за роботами не нужно следить, они, оказывается, могут доставлять удовольствие.

— Спокойной ночи, дети,— сказала Тэнквилл Байглоу, когда представление закончилось. После недолгих протестов мальчики ушли спать, но не прошло и пяти минут, как один из них вернулся и пухлой рукой потянул Мори за руки.

Мори посмотрел на него и спросил смущенно:

— Что случилось, Тони?

Он совсем не умел общаться с детьми.

— Я не Тони,— сказал мальчик.— Я — Дик. Дайте мне автограф.— Он протянул блокнотик и вульгарный, украшенный драгоценными камнями карандаш.

Не переставая удивляться, Мори расписался на открытом листе, и ребенок убежал. Тэнквилл Байглоу с улыбкой сказала:

— Он видел ваше имя в колонке новостей Порфирио. Дик обожает Порфирио, читает его каждый день. Он вообще умный мальчик. Если я не заставлю его играть или смотреть три-ди, сразу норовит сунуть нос в книжку.

— Да, вполне приличная хвалебная статейка,— откомментировал Уолтер Байглоу. «А ведь он мне завидует»,— подумал Мори.— Держу пари, вы будете Потребителем года. Хотел бы я,— вздохнул Уолтер,— чтобы и мы хоть ненамного опередили квоту. Но, кажется, это нереально. Мы едим, играем и потребляем, как сумасшедшие, кое-как сводим концы с концами, а Министерство шлет нам предупреждение и награждает штрафными пунктами. И в ре-

зультате мы в еще худшем положении, чем раньше. Представляете?

— Вам никогда не понять,— сказала Тэнквилл.— Потребление — это еще не все, это еще не вся жизнь. У нас есть наша работа.

Уолтер согласно кивнул и предложил выпить, но — это было не совсем то, чего хотел Мори. Он сидел с пылающими щеками, чувствуя не столько опьянение, сколько приятное возбуждение.

— Послушайте,— сказал он внезапно.

Байглоу поднял глаза от стакана.

— А?

— Если я расскажу вам кое-что по секрету, вы сможете держать язык за зубами?

— Зачем, Мори? Я и так догадываюсь...

Но жена резко оборвала его:

— Разумеется, Мори, конечно, мы никому не скажем. А в чем дело?— В ее глазах Мори заметил какое-то мерцание. Он насторожился, но потом решил не обращать на это внимания.

— По поводу той статьи,— сказал он,— ну, вы знаете, не такой уж я пылкий потребитель на самом деле. На самом деле...— Все глаза обратились к нему, и на одно мгновение Мори сам себе удивился: зачем он это делает? Секрет, который известен двоим, скомпрометирован, а секрет, который знают трое, вообще не секрет.

— Так вот,— твердо произнес Мори,— вы помните, о чем мы говорили той ночью у «Дяди Пиготи»? Помните? Так вот, когда я добрался до дома, то сразу отправился к своим роботам...

И он рассказал им всю историю.

— Я знала!— торжественно произнесла Тэнквилл Байглоу.

Уолтер бросил на жену мягкий упрекающий взгляд и спокойно сказал:

— Вы сделали большое дело, Мори. Великое дело. Не знаю, догадываетесь вы или нет, но вы вынесли смертный приговор всему нашему обществу. Будущие поколения будут читать имя Мори Фрая!

И он с чувством пожал Мори руку.

— Что?— ошеломленно проговорил Мори.

Уолтер кивнул. Это было как напутствие.

— Придется созвать чрезвычайное собрание,— сказал он жене.

— Конечно, Уолтер,— преданно ответила Тэнквилл.

— И Мори будет на нем присутствовать. Обязательно, Мори, не отказывайтесь. Вы должны познакомиться с Братством. Правильно, Хауленд?

Хауленд неуверенно кашлянул, кивнул уклончиво и налил себе еще выпить.

— О чём вы говорите?— отчаянно потребовал Мори.— Хауленд, ответь мне!

Хауленд спрятался на своём стаканом.

— Ладно,— сказал он наконец.— Тэн и так почти все рассказала тебе той ночью. Просто несколько человек, кое-что понимающих в политике, образовали небольшую группу...

— Небольшую группу!— презрительно повторила Тэнквилл Байглоу.— Хауленд, я иногда просто поражаюсь, глядя на вас! Да только здесь, в Старом городе, нас восемнадцать человек! А во всем мире гораздо больше. Ах, Мори! Да ведь я с самого начала знала, чем все это кончится. На следующее утро после того, как мы с вами познакомились, я сказала Уолтеру: «Запомни мои слова, Уолтер, этот человек, Мори, к чему-нибудь придет. Обязательно». Но, надо признать,— добавила она почтительным тоном,— я и вообразить не могла, что вы приметесь за дело с таким размахом. Вы только представьте: целый мир потребителей восстает, как один человек, и, скандируя имя Мори Фрая, побеждает проклятое Министерство потребления его же собственным оружием — роботами! Как это поэтично и справедливо!

Байглоу кивнул с энтузиазмом.

— Позвони в «Дядюшку Пиготи», дорогая,— сказал он твердым голосом.— Спроси, есть ли возможность сбратить кворум прямо сейчас. А мы с Мори пока сходим в подвал. Пошли, Мори, пошли! Мы откроем новый мир!

Мори с лязгом закрыл рот.

— Байглоу,— прошептал он,— вы хотите сказать, что собираетесь распространить мой метод в вашей подрывной организации?

— Подрывной?— жестко переспросил Байглоу.— Дорогой мой человек, всякая творческая мысль является подрывной, и не имеет значения, является ли ее носителем чудак-одиночка или группа чудаков под названием Братство Свободных. Мне чертовски нравится...

— Неважно, что вам нравится,— настаивал Мори.— Вы хотите созвать собрание этого вашего Братства и предла-

гаете мне рассказать на нем то, что я только что рассказал вам? Правильно?

— Ну да.

Мори встал.

— Хочу вам сказать, что, может, это и замечательно, но участвовать в этом я не буду. Спокойной ночи!

И он выскочил из дома прежде, чем они успели его остановить.

На другой стороне улицы решимость оставила его. Окликнув робота-такси, он приказал водителю везти его домой через парк. Это был кружной путь, но за время езды Мори рассчитывал успокоиться и обдумать все как слеует.

То обстоятельство, что он ушел, не удержит Байглоу от соблазна рассказать все членам пресловутого Братства. Мори вспоминал фрагменты разговора с Уолтером и Тэнквилл — и проклинал себя последними словами. Он просто обязан был проявить осторожность! Только полный идиот не понял бы их намеков! И он-таки их не понял. Виной всему эта чепуха насчет Двойственности, подумал Мори. Она отвлекла его от того, что на самом деле было яснее ясного: он столкнулся с действительно подрывной организацией.

Мори взглянул на часы. Поздно, но не очень; Шерри, должно быть, еще у родителей.

Он наклонился вперед и дал водителю новый адрес.

Это было как первый укол из назначенной врачом сотни. Вы знаете, что уколы вас вылечат, но все равно это больно.

— Вот так, сэр,— мужественно сказал Мори.— Я знаю, что оказался дураком. И я готов нести ответственность.

Старый Элон задумчиво потер подбородок.

— Гм,— проговорил он.

Шерри и ее мать почти с самого начала Мориного рассказа напрочь потеряли дар речи. Потрясенные, они сидели бок о бок на кушетке поперек комнаты, и с лиц их не сходило напряженно-недоверчивое выражение.

— Прошу прощения,— внезапно сказал Элон.— Мне надо позвонить.— Он вышел из комнаты, коротко переговорил с кем-то по телефону и, вернувшись, бросил через плечо жене:— Кофе. Нам понадобится много кофе. Свалилась нам на голову задачка...

— Что же мне теперь делать?— спросил Мори.

Элон пожал плечами, потом неожиданно улыбнулся.

— А что ты можешь сделать?— спросил он почти ве-

село.— По-моему, хватит того, что ты уже успел сделать. Ну, еще можешь выпить кофе. Только что,— объяснил он,— я позвонил моему судебному секретарю. Он будет здесь с минуты на минуту. Его зовут Джим. Мы его порас-спросим о кое-каких секретах и тогда подумаем, как быть.

Шерри подошла к Мори и села рядом.

— Не волнуйся так,— сказала она просто, но для Мори эти слова были как бальзам на сердце. В самом деле, подумал он, скав Шеррины тонкие пальчики, какого черта? Почему я должен волноваться? Самое страшное наказание, которое мне грозит,— разжалование на два класса. И что в этом такого?

Непроизвольно он поморщился, припомнив свои не столь уж давние мучения в первом классе и что в первом классе было «такого».

Наконец, появился Джим, судебный секретарь, крошечный робот с корпусом из нержавеющей стали и тупым выражением на широкой медной морде. Элон отозвал его в сторону, коротко посовещался, затем снова вернулся к Мори.

— Так я и думал,— удовлетворенно сказал он.— Прецедента нет, запрещения законом нет, следовательно и криминала нет.

— Слава Богу!— выдохнул Мори с восторженным облегчением.

Элон покачал головой.

— Но прецедент создан, и твое положение наверняка будет пересмотрено. Вряд ли тебе удастся сохранить пятый класс. Твое поведение будет квалифицировано как «антиобщественное» со всеми вытекающими последствиями.

Свалившийся с небес на землю, Мори выдохнул снова, теперь уже с горечью:

— Ох...— Но, овладев собой, он поднял глаза.— Хорошо, папа. Это горькое лекарство, но я готов.

— Правильно,— сказал Элон с одобрением.— Сейчас иди домой. Выспись как следует. А утром первым делом отправляйся в Министерство потребления. Расскажи им свою историю. Они не будут строги к тебе.— Элон заколебался.— Да, наверняка, они не будут к тебе строги.— И поправил себя:— Надеюсь.

Приговоренный съел обильный завтрак.

Так было надо. Этим утром, едва прорав глаза, Мори подумал, что отныне он обречен каждый день, долго-долго,

потреблять тройную норму. И чуть не задохнулся от отвращения.

Он поцеловал на прощанье Шерри и всю дорогу до Министерства провел в молчании. Генри он оставил дома.

В Министерстве Мори, спотыкаясь, преодолел череду роботов-регистраторов и, наконец, добрался до молодого клерка по имени Хачи. Тот был в меру спесив, как и положено клерку.

— Меня зовут Мори Фрай,— сказал Мори.— Я пришел... я хотел кое-что рассказать. Я занимался...

— Конечно, мистер Фрай,— сказал Харчи.— Я немедленно приглашу вас к мистеру Ньюману.

— И вы не хотите узнать, что я сделал?— спросил Мори.

Хачи улыбнулся.

— Неужели вы думаете, что мы не знаем?— сказал он и вышел.

Это был Сюрприз Номер Один.

Но Ньюман все объяснил.

Ухмыльнувшись Мори, он покачал головой.

— Опять то же самое,— пожаловался он.— Люди совсем не хотят знать, что за мир их окружает. Как ты думаешь, сынок, что такое роботы?

— Как?— изумленно спросил Мори.

— Роботы. Как, ты думаешь, они работают? Ты думаешь, они такие же, как люди, только тело у них жестяное и нервы из проволоки?

— Почему же, нет. Они — машины, не люди.

Ньюман просиял.

— Прекрасно,— сказал он.— Робот — это машина. У нее нет ни мяса, ни крови, ни кишок, ни мозгов. Но,— он вытянул вперед руку,— роботы вполне *сообразительны*. Почему? Ведь электронная думающая машина, мистер Фрай, требует столько же места, сколько дом, в котором вы живете. Значит, роботы не носят свои мозги с собой, их мозги слишком велики и тяжелы.

— Но как же они думают?

— Своими мозгами, конечно...

— Но вы только что сказали...

— Я сказал, что они не носят их с собой — и только. Но каждый робот постоянно поддерживает радиосвязь с Центральным процессором. Потом ЦП отвечает, и робот действует. Это то, что люди называют «радио ОРС».

— Понятно,— сказал Мори.— Это все очень интересно, но...

— Но вы по-прежнему ничего не понимаете,— кивнул Ньюман.— Вдумайтесь, если роботы постоянно получают информацию от Центрального процессора, то ведь и Центральный процессор постоянно получает информацию от роботов.

— А...— сказал Мори. Потом громче:— А... Вы хотите сказать, что все мои роботы...— Слова застряли у него в горле.

Ньюман удовлетворенно кивнул.

— До последнего бита. Так что, мистер Фрай, если бы вы не пришли к нам сегодня, в самом скором времени мы пришли бы к вам.

Это был Второй Сюрприз. Мори выдержал его стойко. Уже ничего нельзя изменить, напомнил он себе.

— Хорошо,— сказал он.— Так или иначе, сэр, я здесь. И я пришел сюда по доброй воле. Я признаю, что использовал своих роботов, чтобы потребить свою нормативную квоту, и я...

— Действительно, вы здесь,— вставил Ньюман.

— ...и я готов подписать признание в совершении этого действия. Я не знаю, какое наказание мне положено, но я приму его с достоинством. Я виноват и не отрицаю свою вину.

Глаза Ньюмана расширились.

— Вина?— повторил он.— Наказание?

Мори остолбенел.

— Сэр,— сказал он.— Я ничего не отрицаю.

— Наказание,— снова повторил Ньюман. Потом он начал смеяться.

Он смеется, подумал Мори, это уж слишком. Сам он никак не мог взять в толк, над чем можно смеяться в подобной ситуации. Правда, ситуация довольно быстро становится двусмысленной, признался он себе.

— Простите,— наконец выговорил Ньюман, вытирая слезы с глаз.— Ничего не смог с собой поделать. Наказание! Ладно, мистер Фрай, позвольте успокоить вас. На вашем месте я не стал бы волноваться и бояться наказания. Видите ли, как только мы стали получать отчеты ЦП о том, что вы делаете со своими роботами, мы, естественно, назначили специальную комиссию, которая вела за вами — ну, скажем,— наблюдение. Кроме того, мы направили рапорт в Главное управление. Рапорт мы сопроводили реко

мендациями — просто, чтобы сократить волокиту, и вот —
пожалуйста — вчера мы получили ответ.

Мистер Фрай, Национальное Министерство потребления счастливо довести до вашего сведения, что ваш вклад в решение задачи распределения признан неоценимым. В развитие вашего метода признано целесообразным создать экспериментальную сеть объединений роботов-потребителей... Господи! Наказание! Мистер Фрай, да вы просто герой!

Герой — должность обременительная, и Мори это быстро дали понять. Ему разрешили нанести короткий успокаительный визит в лоно семьи, разрешили совершить круг почета по старому офису компании КРБ, а затем его перенесло в Вашингтон, где уже шли последние испытания пресловутой сети.

Кругом кипела работа. Министерство стояло на ушах.

— Самое главное мы уже сделали, — сказал ему один из высших чиновников. — Не удивлюсь, если окажется, что это наше последнее средство! Да, сэр, мы пытаемся положить конец нашим мучениям, и мы не имеем права ошибиться!

— Я могу чем-нибудь помочь... — предложил Мори.

— Вы уже внесли свою лепту, мистер Фрай. Вы дали нам замечательный шанс. Это тот толчок, в котором мы нуждались. Это было с самого начала ясно, но за деревьями мы не видели леса, надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду. Я не слишком силен в риторике, но я хочу сказать, что ваше открытие — величайший шаг, который сделало человечество в этом столетии. У меня просто нет слов!.. Разрешите, мистер Фрай, я покажу вам, что мы уже успели сделать.

И в сопровождении целой свиты чиновников Министерства потребления человек по имени Мори Фрай отправился на экскурсию по заводу.

— Здесь замкнутый цикл, видите, — объясняли ему, пока он разглядывал трудяг-роботов, отрабатывающих погрузку обуви. — Ничто никогда не теряется. Если вы хотите машину, то можете взять самую новую и лучшую. Если вы ее не берете, ею пользуется робот, а через год ее утилизируют, чтобы сделать из нее новую модель. Мы не теряем металл, его можно восстановить. Все, что мы теряем, — немного энергии и работы. Но энергию дают солнце и атом, а работу делают роботы, и делают они больше,

чем мы можем переварить, и это касается всей, без исключения, продукции.

— Но при чем здесь роботы? Зачем они? — спросил Мори.

— То есть? — непонимающее переспросило одно из высших лиц в государстве.

Мори попал в трудную ситуацию. Все в нем протестовало против целенаправленной порчи вещей, а то, что здесь готовилась именно порча, было ясно даже сквозь научно-образный жаргон.

— Если потребитель потребляет вещи только затем, чтобы их употребить, — сказал он упрямо, понимая, какой опасности подвергается, — то почему бы не построить машину, которая уничтожала бы вещи сразу? Зачем использовать для этого роботов? Кроме того, зачем нужно уничтожать вещи?

Чиновники встревоженно переглянулись.

— Позвольте, но это именно то, чего добивались вы, мистер Фрай, и то, что вам блестяще удалось, — напомнил один из них с еле заметной угрозой в голосе.

— О, отнюдь! — быстро возразил Мори. — Ведь я встроил в своих роботов контуры удовольствия — моя специальность проектирование, если помните. Регулируемые контуры, конечно...

— Контуры удовольствия? — переспросили его. — Регулируемые?

— Именно. Ведь если робот получает удовлетворение от используемой вещи...

— Не говорите ерунды, — оборвал его министерский чиновник. — Робот — не человек. Его невозможно заставить испытывать удовлетворение. Тем более регулируемое.

Мори объяснил. Это была настоящая лекция на высоком уровне, потребовавшая большого количества больших листов бумаги и сложных графиков на них. Но среди чиновников оказались подкованные люди, и под конец они раз волновались еще сильнее, чем в начале.

— Великолепно! — вскричал один из них в экстазе. — Теперь перед нами нет ни моральных, ни юридических, ни психологических проблем!

— Но каким образом?! — спросил министерский чиновник. — Расскажите, мистер Фрай!

Мори попробовал — и не смог. Но он мог показать, как действует этот принцип.

Специально для него была развернута лаборатория

с таким огромным числом помощников, что он не знал, как их занять. Но в конце концов, целая бригада роботов, работавших на шляпной фабрике, получила эти самые контуры удовлетворения.

И Мори начал демонстрацию.

Роботы делали шляпы. Всех видов и сортов. Мори отрегулировал цепи в конце дня, и роботы, переругиваясь друг с другом, принялись мерить шляпы, и каждый уходил, торжественно неся с собой по несколько коробок. На металлических лицах невозможно было увидеть гордость или удовлетворение, но людям было ясно — этим роботам куда больше нравится носить шляпы, чем их производить.

— Ну как? — удовлетворенно воскликнул великий инженер Мори Фрай. — Их можно заставить полюбить эти шляпы, можно заставить носить их, пока они не рассыпятся в пыль. И роботы будут носить эти шляпы, потому что это для них — удовольствие.

— Но ведь так мы зациклимся на производстве одних только шляп, — сказал министерский чиновник. — Цивилизация не может производить одни только шляпы, шляпы и шляпы.

— Это как раз не проблема, — ответил Мори скромно. — Смотрите.

Он перестроил что-то в цепи удовольствия, робот-грузчик принес контейнер лыжных рукавиц, и все увидели, как роботы-шляпники набросились на рукавицы с тем же механическим пылом, с каким до того мерили шляпы.

— Так будет с чем угодно — от булавок до яхт, — добавил Мори. — Но главное в том, что они получают удовольствие от обладания вещами. Эту жажду можно регулировать, нужно лишь знать, где, когда и каких вещей переизбыток. — Он заколебался, прежде чем продолжить. — Это то, что я сделал для своих роботов-слуг. И как видите, здесь есть обратная связь. Стремление к удовлетворению влечет за собой расширение производства вещей, лучших вещей, от потребления которых они получат новое удовлетворение, и так далее, по кругу.

— Замкнутый цикл! — благоговейно прошептал какой-то министерский чиновник. — Настоящий замкнутый цикл!

Так были окончательно посрамлены казавшиеся доныне незыблыми законы спроса и предложения. Человечеству недолго мешало неадекватное предложение, преодолело оно и половодье перепроизводства. Теперь оно получило совершенное средство — все излишки отправлялись в жадную —

но регулируемую! — утробу роботов. И ничто не уничтожалось безвозвратно.

Потому что у трубы два конца.

Мори похвалили, поблагодарили, наградили, с триумфом провезли через весь Вашингтон, а затем отправили на самолете домой. Некоторое время спустя Министерство потребления самоликвидировалось.

Шерри встретила его в аэропорту, и всю дорогу до дома они возбужденно болтали. В гостиной они закончили тот поцелуй, который начали еще в машине, и Шерри, задыхаясь и смеясь, уронила голову ему на грудь.

— Я тебе не говорил, — сказал Мори, — что я теперь не работаю на Брэдмур? Так вот, теперь я работаю на Министерство в качестве *консультанта!* И, — добавил он многозначительно, — начиная с сегодняшнего дня у меня *восьмой класс!*

— Ой! — выпалила Шерри с таким обожанием, что Мори почувствовал угрызения совести.

Он честно добавил:

— Конечно, если верить тому, что мне сказали в Вашингтоне, классы теперь почти ничего не будут значить. Они будут присваиваться как почетные знаки...

— Да, — сказала Шерри преданно, — совсем как у папы. У него восьмой класс, а он сидит в суде уже не знаю сколько лет.

— Не может же людям все время везти, — Мори нахмурил губы. — Конечно, главная черта сохранится, то есть у первого класса будет большая норма потребления, у второго немного поменьше, и так далее, все, как сейчас. Но у каждого человека в каждом классе будет свой робот-помощник, именно он и будет заниматься потреблением, понимаешь? У каждого человека будет робот-двойник...

Шерри остановила его.

— Я уже знаю, дорогой. Каждая семья получит роботов-двойников на каждого человека.

— Ну-ну, — протянул Мори с досадой. — Откуда ты знаешь?

— Потому что наши роботы уже здесь, — объяснила Шерри. — Человек из Министерства сказал, что мы — первые получатели, потому что это твоя идея. Они еще не включены. Я поставила их в зеленой гостиной. Хочешь посмотреть?

— Конечно! — воскликнул Мори и отправился вслед за Шерри смотреть на овеществленные плоды своего вдохновения. Роботы неподвижно стояли возле стены, дожинаясь, когда их включат и они начнут свою бесконечную заботу о людях.

— Твой просто прелесть, — галантно сказал Мори жене. — Но неужели вот этот похож на меня? — Он с неодобрением принял рассмотривать хромированную лицевую панель робота-мужчины.

— Тот человек сказал, что сходство только самое общее. — Шерри стояла прямо за его спиной. — Больше ничего не замечаешь?

Мори наклонился ближе, чтобы внимательнее рассмотреть лицо своего робота-двойника.

— Какой-то он слишком роскошный... — проговорил он и вдруг застыл. — Ох! Ты имеешь в виду вот это?

Позади пары роботов прятался третий — ростом не больше двух футов, большеголовый, пухлый. Мори изумленно подумал, что он выглядит почти как...

— Боже мой! — Мори повернулся кругом и вытаращил глаза на жену. — Ты говоришь...

— Я говорю, — сказала Шерри, блаженно улыбаясь. Мори схватил ее за руки.

— Дорогая! — закричал он. — Почему ты мне не сказала?!

ЗВЕЗДНЫЙ ОТЕЦ

1.

Норман Маршан сидел на кожаной подушечке, которую для него нашли за кулисами небольшой сцены танцевального зала. Пятнадцать тысяч людей в зале ждали, чтобы приветствовать его.

Маршан очень хорошо помнил этот зал. Когда-то он принадлежал ему. Сорок... нет, не сорок. Даже не пятьдесят. Это было лет шестьдесят назад, лет шестьдесят... с лишним... когда они с Джойс танцевали в этом зале. Тогда это был самый новый отель на Земле, а он был только что женевшимся сыном его владельца, и это был прием по случаю его свадьбы с Джойс. Конечно, никто из этих людей об этом не знает. Но Маршан помнил... О, Джойс, дорогая!.. Но ее уже давно не было в живых.

Слышался шум толпы. Он выглянул из-за кулис и увидел, что места во главе стола начинают заполняться. Вице-президент Соединенных Штатов обменивался рукопожатием с губернатором Онтарио, будто на мгновение забыв, что они принадлежат к разным партиям. Линфокс, сотрудник Института, услужливо помогал шимпанзе сесть в кресло, рядом с которым, судя по установленным перед ним микрофонам, вероятно, было место Маршана. Линфокс, похоже, испытывал некоторую неловкость в обращении с шимпанзе. Шимпанзе, несомненно, был смированный, но наложение человеческого разума не делало — увы! — обезьяны ноги длиннее.

Потом появился Дан Флери, поднявшись по ступеням из зала, где остальные пятнадцать тысяч участников банкета занимали свои места.

«Флери выглядит не слишком хорошо», — подумал Маршан не без некоторого удовлетворения, поскольку Флери был на пятнадцать лет моложе его. Однако Маршан

никому не завидовал. Даже молодому посыльному, который принес ему подушку,— ему было самое большое двадцать, и сложен он был как футбольный защитник. Одной жизни человеку вполне достаточно. Особенно если удалось осуществить мечту, которую он намеревался осуществить. Или почти удалось.

Конечно, это стоило ему всего состояния, которое оставил отец. Но зачем еще нужны деньги?

— Пора, сэр. Вам помочь?

Это был тот самый молодой парень, чью форму посыльного распирали мощные молодые мускулы. Он был очень заботлив. Одной из приятных черт этого торжественного банкета в отеле Маршана было то, что персонал относился к нему с таким же почтением, как будто этот отель все еще принадлежал ему. «Может быть поэтому,— размышлял Маршан,— комитет выбрал этот отель, причудливый и старомодный, каким он должен теперь казаться. Хотя когда-то...»

Он сосредоточился.

— Извините, молодой человек. Я... витал в облаках. Спасибо.

Он встал, медленно, но не слишком тяжело, понимая, что впереди длинный день. Когда парень провел его на сцену, аплодисменты стали достаточно громкими, чтобы уровень громкости в его слуховом аппарате автоматически уменьшился.

Из-за этого он пропустил первые слова Дана Флери. Несомненно, они были лестными для него. Очень осторожно он опустился в кресло, и, когда аплодисменты утихли, он смог услышать оратора.

Дан Флери до сих пор был высоким человеком с бочкообразной фигурой, густыми бровями и огромной гривой волос. Он помогал Маршану в осуществлении его безумного проекта по проникновению человека в космос с самого его начала. Об этом он сейчас и говорил.

— Величайшая мечта человечества! — рычал он. — Покорение самих звезд! А вот человек, который научил нас мечтать об этом, Норман Маршан!

Маршан поклонился, встреченный бурей аплодисментов.

Слуховой аппарат снова защитил его уши, что стоило ему следующих нескольких слов.

— ...сейчас мы на пороге успеха,— гремел Флери,— по этому поводу мы собрались сегодня здесь... чтобы объединиться в братстве и в великой надежде... с новыми си-

лами посвятить себя ее осуществлению... и выразить наше уважение, нашу любовь к человеку, который первым показал нам, о чем мы должны мечтать!

Пока Американский Комитет Ветеранов внимал торжественному выступлению Дана Флери, Маршан улыбался, глядя на туманное море лиц. Слишком жестоко для Флери, подумал он, говорить так. На пороге успеха, в самом деле! Сколько лет они терпеливо ждали этого — а дверь все еще оставалась запертой перед их носом. «Конечно, — мрачно подумал он, — они, вероятно, посчитали, что торжественный банкет стоит устроить поскорее, если они не хотят иметь в качестве гостя покойника. Но до сих пор...» Он с трудом повернулся и посмотрел на Флери с некоторым недоумением. Что-то чувствовалось в тоне его выступления. Что-то... может быть...

«Нет, не может быть», — твердо сказал он сам себе. Не было никаких новостей, никаких достижений, никаких сообщений ни с одного из блуждающих кораблей, ни одна мечта еще не стала реальностью. Он был бы первым кто узнал бы об этом. Не было никаких причин, по которым они могли бы скрыть от него нечто подобное. А он ни о чем подобном не слышал.

— ...а теперь, — говорил Флери, — я не буду больше отвлекать вас от обеда. Будет еще много длинных, громких речей, чтобы помочь вашему пищеварению, я вам обещаю! Но сейчас давайте есть!

Смех. Аплодисменты. Шум и звяканье вилок.

Приглашение не относилось, конечно, к Норману Маршану. Он сидел, сложив руки на коленях, глядя, как они едят, улыбаясь и чувствуя себя лишь слегка обделенным, с мрачным старческим сожалением. Он в самом деле ни в чем не завидует молодым, подумал он. Ни их здоровью, ни их молодости, ни предстоящей им долгой жизни. Но он завидовал их бокалам со льдом.

Он попытался сделать вид, что наслаждается вином и огромной розовой креветкой с крекерами и молоком. По словам Эйзы Черни, который должен был это знать, поскольку благодаря ему Маршан до сих пор был жив, он мог выбирать одно из двух. Либо есть все что угодно, либо оставаться в живых — какое-то время. И с тех пор как Черни, то ли по доброте, то ли от безысходности, стал сообщать ему максимальный срок оставшейся еще жизни, Маршан иногда от нечего делать пытался подсчитать, сколькими из оставшихся месяцев он может пожертвовать ради

одного по-настоящему хорошего обеда. Он верил, что, когда Черни посмотрит на него после еженедельного медицинского обследования и скажет, что остались считанные дни, он возьмет эти последние дни и обменяет их на кусок жареного мяса с жареной картошкой и кисло-сладкой цветной капустой. Но это время еще не пришло. Пока ему везло, и у него был еще месяц. Может быть, даже два...

— Прошу прощения? — сказал он, поворачиваясь к шимпанзе. Даже смитованное, животное говорило так плохо, что Маршан сначала не понял, что обращаются к нему.

Он не успел повернуться.

Его запястье онемело, ложка в руке закачалась; мокрые крекеры упали на пол. Он совершил ошибку, попытавшись отодвинуть колено, — достаточно плохо быть просто старым, он не хотел быть еще и грязным — и сделал это слишком быстро.

Кресло стояло на самом краю небольшого возвышения. Он почувствовал, что опрокидывается.

«Девяносто шесть лет — это слишком много для того, чтобы удариться головой, — подумал он, — если со мной сейчас произойдет именно это, то с тем же успехом можно было бы съесть кусочек той креветки...» Но он не разился.

Он лишь потерял сознание. И ненадолго, поскольку, когда он начал приходить в себя, его еще несли в гардеробную за сценой.

Когда-то давным-давно Норман Маршан всю свою жизнь посвятил надежде.

Он был богат, умен, женат на красивой, любящей его девушке, — и он вложил все, что имел, в Институт Колонизации Внесистемных Планет. Он потратил на это несколько миллионов долларов.

Это было все состояние, которое оставил ему отец, и этого было далеко недостаточно, чтобы начать дело. Это был лишь катализатор. Он использовал свои деньги, чтобы нанять рекламных агентов, держателей ценных бумаг, консультантов по инвестициям и менеджеров. Он потратил деньги на документальные фильмы и телевизионную рекламу. С их помощью он финансировал коктейли для сенаторов США и призы для общенациональных соревнований учеников шестого класса — и он добился того, чего хотел.

Он добился денег. Очень больших денег.

Он собрал все деньги, которые ему удалось выпросить и извлечь из мировых карманов, и вложил их в финансирование строительства двадцати шести больших кораблей, каждый размером с дюжину океанских лайнеров, и отправил их в космос, как фермер, разбрасывающий пшеницу по ветру.

«Я пытался... — прошептал он, возвращаясь из самой глубокой тьмы, какую только видел. — Я хотел увидеть, как человек протягивает руку и касается нового дома... и я хотел быть одним из тех, кто поведет его туда...»

Он услышал чьи-то слова:

— ...он знает об этом, верно? Но мы пытались сохранить это в тайне...

Кто-то еще посоветовал первому заткнуться. Маршан открыл глаза.

Рядом с мрачным видом стоял Черни. Он увидел, что Маршан пришел в себя.

— Все в порядке, — сказал он, и Маршан знал, что это правда, поскольку Черни сердито смотрел на него. Если бы новости были плохими, он бы улыбался. — Нет, нет! — крикнул Черни, схватив его за плечо. — Вы останетесь здесь. Вам нужно домой, в постель.

— Но ты же сказал, что все в порядке.

— Я имел в виду, что вы еще дышите. Вам нельзя двигаться, Норм.

Маршан запротестовал:

— Но банкет... я должен быть там...

Эйза Черни заботился о Маршане в течение тридцати лет. Они вместе ездили на рыбалку, и один или два раза вместе напились. Черни ни за что не даст себя уговорить. Он лишь покачал головой.

Маршан тяжело откинулся на спинку. Позади Черни на краю кресла молча сидел на корточках шимпанзе. «Он беспокоится, — подумал Маршан. — Беспокоится, потому что это он виноват в том, что случилось со мной». Эта мысль придала ему достаточно сил, чтобы сказать:

— Глупо с моей стороны было так упасть, мистер... простите?

Черни представил его:

— Это Дюан Фергюссон, Норман. Он работал на Коффернике вне штата. Смитованный. Он присутствует на банкете в костюме, как обычно.

Шимпанзе кивнул, но ничего не сказал. Он смотрел на

красноречивого оратора, Дана Флери, который казался чем-то расстроенным.

— Где эта скорая помощь? — спросил Черни с тем нетерпением, с каким доктор обращается к молодым врачам, и футболист в форме посыльного молча помчался выяснить это.

Шимпанзе издал лающий звук, прочищая горло.

— Хчдо, — сказал он примерно так: немецкий звук «ich» и за ним слово «что», — хчдо та-кое звергзвед, миддер Влери?

Дан Флери повернулся и тупо посмотрел на шимпанзе. «Нет», — внезапно подумал Маршан так, как будто он не знает, о чем говорит шимпанзе. Так, как будто он не собирается отвечать.

— Что такое этот «звергзвед», Дан? — прохрипел Маршан.

— Посмотрите на меня. Послушайте, мистер Фергюсон, пожалуй, нам лучше уйти.

— Хчдо? — грубый лающий голос с усилием преодолел особенности обезьяньего тела, которому он принадлежал, и стал ближе к звукам, которые должен был означать. — Что вы ибёете... имеете в виду?

«Какой невежливый молодой человек», — раздраженно подумал Маршан. Шимпанзе начал утомлять его.

Но что-то было в этом настойчивом вопросе...

Маршан вздрогнул, и на какое-то мгновение ему показалось, что его сейчас вырвет. Ощущение прошло, оставив легкую слабость. Не может быть, чтобы он что-то себе сломал, подумал он. Чёрни не стал бы этого скрывать. Но он чувствовал себя именно так.

Он потерял интерес к разумному шимпанзе, даже не повернул голову, в то время как Флери поспешил выпрекивать того из комнаты, вполголоса издавая какие-то приглушенные звуки, напоминавшие стрекотание сверчка.

Если человек хотел покинуть свое дарованное Богом человеческое тело и поместить свой разум, мысли и — да, и душу — в тело человекообразной обезьяны, это не давало ему права на какое-то особое уважение со стороны Нормана Маршана.

Конечно нет! Маршан повторял знакомый аргумент, пока ждал «скорую помощь». Люди, добровольно отправлявшиеся в межзвездные полеты, для осуществления кото-

рых он столько сделал, знали, на что они идут. Пока какой-нибудь выдающийся супер-Бэтмен не изобретет мифический сверхсветовой двигатель, всегда будет так. При возможных скоростях — меньше чем скорость света, проползающего 186 000 миль в час, — требовались десятилетия, чтобы достичь почти любой из известных планет, заслуживающих интереса.

Процедура Смита позволяла этим людям использовать их разум, чтобы управлять телами шимпанзе — легко размножающихся, крайне недорогих, — пока их собственные тела покоились в глубоком холоде в течение долгих лет межзвездного полета.

Естественно, это были смелые люди. Они заслуживали определенного уважения.

Но и он этого заслуживал, и не слишком уважительно болтать про какой-то «звергзвед», что бы это ни было, в то время как человек, который сделал их путешествие возможным, получил серьезную травму...

Если только...

Маршан снова открыл глаза.

«Звергзвед». Если только «звергзвед» не было самым близким приближением того, что могли произнести голосовые связки шимпанзе, к... к...

... если только то, о чем они говорили, пока он был без сознания, не было той абсолютно невозможной, безнадежной и фантастической мечтой, которую он, Маршан, оставил, когда начал организовывать кампанию по колонизации.

Если только кто-то и в самом деле не открыл способ путешествовать со сверхсветовой скоростью.

2.

На следующий день, как только это стало возможно, Маршан взобрался в кресло на колесах — все сам, он не хотел, чтобы кто-то ему помогал, — и въехал в комнату-планетарий дома, который Институт предоставил ему бесплатно на всю жизнь. (Правда, сначала он посвятил всю свою жизнь Институту.)

Институт вложил в планетарий триста тысяч долларов. Закрепленные на растяжках звезды заполняли весь объем сорокапятового зала, представляя в масштабе весь космос в радиусе пятидесяти пяти световых лет от Солнца. Каждая звезда была отмечена. Год назад некоторые из них даже

слегка подвинули, чтобы скорректировать их движение: это было сделано тщательно.

Здесь были и двадцать шесть больших космических кораблей, которые финансировал Институт,— те из них, что были еще в космосе. Они были, конечно, не в масштабе, но Маршан понимал, что они изображают. Он подкатил кресло по отмеченной дорожке к центру комнаты и сел там, глядя вокруг, прямо под желтым Солнцем.

Над всем царил голубовато-белый Сириус, чуть выше висел Процион. Оба они вместе были самыми яркими объектами в комнате, хотя красный Альтаир был сам по себе ярче, чем Процион. В центре помещения составляли блестательную пару Солнце и Альфа Центавра А.

Он взглянул слезящимися глазами на самое большое разочарование в его жизни, Альфу Центавра В. Так близко. Так прямо. Так стерильно. Это была издевка творения — ближайшая звезда, имевшая шанс стать новым домом, никогда не создавала планет... или создала и уничтожила их в ловушках Тициуса-Бодэ, которые поставили она сама и два ее компаньона.

Но были и другие надежды...

Маршан поискал и нашел Тау Кита, желтую и бледную. Лишь одиннадцать световых лет до Земли; колония уже определенно должна быть основана. Еще через десять лет или чуть меньше они получат ответ... если, конечно, там есть планеты, на которых человек может жить.

Большой вопрос, на который они уже получили так много ответов «нет»... Но Тау Кита — все еще хорошая ставка, решительно сказал сам себе Маршан. Это была звезда более темная и холодная, чем Солнце. Но она была типа G и, судя по спектрополяриметрии, определенно обладала планетами. И если она окажется очередным разочарованием...

Маршан перевел взгляд на 40 Эридана А, которая была еще темнее и еще дальше. Насколько он помнил, в экспедицию к 40 Эридана А отправился пятый его корабль. Он должен был вскоре достичь цели — в этом году, может быть в следующем. Невозможно было с уверенностью оценить время, когда максимальная скорость была так близка к скорости света...

Но теперь, конечно, максимальная скорость могла стать больше.

Внезапно нахлынула волна предчувствия неудачи, отчего

ему чуть не стало плохо. Путешествие быстрее света — как они смогли!

Но у него не было времени на подобные эмоции и вообще на любые эмоции. Он чувствовал, что времени остается все меньше, и снова выпрямился, оглядываясь по сторонам. В девяносто шесть лет нельзя ничего делать медленно, даже спать днем.

Он бросил мимолетный взгляд на Процион. Процион они попробовали недавно — корабль не прошел еще и половины пути. Они пробовали почти все. Даже Эпсилон Эридана и Грумбридж 1618; даже, несмотря на низкие шансы среди спектральных классов, 61 Лебедя А и Эпсилон Индейца; последняя отчаянная попытка у Проксимы Центавра (хотя они были почти уверены, что это бесполезно; экспедиция к Альфе Центавра не обнаружила ничего похожего на пригодные для жизни планеты).

Всего было двадцать шесть кораблей. Три корабля пропали, три вернулись, один был еще на Земле. Девятнадцать были в космосе.

Маршан взглянул, чтобы отвлечься, на яркую зеленую стрелку, которая указывала, где оставлял след ионизированного газа «Тихо Браге», самый большой из его кораблей, три тысячи мужчин и женщин. Ему показалось, что кто-то недавно упоминал «Тихо Браге». Когда? Почему? Он не был уверен, но название застяжало в его мыслях.

Дверь открылась, и вошел Дан Флери, глядя на разбросанные звезды и корабли и не видя их. Планетарий никогда не значил ничего для Флери.

— Черт возьми, Норман, — заворчал он, — ты нас безумно напугал! Почему ты не в больнице...

— Я был в больнице, Дан. Я не собираюсь там оставаться. В конце концов мне удалось вбить в голову Эйзе Черни, что я на этом настаиваю, и он сказал, что я могу идти домой, если буду соблюдать покой и разрешу ему приходить. Ну что ж, как видишь, я соблюдаю покой. И меня не волнует, придет он или нет. Меня волнует только одно — правда о сверхсвете.

— О господи, Норм! Честное слово, можешь не беспокоиться...

— Дан, ты тридцать лет не говорил «честное слово», кроме тех случаев, когда ты мне лгал. Давай выкладывай.

Я послал за тобой сегодня утром, потому что я знаю ответ. Я хочу получить его. *Ради всего святого, Дан.*

Флери обвел взглядом комнату, как будто он видел эти светящиеся точки впервые в жизни.. может быть, так оно и есть, подумал Маршан.

— Ну, есть кое-что,— наконец, сказал он.

Маршан ждал. За много лет он научился ждать.

— Есть один парень,— снова начал Флери.— Его зовут Эйзель. Он математик — можете мне поверить? У него появилась идея.

Флери пододвинул кресло и сел.

— Она далека от совершенства,— сказал он.— Собственно говоря, многие считают, что это вообще не будет работать. Вы же знакомы с теорией. Эйнштейн, Лоренц-Фитцджеральд, прочие — все они против этого. Это называется... как это... полиномизация.

Он напрасно ждал ответного смеха, потом сказал:

— Хотя, должен сказать, у него, похоже, что-то есть, так как опыты...

Маршан тихо и крайне сдержанно сказал:

— Дан, ты можешь говорить по существу? Пока что я услышал от тебя, что есть некий парень по имени Эйзель, он что-то придумал, это нечто безумное, но оно работает.

— Ну... да.

Маршан медленно откинулся назад и закрыл глаза.

— Таким образом, мы все ошибались. Особенно я. И вся наша работа...

— Послушай, Норман! Никогда так не думай. Твоя работа все изменила. Если бы не она, у людей типа Эйзеля никогда не было бы шансов. Ты знаешь, что он работал по одной из твоих стипендий?

— Нет, я не знал,— Маршан на мгновение перевел взгляд на «Тихо Браге».— Но это мало чем поможет. Я думаю о том, поймут ли нас пятьдесят с лишним тысяч мужчин и женщин, проведшие большую часть жизни в глубоком анабиозе в связи с... моей работой. Но спасибо тебе. Ты сказал мне то, что я хотел знать.

Когда час спустя в планетарий вошел Черни, Маршан сразу же сказал:

— Я в достаточно хорошей форме, чтобы выдержать сmitt?

Прежде чем ответить, доктор поставил свой чемоданчик и взял стул.

— В нашем распоряжении никого нет, Норм. Уже много лет нет ни одного добровольца.

— Нет. Я не имею в виду пересадку в человеческое тело. Я не хочу возможного самоубийства донора-добровольца, ты сам говорил, что смитованные тела иногда совершали самоубийство. Я имею в виду шимпанзе. Чем я хуже того молодого парня — как его зовут?

— Ты имеешь в виду Дюана Фергюсона.

— Именно. Чем я хуже его?

— Оставь, Норман. Ты слишком стар. Твои фосфолипиды...

— Я не слишком стар, чтобы умереть, верно? А это худшее, что может случиться.

— Это будет неустойчиво! Это не для твоего возраста; ты просто не разбираешься в химии. Я не могу обещать тебе больше, чем несколько недель.

— В самом деле? — весело сказал Маршан. — Я не ожидал, что так много. Это больше, чем ты можешь обещать мне сейчас.

Доктор пытался спорить, но Маршан продолжал настаивать на возможности положить конец девяностошестилетней тяжкой битве, и, кроме того, у него было преимущество перед Черни. Доктор знал даже лучше самого Маршана, что, если тот придет в ярость, это может его убить. И в тот момент, когда Маршан решил, что риск смитовской пересадки меньше, чем риск продолжения спора на эту тему, он сдался, нахмурился, неохотно кивнул и вышел.

Маршан медленно покатился следом.

Ему незачем было спешить к тому, что могло стать последним событием в его жизни. У него было полно времени. В Институте всегда были наготове шимпанзе, но, чтобы подготовить одного из них, требовалось несколько часов.

При смитовской пересадке одним разумом приходилось жертвовать. Человек в конце концов мог вернуться в свое собственное тело, вероятность неудачи составляла менее одного шанса из пятидесяти. Но шимпанзе никогда не мог стать прежним. Маршан подчинился, когда началось облучение, взятие проб жидкости из его тела, бесконечные ремни, электроды, зажимы... Раньше он уже видел, как это делается, и в процедуре для него не было неожиданностей... Однако он не знал, что это так болезненно.

Стараясь не опираться на костяшки пальцев (но это было тяжело; обезьянье тело было приспособлено к ходьбе согнувшись, руки были слишком длинными, чтобы, не мешая, свисать по бокам), Маршан вперевалку вышел на стартовую площадку и расправил свой негнувшийся обезьяний позвоночник, чтобы взглянуть на эту проклятую штуку.

К нему подошел Дан Флери.

— Норм? — неуверенно спросил он. Маршан попытался кивнуть — безуспешно, но Флери понял. — Норман, — сказал он. — Познакомься с Зигмундом Эйзелем. Это он изобрел сверхсветовой двигатель.

Маршан поднял длинную руку и протянул ладонь, которая не желала раскрываться, она была приспособлена к тому, чтобы быть сжатой в кулак.

— Поздравляю, — сказал он, так отчетливо, как только мог. Он милосердно не стал сжимать руку молодого темноглазого человека, которого ему представили. Его предупреждали, что сила шимпанзе может покалечить человека. Он не забывал об этом, но было соблазнительно представить себе это хотя бы на мгновение.

Он уронил руку и вздрогнул от пронзившей его боли.

Черни предупреждал его об этом. «Это нестабильно, опасно, ненадолго, — ворчал он, — и не забывайте, Норман, наше оборудование установлено на слишком высокую мощность для тебя; ты не приспособлен к такому объекту ввода; это может повредить».

Но Маршан заверил доктора, что его это не волнует, и это действительно было так. Он снова посмотрел на корабль.

— Значид, вод он, — проворчал он и снова отклонил назад позвоночник и всю бочкообразную грудную клетку зверя, в теле которого он находился, чтобы рассмотреть стоящий на площадке корабль. В нем было около ста футов высоты. — Немного, — презрительно сказал он. — «Сириус», наш первый, был в девятьсот футов высотой, и тысяча человек улетела в нем к Альфе Центавра.

— И сто пятьдесят вернулись живыми, — сказал Эйзель. Он никак не подчеркивал свои слова, но выражался достаточно ясно. — Хочу сказать, что всегда восхищался вами, доктор Маршан. Надеюсь, вы не возражаете против моей компании. Как я понимаю, вы хотите отправиться вместе со мной к «Тихо Браге».

— Почему я должен возражать! — На самом деле, конечно, было именно так. Имея самые благие намерения, этот молодой человек свел на нет семьдесят лет самоутверженного труда плюс солидное состояние — восемь миллионов его собственных и бесчисленные сотни миллионов, которые Маршан выпрашивал у миллионеров, у правительственные фондов, собирая монетки у школьников, — все это было брошено в ночной горшок и выплеснуто в историю. Теперь будут говорить: «Странная личность начала двадцать первого века, Норман Маршан, или Маркан, пытался осуществить звездную колонизацию с помощью примитивных кораблей с ракетными двигателями. Естественно, он не добился успеха, несмотря на огромные потери жизней и здоровья в своем необдуманном предприятии. Однако после реализации идей Эйзеля о сверхсветовых полетах...» Будут говорить, что его затея провалилась. И будут правы.

Когда «Тихо Браге» стартовал к звездам, во время предстартового отсчета играл оркестр из пятисот инструментов, и телевизионные станции всего мира следили за событием со своих спутников. Присутствовали президент, губернатор и половина сената.

Когда отправился в путь маленький корабль Эйзеля, чтобы догнать *его* корабль и сообщить *его* экипажу, что все их усилия были напрасны, это напоминало отправление самолета рейсом в 7.17 на Джерси-сити. Вот до какой степени, подумал Маршан, принизил Эйзель величие полета к звездам. Но в любом случае он не мог пропустить его. Даже если это означало предложить себя в качестве суперкарго Эйзелю, человеку, который уничтожил дело его жизни, и другому сбитованному шимпанзе, Дюану Фергюссону, у которого по каким-то причинам были некие особые привилегии в отношении «Браге».

Они погрузили дополнительный сверхсветовой модуль — Маршан слышал, как кто-то называл его полифлектором, но он не позволил себе спросить кого-нибудь, что это означает, — по ряду причин. Запасная часть на случай поломки? Маршан не стал спрашивать, побнимая, что это не страх, но надежда. Каковы бы ни были причины, это его не затронуло; ему даже не хотелось быть здесь, он лишь рассматривал это как свой неизбежный долг.

И он вошел на корабль Эйзеля.

Внутренность проклятого корабля Эйзеля была построена по человеческим меркам — девятифутовые потолки и широкие противовесы-перегрузочные ложа, но принесли и гамаки, рассчитанные на шимпанзе, для него и Дюана Фергюссона. Несомненно, гамаки взяли с нового корабля. Того, который никогда не полетит — по крайней мере, не на потоках ионизированного газа. И несомненно, это был практически последний раз, когда разум человека должен был покинуть Землю в теле обезьяны.

На чем летел проклятый корабль Эйзеля вместо ионизированного газа, Маршан не понял. Как-там-флектор, как бы эта чертова штука ни называлась, был таким маленьким... Да и сам корабль казался пигмеем.

Не было огромных топливных баков — топливо было лишь для того, чтобы оторваться от Земли. Потом заработает магическая сила маленького черного ящика — на самом деле не очень маленького, размером с большой рояль, и не черного, а серого; но во всяком случае это был ящик. Эту магическую силу они называли «полиномизация». Что за полиномизация, Маршан не пытался понять, слушая или делая вид, что слушает, краткую, грубую попытку Эйзеля перевести математику на английский. Он улавливал лишь отдельные слова. Пространство N -мерно. Ну что ж, это отвечало на весь вопрос, настолько, насколько это его интересовало, и он не слушал, как Эйзель безуспешно пытается объяснить что-то о выходе в полиномиальное измерение — или нет, не так, происходит перенос существующих полиномиальных расширений стандартной 4-пространственной массы в высшие порядки — он не слушал. Он вообще ничего не слышал, кроме глубокого плавного биения мощного обезьяньего сердца, которое теперь поддерживало его мозг.

Появился Дюан Фергюссон в обезьяньем теле, которого он теперь никогда не покинет. Это был еще один пункт самообвинения Маршана; он слышал, что Фергюссону не повезло и его тело погибло во время пересадки.

Как только Маршан услышал, что собирается делать Эйзель, он ухватился за это, как за шанс искупления вины. Проект был очень прост. Хорошее испытание для двигателя Эйзеля и одновременно миссия милосердия. Они намеревались помчаться за медленным, давно улетевшим «Тихо Браге» и перехватить его на полпути... ибо даже сейчас, через тридцать лет после того, как он покинул Порт Кенниди, он все еще замедлялся, чтобы выйти на поисковую

орбиту вокруг Грумбриджа 1618. Когда Маршан привязывался ремнями, Эйзель снова объяснял все сначала. Он проверял свой черный ящик и одновременно говорил:

— Видите ли, сэр, мы попытаемся привести в соответствие курс и скорость, но, честно говоря, это и есть самое сложное. Перехватить их будет нетрудно — скорость мы набрали. Потом мы переставим дополнительный полифлектор на «Тихо Браге»...

— Да сбазибо,— вежливо сказал Маршан, но он не слушал разговоров о машине Эйзеля. Пока она существует, он воспользуется ею, его совесть не позволит ему отказаться от этого, но детали ему не нужны.

Из-за нее столько жизней было потрачено впустую.

Каждый год в анабиозе на «Тихо Браге» означает месяц жизни для находящегося в нем тела. Дыхание было замедленно, но не остановлено. Сердце не билось, но кровь перекачивалась насосом; по трубкам в спящую кровь поступали сахар и минеральные вещества, катетеры удаляли продукты распада. А до Грумбриджа 1618 было девяносто лет полета.

Лучшее, на что мог надеяться сорокалетний человек по прибытии — быть возвращенным в тело, биологический возраст которого составлял около пятидесяти, — в то время, как все его родственники на Земле давно умерли, друзья обратились в прах.

Это того стоило. Или так думали колонисты — подчиняясь червячку, извивавшемуся в позвоночнике исследователя, непреодолимому стремлению, гнавшему их вперед, ради богатства, моши и свободы, которые мог дать им новый мир, и ради места, которое они могли занять в истории, — место не Вашингтона, даже не Христа. Они должны были занять место Адама и Евы.

«Это того стоило», — подумали тысячи людей, добровольно отправляясь в полет. Но что они подумают, когда сядут на планету!

Если они сядут, не зная правды, если какой-нибудь корабль вроде корабля Эйзеля не догонит их в космосе и не скажет им ее, они испытают величайшее разочарование, какое только испытывал человек. По первоначальному плану перед экспедицией «Тихо Браге» к Грумбриджу 1618 еще сорок лет пути. После того как Эйзель изобрел сверхсветовой двигатель, они найдут планету, населенную сотнями тысяч людей, с работающими заводами, строящимися дорогами, где будут заняты лучшие земли и будет написана

уже пятая глава исторических трудов... и что тогда подумают три тысячи стареющих искателей приключений?

Маршан застонал и вздрогнул не только из-за того, что корабль стартовал и ускорение прижало его грудную клетку к позвоночнику.

Когда заработал полифлектор, он проплыл через пилотскую кабину, чтобы присоединиться к остальным.

— Я никогда не был в космосе,— сказал он.

— Ваша работа была на Земле,— с большим уважением сказал Эйзель.

— Была, да.— Но Маршан на этом и закончил. Человек, вся жизнь которого оказалась ошибкой, был кое-чем обязан человечеству, и, в частности, он обязан был сообщить этим людям правду.

Он внимательно смотрел на Эйзеля и Фергюсона, которые читали показания приборов и делали микрометрические установки на полифлекторе. Он ничего не понимал в сверхсветовом двигателе, но он понимал, что карта — это карта. Здесь был изображен в двух проекциях курс экспедиции к Грумбриджу 1618. «Тихо Браге» был светящейся точкой, примерно в девяти десятых расстояния от Солнца до Грумбриджа, что означало примерно три четверти пути по времени.

— Детекторы массы, доктор Маршан,— весело сказал Эйзель, показывая на карту.— Хорошо, что они не слишком близко, иначе у них не было бы достаточно массы, чтобы их было видно.

Маршан понял: те же детекторы, которые могут показать Солнце или планету, покажут и корабль массой всего в миллион тонн, если его скорость будет достаточно велика, чтобы существенно увеличить массу.

— И хорошо,— обеспокоенно добавил Эйзель,— что они не слишком далеко. У нас могут быть проблемы с выходом на их скорость, даже при том, что они замедляются уже девять лет... Давайте привяжемся...

В гамаке Маршана охватила очередная волна перегрузки. Но это было что-то другое, намного хуже.

Словно какая-то мясорубка перемалывала его сердце и сухожилия и выплевывала их в виде странных изуродованных форм.

Словно давильный пресс сжимал его горло, сплющивал сердце.

Он ощущал головокружение и тошноту, как на американских горах или на маленькой лодке во время тайфуна. Звезды на курсовых картах, каждый раз когда они попадали в его поле зрения, скользили, двигались и плыли в новое положение.

Маршан, испытывавший самую страшную мигрень за всю его почти столетнюю жизнь, с трудом понимал, что происходит, но он знал, что через несколько часов они найдут «Тихо Браге», стартовавший тридцать лет назад.

4.

Капитан «Тихо Браге», седеющий шимпанзе с желтыми клыками, по имени Лафкадио, потрясенно смотрел на них коричневыми глазами: его длинные жилистые руки все еще дрожали после того, как он увидел корабль — корабль! — и человека.

Маршан заметил, что он не может отвести взгляда от Эйзеля. Капитан провел в теле обезьяны тридцать лет. Обезьяна была уже старая. Лафкадио, вероятно, уже считал себя больше чем наполовину шимпанзе, сохраняя человеческий облик лишь в памяти, затирающейся ежедневным видом покрытых шерстью рук и цепких косолапых ног. Маршан сам ощущал, как им потихоньку овладевает мозг обезьяны, хотя знал, что это ему лишь кажется.

Кажется ли? Эйза Черни говорил, что пересадка может быть неустойчивой — что-то связанное с фосфолипидами, он не помнил. Собственно, он не мог уже четко и уверенно вспомнить все, что хотел, и не потому лишь, что его разуму было девяносто шесть лет.

Без всяких эмоций Маршан осознал, что отмеренные ему месяцы или недели сократились до нескольких дней.

Может быть, конечно, пульсирующая боль в висках лишала его способности здраво мыслить. Но Маршан лишь принял эту мысль как должное и отбросил ее; если ему хватило смелости понять, что труд всей его жизни пропал впустую, он мог примириться и с тем, что эта боль была лишь произвольной второго порядка от убийцы, который подкрадывался к его обезьяньему телу. Но из-за этого ему трудно было сосредоточиться. Как в тумане, он слышал разговор капитана и его экипажа — двадцати двух сmitованных шимпанзе, которые управляли полетом «Тихо Браге» и

наблюдали за тремя тысячами замороженных тел в его трюме. Сквозь низкий, приводящий в замешательство шум, он слышал голос Эйзеля, который объяснял им, как перенести сверхсветовой модуль из его маленького корабля в огромный, громоздкий ковчег, который благодаря этому ящику сможет преодолевать межзвездные пространства в течение дня.

Он заметил, что они иногда поглядывают на него с жалостью.

Его не волновала их жалость. Он только спросил, позволяют ли они ему жить с ними, пока он не умрет, зная, что это будет недолго; и, пока они все еще что-то говорили, он провалился в болезненный, бессознательный бред, который продолжался, пока — он не знал, сколько прошло времени, — он не обнаружил, что привязан к гамаку в рубке корабля, и снова испытал сокрушающую агонию, потому что они снова скользили сквозь пространство иных измерений.

— Как вы себя чувствуете? — послышался знакомый низкий, невнятный голос.

Это была еще одна последняя жертва его ошибки по имени Фергюссон. Маршан заставил себя сказать, что чувствует себя нормально.

— Мы почти на месте, — сказал Фергюссон. — Я думаю, вы хотите это знать. Здесь есть планета. Как они считают, необитаемая.

С Земли звезда, называвшаяся Грумбридж 1618, даже не была видна невооруженным глазом. В бинокль можно было заметить лишь крохотную искорку света, затерянную среди бесчисленного множества более далеких, но более ярких звезд. Точно так же с Грумбриджа 1618 выглядело Солнце.

Маршан вспомнил, как он пытался выбраться из гамака, не обращая внимания на беспокойство на обезьяньем лице Фергюсона, чтобы взглянуть назад, туда, где было Солнце. Фергюссон показал ему, где оно, и Маршан смотрел на свет, который уже проделал пятнадцатилетний путь от его дома. Фотоны, которые сейчас попадали в его глаза, окрашивали Землю в закатные цвета, когда ему было семьдесят, и его жена умерла лишь несколько лет назад... Он не помнил, как вернулся в гамак.

Он не помнил и того, что кто-то сказал ему о планете, которая, как они надеялись, будет им принадлежать. Она

кружилась по низкой орбите вокруг маленького оранжевого диска Грумбриджа 1618 — по крайней мере, по меркам Солнечной системы. По предварительной оценке капитана, ее орбита была несколько неправильной формы, но минимальное расстояние от звезды составляло менее десяти миллионов миль. Достаточно близко. Достаточно тепло. Телескопы показывали, что на планете есть океаны и леса, рассеивая прежние сомнения капитана, поскольку ее орбита не могла заморозить ее даже на максимальном удалении от звезды или сжечь на минимальном — иначе леса не могли бы вырасти. Спектроскопы, термопары, филарометры показали больше; приборы летели впереди корабля, который был уже на орбите, преодолевая последний дюйм своего пути на ракетных двигателях. Атмосфера была пригодна для дыхания, так как папоротниковые леса поглощали яды и выделяли кислород. Гравитация была больше земной — наверняка тяжкое бремя для первого поколения, и большое количество проблем с болями в ногах и пояснице для многих последующих — но это можно было пережить. Мир был приемлемым.

Маршан ничего не помнил ни о том, как он узнал об этом, ни о посадке, ни о том, как поспешно и радостно открывали анабиозные камеры, о пробуждении колонистов, о начале жизни на планете... он знал лишь, что в какой-то момент обнаружил, что лежит, скорчившись, на мягким, теплом холме, и, посмотрев вверх, увидел небо.

5.

Над ним склонились вытянутые волосатые губы и нависающие надбровные дуги шимпанзе. Маршан узнал того молодого парня, Фергюсона.

— Привет, — сказал он. — Как долго я был без сознания?

Шимпанзе смущенно сказал:

— Ну... вы, собственно, вовсе не были без сознания. Вы... — его голос замер.

— Понятно, — сказал Маршан и попытался встать. Он был благодарен своему телу, с крутыми плечами и короткими ногами, поскольку мир, в котором он оказался, обладал чересчур мощным тяготением. От усилий у него закружились голова. Бледное небо и легкие облака завертелись вокруг него; он почувствовал странные вспышки боли и удовольствия, вспомнил вкус, которого никогда не пробовал,

ощутил радости, которых никогда не знал... С усилием он подавил в себе остатки обезьяны и сказал:

— Ты хочешь сказать, я был... как это называется? Нестабилен? Смит не вполне удался.

Но ему не требовалось подтверждение Фергюсона. Он знал; и он знал, что следующий провал в сознании будет последним. Черни его предупреждал. Фосфолипиды, так, кажется? Пора было возвращаться домой...

Он увидел неподалеку мужчин и женщин — людей — занимающихся различными делами, и это заставило его задать вопрос:

— Ты все еще обезьяна?

— Какое-то время я ею буду, доктор Маршан. Мое тело погибло, вы же знаете.

Маршан задумался. Мысли его блуждали. Внезапно он поймал себя на том, что облизывает предплечье и чистит свой круглый живот.

— Нет! — закричал он и попытался встать.

Фергюсон помог ему, и Маршан был благодарен его сильной обезьяней руке. Он вспомнил, что его беспокоило.

— Зачем? — спросил он.

— Что зачем, доктор Маршан?

— Зачем ты здесь?

Фергюсон с тревогой сказал:

— Лучше посидите, пока не придет доктор. Я здесь, потому что на «Тихо Браге» есть кое-кто, с кем я хотел встретиться.

«Девушка?» — удивленно подумал Маршан.

— И ты с ней встретился?

— Не с ней — с ними. Да, я с ними встретился. С моими родителями. Видите ли, мне было два года, когда стартовал «Тихо Браге». Добровольцев тогда было мало — ну, вы лучше меня знаете. И они... в общем, меня воспитывала тетушка. Они оставили мне письмо, чтобы я его прочитал, когда вырасту... Доктор Маршан! Что с вами?

Маршан зашатался и упал, он не мог ничего с собой поделать, он знал, что выглядит не лучшим образом, он чувствовал, как неуместные слезы текут из его звериных глаз; но этот последний и неожиданный удар оказался чересчур суровым. Он был перед фактом пятидесяти тысяч разрушенных жизней и принял на себя вину за них, но один брошенный ребенок, оставленный на попечение тетушки с извинениями в письме, разбил его сердце.

— Не понимаю, почему ты не убьешь меня, — сказал он.

— Интересно, что за лапшу ты мне будешь вешать на

— Доктор Маршан! О чём вы?

— Если бы только... — осторожно сказал Маршан. — Я не жду никакого снисхождения, но если бы только был какой-то способ, чтобы заплатить за это. Но я не могу. У меня ничего не осталось, даже жизни. Но я крайне сожалею, мистер Фергюссон, и это должно помочь.

— Доктор Маршан, — сказал Фергюссон, — если я не ошибаюсь, вы говорите, что приносите извинения за Институт.

Маршан кивнул.

— Но... о, я не единственный, кто должен это сказать, но здесь больше никого нет. Послушайте. Позвольте мне попытаться объяснить. Первое, что вчера сделали колонисты, — выбрали имя для планеты. Всё проголосовали единогласно. Знаете, как они ее назвали?

Маршан лишь тупо посмотрел на него.

— Послушайте меня, доктор Маршан. Они назвали ее по имени человека, который вдохновил их на подвиг. Их величайшего героя. Они назвали ее Маршан.

Маршан уставился на него, долго смотрел, потом, не меняя выражения, закрыл глаза.

— Доктор Маршан! — уверенно сказал Фергюссон, потом, наконец всерьез забеспокоившись, повернулся и поспешно побежал по-обезьяньи, опираясь на костяшки пальцев, за корабельным доктором, который строго наказал позвать его, как только пациент проявит любые признаки жизни.

Когда они вернулись, шимпанзе не было. Они посмотрели на ветвистый лес и друг на друга.

— Видимо, ушел, — сказал доктор. — Может, это и к лучшему.

— Но ночью холодно! Он простудится. Он умрет.

— Уже нет, — сказал доктор так мягко, как только мог. — Он уже мертв — мертв в том смысле, который имеет значение.

Он наклонился и потер заболевшую спину, уже устав сражаться с гравитацией нового Эдема, потом выпрямился и посмотрел на звезды в темнеющем западном небе. Ярко-зеленая звезда была еще одной планетой Грумбриджа 1618, значительно более удаленной, состоявшей целиком изо льда и солей меди. Одна из очень слабых звезд, возможно, была Солнцем.

— Он дал нам эти планеты, — сказал доктор и повернулся назад к колонии. — Знаете, что означает быть хоро-

шим человеком, Фергюссон? Это означает быть лучше, чем ты есть на самом деле, — так что даже твои ошибки хоть немного приблизят кого-то к успеху — и именно это он сделал для нас. Надеюсь, он слышал то, что вы пытались ему сказать. Надеюсь, он вспомнит об этом перед смертью.

— Если и нет, — очень отчетливо произнес Фергюссон, — мы все будем это помнить.

На следующий день они нашли скорчившееся тело.

Это были первые похороны на планете, и они описаны в исторических трудах. Вот почему на планете Маршан на постаменте в космопорте есть небольшой барельеф над табличкой «ЗВЕЗДНЫЙ ОТЕЦ».

Барельеф изображает шимпанзе, который лежит, скорчившись, и смотрит невидящим, испуганным взглядом на мир — поскольку именно тело шимпанзе было найдено и тело шимпанзе похоронено под памятником. Барельеф и тело принадлежат обезьяне. Но над ними возвышается статуя бога.

ДЕДУШКА-ШАЛУН

Махлон родил Тимоти, и Тимоти родил Натана, и Натан родил Роджера, жили они на Земле долго. Но затем Роджер родил Орвилла, а тот буквально взбесился. Он родил Огастеса, Уэйна, Уолтера, Бенджамина, а также моего отца Карла. По-видимому, это было уже слишком, раз Гидеон Апшур счел нужным вмешаться.

Колокольчик у дверей звякнул, возвещая о чьем-то приходе. Мы как раз целовались в гостиной, и Люсиль была весьма недовольна тем, что нам помешали. На пороге появился крупного телосложения старик с дочерна загорелым лицом и голубыми глазами. Он потопал ногами, отряхивая снег, и вопросительно посмотрел на меня.

— Орви?
— Меня зовут Джордж,— ответил я.
— Сотри с лица губную помаду, Джордж,— произнес он, входя в комнату.

Люсиль поспешило отпрянула от меня, поправляя расстрапавшиеся волосы. Он окинул ее взглядом, неторопливо снял пальто и, повесив его на спинку стула у камина, уселся и заговорил.

— Меня зовут Апшур, Гидеон Апшур. Где Орвилл Декстер?

Эти слова заставили меня отказаться от своего первоначального намерения вышвырнуть незваного гостя вон. Вот уже год, как нас перестали донимать расспросами об Орвилле Декстере, и мы только-только вздохнули было облегченно.

— Это мой дедушка, мистер Апшур. Что он натворил на этот раз?

Покачав головой, старик взглянул на меня:

— Ты его *внук*? И ты еще спрашиваешь меня, что он натворил? Где он?

— Мы не видели дедушку Орвилла пять лет,— честно признался я.

— И ты не знаешь, где он?

— Нет, мистер Апшур. Он никогда никому не говорит, куда уходит, а когда возвращается, то редко рассказывает о том, где был.

Старик, поджав губы, потянулся через Люсиль к столу, налил себе виски и повернулся к девушке.

— Поверьте мне,— вновь раздался его высокий, старчески пронзительный голос.— От этих Декстеров нужно держаться подальше. Иди домой.

Люсиль мрачно посмотрела на него и раскрыла было рот, чтобы ответить, но тут вмешался я:

— Это моя невеста.

— Ах, ну да, конечно. Что ж, мне ничего не остается, кроме как переговорить с Орви. Приготовлена ли постель в гостевой комнате?

— Мистер Апшур,— запротестовал я.— Не то чтобы мы были не рады дедушкиным друзьям, но лишь Господу Богу известно о том, когда он вернется. Это может случиться завтра или через полгода, а может, и через несколько лет.

— Я подожду,— бросил он через плечо, поднимаясь наверх.

С ним было тяжело лишь первые две недели. Затем я смирился. Позвонив дяде Уэйну, я рассказал ему о визите мистера Апшура. Это сообщение крайне взволновало дядю.

— Высокий плотный темнокожий старик?— возбужденно спросил он.

— Да, и мне показалось, что он здесь не впервые.

— Ну, а почему бы ему и не бывать здесь раньше?— дядя Уэйн помолчал немного.— Вот что я тебе скажу, Джордж. Ты соберешь своих братьев и...

— Но я не могу сделать этого, дядя Уэйн,— прервал его я.— Харольд в армии, а куда запропастился Уильям, я понятия не имею.

Дядя задумался.

— Ладно, не волнуйся. Я позвоню тебе сразу, как вернусь.

— Вы куда-то уезжаете, дядя Уэйн?— полюбопытствовал я.

— Да, Джордж,— коротко ответил тот и повесил трубку.

Итак, я продолжал наслаждаться обществом мистера Апшура. Самым младшим всегда достается самое неприятное.

Люсиль больше не появлялась у нас. Я навестил ее пару раз, но так как куда-либо ездить на «ягуаре» оказалось слишком холодно, на «седане» уехал Уильям, а джип, по мнению Люсиль, был неподходящей машиной для прогулок, то все, что нам оставалось делать, это сидеть в ее гостиной. При этом ее мамаша с вязанием находилась рядом и время от времени отпускала короткие замечания по поводу дедушки Орви и той девчонки из Итонтауна.

В общем, я был нескованно рад, когда однажды дверь кухни отворилась и вошел дедушка Орви.

— Дедушка! — воскликнул я, — Как здорово, что ты приехал! Знаешь, у нас в гостях...

— Тсс-с, Джордж, где он сейчас?

— Наверху, в гостевой комнате. Я всегда подаю ему обед прямо туда, после чего он обычно дремлет.

— Ты подаешь ему обед? Куда делись слуги?

Я смущенно кашлянул.

— Но дедушка, после того случая в Итонтауне, они...

— Ладно, все это пустяки, — поспешил прервал он меня, — продолжай заниматься своим делом.

Я выкинул обеденки в помойное ведро и сложил тарелки в мойку. Все это время дедушка сидел, так и не сняв пальто, и молча наблюдал за мной.

— Джордж, — промолвил он, наконец, — знаешь, я старый, очень старый человек.

— Да, дедушка.

— Мой дед старше меня, а его дед, — еще старше.

— Ну разумеется, — рассудительно произнес я. — Я никогда не видел их, правда?

— Да, Джордж. По крайней мере, я не помню, чтобы кто-то из них приезжал сюда хоть раз за последние несколько лет. Дедушка Тимоти был здесь году в восемьдесят шестом, но тебя, кажется, тогда еще не было на свете... Верно, да и твоего отца тоже.

— Папе шестьдесят, а мне — двадцать один, — сообщил я.

— Да-да, конечно, Джордж. И твой отец часто вспоминает о тебе. Пару месяцев назад он как-то сказал, что ты уже достиг того возраста, когда тебе следовало бы рассказать о нас, Декстерах...

— Что рассказать, дедушка Орви?

— Черт возьми, Джордж, не перебивай меня! Неужели ты не видишь, что я как раз пытаюсь это сделать? Мне и так нелегко подыскать слова...

— Может, я помогу? — раздался от дверей голос Гидеона Апшура.

Дедушка Орви выпрямился и холодно промолвил:

— Я был бы очень благодарен вам, Гидеон Апшур, если бы вы не лезли в семейный разговор.

— Это также и моя семья, молодой человек. И как раз для этого я сюда и приехал. Я предупреждал кузена Махлона, но он не послушался меня. Я предупреждал Тимоти, но он сбежал в Америку, и посмотри, что из этого вышло!

— Каждый человек имеет право продолжить свой род, — гордо произнес дедушка Орви.

— Один раз, да! Я никогда не говорил, что у человека не должно быть сына, хотя, как ты знаешь, у меня никогда не было детей. Что будет с миром, если каждый из нас обзаведется тремя, а то и четырьмя детьми, как это делаете вы, Декстеры? Четверо — сейчас, шестнадцать — когда ваши дети подрастут, шестьдесят четыре — когда их дети станут взрослыми! Не пройдет и трехсот лет, как нас будут триллионы, Орви! Копошащаяся масса бессмертных покроет земной шар в несколько слоев, и я...

— Прекрати! — рявкнул дедушка Орви. — Не при ребенке!

— Ему давно уже пора это знаты! — завопил в ответ Гидеон Апшур. — Я предупреждал тебя, Орвилл Декстер: либо ты возьмешься за ум, либо я приму решительные меры. Время разговоров кончилось, и я готов к тому, чтобы начать действовать.

— Ты, вонючий... — начал было дедушка Орви, но затем осекся, вспомнив о моем присутствии, и повернулся ко мне: — Джордж, немедленно выйди. Поднимайся в свою комнату и сиди там, пока я не разрешу тебе спуститься.

Сказав это, дедушка вновь обратился к мистеру Апшуру:

— А ты, старый идиот, знай, что я тоже подготовился к встрече с тобой, и если дело дойдет до...

Не дослушав до конца, я вышел. Мне очень не хотелось покидать дедушку Орви в такой тревожный момент, но, как учил отец, приказы не обсуждаются. Из кухни еще какое-то время доносились ужасные вопли, но вскоре все затихло.

Прошло два часа. Снизу больше не доносились ни звука.

Забеспокоившись, я потихоньку спустился и заглянул в приоткрытую дверь кухни.

Дедушка Орви сидел за столом, уставившись в одну точку. Мистера Апшура поблизости не было.

— Заходи, Джордж. Я как раз восстанавливал дыхание,— посмотрев на меня, устало промолвил дедушка.

— Куда делся мистер Апшур?— спросил я у него.

— Я защищался. Да и, в конце концов, от него все равно не было никакого толку,— последовал быстрый ответ. Я пристально посмотрел на дедушку.

— С ним что-нибудь случилось?

— Знаешь, Джордж, иногда мне кажется, что кровь у стариков течет слишком медленно. Я хочу отдохнуть немного. Не приставай пока ко мне.

Я уже говорил, что всегда слушаюсь старших. Услышав шум в мусоросборнике, я подошел к приемному отверстию.

— Странно, я кажется выключал воду,— заметил я, собираясь закрутить кран.

— Не придавай этому значения, Джордж,— нервно промолвил дедушка.— Лучше ответь мне, здесь не переделывали канализацию в мое отсутствие?

— Нет. Все тот же старый высохший колодец и бак для дезинфекции.

— Скверно,— проворчал дедушка.— Ну да ладно. Я не думаю, что это так уж важно.

Я не прислушивался к его словам. Мое внимание привлек только что вымытый пол.

— Дедушка,— укоризненно произнес я.— Вам не следует заниматься уборкой. Я сам справляюсь даже без слуг.

— Да замолчи ты со своими слугами,— огрызнулся дедушка.— Видишь ли, Джордж, тебе нужно многое объяснить, хотя я и сомневаюсь в том, что правильно делаю, затевая этот разговор именно сейчас. Возможно, твой отец справился бы с этой задачей гораздо лучше, ведь, в отличие от меня, он хорошо знает тебя, а я, честно говоря, даже не знаю, с чего начать. Ты не замечал, что мы, Декстеры, не такие как все?

— Ну... Мы прилично обеспечены.

— Я не об этом. Ну вот ты хотя бы помнишь, что в детстве попал под грузовик? Не показалось ли тебе тогда, что ты чересчур быстро выздоровел?

— Пожалуй нет,— ответил я, припоминая тот случай.— Отец сказал мне, что на Декстерах всегда все быстро заживает.— Наклонившись, я заглянул под стол.— Здесь

какая-то старая одежда! Да это, кажется, костюм мистера Апшура?!

— Он оставил ее тебе,— устало пожал плечами дедушка Орви.— Послушай, мне надо уезжать, поэтому не спрашивай меня больше ни о чем, я и так опаздываю. Если вернется твой дядя Уэйн, поблагодари его от моего имени за то, что он предупредил меня о приезде мистера Апшура. Если мне случится встретить твоего отца, я передам ему привет от тебя.

Все это случилось зимой. С тех пор мне не дает покоя одно обстоятельство, и хотелось бы, чтобы дедушка поскорее вернулся и помог его разрешить.

Я так и не смог примириться с раздражительностью Льюисиль и где-то в середине февраля женился на Элис. Жаль конечно, что никого из моих родных не оказалось в тот момент в городе, впрочем это было не так уж необходимо, ведь я уже достиг совершенолетия.

Мне чертовски повезло с женитьбой. Более того, теперь я наконец-то понял, что представляем собой мы, Декстеры, и что дедушка и мистер Апшур в свое время так и не смогли мне вразумительно объяснить.

Элис очень хорошенекая и вдобавок прекрасная хозяйка, поэтому нас больше не волнует отсутствие слуг. К тому же заботы по хозяйству не дают ей возможности надолго отлучаться из дома.

Правда, с приходом весны будет все сложнее удерживать Элис на безопасном расстоянии от третьей террасы, где находятся пресловутый колодец и бак. А если она побывает там, то услышит странные звуки.

Не знаю, что можно предпринять в подобной ситуации. Может, следует все-таки откатить камень с крышки бака и дать свободу заточенному там.

Но я боюсь, что он окончательно спятил.

ПРИЗРАК

«Как хороша чертовка,— подумал Дэндиш,— и как восхитительно беспомощна!» Единственным ее украшением была пластиковая опознавательная ленточка, поскольку девушка только что появилась из капсулы и больше на ней ничего быть не могло.

— Ну как, проснулась? — спросил он.

Девушка даже не шевельнулась.

Дэндиш почувствовал, как возбуждение наполняет все его существо. Как она доступна и беззащитна... Сейчас кто угодно мог бы сделать с ней что угодно, и она даже пальцем не смогла бы пошевелить. Ну, соответственно, и взаимности от нее ожидать было бы глупо. Даже не прикасаясь к ней, он прекрасно знал, что кожа ее тепла и суха. Жизнь полностью вернулась в ее тело, и через несколько минут она окончательно придет в себя.

Дэндиш — а он был и капитаном, и единственным членом команды безымянного корабля, несущего лежащих в анабиозе колонистов сквозь бесконечное пустое пространство с Земли к планете далекого Солнца, обозначенной на звездных картах лишь номером, а теперь называющейся Элеонорой, — провел эти оставшиеся до пробуждения минуты не глядя на девушку, которую, как он знал, звали Силви, но с которой он никогда прежде не был знаком. Снова взглянув на нее, он увидел, что она уже пришла в себя и лежит, крепко удерживаемая в своей ледяной колыбели ремнями безопасности. Волосы у нее на голове торчали в разные стороны, а выражение лица не предвещало ничего хорошего.

— Ну, ладно же! Где ты там? А ты знаешь, чем это пахнет? — спросила она. — Представляешь, что тебе за это будет?

Дэндиш был удивлен. Удивляться он никогда не любил, поскольку это чувство всегда его пугало. Вот уже девять

лет его корабль несся сквозь космические просторы. Он досыта нахлебался одиночества, и оно мало-помалу переросло в страх. Правда, на корабле находилось семьсот капсул с колонистами, но те лежали в своих ваннах с жидким гелием такие недвижимые и неизменные, что никак не могли составить приятную компанию. За пределами же корабля ближайшее человеческое существо находилось, пожалуй, никак не меньше чем в паре световых лет, если не считать какого-либо случайного, мчащегося в обратном направлении звездолета. Но и тот практически находился бы от него гораздо дальше, чем родное Солнце или Элеонора, поскольку на торможение и перемену курса, новый разгон и встречу с тем другим кораблем потребовалось бы времени вдвое больше, чем на весь полет до цели.

На корабле любой звук мог означать лишь тревогу. Поскольку на борту никого не было, любой скрежет металла или внезапный стук, пусть даже и негромкий и очень отдаленный, могли сигнализировать об опасности. И не раз Дэндишем на целые часы и даже дни овладевал ужас, терзавший его до тех пор, пока он не находил наконец лопнувшую лампу или неплотно пригнанную дверь. Со страхом относился он и к возможности пожара. Конечно, на корабле, где царили металл и стекло, пожар едва ли был возможен, но в своих кошмарах он раз за разом погибал в бушующем пламени.

— Да покажись же ты! Я хочу на тебя посмотреть,— заявила девушка.

Про себя Дэндиш отметил, что она так и не удосужилась прикрыть наготу. Как проснулась она девственno нагой, так нагой и оставалась. К этому времени, уже успев выпутаться из ремней, она выбралась из капсулы, и теперь расхаживала по залу, тщетно пытаясь обнаружить, где спрятаться.

— Ведь предупреждали же нас,— сказала девушка.— Не зевайте! Опасайтесь космических дуриков! Развесите уши — горько пожалеете! В Центре Отправки нам об этом все уши прожужжали — и точно, будьте любезны — ты тут как тут. То есть где-то тут. Так где же ты? Бога ради, кончай прятаться и покажись наконец.

Она полустояла-полуплавала под углом к полу, отковыривая с губ мельчайшие чешуйки ороговевшей кожи и то и дело тревожно озираясь. Помолчав, она продолжала:

— Интересно, что за лапшу ты мне будешь вешать на

уши? Небось, что-нибудь про метеор из подпространства, который насквозь прошил это корыто, и в живых остались только ты да я, и вот теперь мы до конца дней обречены падать в никуда, поэтому мне ничего не остается, как скрасть оставшиеся дни, и тому подобное, да?

Дэндиш, не отвечая, продолжал разглядывать ее сквозь оптические рецепторы зала оживления. За долгие годы он — Дэндиш — стал настоящим ценителем и знатоком своих жертв. Чтобы спланировать все это, ему потребовалась куча времени. Сложена девушка была безупречно — молодая, тоненькая, изящная. Именно поэтому он выбрал ее из трехсот пятидесяти двух замороженных женщин-колонисток, неспешно и вдумчиво просматривая микрофотографии, прилагавшиеся к личному делу каждого из колонистов. В этом он был подобен заядлому меломану, выбирающему нужную пластинку по каталогу. Зато эта действительно была лучшей из всех.

Дэндиш, конечно, был не очень в смысле чтения персональных психопрофилей, но, поскольку всегда считал психологов придурками, а все эти их профили — мусором, он ориентировался в основном по характеристикам, которые знал. Ему хотелось, чтобы его жертва была невинна и доверчива. Силви, которой было всего шестнадцать лет от роду, и с уровнем развития чуть ниже среднего, казалась в этом смысле самой подходящей кандидатурой. Его даже немного расстроило то, что она отреагировала на произошедшее без соответствующего слушаю страха.

— Тебе за это влепят минимум полтинник! — выпалила она, снова озираясь и тщетно пытаясь понять, где же он все-таки прячется. — Скажешь, нет?

Камера оживления, тем временем, обнаружив, что в ней никого больше нет, принялась приводить себя в состояние готовности и перезаряжаться. Пластиковые простыни свернулись в тугие жгуты и исчезли в отверстии мусоросборника. Под ними оказались новые, совершенно чистые простыни. Генераторы радиообогрева на мгновение включились. Края камеры уныло сомкнулись. Операционный стол мрачно прикрылся колпаком. Девушка недоуменно следила за происходящим. Потом тряхнула головой и рассмеялась.

— Боишься ты меня, что ли? — спросила она. — Ладно уж, черт с тобой! Скажи, что ты просто лопухнулся, принеси мне какую-нибудь одежду, и давай спокойно все обмозгуй.

Дэндиш с сожалением вынужден был отвлечься от оптических рецепторов. Таймер как раз сообщил ему, что настало время очередной проверки бортовых систем, и он, как сто пятьдесят тысяч раз до того и еще сто тысяч раз в будущем, быстренько проверил температурный режим в трюме с капсулами, замерил уровень жидкого гелия и восполнил его из корабельных запасов, сверил курс корабля с заданным, проверил расход топлива и скорость истечения струи, убедился, что все остальные системы функционируют нормально, и снова обратил свой взгляд на девушку.

Вся процедура проверки заняла у него не более одной минуты, но девушка за это время обнаружила расческу и зеркальце, которые он выложил специально для нее, и теперь яростно расчесывала волосы. Одним из серьезных недостатков системы замораживания и оживления было то, что особенно сильно страдали такие сложные органические структуры, как волосы и ногти. При температуре жидкого гелия органика становилась чрезвычайно хрупкой, и, хотя все процедуры разрабатывались с учетом этого явления — тело бережно помещалось в эластичный кокон, и вообще принимались все возможные меры к тому, чтобы оно не соприкасалось ни с чем твердым или острым, — ногтям и волосам все равно наносился наибольший урон. В Центре Отправки колонистам постоянно вдалбливали в голову необходимость как можно короче стричь ногти и волосы, но не до всех это доходило. Силви сейчас была похожа на манекен, которому какой-то неумеха попытался сделать парик. Она все же вышла из положения, свернув то, что осталось от ее волос, в малюсенькую кичку, и отложила расческу. Вылезшие от расчесывания волосы теперь плавали в воздухе вокруг нее, как будто она попала в миниатюрную песчаную бурю.

Горестно потрогав несчастную кичку, девушка произнесла:

— Тебе-то небось смешно!

Дэндиш на мгновение задумался. Для него в этом не было ничего смешного. Двадцать лет назад, когда Дэндиш был еще подростком с длинными завитыми волосищами и наманикюренными ногтями, бывшими тогда последним писком моды, он почти каждую ночь во сне попадал как раз в такую вот ситуацию. Иметь собственную девушку — не полюбить ее, не изнасиловать, не жениться, а именно иметь в качестве рабыни, и чтобы никто не мог запретить

ему делать с ней все, что ни заблагорассудится. Подобные сны посещали его почти еженощно, осеняя сотнями вариантов.

Само собой, об этих снах он никому не рассказывал, во всяком случае напрямую, но однажды, когда в школе им читали курс практической психологии, он рассказал об этом, как о чем-то вычитанном из книжки, и тогда преподаватель, будто прочитав его мысли, объяснил, что все это просто тщательно подавляемое желание поиграть в куклы.

Но Силви явно не была ни сном, ни куклой.

— Я тебе не кукла какая-нибудь,— внезапно заявила она, да так резко и вызывающе, что он был просто потрясен.— Вылезай, и давай покончим с этим.

Она выпрямилась, держась за стенные скобы и, хотя и выглядела рассерженной и встревоженной, признаков страха не проявляла.

— Если ты только не шизик,— отчетливо произнесла она,— в чем я сильно сомневаюсь, хотя чего на свете не бывает,— то не сделаешь ничего наперекор мне, понял. Поэтому что это так не пройдет, верно? И убить меня ты не убьешь, тебе потом никак не отвертеться, да и вообще корабль не доверили бы потенциальному убийце. Значит, первое же, что я сделаю после посадки, так это свистну ближайшего копа, и лет этак девяносто водить тебе вагон подземки.— Тут она хихикнула.— Уж я-то знаю. У меня родного дядьку подловили на неуплате налогов, и теперь он работает землечерпалкой в дельте Амазонки. Видел бы ты его письма! Так что давай вылезай, и посмотрим, уговоришь ты меня не заявлять или нет.

Нетерпение ее все росло.

— Елы-палы!— пробормотала она, помотав головой.— Ну и везет же мне. Кстати, коли уж я проснулась, мне нужно по-маленькому, а потом я бы непрочно и позавтракать.

Дэндиш хоть немного утешился тем, что у него хватило предусмотрительности предвидеть такую возможность. Он отворил дверь ванной и включил печь, чтобы разогрелись уже лежащие там аварийные рационы. К тому моменту, как Силви вышла из ванной, в зале на столике ее уже ждали бисквиты, бекон и горячий кофе.

— Курева-то, небось, нету? — спросила она.— Ладно, перебьюсь как-нибудь. А как насчет одежки? И насчет того, чтобы все-таки высунуть нос. А то я тебя и не видела.— Она потянулась, зевнула и принялась за еду.

Очевидно, она приняла душ, рекомендовавшийся всем колонистам сразу после анабиоза и смывающий чешуйки смертвевшей кожи, а то, что осталось от волос, повязала небольшим полотенцем. Дэндиш с большой неохотой оставил его в ванной, но ему бы и в голову не пришло, что жертва повяжет им голову. Силви немного посидела, задумчиво разглядывая остатки завтрака, и через некоторое время назидательным тоном заговорила:

— Насколько я понимаю, космонавты всегда немного чокнутые, потому что ни один нормальный человек не отправится куда-то к черту на кулички на целые двадцать лет ни за какие коврижки. Значит, дело ясное, ты — чокнутый. А значит, раз ты вдруг будишь меня, а сам не показываешься и не намерен даже перекинуться со мной парой слов, я ничего с этим поделать не могу. Ясное дело, если ты поначалу и был в порядке, то эта одинокая жизнь таки заставила тебя сбрендить... Может, тебе просто хотелось немного скрасить одиночество? Это-то я еще понять могу. Я тогда даже с удовольствием посидела бы с тобой и слова плохого не сказала. С другой стороны, может, ты задумал какую-то подлянку и сейчас просто набираешься духу. Сомнительно, конечно, потому что вас там как только не проверяют, пока доверят корабль. Но всякое бывает. Что тогда? Убьешь меня, тебе припаяют срок. Не убьешь — я могу настучать на тебя после посадки, и тебя опять же упекут.

Я ведь тебе рассказывала про своего дядюшку Генри. Его бренное тело сейчас мерзнет где-то на темной стороне Меркурия, а мозги упорно трудятся, чтобы фарватер Белема не заносило песком. Может, по тебе это и не такая уж плохая работенка, но дядьке она что-то не очень по душе. Всегда-то один-одинешенек, прямо вот как ты тут, и пишет, что страшно свербят всасывающие трубы. Он, конечно, мог бы и сачкануть, но тогда уж его вообще зашлют в какую-нибудь дыру. Вот он, бедняга, и мучается, скрипя зубами, или, как их там — дробилками, и старается изо всех сил. Девяносто лет! Он пока оттрубил всего шесть. То есть шесть стукнуло, когда мы улетели с Земли, а сколько еще прошло, не знаю. Зуб даю, тебе бы такое не понравилось. Может, все-таки выйдешь, и спокойно все обсудим?

Минут через пять или десять, после целого набора сердитых гримасок, намазывания хлеба маслом и яростного швыряния его в стену, с которой его тут же смахивали сервоуборщики, она раздраженно заявила:

— Ну и черт с тобой. Тогда давай хоть книжку, что ли!

Дэндиш снова отвлекся и некоторое время прислушивался к шепоту бортовых систем, потом снова привел в действие колыбель. Ему столько раз не везло в жизни, что он прекрасно чувствовал, когда наставала пора подсчитывать убытки. Когда створки колыбели разошлись в стороны, девушка вскочила. Гибкие щупальца манипуляторов обхватили ее и бережно уложили обратно в колыбель, затянув на талии предохранительный пояс.

— Козел несчастный,— крикнула она, но Дэндиш не ответил. К ее лицу начали приближаться раструб усыпителя, она забилась в ремнях и отчаянно вскрикнула:

— Ну подожди хоть минуточку, я ведь вовсе не отказывалась...— Но от чего она не отказывалась, Дэндиш так и не успел выяснить, поскольку усыпитель плотно закрыл лицо. Пластиковый кокон обернулся вокруг нее, полностью скрывая лицо, тело, ноги и даже шальное полотенце, которым была повязана ее голова. Колыбель сомкнулась и медленно бесшумно покатилась в анабиозную камеру.

«Прощай, Силви,— сказал сам себе Дэндиш,— ты оказалась досадной ошибкой».

Может быть когда-нибудь потом, с другой девушкой...

Но на то, чтобы решиться разбудить Силви, у Дэндиша ушло почти девять лет, и он не был уверен, что решится на такое еще раз. Он вспомнил ее дядюшку Генри, который работал землечерпалкой у атлантического побережья Южной Америки. Он вполне мог бы быть на его месте. Но вместо этого он просто-таки ухватился за возможность отбыть срок, пилотируя космический корабль.

Он взирал на все эти десять тысяч звезд, что раскинулись вокруг, включив наружные оптические рецепторы, служившие ему глазами. Он беспомощно пытался ухватиться за космическую пустоту радарами, бывшими его руками. Слезы его истекали пятимиллионным потоком ионов из сопел его двигателей. Он представлял себе все эти тонны живой беспомощной плоти в трюмах, находящиеся в полной его власти, те женские тела, которые могли бы доставлять ему удовольствие, не лежи сейчас его собственное тело, как и тело дядюшки Генри, на темной стороне Меркурия. Он представлял себе их ужас, которым мог бы наслаждаться, если бы только имел возможность его внушать. Он готов был заплакать в полный голос, если бы хоть голос оставался при нем.

СОДЕРЖАНИЕ

Фредерик Пол и Сирилл М. Корнблат. Проклятие	
Волков	5
Фредерик Пол. Век нерешительности	163
Фредерик Пол. Рассказы	
Чума Мидаса	321
Звездный отец	381
Дедушка-шалун	403
Призрак	409

Фредерик Пол

ПРОКЛЯТИЕ ВОЛКОВ.

ВЕК НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ. РАССКАЗЫ

Перевод с английского

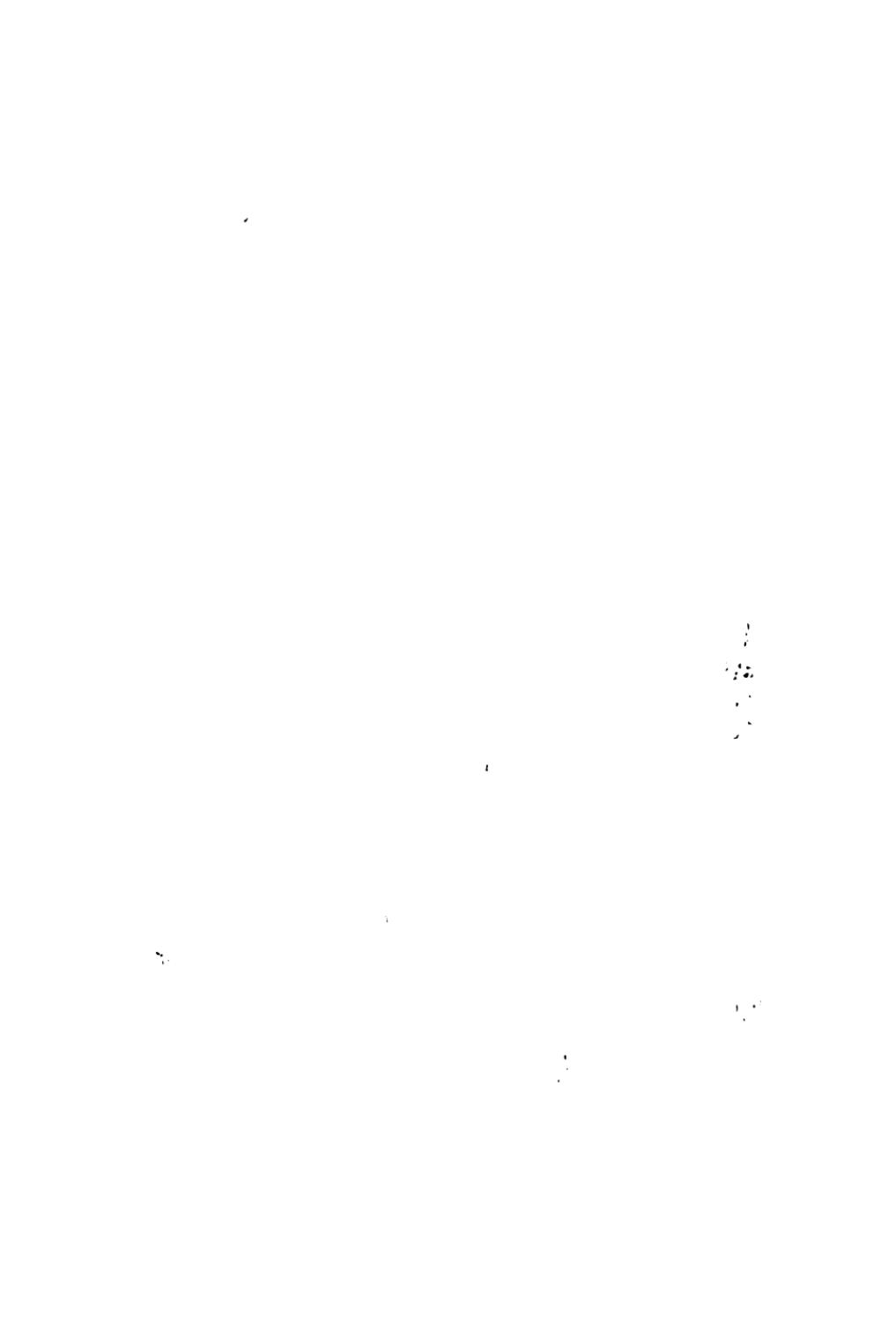
Редактор В. Волкова

Оформление художника Л. Елифанова

Корректор Л. Денисова

Сдано в набор 20.12.92. Подписано в печать 12.04.93.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 13,0. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 100 000 экз. Заказ 21517. Библиополис. 194147,
Санкт-Петербург, Бронницкая, 17

Отпечатано с готовых диапозитивов, предоставленных
ТОО «Библиополис»
на ЦКФ ВМФ

В серии «ОРИОН» вышли из печати:

Желязны
Бог света
Повелитель сновидений

Силверберг
Ночные крылья
Человек в лабиринте

Нивен
Полет лошади

Готовятся к выпуску:

Лаумер
Сокровище звезд

Джеролд
Звездная охота